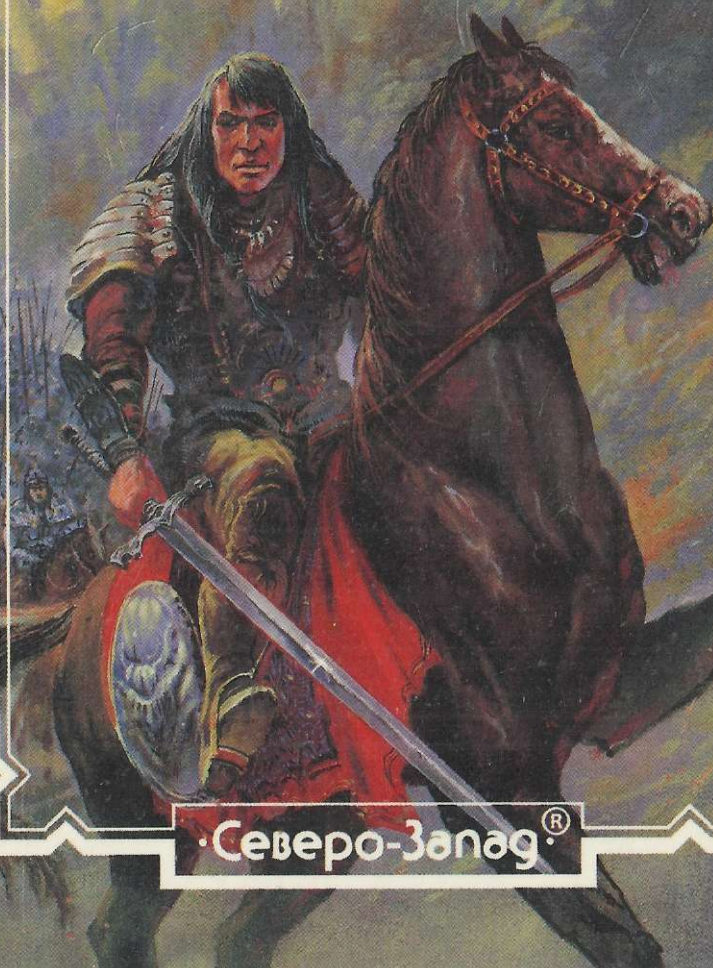

КОНАН И ВИЧ НЕРГАЛЛА

Северо-Запад®

КОНАН

И

БИЧ НЕРГАЛА

Санкт-Петербург

"ТРОЛЬ"

1996

Конан и Бич Нергала: Роман. - СПб., "Троль",
1996. - 480 с.

ISBN 5-87365-027-6

© Г. Эйлат, 1996
© Г. Корчагин, 1996
© В.Ким, М.Николаева, А. Соколов, 1996
© А. Арискин, обложка, 1996
© А. Ширкин, шмуцтитутлы, 1996
© "Троль", составление и подготовка текста, 1996
© "Северо-Запад", серийное оформление обложки
и форзаца

Пролог

Мальчик запрокинул голову. Желтым ужом по замшелому камню к нему скользила веревка. Он вскинул руку и зажал в кулаке ухватистый шелк.

— Обвяжись вокруг пояса, как тебя учили. — Отец стоял на покато́м выступе, для надежности опирался лопатками о скалу и левой рукой держался за можжевельный куст, который запустил в расселину цепкие корни. Снизу мальчику были видны грязные носки сафьяновых сапог, колени, обтянутые черным атласом гвардейских рейтуз, и круглое веселое лицо с румяными щеками и тонкими, редкими усиками. — Поторопись, Абакомо, до пещеры уже рукой подать, а спускаться будет куда проще. К ужину воротимся в лагерь, и, клянусь смертоносным хвостом Мушхуша, бездельник Харзо лишится своего болтливого языка, если додумается подать кроличьи язычки с приторной сливовой подливкой. Гордость Агадеи — белый острый соус, нашей ли древней и прославленной кухне заимствовать причуды разнеженных хоарезмийцев? О, какой божественный аппетит нагулял я на этом чудном воздухе! Да будут благословенны стихии, наделившие свое создание, человека, сим восхитительным чувством! А то ведь что нам за радость править страной и не воздавать должное щедрым дарам ее рощ и нив, верно, сынок? Ну-ка, полезай наверх и не сетуй на усталость и царапины, в твои годы я не знал большего удовольствия, чем лишний разок доказать себе, что я — мужчина.

Мальчик взялся за веревку второй рукой, подпрыгнул и упер в скалу полусогнутые ноги. И полез, кряхтя от натуги и срывая подошвами скользкий пыльный мох. Отец, не забывая беречь равновесие, умело наматывал веревку на кулак; на его спине под тонким слоем жира

бугрились и перекатывались нераскисшие с годами мускулы бойца. Наконец возле его сапога появилась рука Абакомо, хваткой волкодава вцепилась в голый можжевельный корень, и мальчик из последних сил заполз на животе на узкий базальтовый карниз.

Отец то ли насмешливо, то ли укоризненно покачал головой.

— Сынок, алгебра, письмо и прочие науки храмовников поистине угодны богам, но нельзя же ради них пренебрегать закалкой тела и духа! Время нынче суровое, и нашей Агадее, да хранит Нергал ее священные пределы, нужны не только мудрые книжники, но и выносливые воины. Не забывай, мой мальчик, ты — десятник горной гвардии, воин, а не просто любимое чадо монарха. В твои годы я побывал в настоящем сражении, испытал горечь плена и унижение выкупом, но всегда держался, как подобает горногвардейцу.

— Я сейчас... отдышусь только. — Почти всю дорогу с того момента, как они оставили коней под присмотром слуг и стали карабкаться по крутому, голому склону, Абакомо молчал — у него почти сразу запалилось дыхание, а в боку разгулялась жуткая боль, словно там поселился злобный паук-фаланга.

Отец кивнул и отрешенно посмотрел вдаль. Сам он не чувствовал усталости, хотя давно не забирался на такую кручу. «В трудном восхождении, как и на бегу, нельзя глядеть под ноги, — привычно подумалось ему. — Земля вытягивает силы через очи. Всегда смотри вверх, ибо небеса щедры. Надо только привыкнуть».

Дальше подниматься было легко — в пяти локтях правее можжевельового куста склон начал выполаживаться, по нему меж базальтовых глыб вилась едва заметная тропка. И так — до самого зева пещеры в гладкой отвесной скале.

— Она сквозная, выход почти на самой вершине, — сказал отец. — Внутри довольно светло, обойдемся без факелов, но кинжал лучше достань. В эту пору лета даже на такой высоте попадают змеи.

— Хорошо. — Абакомо неохотно обнажил узкий прямой клинок и вошел следом за отцом в прохладный

пыльный сумрак. Через дюжину шагов свод пещеры резко заломился кверху, стены раздались, открывая путникам широкий подземный зал. Напротив входа стена была наклонной; вырубленные человеческими руками ступеньки, чередуясь с природными выступами, вели к большому отверстию, из которого в пещеру падали неяркие лучи. Справа от входа виднелась убогая кладка — несколько рядов нетесанных базальтовых и мраморных булыжников на глиняном растворе.

— Источник, — пояснил отец. Он взял сына за предплечье и подвел к рукотворной стенке, которая огибала родник и вращалась краями в скалу. — А вот и отшельник.

Из рукавов холщового рубища торчали сухие коричневые кисти. От обруча на левом запястье короткая бронзовая цепь шла к массивному, в обхват, кольцу, замурованному в скалу на две трети. Цепь удерживала мертвеца в сидячем положении — не столько его облик, сколько неестественность позы навеяла на мальчика ледяную жуть. Череп, обтянутый темной лоснящейся кожей, был слегка запрокинут, глаза смотрели бы прямо на Абакомо, не будь они закрыты тончайшими пленочками век. Грязные пряди волос цвета печной золы ниспадали почти до воды.

— Поистине, он свят — его мощи нетленны. — Голос монарха, вдруг зазвучал глухо, благоговейно. — В народе его прозвали Анунна, сам себя он называл Ну-Ги — тот, кто не возвратится. В юные годы он творил великие чудеса и купался в роскоши, водил в сражения армию берсерков и целые королевства повергал к своим ногам. Он вторгся в нашу страну с отрядом демонов во плоти, искуснейших воинов, готовых по одному его жесту выпустить кишки кому угодно, хоть себе. Не без помощи магии он захватил несколько крепостей, считавшихся неприступными, и осадил столицу.

И вот в ночь накануне приступа, свершая в походном шатре зловещий колдовской ритуал, он вдохнул фимиама и погрузился в глубокий транс, как учили маги его древнего и воинственного народа. В своей победе он нимало не сомневался, просто хотел заглянуть в недалекое будущее, увидеть продолжение пути, — в новые страны,

еще не испытавшие на себе удар его кровавой секиры. Но вместо одной дороги он увидел две. По первой брел человек в богатом наряде, но с язвами проказы на лице и багровыми струпами на теле, источающими зловонный гной. Его встречали цветущие долины и жизнеобильные города, а провожали стылые руины, превращенные в надгробья. По второму пути шагал изможденный дервиш в лохмотьях — дорожный булжник, осененный его дланью, оборачивался звонким жаворонком, сухая былинка — плодоносящим мандарином. Он шел через мертвые урочища — болота и солончаки, — а позади оставлял сады в цветочной кипени и луга в благоухании разнотравья.

Как гласит легенда, он просидел до рассвета, не смыкая глаз, а в полдень маленькая победоносная армия двинулась к воротам крепости. Запели флейты, заревели рога, зарокотали большие барабаны. Жители столицы не надеялись на спасение, но почти все мужчины и даже многие женщины поднялись на стены с оружием в руках, мечтая лишь об одном: подороже продать свою жизнь. Во дворце моего деда возле каждой особы королевской крови встал преданный слуга с кинжалом — чтобы избавить своего господина или госпожу от мук и унижения. Только после этого слуге позволялось покончить с собой или погибнуть в неравной схватке.

А затем случилось нечто невиданное, невообразимое. В крепостной ров градом посыпались мечи, секиры, копья, вслед полетели тяжелые щиты, панцири, шишаки, украшенные золотыми совиными головами. Точно захмелевшие великаны, рухнули две осадные башни и жалобно затрещали, придавленные огромным тараном. Защитники крепости содрогнулись от ужаса — чужеземцы явно глумились над ними, полагаясь на свое чудодейство больше, чем на оружие и доспехи. Их бы сочли безумцами — если б не зловещая слава военачальника, летевшая далеко впереди них. Чего ждать от этих извергов? Огненного дождя или урагана, сокрушающего цитадели? Или пробуждения грязевого вулкана прямо под ногами осажденных? Или нашествия неведомо от-

куда полчищ скорпионов и ядовитых пауков, как это случилось в богатом торговом городе Дадаре?

Но чужеземцы, оставшиеся в одних длинных, до колен, рубахах, вдруг повернулись кругом и разошлись. Даже не отступили, а просто рассеялись в полной тишине, разбрелись кто куда. Оставили лагерь, обоз с награбленными сокровищами и многочисленный полон.

Весть об этой бескровной победе разнеслась по всей Агадее. В каждом городе, в каждом селе праздновали избавление, самых тучных баранов и коз приносили в жертву грозному Нергалу, а после, напшиговав куропатками и орехами, зажаривали и съедали на развеселых пирах. А как славно журчало доброе вино, орошая глотки паломников, которых везде зазывали на пир и угощали задаром! То и дело во дворец моего деда приходили слухи о чужеземцах, замеченных на разных дорогах страны, — однако никто их не трогал, ибо такова была воля государя, узревшего в сем чуде знамение милосердных стихий. Даже рука мстителя, потерявшего кого-нибудь из близких, не поднималась на безоружного путника, который то ли раскаялся, то ли слепо выполнял последний приказ своего таинственного военачальника.

— А почему он... на цепи? — спросил Абакомо, укаывая на отшельника. У мальчика пересохло в горле, но он, пока лез в гору, осушил свою тыкву-горлянку, а попросить глоток у отца не решался. В источнике лежало несколько больших глиняных черепков, вероятно, служивших отшельнику посудой, — значит, вода здесь годится для питья, решил Абакомо. Да и почему бы ей не годиться, ведь это — горный ключ, а не река или арык, загрязненный овечьим и воловьим навозом. Чистейшая, прозрачайшая влага, сама сгущенная прохлада и свежесть...

У мальчика встали дыбом волосы — он спохватился, что ладонь будто по собственной воле сложились в чашечку и тянется к воде. Наваждение!

— Не забывай, что любой человек слаб и подвержен соблазнам, — назидательно произнес отец. — Ну-Ги пронылся отвращением к войнам и грабежам, утратил вкус

к утехам плоти, избавился от всех пороков, но приобрел новый, не столь уж невинный, если вдуматься. Он твердил себе и людям: «Несть числа прегрешениям моим, я жажду лишь искупления и не вожделею себе награды за благие дела, ни в этом мире, ни в сумрачном чертоге Кура». Он долго не понимал, что кривит душой. Бродя по дорогам им же самым разоренных стран, он воскрешал убитые засухой злаки, десятками исцелял страждущих... и мечтал о недостижимом.

Абакомо недоуменно посмотрел на отца. Тот улыбнулся.

— Удел чародея — одиночество. Обретая магическую силу, ты вольно или невольно отворачиваешь людей от себя. Даже если ты вдруг закаешься пользоваться своим могуществом, все равно тебя будут бояться. Чудеса пробуждают в людях страх, благоговение, зависть, благодарность, ненависть, уважение — все, что угодно, кроме любви. Доказательства сему ты встречаешь на каждом шагу, но упрямо отказываешься поверить. Всякий раз тебе кажется: еще одно благое дело, еще одна спасенная роженица или караван, убереженный от камнепада на горной дороге, — и в сердцах людских проснется чувство, которого ты так алчешь.

Вот так-то, сынок. Ну-Ги в конце концов понял это и зарекся помогать людям не иначе, как добрым советом. Не придумав иного способа одолеть греховный, как ему мнилось, соблазн, он поселился на этой горе и упросил ремесленников из ближайшего селенья приковать его к скале, чтобы даже жестами не творить волшебства, не то что покидать это убежище и спускаться в мир. Цепь ему позволяла только воды из ключа зачерпнуть и взять пищу, оставленную кем-нибудь из паломников. К нему сюда частенько приходили за мудрым советом или пророчеством, он никому не отказывал, но всякого напутствовал так: «Ступай с миром и будь царем судьбы твоей». Ибо верил: тому, чья душа живет в гармонии со стихиями, не нужны никакие волшебники.

Отец взял Абакомо за рукав и потянул к ступенькам.

— Идем, там изумительный вид.

Они поднялись к верхнему лазу и выбрались на ровную площадку под растрескавшимся каменным пальцем — вершиной горы. У мальчика аж дух перехватило: в трех-четырёх локтях раскрывалась пропасть. Вправо и влево, насколько хватало глаз, протянулись горные кряжи; на иных пиках ослепительно блистали под солнцем жилы кварца и пласты мрамора. Между хребтами широким клином расстелился плодородный дол: золотистые поля перемежались изумрудными пастбищами, кое-где со склонов на равнину стекала более густая зелень перелесков. Если постараться, можно было разглядеть бледные пятнышки отар и даже одиноких пастухов и пахарей.

— Маленькая, но счастливая страна.

Абакомо взглянул на отца, но тот мягко положил ладонь ему на щеку и заставил снова повернуть голову к далекому горизонту.

— Там — третий хребет, отсюда его не видать. С ним смыкаются эти две гряды, — он указал по сторонам, — и среди них лежит Междугорье, богатая Агадейская долина. Ее города ведут торговлю почти со всем миром, ее армия невелика, но знает тут каждую тропку и остудила пыл не одного десятка завоевателей, позарившихся на наши богатства. Сами же мы почитаем за благо не вступать ни с кем в военный союз и не вторгаться в чужие пределы. За это кое-кто из драчливых соседей презирует нас и ненавидит. К нам часто подсылают лазутчиков, тратят деньги на подкуп вельмож, ищут слабые места в обороне — все попусту. Кряжи, наша естественная крепость, почти непроходимы, перевалы можно сосчитать по пальцам, а горно-гвардейцы отважны и преданы короне. Ведь гвардию, как ты знаешь, поначалу набирали из воинов Анунны, оставшихся не у дел, и нынешние гвардейцы свято берегут чистоту своего стяга. К тому же в других государствах у нас много друзей, и когда очередной деспот, разорив своих подданных, решает поправить дела за наш счет, гвардейцы очень скоро узнают об этом и устраивают засаду на выгодной для нас позиции.

Бывает, после разгрома деспота поднимают на копья его собственные воины — неудачников не ценят нигде. Бывает, побитый нами властелин срывает зло на своем народе, и тогда к нам бегут умнейшие и честнейшие жители его страны, ведь они совершенно не выносят произвола. А здесь их ждут достойное поприще и верный кусок хлеба.

Кого, по-твоему, я беру наставниками в знаменитые храмы Инанны и Эрешкигали? Лучшие умы злополучных соседних стран. Кто очищает сердца и души агадейцев, приобщает их к нашей вере? Самые талантливые священнослужители и богословы, некогда выброшенные из разграбленных храмов Митры, Иштар и других иноземных богов. Кто преуспевает в ремеслах и торговле, кто несет службу в гарнизонах, кто развлекает публику в театрах и на площадях? Задуманный непомерными налогами ткач, разоренный поборами купец, военачальник, оклеветанный недругами, лицедей, высеченный плетью за неосторожную шутку.

Клянусь, будь наши реки судоходны, мы бы заложили лучший в мире торговый флот, а так я вынужден обходиться лишь школой при храме Инанны, где желающие постигают теорию судовождения и кораблестроения. Мы — цари собственной судьбы, мальчик мой, но для соседей мы — колдуны. Ибо им не дано нас понять. Любой наш успех им кажется чудом, ведь залог любого успеха, по их убеждению, — подлость, свирепость, алчность, на худой конец, слепая удача. А у нашей удачи взор, как у беркута, и это многим не нравится. Не стоит рассчитывать на их любовь, сынок. Даже на миролюбие. Нас окружают враги.

«Нас окружают враги», — рефреном звучало в сердце десятилетнего гвардейца, когда он прыгал вниз с уступа на уступ и тяжело, со всхлипами, дышал, едва поспевая за отцом. Чуть позднее, когда спуск уже не требовал осторожности и напряжения всех сил, перед внутренним взором мальчика возник образ странного отшельника — голова, будто осыпанная пеплом, безвольно откинута, в прорехах старого рядна буреет ссохшаяся кожа, на тонкой,

как лучина, руке — бронзовый обруч. А ведь когда-то этот человек был могуществен и удачлив... За что он себя так невзлюбил? Рядом с ним в пещере Абакомо увидел отца — тот смотрел пристально, со значением. На него — маленького, ничего не понимающего. Словно пытался внушить ему взглядом какую-то мысль. Предостеречь. От чего? Может, он и сам не знал, от чего...

Вопрос рвался с языка, но Абакомо помалкивал. Если б отец знал, какая опасность угрожает его единственному сыну и наследнику, он бы сказал напрямик.

Часть первая РОК СКИТАЛЬЦА

Глава 1

За три дня безудержный ливень превратил дорогу в непролазное болото. В ней намертво завяз отступающий обоз — колеса утонули чуть ли не по ступицы, кони падали от изнеможения, и даже буйволы, прежде радовавшие возниц своей выносливостью и послушанием, вдруг заупрямились — то ли разомлели, как в речке погожим летним днем, то ли просто выбились из сил. Люди походили на затравленных волчат — мокрые, отошавшие, они злобно сверкали глазами и щерились при виде Конана. Его невзлюбили еще до той проклятой западни в Лафатской долине, а когда по его приказу ездовые выбросили в грязь всю добычу, кроме провианта и оружия, неприязнь переросла в ненависть. Особенно они ярились, ловя на себе его презрительный взгляд — руки сами тянулись к оружию.

«Жалкое стадо, — мысленно говорил он им, — трусы и подонки, упустившие верную победу. Грязные мародеры!»

Изредка нечто подобное он произносил вслух. Обращался к кому-нибудь одному, но каждый, кто слышал, принимал это на свой счет. И чернел от бессильной злобы. Но не рисковал даже дерзить — у Конана в нехремской армии сложилась репутация человека, которого лучше не испытывать на выдержку.

Уже в который раз за эту неделю — неделю бесславного бегства — он обошел вереницу телег, сказал раненым несколько ободряющих слов, которые никого не ободрили, пригрозил расправой двум нерадивым поварам, выбил зубы третьему, припрятавшему среди тюков с овсом дюжину серебряных кубков и яшмовое кадило. И уже возвращался в голову обоза, когда с ним поравнялось несколько всадников, они прискакали не по дороге, а по травянистому склону холма, из-под копыт усталых лошадей летели бурые комья.

Он остановился и повернулся к ним, заткнул руки за пояс между тугим кошельком и кривым кинжалом. Холодным взглядом выхватил командира отряда — стройного, черноволосого, в дорогой кольчужной рубашке поверх пропитанного влагой костюма из коричневого бархата.

Итак, к нему пожаловала сама Зивилла, дама Когира, первая фаворитка Токтыгая. Конан ожидал кого-нибудь из ординарцев Дазаута, однако не удивился — потеряв в Лафатском побоище свою когирскую конницу, без малого тысячу дворянских недорослей и прочего родовитого сброда, она заметно поутратила воинственный пыл и приблизилась к штабу. Видимо, красotka вконец допекла молодого полководца, иначе бы он не решился отправить ее с таким рискованным поручением. Должно быть, мечтает, что она заблудится и угодит в плен вместе со своей спесью и невыносимой свитой, подумал киммериец.

В нем klokотало раздражение, и он признался себе, что несправедлив к даме Когира. Она вовсе не спесива, просто горда и знает себе цену. Ее телохранители не лезут за словом в карман, зато и клинком владеют превосходно. Когирская конница дралась героически и погибла с честью. Проклятый дождь, проклятые телеги, проклятый разгром!

Всадница в коричневом натянула поводья, ее скакун замер в трех шагах от Конана. Свитские окружили его со всех сторон, один из них позволил себе неосторожность — слишком поздно остановил лошадь, и нога в золоченом стремени как бы случайно ударила Конана по бедру.

Широкоплечий варвар не удостоил нахала даже взглядом.

— Солдат, ты из обоза? — надменно спросила Зивилла. — Где твой командир? Валяется на телеге в обнимку с бурдюком вина и пьяной шлюхой? Или украл добычу и переметнулся к врагу — наемники славятся такими подвигами, правда, солдат? Если он все-таки здесь, разыщи его и передай, что госпожа Зивилла приехала издалека и нижайше просит его милости об аудиенции.

Свита дружно расхохоталась. Конан слегка покачнулся от толчка в спину — видимо, дерзкий дворянин, не удовлетворяясь «нечаянным» пинком, пустил в ход колено.

— Хорошо, ваша светлость, я его разыщу и все передам, — смиренно пообещал киммериец и вышел из круга всадников, неторопливо ступая по мокрой чахлой траве. В глазах Зивиллы появилась растерянность, свитские тоже спохватились не сразу. Молодой телохранитель, досаждавший Конану — барон Ангдольфо, тощий, как жердь, и нарядный, точно стигийский павлин, повернулся к госпоже и озадаченно спросил:

— Разве это не он? Не киммериец?

— Он! — Зивилла скрипнула зубами. — Дикий наемный кабан! Киммерийский ублюдок!

— Вот и мне показалось, что это он, о достойнейшая. — Ангдольфо ухмыльнулся. — Тот самый ублюдок, ради которого мы полдня не слезали с седел. И он еще смеет насмехаться над...

— За ним! — оборвала его Зивилла и дала коню шпоры. — Конан! Эй, Конан!

— О, так вы меня наконец узнали, ваша светлость. — Киммериец обернулся у телеги с плесневеющими ячменными лепешками, провел ладонью по мокрой шее сонного буйвола. — Я весь к вашим услугам. Трезвый и целомудренный.

— Ты ей лучше не дерзи. — Барон Ангдольфо оставил пегую кобылу на сей раз чуть дальше от Конана. — А то, неровен час, этот поганый пейзаж украсится живописной виселицей. У госпожи приказ главнокомандующего — выяснить, почему в назначенный срок обоз не прибыл в Бусару, и привезти виновных в ставку.

— А если не получится — казнить на месте, — сердито добавила Зивилла. И вдруг, окинув киммерийца оценивающим взглядом, смягчила голос: — Показывай свое хозяйство, Конан.

* * *

— Считаю себя везунчиком, если попадешь в Зиндан Танцующих, — добродушно говорила Зивилла Конану, прогуливаясь с ним рука об руку вдоль вереницы телег; ее свита мертвым сном спала в походном шатре. Смеркалось, в тучах над окомом изредка проглядывал чахоточный месяц. Дождь как будто выдыхался, во всяком

случае, он сошел на холодную морось. — Добыча брошена, половина людей разбежалась, конидохнут...

— Люди тоже, — мрачно перебил Конан. — Перемерли почти все тяжелораненные. Копейщики и лучники — те самые, из моего отряда — сбежали, верно. Я выпряг коней, посадил на них возниц, и мы доехали по следам дезертиров до ближайшего селенья. Нашли только трупы жителей и пепелище. Если б не висел на моей шее проклятый обоз, я бы догнал подлецов и живыми закопал в землю. Еще позавчера. Сейчас я очень жалею, что повернул обратно.

— Да, обоз уже не спасти. — Дама Когира окинула телеги равнодушным взглядом. — Может, это и к лучшему. Быстрее будем драпать. Наверное, ты и впрямь сделал все, что мог, но постарайся понять Дазаута — на этой войне ему упорно не везет. Он не царской крови, обыкновенный выскочка из любимцев его величества, и при дворе у него гораздо больше завистников, чем заступников. Если он не подсунет Токтыгаю мальчика для порки, ему ничего не останется, как заголить собственный розовый зад. А тебя ему сам Митра посылает. Чужеземный наемный меч, виновник поражения у Лафата, горе-командир, от которого сбежали его воины. А тут еще этот дурацкий обоз...

— Я не-гожусь в мальчишки для порки, и Лафатское побоище — не только моя заслуга. Да ты и сама прекрасно это знаешь. — Конан высвободил руку и посмотрел ей в глаза. В них — зеленых, с серыми синими чарующими ободками, уже неразличимыми в вечернем полумраке, приплясывали насмешливые искорки.

— Конечно, знаю, да только что от этого меняется? — Ладони Зивиллы легли ему на бедра. — Завтра уезжаем, Конан Киммериец, и да хранит тебя Митра. Повозки сожжем, буйволов заберем, раненых возьмем с собой — тех, кто удержится в седле. Остальных бросим, и не спорь! — повысила она голос, а затем сказала гораздо мягче: — Я замерзла и устала. Хочу согреться кубком вина и поскорее лечь... под чей-нибудь бочок.

Конан расхохотался и провел широкими ладонями по ее влажным локонам.

— А утром у государя появится еще один повод отправить меня в Зиндан Танцующих, так, ваша светлость?

В сумерках он не увидел румянца, вспыхнувшего на щеках Зивиллы, зато ощутил, как напряглись ее пальцы. Нисколько не обескураженный, он привлек ее к себе, прильнул к холодным губам. Минуту или две могучий варвар и стройная когирянка простояли, скользя друг по другу ладонями и встречая только металл или мокрую ткань; в конце концов Зивилла с тихим, протяжным стоном выгнулась назад и замерла на несколько мгновений, прикусив нижнюю губу.

— На моей телеге, — хрипло произнес Конан, — хватит места для двоих. И бурдюк вина найдется. — Он повернулся, взял молодую женщину за руку и повел за собой вдоль обоза.

* * *

За миг до пробуждения пальцы Конана сомкнулись на рукояти меча. В нескольких шагах справа раздался душевнораздирающий крик и тотчас сорвался на булькающий, свистящий кашель.

Конан перевалился через борт телеги, по щиколотку утопил ноги в жидкой глине, перемешанной с навозом. Во мраке металась тень; послышался новый вопль, ему вторило конское ржание, и внезапно вдоль всего обоза поднялся дикий гвалт. Мимо промчалось несколько всадников, послышались незнакомые голоса — грубые, гортанные. Зазвенела сталь, тренькнула тетива.

— Тревога! К оружию! — испуганно прокричали вдалеке, там, где свита Зивиллы поставила шатер. «Зивилла! — спохватился Конан. — Что с ней?»

Он поспешил обратно к телеге, чудом не промахнулся в темноте. Ощупал ворох кожаных плащей, служивших постелью ему, а в эту ночь и когирской красавице. Никого. Сзади часто захлопала грязь, он обернулся и в последний миг — не видя, лишь по наитию — перехватил занесенную руку с клинком.

Нападавший обмяк от удара в скулу рукоятью меча — обмяк, но сознания не потерял. Конан вырвал у него оружие и бросил на землю, затем одной рукой зажал его

тощую шею в железном захвате, а другой провел по лицу. Борода, слюнявый рот и острые зубы, не упустившие возможности вцепиться Конану в ладонь. Он выругался и дал пленнику затрепину.

— Свой? Чужой? — проговорил киммериец в ухо бородача. — Если свой — назовись, а то убью.

Вместо ответа пленник попытался двинуть его затылком. Через два удара сердца он лежал с перерезанным горлом. Мимо проскакал всадник, волоча на аркане заходящуюся криком добычу; Конан бросился на выручку, не догнав, зато встретился с другим седоком — вернее, седок встретил животом его меч.

Киммериец не пытался поймать осиротевшего коня, он стремглав кинулся к шатру свиты — Зивилла наверняка побежала к своим людям. Дважды ему на пути попадались невидимки, одного он зарубил — тот себя выдал невнятной, визгливой бранью. Второй без звука шарахнулся в сторону, и Конан не стал его преследовать, решил, что это, скорее всего, свой.

Только возле шатра нападающие встретили серьезный отпор — телохранители Зивиллы не даром ели свой хлеб. Они оставались в шатре, пока не запалили в походной жаровне смоляные факелы, припасенные как раз на случай ночной атаки. Затем восемь человек покинули укрытие, в разных местах воткнули факелы в землю и отбежали на несколько шагов — чтобы свет не слепил их самих и не делал легкой мишенью для неприятельских стрел. Враги бросились на огонь, точно ночные мотыльки; вокруг шатра завязалась ожесточенная схватка; трое или четверо арбалетчиков Зивиллы, оставаясь в укрытии, через наспех прорезанные в стенах бойницы защищали друзей от чужих лучников. Конану показалось, что никто не обороняет вход — свитские рубились в некотором отдалении, а за откинутым пологом царил тьма. Видимо, это и соблазнило дюжего вражеского солдата; выставив перед собой короткую пику, он на полусогнутых ногах двинулся к темному проему... и получил в грудь железную стрелу. Коренастый всадник ловко зааркавил верхушку центрального шеста, украшенного синим флажком с гербом Когира, развернул коня и яростно хлестнул нагайкой. Аркан

натянулся, шест затрепал, но выдержал; конь поскользнулся всеми четырьмя копытами и рухнул на землю, придавив седока. Никто не бросился его убивать; никто не поспешил к нему на помощь. Вассалы Зивиллы рубились умело и азартно, каждый отбивался от двоих-троих противников, но ни один когирец пока не был убит или серьезно ранен. Враги несли потери, но их это не смущало. На смену павшим с воем выбегали из темноты новые солдаты с пиками или кривыми саблями.

«Сколько их там? — подумал Конан, всматриваясь во мрак. — И где Зивилла?» Как ни подмывало его вступить в бой рядом с когирами, он решил не выдавать себя и под покровом темноты пройти вдоль обоза — поискать знатную красавицу. Он прикинул, где должны находиться телеги, сделал несколько шагов в ту сторону и застыл как вкопанный, услышав громкий капризный голос:

— Мне это надоедает, клянусь могуществом Митры. В отличие от вас, милостивые государи, я не обзавелся совиными глазами. Если вам меня не жаль, помогите хотя бы вашим союзникам — бедные арийцы даже не пытаются погасить факелы, зажженные их недругами. Где же ваши чудесные свечи, господи?

«Ангдо́льфо!» — воскликнул про себя Конан. В следующий миг киммериец отчетливо рассмотрел говорившего — в двух шагах от барона родилось маленькое солнце, затем точно такое же вспыхнуло по другую руку когира.

Ангдо́льфо безмятежно сидел на лошади, перебирал холеными пальцами золотые фестоны поводьев и надменно улыбался. Двое всадников справа и слева от него держали над головами металлические трубы, из которых било ярчайшее белое пламя и сыпались мириады искр. Они освещали степь, наверное, на полтысячи шагов окрест. Конан разглядел свой обоз, а главное, он увидел несколько неподвижных рядов пеших воинов перед шатром, а за ними — длинную шеренгу конников. Тут и там мельтешили спасающиеся бегством обозники; их догоняли, сбивали конями, рубили, арканили. Взгляд киммерийца безучастно скользнул по ним и вернулся к Ангдо́льфо и его спутникам. Здесь было на что посмотреть. Оба молчаливых факельщика были буквально облиты

серым металлом, однако любое движение давалось им без малейших усилий. Панцири казались невесомыми, кольчуги так плотно прилепали к телам, так играли вместе с мускулами, что напоминали рыбу чешую. На шлемах, идеально повторяющих верхнюю половину черепа, блистали золотые совиные головы с кулаками величиной. Сбруя коней, столь же основательно упакованных в серую броню, была увешана множеством необычных для воина предметов: металлическими трубками, глиняными бутылками, деревянными ящичками и иными вещами, для которых и названия не подобрать. Хватало и обыкновенного оружия: двуручные мечи и длинные кинжалы, маленькие арбалеты и длинные луки, пики и дротики, кистени и метательные ножи.

— Друзья мои! — воззвал барон Ангдо́льфо к остальным когирам. — Сопротивление бесполезно. Никто не ставит под сомнение ваше мужество и отвагу, но увы, война проиграна. — Он повернул голову влево и обратился ко всаднику с факелом: — Многоуважаемый сотник Бен-Саиф, осмелюсь напомнить о нашем уговоре. Сохраните этим людям жизнь и свободу.

Человек в серых доспехах равнодушно кивнул, а затем покрутил над головой кистью свободной руки. Кто-то из командиров арийской пехоты прокричал отрывистый приказ, три десятка воинов неохотно отступили от шатра и растворились в шеренгах. Солдатский опыт позволил Конану довольно точно определить число врагов — не меньше двух с половиной сотен. Да, барон, пожалуй, прав, сопротивляться бессмысленно.

— Ангдо́льфо! — От группы когирицев отделился и сделал несколько шагов к изменнику высокий юноша без доспехов, в одних коричневых лосинах и ботфортах, забрызганных кровью. — Что ты делаешь? Умом тронулся? Это же... — Юноша умолк и растерянно оглянулся на своих товарищей.

— Ну же, Сонго, договаривай! — Ангдо́льфо подался вперед, от его напускного хладнокровия не осталось и следа. — Предательство, это ты хочешь сказать? Дуралей, сам ты тронулся умом! Неужели не видишь, что тебя предали давным-давно? Или забыл Лафат? Забыл, как

наша слабая на передок Зиви бросила конницу отбивать ущелье и спасать киммерийского быка? Забыл, как выродок Дазаут без тени грусти на девичьей мордашке списал нас со счетов еще до того, как понял, что сам угодил в западню? Забыл, с кем наша любвеобильная госпожа разделила ложе этой ночью? С невоспитанным вонючим варваром, а вовсе не с тобой, трепетный дыхания...

Конан раньше, чем свита Зивиллы, раньше, чем негодующий изменник, понял, что означает щелчок в глубине шатра — но его опередили серые всадники. Один из них молниеносно выставил перед грудью Ангдольфо узкий треугольный щит, другой сорвал со шлеи своего коня керамическую бутылку. Пока барон остолбенело глядел на арбалетную стрелу, которая отскочила от свиного лика — умбона — в грязь, Бен-Саиф невозмутимо откупорил бутылку, плонул в нее и бросил в черный проем входа.

За матерчатыми стенами родился вулкан. Он в один миг сожрал холст и исторг из себя охваченных пламенем людей, они кричали так, что у Конана разрывались барабанные перепонки. Лошадь Ангдольфо прынула назад, серые остались на месте, — им такое, похоже, было не в диковинку. Сонго и остальные, побросав оружие, пытались спасти горящих, швыряли в них грязью, набрасывали плащи. Скоро все кончилось. На земле лежали три обугленных трупа, вокруг растекался тошнотворный чад. От пылающих стоек шатра отваливались головешки.

— Так это и есть «нектар Мушхуша»? — В голосе барона Конан уловил ледяной страх, однако к изменнику быстро вернулась львиная доля самообладания. Он вновь обратился к своим бывшим друзьям: — Впечатляюще, не правда ли? Но весьма болезненно, а главное, совершенно бессмысленно. Поверьте, я этого вовсе не хотел, да и уважаемый сотник... — Он вопросительно посмотрел на Бен-Саифа, тот неопределенно пожал плечами. — Этот отряд, — продолжал Ангдольфо, — явился сюда вовсе не по ваши души и даже не за очаровательной госпожой Зивиллой, хотя, конечно, мы несказанно рады, что столь знатная и влиятельная особа скрасит нам путешествие к столице. Токтыгай станет намного сговорчивей, когда в

обмен на капитуляцию ему предложат всевозможные блага, и как задаток — свободу первой фаворитки.

Сонго вскинул над головой окровавленный меч.

— Негодяй, ты лжешь! Госпожа на свободе! И война еще не проиграна! Дазаут...

— Дазаут, — перекричал его Ангдольфо, — сегодня слегка занедужил, а вместе с ним вся его свита. Ничего страшного, просто испили водицы не из того источника и теперь маются животиками. Им уже не до славных баталий. Конечно, они получают целебные порошки и выздоравливают, если убедят Токтыгаю в безнадежности позорной кампании. Даже если он заупрямится, у нас хватит сюрпризов наподобие «нектара Мушхуша» на весь этот сброд, который он по недомыслию называет своей армией. А что касается госпожи Зивиллы, то она уже далеко отсюда, ее везут в наш лагерь. Сонго, дружище, уж не думаешь ли ты, что я сейчас выставлю ее пред твои влюбленные очи? Поверь, дружище, я к тебе очень неплохо отношусь и не хочу, чтобы ты опрометчиво кинулся к ней на выручку и тем самым подтолкнул доблестного сотника на очередную демонстрацию могущества...

— Хватит молоть языком! — впервые Конан услышал голос Бен-Саифа. Казалось, в нем скрежетал тот же серый металл, что облегал тело. Сотник хмуро взглянул на когирцев и отрывисто проговорил: — Вы нам не нужны. Не нужна нам и госпожа Зивилла, мы пришли за киммерийским наемником Конаном. Пока вы спали в шатре, Зивилла попала в плен. Вы покрыли позором стяг Когира, и теперь, даже погибнув, ничего не исправите. Зивилле ничто не грозит — через пять дней мы ее отдадим Токтыгаю. Но если раньше вы приведете Конана, целого и невредимого, к нам, она тотчас получит свободу и ваша честь будет спасена.

Последние слова Бен-Саифа ввергли Конана в замешательство — от серого всадника его отделяло не более трех десятков шагов. Через секунду он сообразил, что сотник его не видит — многолетняя привычка воина к осторожности на сей раз оставила рассудок без работы. Конан и сам не помнил, когда он успел скрючиться меж двух валунов на круглом островке густого и высокого

вереска. Он затаил дыхание, однако Бен-Саиф, словно учуяв киммерийца, повернул голову в его сторону. И усмехнулся.

— Он где-то здесь, — проскрежетал сотник. — Сильный воин, везучий воин. А главное — умный и опытный. Нам нужны такие. — Переведя взгляд на растерянных когирцев, он продолжал: — Если б не он, Дазаут не вывел бы конницу из Лафатской долины. Мы подготовили хитрую западню, но не взяли в расчет киммерийца. Думали, наемники перебегут, если заранее подослать к ним лазутчиков с золотом, а заодно внушить, что Дазаут терпеть не может чужеземцев и только и ждет удобного случая, чтобы отправить их на верную гибель. Мы знали, что отряд киммерийца поставят удерживать Гадючью теснину. Мы обложили Дазаута со всех сторон, но в Гадючью теснину не лезли, напротив, всеми способами склоняли вас к мысли, что это единственно возможный путь отступления при неблагоприятном исходе битвы. Как только заварилась каша и Дазаут позабыл про Конана и банду, которую навязали ему в подчинение, мы послали к ним отряд всего-навсего в триста сабель — в надежде, что киммериец уже заколот своими же солдатами. Мы просчитались — зачинщики неудавшегося мятежа давно лежали с перерезанными глотками. Оказалось, что накануне Конан разгадал наш замысел и предупредил Дазаута, но самонадеянный мальчишка лишь на смех его поднял, да еще обвинил в малодушии.

Тот, о ком шла речь, невесело усмехнулся. Бен-Саиф сражается на чужой стороне, но кто из своих столь же правдиво описывал роль Конана в этой кровавой драме? Какой только грязью не обливали его после того панического бегства через Гадючью теснину, каких только упреков не бросали в лицо! Будто сговорились выставить его козлом отпущения! А ведь из того, первого отряда конников, вступивших в теснину с юга, живыми ушло меньше четверти — чья это заслуга? Кто заставил буйную ораву пьяниц и мародеров занять удобные позиции, кто тактически безупречно отрезал апийской коннице путь назад, вынудил наступать по дну ущелья под непрерывным градом стрел, дротиков и камней с крутых склонов,

а потом довершил разгром лихой контратакой тяжелой пехоты? Кто потом выдержал лобовой натиск полутора тысяч апийских сабель и одновременно — атаку в тыл двухсот конных лучников из резерва Каи-Хана, которые просочились через заслоны Дазаута со стороны Лафатской долины?

К началу схватки с ними у Конана оставалось немногим больше половины отряда, но уцелевшие вошли в раж — дрались, как шальные демоны, рядом с подоспевшими на подмогу дворянами Зивиллы. Каи-Хану пришлось на ходу менять план сражения, и тут степной волк дал маху — понадеялся, что южный выход из дефиле прочно удерживается его конницей. Еще тысяча пеших апийских копейщиков и тысяча двести всадников, потихоньку отступавшие на фланге главного фронта под нажимом нехремцев, неожиданно повернули и бросились в Гадючью теснину, изображая панику, чтобы завлечь в ущелье Дазаута. И оказались в тылу у Конана и Зивиллы. Когирская конница не выдержала их свирепого натиска и попятилась, а от наемного отряда к тому времени оставались жалкие ошметки.

При виде отборнейших войск противника, в спешке покидающих поле боя, ординарцы помчались к шатру Дазаута, чтобы поздравить его с победой. Дабы развить успех, молодой полководец незамедлительно отдал два приказа: резервом пехоты отсечь апийцев от Гадючьей теснины, а тех, кто успел туда удрасть, преследовать резервом конницы. И взялся самолично возглавить погоню.

Почти не неся потерь, тяжелая кавалерия устилала теснину трупами застигнутых врасплох пехотинцев Каи-Хана; когда же апийцы опомнились, то контратаковали лучшие войска Дазаута конницей, а пехота еще энергичнее потеснила когирцев.

Тем временем молодой нехремский воевода с недоумением услышал от ординарца, что на равнине конные лучники Каи-Хана внезапно обстреляли атакующую кавалерию необычными стрелами, дающими при попадании в доспех или щит ярчайшую белую вспышку, которая ослепляет и коня, и всадника. Каи-Хан воспользовался смятением в рядах атакующих, нанес сокрушительный

удар на левом фланге, и теперь охваченная паникой нехремская армия, бросая раненых и ослепленных, беспорядочно откатывается все к той же Гадючьей теснине.

Недоумение сменилось яростью, едва Дазаут сообразил, что его провели, как сопливого мальчишку. Выкрикивая проклятья, он повернул и прищпорил коня, но отступающих было уже не удержать; Каи-Хан двинул к северному концу Гадючьей теснины все резервы. Он полагал, что бьет наверняка, и не ведал о том, что на юге из дефила уже вырвались оставшиеся в живых когирцы и солдаты Конана, и рассыпались по равнине, догоняя и истребляя уцелевших апийских наездников. А немногим позже и армия Дазаута, оправясь от растерянности, выбрала единственный разумный выход: по изрубленным телам степняков, когирских дворян и наемников она прошла через теснину и благополучно выбралась на равнину.

Дазаут сохранил лучшие войска, зато проиграл сражение. Каи-Хан понес тяжелые потери и не добился главной цели: разгромить вражескую армию за одно сражение. Зато ему достался огромный лагерь Дазаута с уймой припасов, оружия и даже войсковой казной. К апийцам не попали только телеги с имуществом наемного отряда — по пути к Лафатской долине Конан бросил его в захудалой деревушке. Теперь эти две дюжины повозок носили гордое название «обоз регулярной армии Самодержца Нехремского Токтыгая», и Конану досталась «великая честь» отвечать за него головой.

— Исход этой войны предreshен, — уверенно проговорил Бен-Саиф. — Скоро здесь наступит мир. Чем быстрее вы привыкнете к этой мысли, тем меньше будет напрасных жертв. До скорой встречи под Бусарой.

Чудесные свечи догорали на земле, простреливая белыми искрами клубы дыма. Серые всадники вместе с Ангдольфо и конными апийцами уезжали в ночную мглу. Пешие степняки увлеченно добивали последних обозников. Восемь телохранителей Зивиллы стояли над изувеченными телами своих товарищей. Конан встал во весь рост и с окровавленным мечом в руке неторопливо зашагал к ним.

А по мне, так это бред сивой кобылы, ополоумевшей без ядреного жеребца. — Каи-Хан всласть затянулся опиумным дымком из причудливого кальяна. Нелегко было прокачивать дым через хитросплетение стеклянных трубок, через множество прозрачных шаров, наполненных разноцветными душистыми жидкостями, но соправитель Апа недаром гордился своей богатырской силой. В его роду хилые не выживали; подобно стигийским монархам, каждый соправитель Апа раз в шесть лет проходил суровейшее испытание, и так — до сорокалетия. Того, кто не мог обогнать трехлетнего скакуна, отломать рог у живого разъяренного быка или ста шагов проткнуть стрелой глаз пленника или преступника, жестоко казнили в назидание будущим претендентам на трон, а также для упрочения традиции. На днях Каи-Хану исполнилось тридцать восемь. Всерьез курить опиум он начал совсем недавно, быстро вошел во вкус, однако нисколько не боялся новой привычки. «Не родился еще, любил говаривать он, бычок, с которым я не сумею сладить».

По своему обыкновению, Лун помалкивал. Бен-Саиф тоже не испытывал желания точить язык об зубы.

— Да покарает меня за тупость неукротимая Иштар, — подзуживал Каи-Хан иноземных советников, — но где это видано, чтобы тремя сотнями конницы осаждать укрепленный город с гарнизоном в шесть, а то и десять тысяч отборного войска? И можно ли караулить один вход в крепость, не послав даже конных дозоров к двум другим? Клянусь мудрами Митры, это что-то новенькое в военной науке. Сдается мне, при таком раскладе Токтыгаю не избежать победы. Оно, конечно, старому развратнику не повезло с воеводой, и пока только чудо, вроде той вашей промашки с отравленным источником, спасало Дазаута от заслуженного разгрома. Но сейчас не надо быть семи пядей во лбу... — Каи-Хан снова энергично затянулся, кальян заурчал, как желудок объевшейся дикими группами коровы, —...чтобы начисто смыть с себя позор, да вдобавок насадить на копье башку некоего правителя, которого

дернула нелегкая прельститься обещаниями чужеземных прохвостов. Достаточно безо всяких затей ударить нам в лоб тысячей-двумя тяжелой пехоты, а в тыл подбросить колесницы с озверелыми когирцами, а после, когда мы драпанем, пустить наперехват гирканцев с луками и арканами...

— Наше счастье, если Дазаут рассудит точно так же. — Голос Бен-Саифа напоминал ерзанье влажного каменного оселка по зазубренному лезвию сабли. — Именно на этом я и строю расчет. Да вознаградит тебя Нергал, если сбудется твое пророчество.

Соправитель Апа усмехнулся, встопорщив пышные усы.

— Покамест боги вознаграждали меня не за пророчества, а за умение выбирать друзей... и врагов. Да-да, не смотри так удивленно, горный стражник. Выбрать врага, которого несложно одолеть, — та еще наука.

— Из хороших врагов, — подал голос Лун, — получают хорошие друзья.

Бен-Саиф поднял голову и устремил на него странный взгляд. Соправитель расхохотался и хлопнул себя ручищами по животу.

— Э, брат, да ты у нас мыслитель, а не просто железный истукан! В бою тебе цены нет, это я уже понял, — однако никак не чаял, что великий волшебник Лун снизойдет до беседы с жалким царьком! А тут прямо подарок — целая проповедь.

Лун и впрямь походил на истукана: на лице ни единый мускул не шелохнется, в глазах — мертвая пустота. Но по этой пустоте — мертвее обычной — было заметно, что словесное жало Каи-Хана все-таки нашло брешь в невидимых доспехах его души. Во всяком случае, Каи-Хан заметил. Он осклабился, очень смахивая на кота, который выловил из фонтана золотую рыбку и теперь предвкушает экзотический завтрак. В этот миг откинулся полог, и в парчовый шатер, сгибаясь в низком поклоне, вошел запыленный ординарец.

— Начинается, Каи! — воскликнул он. — Пехота выходит из северо-западных ворот и строится в боевые

порядки. На севере замечено скопление конницы, но она пока не движется.

— Тяжелая? — поспешно спросил Бен-Саиф.

— Тяжелая. Несколько сот. По два наездника на коне.

— Даже лучше, чем я ожидал. — Агадейский сотник порывисто вскочил с шелковой подушки, азартно хлопнул в ладоши. — Это три с половиной, а то и четыре тысячи человек, не считая гирканцев. Для трех сотен больше чем достаточно, верно?

Каи-Хан осклабился и протянул:

— Ве-ерно.

— Гирканцев пока не видать, сотник, — сказал ординарец, обращаясь к Бен-Саифу. — Я послал в лощину разъезд, как только там появятся кочевники, мы...

— Что?! — С лица Бен-Саифа слетела улыбка, Каи-Хан насторожился. — Что ты сказал? Какой еще разъезд?

— Двенадцать лучников на самых быстрых конях. Им приказано выпустить по две стрелы и во весь опор...

— Болван! — Лицо человека в серых латах пошло пятнами. — Ты потерял двенадцать сабель! С таким же успехом ты бы мог перебежать к нехремцам и выдать наши планы! Легкая конница не должна выйти из лощины! Там же полно моих ловушек! Что подумают гирканцы, когда наткнутся на дюжину трупов?

Ординарец глядел на сотника, растерянно приоткрыв рот. Бен-Саиф в бессильной ярости тряс кулаками.

— Дубина! Скудоумный выродок! Да задохнуться тебе от вони Мушхупа, проклятый идиот!

Тяжелая рука похлопала его по плечу. Бен-Саиф обернулся и встретил холодный взгляд Луна.

— Пора, — буркнул помощник.

Сотник на миг потупил голову. Взяв себя в руки, он сказал Каи-Хану:

— Если гирканцы пойдут в обход, нам несдобровать. — Затем повернулся к ординарцу и обжег ненавидящим взглядом. — Моли Иштар, Митру... кого хочешь моли, чтобы этого не случилось. Чтобы гирканская храбрость перевесила здравый смысл. Если они выйдут из лощины, я тебе не позавидую. — Он снова посмотрел на сопровителя. — Я же по три раза объяснил каждому командиру,

что и как делать. Почему этот олух вздумал своевольничать? Откуда он вообще тут взялся? Я его не помню.

Каи-Хан пожал плечами.

— А его и не было. Я только нынче утром взял его к себе вместо сотника Нулана. А что? Ияр парнишка толковый, из моего рода, с парнями ладить умеет, а драка, она драка и есть...

— И все? — перебил Бен-Саиф. — Больше ты никого не заменил? Если скажешь да — мы с Луном смазываем пятки, а ты выкручивайся как знаешь.

Что-то дрогнуло в лице рослого военачальника.

— Ияр, — произнес он севшим голосом, — бегом к Нулану, он у себя в шатре под стражей. Скажешь, чтобы не дулся и спешно принимал командование своей сотней. Заартачится, скажи, Каи все прощает, мол, ошибка вышла и все такое. Не убедишь — самолично черепок тебе раздавлю, ты видал, как я это делаю.

Ияр ринулся вон — задом, в поклоне, так комично, что в другое время Каи-Хан и Бен-Саиф непременно расхохотались бы. Но сейчас они даже не улыбнулись.

— За что? — сухо спросил Бен-Саиф.

— Я же говорю, врагов и друзей выбирать — это целая наука, — уклончиво ответил Каи-Хан.

* * *

Дождя не было уже три дня, и за этот срок летнее степное солнце так иссушило бесплодную землю, что пылевое облако поднялось на четверть полета стрелы. Пыль летела из-под копыт, утяжеленных шипастыми железными подковами; продолговатый клин конницы напоминал тупоносый таран, нацеленный на стену невидимой крепости и несущийся без удержу — слепая, неукротимая мощь, по чьей-то нелепой прихоти живописно расцвеченная яркими мазками штандартов, плюмажей, попон и плащей. На флангах, изрядно отставая от «тарана», громыхало несколько десятков колесниц: по три коня, возница, лучник, мечник и три-четыре пехотинца с секирами и дротиками. Латники сидели даже на гужевых лошадях — Дазугу пришло в голову, что десант пехоты в тыл неприятеля делу не помеха. А для преследования врага,

который непременно покажет пятки, колесницы не понадобятся, хватит и пятисот гирканских удалцов, скрытно пробирающихся по глубокому оврагу. Сколько бы ни было впереди апийцев (а их, по донесениям многочисленных лазутчиков, от силы полтысячи), им не выдержать такого свирепого, такого точного удара. Хвала богам, что они затмили разум Каи-Хана, разум, и прежде не очень-то блиставший... Грубая, самонадеянная скотина, бандит с большой дороги, возомнивший себя стратегическим гением!

Дазуг не поверил, что основные силы Каи-Хана, потрепанные в Лафатском сражении, отступают к апийской границе, чтобы расположиться в нескольких селеньях на отдых. Конечно, война на измор — не в обычае разбойников, их тактика — внезапный налет и бегство с добычей. Так бывало всегда. Апиицы вторгались в Нехрем, грабили деревни, иногда даже захватывали город — несчастный Лафат, к примеру, они сжигали раз в полста лет, — но всякий раз уходили, собрав более-менее солидную добычу. А то и ее бросали, заслышав грохот нахремских колесниц, боевой клич немногочисленных, но превосходно вооруженных и отчаянно смелых конников, гортанные вопли смуглых гирканских лучников, с незапамятных времен верой и правдой служащих нехремским властителям.

Но сейчас в проклятого Каи-Хана будто Нергал вселился, а в его старшего брата Авал-Хана — кровожадный Нинази. Братьям-разбойникам наскучило держать в страхе границы благословенного Нехрема и некогда богатой Пандры, им подавай выход на Великий Путь Шелка и Нефрита, пролегающий через оба эти государства. «Пролегающий» — это, конечно, сильно сказано, тут лучше подходит слово «задевающий», но все-таки кое-какие деньги с этого Пути оседают в сокровищницах Токтыгая и Сеула Выжиги, пандрского деспота... Опять негодное слово! Какое там — оседают, их едва хватает на жалованье солдатам, на парады конницы, на царские охоты. Токтыгай еще худо-бедно латает дыры в хозяйстве, а Сеул, залетный авантюрист, с шемитским коварством забравшийся на престол древнейшей пандрской династии, —

вот уж кто не пожалел усилий, чтобы ободрать подданных, как липку. Говорят, он ободрал даже собственный трон, не то что драгоценных камней — позолоты на нем не оставил. Зато бесчисленная родня так и снует между Пандрой и Вендией, несложно догадаться, куда девается награбленное. Видно, не мечтает скромняга Сеул о собственной империи, а мечтает об уютном дворце под мирной сенью пальм и магнолий, о назидательных беседах в кругу молодых и любопытных... Мечтает нянчить внуков, не опасаясь, что какой-нибудь народный мститель, исполненный черной неблагодарности, перережет им глотки.

Крепкая рука Дазаута сильнее сжала рукоять сабли, томящейся в ножнах из чеканного серебра. Настоящего бы правителя Нехрему, чтобы вернул былую славу, чтобы отняли власть у тех, кто никоим образом ее не заслуживает. Два-три глубинных рейда, два-три полета бронзового копья до нищих вражеских столиц, а после дело за политикой, за династическими браками, за сатрапами, послушными нехремской воле. И тогда можно будет пристальнее взглянуть на южную границу, за которой — во всей своей красе и блеске — Путь Шелка и Нефрита, великий дар богов не самым достойным из смертных...

Справа, на севере, молодой полководец видел темный колышавшийся лес. Не стволы — крепкие длинные щиты, не ветви — мечи и копья в мускулистых руках. Регулярная тяжелая пехота. Ни одного наемника, все командиры из родовитых нехремцев. Пехота — левая рука Токтыгая, правой заслуженно считается конница. Старик недолюбливает чужеземцев, вот и Конана, искателя приключений, чья слава от диких северных стран долетела, наверное, до самого Кхитая, поставил над отрядом наемных клинков, над продажным сбродом, не знающим ни чести, ни верности... И ведь не зря, рассудил Дазаут, в который раз поражаясь стратегической мудрости — или все-таки житейской хитрости? — старого пьяницы и прелюбодея. Если б зависело от Дазаута, он бы сразу отправил киммерийца в обоз, а то и вовсе отослал в кандалах в Аграпур, или в Хаббу, или где там еще по нему веревка тоскует? И тогда бы он сам не ушел живым из Лафатской долины. А может, и ушел бы — кто проникает помыслы Митры?

Вражеский лагерь как на ладони, двести шестьдесят два шатра насчитали вчера лазутчики, а повозок сотни полторы будет. Апийцы — народ оседлый, но воюют, как настоящие кочевники, два-три месяца в походе для них дело обычное. Шатры у них, как у гирканцев, оружие, как у афгулов, а тактика, как у любого бандитского племени любой эпохи. Пырнул ножом в спину, раздел мертвеца до нитки, и давай Иштар ноги. Есть в Апе несколько городишек, так ведь это просто воровские логовища за крепкими стенами, чтобы отсидеться, если вдруг нагрянут каратели. Земля окрест городков не знает плуга, скотины во дворах не сыщешь, в степях вся дичь давным-давно повыбита. Зато — вольный народ, сами в рабах не живут и других рабами не держат, обычай зарекает. Что-то такое завещала их праотцам бандитская богиня: не лижите, мол, пятки проклятым нечестивцам и не давайте паскудным языкам нечестивцев лизать ваши священные стопы. А для апийца кто нечестив? Кто не в чести, известное дело.

Дазаут вскинул рог, дунул изо всех сил. Несясь по буеракам на лихом скакуне, не очень-то потрубишь — это он как-то упустил из виду. Рог захлебнулся собственным ревом, больно стукнул по зубам, царапнул губу, а затем вырвался из руки и повис на тонком ремешке. Но всадники, предупрежденные заранее, услышали сигнал и поняли верно. Бронзовый клин остановился, почти сохранив свои очертания.

Военачальник приподнялся на стремянах и окинул дикими от восторга глазами поле — не поле, а новый, пока еще чистый, свиток нехремских летописей. Не чернилами, а кровью, не стилем, а острием меча напишет он новую хронику воинской славы. А под ней начертает собственное имя, чтобы потомкам было кого воспевать и восхвалять.

* * *

— Эй, Сонго, — окликнул Конан светловолосого телохранителя Зивиллы, — хватит праздновать лентяя, возьми двух-трех увальней и ступай за хворостом. Заодно поглядывайте по сторонам, может, ручей где заметите. Я пойду поохочусь, что-то на свежую дичинку потянуло.

— На свежую дичинку? — У Сонго полезли вверх брови — за три дня пути они не встретили даже суслика, как будто вся живность в этих краях, не в пример людям, учуяла лихолетье и забила в норы.

— Иль ты не гурман? — Конан осклабился и окинул его насмешливым взглядом. — Я слышал, дворяне обожают всякие изыски — змеюк там или скорпионов жареных. А что, под доброе винцо — в самый раз. Правда, случилось мне их и всухомятку жрать, сырыми. Но сейчас такие муки ни к чему. Винцо у нас пока имеется, есть лепешки и соль — прокормимся, коли будет на то воля Крома.

— Винцо, — подал голос один из друзей Сонго, косноязыкий балагур Паако, — это чересчур сильно сказано. Это раньше оно было винцом, а теперь — форменный уксус. Зато мясо хорошо вымачивать.

— Вот ты этим и займешься, — ухмыльнулся Конан, поднимаясь на ноги. — Назначаю тебя поваром. Кухонного мужика сам выбери, если надо. Из специй у нас только тухлятина, ты уж ею не увлекайся.

Он имел в виду злополучную говядину. В ночном набеге погибли два буйвола, потом апийцы, как голодные канюки, ободрали их до скелетов, но Конану и когирцам удалось нарезать довольно много жилистого мяса, в основном, с ног. Увы, оно провоняло от неимоверной жары уже к концу второго дня, хоть и было завернуто в листья лопуха, которые Конан собственноручно нарвал у ручья. По дороге несколько кусков закопали в лес — в земле они, возможно, и сохранили свежесть, но не возвращаться же из-за такого пустяка? Голодовка им пока не грозит, в узлах есть и финики, и мука, и даже баранье сало. На худой конец, сгодится и буйволотина — как раз сегодня, на большом привале, они порежут мясо на тонкие полоски и разложат на камни возле костра, и к вечеру они превратятся в сухую коросту, которую придется соскабливать. Да, пища — не самая главная забота. Тем более, что Конан не имеет ничего против ядовитых рептилий и насекомых — в кулинарном отношении, разумеется. Спасибо многолетней привычке выживать там, где любой

другой человек не найдет иного выхода, кроме как протянуть ноги.

Сейчас наипервейшая забота — кони. Вернее, их отсутствие. Сам-то Конан ходоком будь здоров, но когиры привыкли путешествовать в седле. Загадочный Бен-Саиф предусмотрел это и оставил им лошадей, однако не учел жадности своевольной орды. Пока Конан, Сонго и остальные бродили вдоль колеи, продавленной обозом (апийцы запрягли в телеги своих коней и увезли добычу в сторону Бусары) и запасались чем попало — в основном, брошенным оружием и тучками со съестным, втоптанному в грязь, — два-три десятка степняков вернулись тишком и увели лошадей вместе с хурджунами, уже набитыми кое-каким добром. Конан заметил их слишком поздно, воры уносились во весь опор и даже не ответили на его стрелы, пущенные вдогонку и канувшие в предрассветном сумраке. Апийцев-то понять нетрудно: они живут по своим вековым законам и плевать хотели на затеи Бен-Саифа. В отличие от Конана. Дорого бы он дал, чтобы узнать, какие мысли бродят под золотым шишаком этого чужестранца.

Зивилла в плену. Заложница. Приманка для варвара, страсть как охочего до ласки знатных баб. Золотая рыбешка — живец для зубастой щуки. Щука глазищи выпучит, пасть разинет, хвостом двинет... Вот тебе и ушица. Как же, серая задница, дождешься! И не таких хитрованов с носом оставляли. Конан блеснул крепкими палисадами зубов, и тут же ухмылку как ветром сдуло. А ведь не такой уж дурак этот Бен-Саиф. Крючок-то у него не простой, а тоже золотой. Старый лис знает людям цену, может, и впрямь хочет что-нибудь дельное предложить?

С тех пор, как Конан — под знаменами Токтыгая, он ни разу не слышал о себе доброго слова. Знать его презирает, подчиненные ненавидят... ненавидели. Где они сейчас, уцелевшие наемники из его отряда, сволочи-дезертиры, попадитесь только, гады! Где обозники? Все легли под апийскими клинками, все раздеты догола и кормят червей под немилосердным нехремским солнцем. Ну, допустим, вернется он в ставку Дазаута или даже прямо ко двору, в Самрак, и о чем же его там спросят?

Где армейское имущество, где люди, где Зивилла? Почему всех положил, а сам жив остался? Зачем вражеский командир тебя в гости зазывал, на посулы не скупился почему? Вежливо так поспрашивают, послушают участливо, а потом хворостину в лапу — и в Зиндан Танцующих. Спящи, варвар, распотешь благородных господ. Покажи, как мы жалеем трусов и предателей. Поневоле задумаешься: а стоит ли овчинка выделки? Не податься ли... даже не к апийцам — с этого отребья взятки гладки — а просто, куда глаза глядят. Ведь не впервой. В богатую Вендию, или снова к афгульским молодцам прибиться — не в пример апийцам, они знают, что такое честь, своему нож под лопатку не всадят. Или даже...

Слыхал Конан, будто есть где-то за восточными горами маленькая страна. Лежит она чуть севернее Пути Шелка и Нефрита, но караванщиков никогда не приходится уговаривать, чтобы сделали крюк по ущельям и устроили ярмарку в благодатной долине. И будто бы правит там король честный и справедливый — чужих привечает, да и своих не забывает. От здешних мест до нее рукой подать, но это, конечно, ежели воспарить, аки птах. А если пешком? Ну, от силы неделю — до хребта, а там еще денька два, коли повезет сразу к перевалу выйти. Говорят, перевалы охраняются — мышь не проскочит. Так то мышь, вредный грызун, а Конан — профессиональный солдат, таким везде рады. Ну, не то чтобы рады... скажем так: от услуг не отказываются. Особенно, если не требовать слишком большой задаток.

Соблазн, конечно, был изряден... но что-то мешало поддаться ему. Уж не воспоминание ли о Зивилле, о шаловливых змейках ее рук, о жадных до поцелуев губах, о теле, быстро согревшемся под ворохом кожаных плащей? Как упоительно вздрагивало оно в судорогах улады, с каким неистовым вождением рвалось навстречу толчкам распаленного киммерийца! Где ты сейчас, золотая рыбка, кого щекочут твои нежные плавнички? Может быть, сумрачный Бен-Саиф, озверев от похоти, пластает тебя на ложе в походном шатре, а его молчаливый помощник острием кинжала душист крик в твоём горле? А верные друзья не в силах помочь, они застряли посреди

безжизненной степи, среди них двое раненых, которые едва переставляют ноги, им до зарезу нужно отдохнуть хотя бы сутки и раздобыть коней или хотя бы вшивых полудохлых ишаков, язвы их Кром! Лишь в одном им покуда везет: вода встречается раз, а то и два в день. А если вдруг она исчезнет, можно взять левее, к горам, в саях часто попадаются ручьи. Не совсем по пути, но если придется туго...

Линялый фенек — не ахти какое лакомство, но Конан не рассуждал. Едва зверек высунул из чахлого окустья любопытную острую мордочку, тренькнула арбалетная тетива, и стрела-коротышка насквозь пробила хрупкий череп. Конан пошуровал по кустам, надеясь вспугнуть самку, и нежданно-негаданно поднял куропатку. Подбить ее навскидку не удалось, а разыскивая стрелу, киммериец наступил точнехонько на гнездо с яйцами. Отведя душу в забористом ругательстве, он перекинул трофей через плечо и зашагал к бивуаку.

* * *

В двух полетах стрелы от холма, на котором был разбит лагерь Каи-Хана, «таран» замер вновь. Справа вдалеке клубилась пыль, там наступала нехремская пехота, приближаясь к хилым рядам апийской конницы. «Это наковальня, о которую они стукнутся лбом, — говорил Дазаут в ставке, когда обсуждал с тысяцкими план сражения, — а мы саданем по затылку молотом. А что брызнет в стороны, подчистят гирканские молодцы».

Сейчас гирканский отряд где-то позади, движется в обход по длинному извилистому оврагу. Скоро Дазаут, не дожидаясь его появления на равнине, пошлет тяжелую конницу в атаку. Неудержимым селом бросится она на апийский стан, втопчет в сметет Каи-хана со свитой и ринется дальше — на конный строй врагов. А тем временем вокруг них растянется гирканская петля. И все будет кончено. Ни один ни уйдет.

Дазаут скрипнул зубами, вспоминая свое бегство через Гадючью теснину, и с ненавистью глянул на склон холма, усаженный рогатками, как дикобраз иглами. Над кромкой угадывались очертания дюжины катапульти, огромных де-

ревянных ложек, наполненных камнями и просмоленной ветошью. Как только нехремцы пойдут на приступ, они угодят под каменный град и огненный ливень. Вот только чего ради нехремцам штурмовать такую кручу? Почему не обойти ее с двух сторон, предварительно ссадив с коней пехотинцев с топорами, чтобы прорубили брешь в длинных рядах рогаток и собрали «чеснок»? Когда разведчики нарисовали во всех деталях схему апийских укреплений, предназначенных как раз на случай конной вылазки в тыл «осаждающим», Дазаут просто глазам своим не поверил. Бен-Саиф либо глупец, либо безумец; неужели практичные апийцы этого не видят? Или он их околдовал? Мыслимое ли дело, чтобы эти грязнули, презирающие труд, постигшие только ремесло разбойников, ищачили до кровавых мозолей? Добывали где-то кольца, везли в голую степь, вкапывали в землю под острым углом. Затаскивали на холм катапульты — правда, топорной работы, годные всего на два-три десятка выстрелов, — но все-таки!

Если не рассматривать замысел Бен-Саифа по частям, он вовсе не покажется абсурдным: пока деморализованная нехремская армия видит перед собой огромный лагерь орды, она не осмелится атаковать. Самое большее, на что она отважится, это на отражение штурма — вооружит жителей, укрепит стены, реквизирует запасы продовольствия и фуража. И то вряд ли: после неудачи в Лафатской долине нехремцы боятся апийских головорезов, в кои-то веки показавших, что умеют побеждать и в открытом бою. Поэтому Дазаут не рискнет атаковать и даже защищаться, а оставит город — выход ему открыт. Оставит и двинется к столице, где Токтыгай рвет и мечет, но времени при этом не теряет и сколачивает новое войско. Да только не придет в столицу Дазаут. Где-то по пути его ждет засада: мощный кулак, львиная доля апийской дружины. А здесь, в лагере — только загонщики. И сам Каи-Хан, но пленные из его разведки, по беспечности слишком близко подъехавшие к крепости, признались под каленым железом, что Каи-Хан намерен завтра вместе со свитой отправиться в свою армию.

Подавленность, что гнева молодого полководца после Лафата, развеялась, он вновь гордился своей проницательностью. Когда он, оставив крепость под защитой надежного гарнизона, придет в столицу совсем другой дорогой и привезет на пиках головы атамана степных разбойников и агадейского советника, Токтыгай сменит гнев на милость и позволит загладить вину. И шайка, томящаяся в засаде, дождется нехремцев, но не с той стороны. И тогда будет видно, надолго ли хватит им смелости в бою с превосходящим по численности противником.

И все-таки непонятно, зачем им понадобилось так укреплять этот никчемный холм... Бен-Саиф на жаре повредился рассудком, так объяснил это Дазаут себе и подчиненным. Только сумасшедший додумается усаживать кольями крутой склон, обращенный чуть ли не в собственный тыл, — тогда как противоположный, пологий, совершенно беззащитен. Нет, Дазаут не такой осел, чтобы лезть на рожон. Его конница спокойно обойдет холм с юга, и тогда Бен-Саиф сообразит, какого свалил дурака. Но будет слишком поздно.

Прислонив ко лбу узкую ладонь в раскаленной солнцем кольчужной рукавице, Дазаут еще раз окинул взглядом дикобразий бок. На самой вершине холма застыл всадник; необычные чешуйчатые доспехи рассеивали лучи светила. Агадеец напоминал изваяние, серого каменного идола, которого можно встретить где угодно на степных просторах. Дазаут не мог разглядеть его лица, но вдруг почувствовал, что серый латник глядит прямо на него. В глаза. В душу. В самую глубину насторожившегося «я».

Грозный клин сверкающей бронзы ждал приказа. Слабый ветерок шевелил разноцветные перья на плечах, кони, истекая потом, стояли неподвижно — не очень-то погарцуешь на такой жаре под тяжестью всадника в доспехах и собственной кольчужной попоны. Терпеливый тысяцкий, уперев короткое древко штандарта в бедро, свободной рукой невозмутимо оглаживал мокрые седые усы. Дазауту пот заливал глаза; несколько раз с силой сжав веки, он снова посмотрел вверх. На серое «изваяние».

В последний миг перед тем, как его оглушенное «я» сорвалось в бездну, он понял, почему Бен-Саиф укрепил этот склон.

Он понял все.

* * *

Бен-Саиф тронул поводья, стрекотнул звездочками шпор по незащищенному подбрюшью коренастого скакуна и подъехал к соправителю Апа. Здоровяк напоминал мешок сала, поставленный на седло, но внешность обманывала. В его роду умение держаться на коне впитывалось с материнским молоком, не слишком грациозная осанка Каи-Хана объяснялась просто: долгая верховая езда приучает держать позвоночник прямым, зато все мышцы — расслабленными. Опущенные плечи, голова точно тыква, свисающая с тына, внушительное чрево достает до луки седла, в глазах сонная поволока. Такую позу Каи-Хан мог сохранять круглые сутки.

— Еще раз говорю, — обратился к нему осипший от почти непрерывного крика Бен-Саиф, — до зеленых вещей можешь их гнать, а дальше — ни шагу.

— До зеленых вещей, — с ухмылкой пообещал апиец, — ни одна сволочь не добежит.

Бен-Саиф посмотрел ему в лицо. Маленькие глазки степняка маслились за веселым прищуром. Не было на этом лице и тени той изуверской жестокости, что явно звучала в голосе. Человека с таким обликом легче вообразить на сельском празднике в окружении смеющихся детей, чем в свирепой сече.

— А лучше их вообще не трогать. — «Брунду говорю», — тотчас упрекнул себя Бен-Саиф, но остановиться уже не мог. — Они ведь больше не вояки, так, видимость одна. Может, еще на своих нападут, панику посеют...

— Так мы ж не до смерти. — Ухмылка расплзлась, и Бен-Саифа передернуло. — Мы ж ласково. Плашмя так сабелькой по шейке — и лежи, загорай. Ты ж пойми, нельзя их в лагерь пускать — набедокурят.

Прихвостни Каи-Хана заржали, улыбнулся даже сотник Нулан. Где это видано, чтобы гордый апицкий наездник оставил в живых нечестивца?

— Я поехал. — Бен-Саиф вновь царапнул коня шпорами. — Нулан, командуй.

— Хео-хей, любимые чада Иштар! — разлетелся над степью зычный голос старого рубака. — Покажем гирканским вырождакам, чего стоят в драке настоящие степные псы! Добыча и слава! За мной!

— Хео-хей! — браво откликнулась сотня. — Добыча и слава!

* * *

Лун не покидал своего поста. Справа и слева от него сражались апицы, почти не неся потерь. Они нагружали щепенью и ветошью громадные ковши катапульта, посылали меткие слепящие стрелы во всадников, которые пытались удержаться в седлах на изрытой копытами круче, бросали в гущу пехотинцев глиняные бутылки с «нектаром Мушхуша», принимали на копья тех немногих, кому удавалось добраться до гребня. Удар бронзового клина пришелся точно в середку обрыва: Дазгут в самый последний миг переменил тактику, и никто из его людей не заподозрил, что у молодого воеводы помрачился рассудок. Вернее, был один — черноусый тысяцкий Охрон, но его протесты застряли в перерубленном горле. Сам Дазгут находился в седле на безопасном расстоянии от штурмующих, его глаза налились кровью, под мертвенно-бледной кожей щек перекатывались желваки.

Первая атака захлебнулась, склон усеялся мертвецами и ранеными. Катапульти стреляли с поразительной точностью, тряпки, пропитанные горючей жидкостью, и огненные брызги оставляли на телах страшные ожоги. Почти каждая стрела находила цель — Бен-Саиф расставил на гребне отборных лучников.

От пылающих чостоколов отползали изувеченные. Конница топталась в замешательстве — уже не классический нехремский «таран», а растерянная толпа. Кто-то спешил к раненым, кто-то ощупывал себя — цел ли? — и каждый бросал испуганные взгляды на командиров. Чаще всего на Дазгута.

А тот был неумолим. Поднеся к губам рожок, он снова протрубил сигнал «В атаку!» А когда никто не тронулся с места, истощенно завопил:

— Вперед, скоты! Вперед, трусливая мразь! Докажите, что вы мужчины, а не дохлые слизняки!

Командиры переглянулись. В основном, это были люди бывалые, иные, как Охрон, годились Дазауту в отцы. Но до сих пор никто из них не понял, что происходит.

Они заставили людей построиться. Пехота уже не пыталась одолеть кручу бегом, размахивая мечами и секирами, — многие их товарищи за неосторожность заплатили жизнью. Прикрываясь узкими кавалерийскими щитами, они короткими перебежками двинулись к рогаткам.

Вражеские стрелки укладывали штурмующих десятками, но топоры не унимались; сухая щепка сыпалась на мертвых и впитывала кровь. Подрубленные колья падали один за другим, но в брешу тотчас летели бутылки с жидким пламенем. Нехремцы проклинали себя — рассчитывая на сечу, они не взяли метательного оружия, даже надежных больших щитов.

— Что вы стоите, шакалы? — крикнул Дазаут конникам, выжидающим, когда в огненном аду, что пожирал несчастную пехоту, появится хоть один проход. — Не видите — этот серый ублюдок смеется над вами?! Вперед! Больше повторять не буду! Принесите мне потроха Бен-Сайфа или отдайте собственные!

Конница двинулась вперед. Лошади падали, наступая на острые шипы «чеснока», шарахались от горящей ветоши; то один, то другой всадник выпускал из рук поводья и хватался за ослепшие глаза. Катапульти дружно осыпали их каменно-огненным дождем; но теперь после каждого залпа одна, а то и две из них отказывали. Арийцы несли потери; их сотника подобранное и брошенное кем-то из врагов копьё искалечило в трех шагах от Луны. Серый всадник не шевелился. Не сводил с Дазута бесцветных глаз.

Еще несколько мгновений, и десятки разъяренных нехремских всадников окажутся на холме...

— Назад! — завопил Дазаут, но тут же спохватился — мало кто его слышит — и протрубил в рог. — Назад, доблестные исполины! В этот раз нам не повезло, но мы еще покажем арийским трупоедам, какого цвета их требуха! Отступайте, храбрецы! Мы уходим, но мы еще вернемся!

Конница во второй раз отхлынула от укреплений; вслед, проклиная все на свете, бежали пехотинцы. Один из командиров, молодой тысяцкий Палван, любимец Дазута, диким взором окинул побоище, а затем посмотрел на воеводу. Дазаут злобно усмехнулся, встретив его взгляд.

Палван снова оглянулся на склон. Он был в числе тех, кто почти добрался до гребня. Он видел глаза арийского лучника — в них был страх неминуемой гибели. Он понял: сначала нехремскую конницу бросили на верную смерть, а затем у нее отняли победу.

Он стиснул зубы, поднял саблю над головой и помчался на Дазута.

Тут бы ему и конец — если бы перед сотником был тот, под чьим началом он ходил в несколько сражений и кто владел клинком, как бог. Но сейчас на белом скакуне Дазута сидел совершенно другой человек.

Этот человек носил доспехи и оружие, но фехтовать не умел. Да это ему и не требовалось.

Его научили одерживать победы, не обнажая сталь.

* * *

В тихую обитель, угнездившуюся неподалеку от Перевала Отшельника, Луна продала младенцем. Продали дорого: малыш был крепок и голосист, а родители, беженцы из Хаурана, в ту пору опаленного междоусобной войной, выглядели плачевно: оборванные, изможденные, со стертыми в кровь ногами. Милосердные монахи спасли и родителей, отсыпав им горсть серебра, и мальчика, приняв его в своих стенах.

До двенадцати лет он не знал послушничества; жилось ему сытно и весело. Рядом всегда были друзья-погодки. Работой их не мучили, лишь от рассвета до полудня помогали они в обители старшим, а потом оборачивались вольными галчатами, сущей напастью для окрестных са-

дов. Но из крестьян редко кто жаловался, ибо не раз выручал их монастырь в засуху, пуская из шлюзов огромного водоема влагу на их поля, или в уборочную страду, отряжая на работу зеленорясых послушников. Не один десяток лет минул с тех пор, как появилась в этом краю Пустынь Благого Провидения, а много ли времени нужно доброй традиции, чтобы завоевать себе местечко в людских умах?

Каждое утро до приснопамятного восхождения к Пещере начиналось с псалма. Дети ложились на пол, раскидывали руки, делали глубокий расслабляющий вдох и нараспев вторили младшему наставнику:

«Эрешкигаль, владычица мертвых! Подними суровый лик, проникни взором в душу раба твоего! Пусть этот взор створожит кровь в моих венах! Пусть он превратит мое сердце в камень, а глаза в лед! Камню не страшен кинжал, а льду — стужа! Я сойду в твой чертог, когда ты позовешь. Я приведу с собой, кого ты прикажешь».

Зловещие эти строки даже младшим пастырем — унылым колченогим послушником, приставленным к детям, — бормотались так буднично, что не пугали никого. Никто из ребят не пытался вникать, им хватало затей поинтереснее.

И вот однажды монастырские ворота распахнулись настежь и на брусчатку внутреннего двора въехал роскошный кортеж. Щедро убранную цветами повозку ануннака сопровождали десятки вооруженных всадников, молодых монахов в зеленых рясах. В толпе встречающих стояли и дети, умытые, нарядные, взволнованные. Лун заметил, с какой завистью смотрит на слуг ануннака младший пастырь: юноша буквально облизывал взором их оружие, одежду (лишь издала похожая на одеяние простого монаха Пустыни, она годилась и для похода, и для боя, и даже для парада), дорогую сбрую чистокровных скакунов. Храм Эрешкигали нищетой не страдал, — как, впрочем, и скромностью.

С откидной подножки экипажа сошел сам преподобный Ибн-Мухур, номинально — лишь рядовой ануннак Храма, в действительности — конфидент его величества, придворный советник и врач, воспитатель наследника пре-

стола, короче говоря, самый влиятельный священнослужитель если не в государстве, то в Храме Эрешкигали.

Увидев этого достойного мужа, невозможно было не проникнуться к нему симпатией: высокий благородный лоб, иссиня-черные завитки волос, патриархальная лопатка бороды, не скрывающая здорового румянца щек, смешливые карие глаза, кустистые брови, тронутые сединой по краям. Он был необычайно дороден, ступал царственно и вообще напоминал мудрых вождей, которые в незапамятные времена вывели с несчастной прародины мужественное племя агадейцев. Особенно Луну пришелся по душе его басистый хохот — развеселить Ибн-Мухура оказалось проще простого, видимо, настоятель знал об этом и заранее приготовил шутку, которую Лун расслышать не сумел. Ануннак смеялся так заливисто, так потешно всплескивал руками, что толпу монахов вмиг охватило нервное веселье.

Ибн-Мухура ждали полторы недели назад, ошастливили крестьян, скупив у них уйму съестного и хмельного, вымыли, выскоблили всю обитель, срезали с клумб лучшие цветы, но в урочный день прибыл только гонец с вестью, что государственные дела вынуждают ануннака отложить приезд. С того дня настоятель и пастыри ходили мрачнее туч, даже простые послушники раздражались по пустякам и вслух поминали злокозненного Митру. И вот наконец кортеж Ибн-Мухура в стенах Пустыни, и под ноги знаменитому храмовнику летят цветы, увы, не такие красивые и благоуханные, как те, что неделей раньше отправились на помойку. Лун смотрел во все глаза, и странное волнение разбирало его каждый раз, когда ануннак поворачивался к нему лицом. Предчувствие новизны? Перелома в судьбе? Кто-то из пророков сказал: «Горе земному червю, коего узрело небесное око». В одно из таких мгновений Луну показалось, что гость обители заметил его, — что-то в некрасивом лице высокого полного подростка привлекло взгляд священника.

В ту ночь к мальчику долго не шел сон — бесконечная вереница впечатлений будоражила сердце. А наутро младший пастырь сообщил, что Лун и восемь его товарищей

после завтрака отправятся в Пещеру Отшельника, и мыслители о величайшем везении — постриге у самого Ибн-Мухура — подлили масла в костер восторга.

* * *

Остановив коня в четверти полета стрелы от вражеского войска, Каи-Хан стер пот с распаренного лица. Его щеки под мокрой кучерявой бородой горели юношеским румянцем, глаза задорно блестели — предводитель апийской орды уже не жалел, что поддался на уговоры чужеземного посланника, что заставлял свое войско трудиться без устали, заманивая неприятеля в капкан, а под конец пошел на страшный риск: разделил конницу на две неравные части и большую отправил в тыл, а меньшую бросил в бой с лучшими войсками Токтыгая. Захлебываясь восторгом, нарочный от Луна только что сообщил, что конница Дазаута уже растеряла зубы на укрепленном склоне холма, что через лощину, в которой скрылся Бен-Саиф с сотней Нулана, до сих пор не прорвался ни один гирканский шакал.

И теперь, с замиранием сердца взирая на пыльную тучу, взбитую сандалиями нехремской пехоты, Каи-Хан говорил себе: «Победа — в твоих руках. Обернись дело иначе, вопреки предсказанию Бен-Саифа, и ушлый братец Авал без тени огорчения подставил бы тебе шершавый кол под толстый зад. Но теперь мои псы вдосталь налакаются нехремской крови и разграбят Бусару, и вырежут Самрак, и повесят Токтыгая на его же кишках, и потешатся в Даисе, который нам подарит когирская шлюха, и уйдут с добычей, спалив и дворцы, и хижины, завалив колодцы голыми мертвецами, а потом я дружески обниму Бен-Саифа и скажу: ты славно потрудились, агадейский колдун, что бы мы делали без твоих чудес. И прижму его к пузу, и он спохватится, но будет поздно, не спасет волшебный доспех, мои железные пальцы промнут кольчугу и стиснут, раздавят печень. И он захлебнется воплем и околеет, и до чего же глупая будет у него рожа, когда он предстанет перед своим поганым Нергалом! И мы возвратимся в родные крепости, и затрубят рога, созывая народ на площади, и разыграется ритуальное действо:

захмелевшие бабы и девки, разрядясь в кровавое тряпье с нечестивцев, будут изображать наши победы, избивая друг дружку палками и забрасывая какашками, и так раззадорят мужчин, что все завершится вселенским свальным грехом. А в разгаре потехи мы с Ияром и дюжиной крепких парней войдем в хоромы моего брата, возложим к его стопам дары — отрубленные головы Токтыгая и царских родичей с причиндалами, торчащими изо ртов, — и тогда Авал-Хан расплывется в мерзейшей улыбке, но в его наглых глазах наконец-то мелькнет страх! Столько лет он измывался надо мной, из каждой моей неудачи выжимая свою выгоду до последней капли, выставляя меня выродком и полудурком, — и ведь надо же, я вернулся из гиблого похода героем нации, мое имя у всех на устах. И кто знает, станут ли упрекать меня старейшины родов, если в одну из теплых беззвездных ночей к Авал-Хану в спальню проберется оборванный мальчонка и полоснет по горлу засапожным ножом? Два правителя — не слишком ли много для вольного Апа, где покой веку вождей держат в черном теле, не так уповая на мудрость людскую, как на снисхождение бога удачи?

Впереди кипела пылевая буря; из желтовато-коричневого облака вырывались безумные вопли, то и дело, крутясь, вылетало брошенное, точно палка, копье. Мельтешили неясные силуэты. Но Каи-Хану — степному волку — не раз доводилось рубиться в тучах пыли. Пыль — не потемки, врага от своего как-нибудь отличишь.

Он ободряюще рыкнул своим удальцам, и стоя апийских волков вклинилась в обезумевшую толпу.

* * *

Правый раструб «ноздрей Мушхуша» давал великолепную струю, левый же то и дело захлебывался огнем — тем более обидно, что еще ни на одном испытании он не подводил. В отличие от правого — вчера Бен-Саиф полдня провозился с засорившимся отверстием подачи горючего. Судя по всему, механизм, состоящий из резервуара с горючим за седлом, впрыскивателей по бокам лошади и двух раструбов перед ее храпом, был далек от совершенства, впрочем, об этом сотника предупреждали

еще на полигоне Храма Откровения Инанны, особенно подчеркивая ненадежность зажигания. Однако на последнем Ристалище Умов — ежевесеннем негласном празднике инаннитов, куда посторонние допускались лишь с ведома его величества, — «ноздри Мушхуша» настолько впечатлили Бен-Саифа, что он, отправляясь в чужие пределы с опаснейшей миссией, предпочел их даже «праще Ишума» — метательному оружию, которое состояло из емкости со сжатым воздухом и трех параллельных трубок, стрелявших с удивительной точностью шипастыми металлическими шариками. Яд, напыленный на шипы, убивал почти мгновенно, к тому же «праща» не знала осечек, однако весила изрядно и не годилась для боя с численно превосходящими воинами в доспехах. С одним противником Бен-Саиф разделался бы в два-три залпа, сначала умертвив незащищенную лошадь, а затем выпустив парочку бронзовых ос в лицо седоку. Но на всем скаку, да против целой лавы... Нет, тут, безусловно, гораздо надежнее драконье пламя.

Вконец изнервничавшись, Бен-Саиф оставил «ноздрию» в покое и, помянув в сердцах зловредного Митру, забрался в седло. Раструбы «ноздрей» заканчивались в локте от конского носа и смотрели чуть в стороны — чтобы не опалить морду скакуна, несущегося во весь опор. Еще одна незадача: когда «ноздри» выдыхают огонь, всаднику нельзя двигаться иначе, как по прямой, что не так-то просто на дне извилистой лощины. Перед отъездом из Шетры сотник узнал, что умники из Храма Откровения придумали негорючее рядом из какого-то волокнистого минерала, — еще бы неделя, и он бы разжился исподним, защищающим от ожогов, и маской для скакуна. Сам он однажды подал идею насчет забрала из тугоплавкого стекла, но монахи из стекловарни подняли его на смех. «Вообрази себе камешек из-под копыта удирающего врага, — сказал один из дюжих стеклодувов, — он тебя запросто оставит без глаза». Хотя кому-то из алхимиков мысль о прозрачном забрале понравилась: «Кварц — вещество многообещающее, — сказал сей достойный монах, — и разные добавки в расплав воспринимает по-разному. Меняет свой цвет, прозрачность, твердость... Стек-

лянные доспехи — это, конечно, смешно, однако, если они тебе необходимы, ты их получишь... года через четыре».

Но таким сроком Бен-Саиф не располагал. Никогда еще за пределами Междугорья не складывалась столь выгодная политическая ситуация, как сейчас; никогда еще Ибн-Мухур — известнейший маг, врач и мудрец, давным-давно приметивший в рядах горной гвардии смысленного и любознательного воина, — не ходил таким окрыленным. Все знаменовало скорую великую победу молодого агадейского властелина.

* * *

— Возвращаемся в Бусару, — крикнул Павлан растерянным соратникам, которые сустились у подножия горящего холма. — Боги отвернулись от нас, командир предал. Я подъехал к пехоте, там ужас что творится, в каждого будто демон вселился, они буйствуют и режут друг друга. В жизни такого не видал! Апийские трупоеды зарубили пять-шесть десятков и повернули назад, видно, испугались, что на них перекинется порча. Клянусь пресветлым Митрой, тут не обошлось без колдовства.

— И агадейской интриги, — добавил тысяцкий из знатного рода, издавна дарившего Нехрему военачальников и дипломатов. Родной дядя этого воина, бывший посол в Агадее, не так давно отошел от дел и немало поведал о чудесах этой маленькой горной страны; подчас в его голосе звучало восхищение. Тысяцкий, человек более практического склада ума, дядиных восторгов не разделял; традиционные причуды агадейских монархов внушали ему только тревогу. — Ты догнал Дазauta?

— Нет. — Павлан потупился, изображая пристыженность, которой не испытывал. — У него скаун из конюшен Токтыгая. Чистых туранских кровей.

— И гирканцев ни слуху, ни духу, — задумчиво произнес тысяцкий. — Неужели и они продались? — И сам же ответил: — С них станется. Та же порода, что и апийцы. Канюки степные. — Он вдруг напрягся и с гревой посмотрел на Павлана: — Ты видел апийцев, которые напали на пехоту?

— Видел.
— Сколько их было?
— Сотня, может, чуть больше.
— А на холме — от силы полтора-два. — Сотник помолчал, подсчитывая в уме. — Позавчера в лагере их было тысяч пять — значит, четыре с половиной ушли. Куда? В Ап?

Павлан вздрогнул и схватился за нагайку.

— К нам в тыл! Штурмуют крепость! Назад! Скорее!

Несколько минут вокруг него царил сумятица. Затем блистательная нехремская конница, самая дорогая и любимая игрушка Токтыгая, гремя тысячами копыт, понеслась к Бусаре, а следом, жалобно скрипя под тяжестью искалеченных солдат, двинулись боевые колесницы.

С вершины чадающего холма их провожал бесстрастным взглядом всадник в серых доспехах.

Глава 3

Каждый раз, когда Ибн-Мухур входил в Поющую Галерею, его сердце на миг восторженно замирало, а затем начинало биться в неровном праздничном ритме, как на шумном пиру среди друзей детства, после кубка-другого золотого аргосского вина. Подпружиненные плитки из оникса, благородного жадеита и драгоценного афгульского лазурита; подаваясь под стопой, шевелили крошечные колокольчики в полусферических полостях, которые усиливали звуки. Песня колокольчиков взлетала под своды зала и там повторялась удивительно звонким эхо — о сем позаботился талантливый зодчий, прославивший свое имя еще строительством зиккуратов Дамаста. Восхищал и узор мозаичного пола, особенно в солнечные дни, когда в Галерее бывало много гостей; шевелясь, плитки щедро разбрасывали по стенам радужные лучики.

Давно ушел в небытие тот знаменитый строитель — своей смертью, благодаря золоту Агадеи. Уже в преклонные годы соблазнил он посулами коварного узурпатора и бежал из Дамаста, от сурового и своенравного владыки, к новому пришлому королю злосчастной Пандры. Но там

он не задержался — Сеул Выжига отослал его за восточные кряжи Гимелианских гор, в благодатную Вендию, где на деньги, выколоченные правдами и неправдами из несчастных подданных, он купил целую провинцию, плодородную долину с кипарисовыми рощами и дуриановыми садами, с полями хлопка и деревьями трудолюбивых и покорных вендийцев. Туда Сеул рассчитывал перебраться к старости, а пока жал из пандрцев, доведенных до отчаяния, последние соки. В Вендии зодчий построил ему роскошный дворец, грандиозную родовую усыпальницу и неприступную сокровищницу; в Вендии, по замыслу неблагодарного шемита, должен был упокоиться и его прах. Но слуга Сеула Выжиги Тяхем, бессердечный мытарь и хладнокровный убийца, приставленный к строителю, в последний момент не устоял перед мерцанием жемчуга и злата, и именитый старец, вместо того чтобы проглотить лошадиную порцию яда и испустить дух посреди кровавой блевотины, тайком уехал на северо-восток, а в могилу, уже вырытую для него, улегся глухонемой дурачок из ближайшего селенья.

Много таких историй поведал бы Ибн-Мухур, не лежи на его устах строжайший запрет властелина. К иным славным деяниям ануннак и сам приложил руку, и в глубине души надеялся, что когда-нибудь о его подвижничестве узнают все к вящей славе его древнего рода.

Галерея опоясывала дворец двенадцатиугольником. В плане загородная резиденция короля напоминала поперечный разрез апельсина. От центрального покоя нижнего, самого просторного, яруса радиально уходили перегородки между залами. Лишь темно-зеленая полусфера крыши придавала дворцу сходство с гигантской черепахой, неведомо чьей прихотью из тропической лагуны перенесенной в горную долину. «Черепашу» окружал ухоженный сад, в нем с растениями этих неласковых широт уживались экзоты, даже такие капризные, как магнолии и виноград. Садовники радели не за страх, а за совесть: мерзляков на зиму старались уложить на землю и засыпать палой листвой, а не получалось — стволы обмазывали топленым салом и окутывали соломой; по весне, едва лопались почки, их ежеутренне поливали водой и окуривали дымом.

Стоило ли удивляться тому, что человек, совершая прогулки по этому саду, обретал телесную бодрость? Любые раны здесь заживали быстрее, а хвори нередко исчезали без следа, когда их касалось дыхание деревьев и лоз.

«Я напоен томлением листьев и цветов. В меня вселился мир, и я склоняюсь пред бессмертием твоим», — начертал на папирусе великий хитайский поэт Куй-Гу, гостивший почти целую луну у деда Абакомо. Теперь папирус хранится в дворцовой библиотеке среди прочих сокровищ человеческой мысли, а косточки непоседливого Куй-Гу белеют где-то среди боссонских топей, и одному Нергалу ведомо, что за нелегкая занесла богатого восточного философа, поэта и музыканта в такую даль. Но насчет бессмертия сада он, безусловно, прав — оно достойно поклонения. Бродя по этим аллеям, как будто заражаешься вечностью, и серые равнины отступают в сумрачную даль, суживаются до крошечного пятнышка в безбрежном океане бытия... Да простит их владыка невольное кощунство.

Ибн-Мухур отвел взгляд от сада, что навевал прохладу под арки Поющей Галереи. Бубенцы под его ногами зазвенели веселей, приободрилось и эхо под сводами. Ануннак не любил опаздывать.

Шагах в пятидесяти за его спиной раздавался точно такой же нежный перезвон. Ибн-Мухур задержался на мгновение, обернулся — позади шествовал невысокий полный человек в златотканом кафтане и меховой шапке с огромной серебряной кокардой. У Ибн-Мухура екнуло сердце, но не страх и не тревога были тому причиной. Волнение. Он узнал благородного Виджу. Ко двору Абакомо Виджа прибыл несколько лун тому назад и вмиг снискал себе редкую для посла репутацию записного гуляки. Разумеется, Ибн-Мухур сразу заинтересовался и велел двоим пажам заняться им; юноши взялись за дело ретиво, и вскоре Виджа обзавелся разудалой компанией верных друзей, готовых ради него и в огонь, и в воду, знающих толк в вине и девочках. Пристрастили его и к опию — хитайскому зелью, над которым в Храме Откровения Инанны сейчас работало полдюжины алхимиков с подмастерьями. На одной из пирушек Ибн-Мухур даже

подарил нехремцу кальян собственной конструкции (с такими же точно машинами наслаждения недавно отправился к апийским соправителям Бен-Саиф).

Уже через две недели Ибн-Мухур знал о Видже всю подноготную и мог без труда подцепить его на крючок, но не видел в этом необходимости. Новый нехремский посол устраивал его, как никто иной. Он не совал нос в чужие дела. Эрешкигаль свидетельница, какого труда стоило избавиться от его предшественника, твердолобого святоши, возомнившего себя радетелем отечества. Ануннак покраснел, вспомнив свой позорнейший провал.

Однажды подкупленный раб посла шепнул на ушко человеку Ибн-Мухура, что старичок весьма охоч до малолеток обоего пола; когда-то посол и сам любил с ними порезвиться, но с годами осознал, что это все-таки грешно, и теперь лишь изредка позволяет себе любоваться, как мальчики и девочки развлекаются друг с другом. Раб не солгал. В один погожий день на заднем дворе посольского особняка разыгралась премиленькая сценка: три юные парочки выделяли на ухоженной лужайке такое, что старый похотливый козел повизгивал от восторга, пускал слюни и сучил мокрыми ногами.

В разгаре представления отворилась дверь во двор, и на крыльце появился родной внук Токтыгая, гостивший в королевском дворце. Он внял совету красавицы Лапиты, одной из многочисленных фавориток Абакомо и любимой ученицы Ибн-Мухура, — видя, как молодой человек пожирает ее глазами, она изрекла загадочную фразу: «Котик, ты увидишь кое-что похлеще, если сейчас же наведаешься в посольство». И вот юноша в посольстве, и что же он видит? Совершенно невинные утехы в лучших традициях нехремской знати. Помилуйте, да у кого повернется язык упрекнуть за такой пустяк стареющего вельможу? Определенно, Ибн-Мухуру следовало бы лучше изучить нехремские нравы, прежде чем строить дурацкие козни.

Ибн-Мухур передернул плечами, будто хотел стряхнуть раздражение, и ухмыльнулся. Если и надо злиться на кого-нибудь, то лишь на себя. Сам виноват, зеленорысый. Все учел, кроме того, что маячило под самым носом. Ничего, бывает. В конце концов, ты потом своего добил-

ся — старикашку отозвали за пошлую растрату. Уж этого-то «пустяка» Токтыгай ему не простил.

Он еще раз посмотрел на Виджу. От посла прямо-таки веяло беспокойством, даже колокольцы под его сапожками из кожи стигийского крокодила позвякивали нервно, взбудораженно. «Неужто началось?» — подумал ануннак, зачарованно внимая сладостному щемлению в сердце. Неужели еще до первых осенних морозов на западе падут кровавые, развратные династии, и на опустевшие троны взойдут друзья Агадеи, и воцарится мир, ради которого тысячи и тысячи людей многие годы трудились не покладая рук, ради которого молодой властелин не спит ночами, лишь изредка позволяя себе развлекаться на охоте или забыться в нежных объятьях одалиски?

Нынче отборные войска сосредоточены у границ, арсеналы ломаются от оружия, коего еще не видел свет, и лучшие маги и мудрецы страны корпят по ночам над картами сопредельных государств и донесениями многочисленных шпионов, — лишь бы предугадать любой возможный исход, лишь бы избежать больших потерь и напрасного кровопролития, способного оттолкнуть робких и щепетильных союзников. Ибн-Мухур не взялся бы вспомнить, когда он выспался в последний раз, однако румяное, жизнерадостное лицо бородача не носило явных признаков усталости. Чего нельзя было сказать о нехремском после — очевидно, тот провел ночь, полную тревожных, и не единожды раскуривал кальян, дабы горьковатым дурманом успокоить метущуюся душу. Что теперь этот слизняк скажет агадейскому королю? Чего потребует его устами Токтыгай, внезапно увидевший над своей головой щербатую апийскую саблю?

Рослый горногвардеец в летнем парадном мундире нового образца — темно-серых рейтузах, серебристом кафтане с мерлушковой оторочкой и остроконечной каракулевой папаше с золотой кокардой в виде совы — бесшумно растворил перед Ибн-Мухуром дверные створки. Ануннак вошел в малый аудиенц-зал — холодная чинность столов из железного дерева, мягкие желтоватые отблески рассеянных солнечных лучей на люстрах и канделябрах словновой кости, полусонное ворчание двух рослых мастафов,

распластавшихся возле широкой софы. В кресле-качалке напротив софы восседал Абакомо, его стройные ноги в мягких туфлях с загнутыми носами проминали белую тисненую кожу пуфа. Над серебряным кубком в его руке вился парок, а рядом на столе высилась огромная серебряная чаша с пуншем и блюдо с фруктами — для гостей. Прохладный ветерок из растворенного окна шевелил длинные русые волосы монарха.

На креслах, стульях и пуфах сидело несколько человек, всех их Ибн-Мухур прекрасно знал. Сам он устроился прямо на полу, скрестив ноги, — ревматизм не пугал его нисколько. Вошедший чуть позже Виджа залез безил перед королем, запинаясь от волнения, но тот оборвал приветственную речь, гостеприимно указав на софу. Боязливо обогнув мастафов, нехремский посланник подобрал полы дорогого пестрого халата и опустил кургузый зад на белый сафьян. В зале, где господствовали ровные, мягкие тона, он походил на раскормленную тропическую птицу.

Абакомо кивнул писарю, тот расположился за столом, раскатал чистый пергамент, макнул в чернильницу новое изобретение инаннитов — тонкое металлическое перо. «Прощайте, глиняные таблички, — с улыбкой подумал Ибн-Мухур, глядя, как усердно клинописует узкоплечий монах. Еще год-другой, и пергамент тоже канет в историю, алхимики уже научились делать превосходные белоснежные листы из молотых корней некоторых деревьев».

Озаглавив документ и поставив дату, писарь шепнул королю, что готов, и тот, отхлебнув пунша, осведомился, что вынудило дражайшего посла в столь ранний час просить у него аудиенции? Виджа, ерзавший на софе, как пес, одолеваемый блохами, вскочил на ноги и зачастил:

— О достойнейший среди достойных! Не гневьтесь на бедного Виджу! Его гложет тревога за судьбу наших добрососедских отношений! То же беспокойство снедает и моего любимого повелителя, да не сгладятся курганы над могилами его предков! Но он, как и ваш покорнейший слуга, нисколько не сомневается, что любое недоразумение между нами может быть лишь плодом несогласия... виноват, любое несогласие между нами может быть лишь плодом недоразумения! О мудрейший среди муд-

рых, сегодня ночью в мои покои ворвался гонец, он загнал трех лучших жеребцов и одного мерина, добираясь сюда. Он привез от моего властелина, — да продлит Митра его годы! — устное повеление явиться пред ваши очи и нижайше испросить, зачем вы, о смелейший среди смелых, вторглись в наши мирные пределы, зачем возглавили орды кровожадных демонов, не жалеющих ни старого, ни малого, жгущих и грабящих все на своем пути и наносящих невосполнимый ущерб нашей дружбе? Я прекрасно понимаю, о милостивейший среди милостивых, что столь дерзкими речами рискую навлечь на свою голову ваш гнев, но воля моего владыки, — да укрепят стихии его и без того крепкое тело! — непререкаема, а я — лишь жалкий червь, повторяющий его слова...

Все это Виджа излагал с вытаращенными от страха глазами, а под конец сообразил, что выглядит форменным шутком, и умолк. Абакомо внимал ему с добродушной улыбкой; вокруг звучали смешки; тщедушный монах, чтобы не прыснуть, закусил вислый ус. У Ибн-Мухура по телу разливалось блаженное тепло — он уже понял, что все идет как по писаному.

— Да хранит вас Нергал, любезнейший, — сказал Абакомо, и посла затрясло — агадейское пожелание доброго здоровья в ушах иноземца звучало страшнейшим проклятием, — но я ничего не понял из вашей обличительной речи. Какой мерин, какой червь, что за орды, что за демоны? И как вам могло прийти в голову, что я способен нанести нашей дружбе невосполнимый ущерб? Или вы забыли девиз, вырезанный на моей королевской печати, девиз, которому я следую с младых ногтей? «Иные копят злато — я коплю друзей». Давайте-ка успокоимся, выпьем по глотку пунша и попробуем разобраться, в чем дело.

Все это Абакомо высказал без тени насмешки; его приближенные попритихли, и нехремец взял себя в руки. Он благодарно кивнул, принял из рук слуги серебряный кубок, торопливо поднес к губам, поперхнулся и обрызгал слуге ливрею. Это сразу разрядило атмосферу: агадейцы теперь имели полное право хохотать до упаду, Виджи вторил им, истерически повизгивая, а когда смех унялся, он опустил на софу и повел более осмысленную речь.

Едва он закончил, Абакомо возмущенно вскочил с кресла.

— Ну и дела! При всем моем уважении к Токтыгаю, разгул его фантазии просто ошеломляет. Мы — с арийскими бандитами! Надо же такое вообразить! Заманиваем армии в подлые ловушки! Сжигаем села! Осаждаем города! Мы, миролюбивые агадейцы, не воевавшие на чужой земле больше века! Суший бред, клянусь милосердием Инанны!

— Но во главе арийских вырожденков, — пискнул Виджи, — ваши люди!

— Кто!? — взревел Абакомо, отбрасывая кубок. — Приведите их ко мне, и, клянусь неумолимостью Эрешкигали, им не поздоровится! Я самолично придумаю для них наказание! Розги, вымоченные в соленой воде! Нет, это слишком мягко! Год тюрьмы, а потом — ссылка в захолустье!

— Мы бы, — Виджа нервно потер ладошки, — предпочли что-нибудь более действенное.

— Более действенное? — Король посмотрел на него, как невинное дитя на живодера. — Что может быть действеннее ссылки в горное ущелье, к неумытой, невоспитанной деревенщине?

— Ну... — Нехремец смущенно потупился.

Почесывая за ухом мастафа, который перебрался к нему от софы и задремал, Ибн-Мухур перечислил:

— Зиндан с кобрами, мешок с тарантулами, прилюдное оскпление под рев зурны — еще неизвестно, что страшнее, — наконец, частичное свежевание с посолом ран. В разных странах — разные традиции, ваше величество.

Виджа смутился еще сильнее. Абакомо переводил потрясенный взгляд с него на Ибн-Мухура и обратно. Наконец он тихо сказал: «Ну, знаете...» и опустил в кресло-качалку.

— О гуманнейший среди гуманных! — заговорил Виджа. — Мой господин, да уберегут боги от выпадения его благородные седины, отнюдь не голословен. Увы, он не может выдать вам злодеев — они пока творят свои гнусные дела на свободе, а когда будут пойманы, правед-

ный гнев нехремцев не позволит оставить их в живых. Но уже сейчас я могу назвать их имена. Это некие Бен-Саиф и Лун.

— Бен-Саиф и Лун? — Абакомо помял подбородок. — Да липит Нергал наш народ своего расположения, если мне хоть раз доводилось слышать эти имена. Впрочем, Бен-Саиф... Пойдите, это не тот ли шустрый гвардеец, который больше увлекается ростом в чинах, нежели боевой подготовкой?

— Он самый, ваше величество, — сказал Ибн-Мухур, жестом подзывая слугу с кубком пунша. — Паршивая овца в нашем стаде. Вояка из него никудышный, зато интриган каких поискать. Чтобы не тянуть солдатскую лямку в горных гарнизонах, женился на двоюродной сестре вашей одалиски Феоны, ну и...

— Ах да, точно! — Абакомо хлопнул себя ладонями по коленям. — Как же я запамятовал! Сам его произвел в сотники — Феона прицепилась, как репей к ослиному хвосту, кстати, у нее еще одна сестричка есть — сущий вулкан, не хотите погреться, а, любезный Виджа?

— Никудышный вояка? — Нехремец предпочел не заметить игривого тона агадейского государя. — Этот никудышный вояка чуть ли не в одиночку разделался с тысячей гирканских всадников!

Абакомо неопределенно хмыкнул. Ибн-Мухур пожал плечами.

— Ну, он же все-таки горногвардеец...

— Так вы не скрываете, — зацепился Виджа за эту фразу, — что ваши горногвардейцы воюют на нашей территории? — Он испугался своих слов, но тут же успокоился — в лице агадейского короля не было ничего угрожающего.

— У меня нет оснований, — сказал Абакомо холодным тоном, — сомневаться в правдивости царя Нехрема. У меня есть основания сомневаться в верности моих гвардейцев. По-моему, мы имеем дело с обычным дезертирством. Уважаемый Ибн-Мухур, у вас есть какие-нибудь предположения на этот счет?

Ануннак осторожно опустил голову мастафа на пол, встал и оправил роскошную зеленую рясу.

— Ваше величество, боюсь, вы совершенно правы. Дело обстоит следующим образом. Приблизительно две луны тому назад сотник Бен-Саиф придумал новую интригу. Он решил скомпрометировать командира дворцовой стражи, добиться его смещения, ну и, разумеется, занять его место. С этой целью он взялся ухаживать за любовницей своей жертвы — из наложниц, как известно, получают великолепные источники информации пикантного свойства. Но безупречная репутация доблестного тысяцкого оказалась ему не по зубам, а вскоре о шашнях Бен-Саифа с любовницей командира стражи узнала законная супруга и учинила страшный скандал.

В то время вы, осмелюсь напомнить, были заняты подготовкой к весенним Ристалищам Умов и не велели тревожить вас по пустякам. Поскольку возмущенный тысяцкий хотел вызвать незадачливого интригана на поединок, я, не желая подвергать напрасному риску жизни одного из наших лучших воинов и родственника вашей фаворитки, взял себе малоприятную роль. Я попытался замять скандал. В доверительной беседе я убедил Бен-Саифа послужить год-полтора в крепости Сам-Хтан на перевале, который чаще остальных подвергается атакам разбойников, неугомонных апийцев. Через два-три сражения, рассуждал я, из головы Бен-Саифа выветрится лишняя дурь, а когда при дворе поулягутся страсти, он вернется и займет прежнюю должность.

Во время этого разговора сотник не возразил мне ни словом, ни жестом, лишь уныло кивал, а наутро отправился в путь. Вскоре из крепости прибыл гонец и сообщил об очередном апийском набеге. На этот раз бандиты испробовали новую тактику — подобрались к крепости под видом богатого каравана. Но волчьи клыки нетрудно заметить даже под овечьей шкурой, я имею в виду жестокость в обращении с верблюдами и лошадьми, — ну, в самом деле, разве настоящий караванщик станет без нужды истязать вьючное животное?

Вскоре навстречу шайке по ущелью подошел Бен-Саиф с конной сотней и, как требует устав, предложил бандитам убраться восвояси. Те согласились, но перед уходом разыграли оскорбленную невинность: мы-де к вам по-до-

броду, как хорошие соседи, с подарками, а вы нас — в шею! Некрасиво получается! Однако Бен-Саиф стоял на своем, и будь у него хоть немного опыта общения с этим племенем, он бы не совершил роковой ошибки — не внял бы их приглашению на прощальный пир. Кончилось это тем, что ему и еще одному горногвардейцу из его отряда подмешали сонного зелья в вино. Надо заметить, апийцы редко берут пленных и никогда не оставляют их в живых, но заложники — это, с их точки зрения, не пленные. Бандиты не поверили обещанию Бен-Саифа, что им удастся целыми и невредимыми уйти с перевала, слово чести для них — пустой звук. Прикрываясь телами двух наших людей, они шарахались от каждого куста, пока не выбрались на равнину, — им всюду мерещились лучники и пращники, не знающие промаха. С тех пор и до сего часа я ничего не слышал об участии Бен-Саифа и второго... Как вы его назвали, достопочтенный Виджа? Лун? Редкое имя, похоже на монашеское. Признаться, я думал, что моих несчастных соотечественников давным-давно скормили домашним гиенам. Стало быть, заложники все-таки выторговали себе пощаду... Что ж, Эрешкигаль им судья, — а она, да будет вам известно, за измену по головке не гладит.

Виджа затравленно смотрел в благодушное лицо Ибн-Мухура, ровный, миролюбивый тон ануннака несколько не успокаивал нехремского посла, напротив, от каждого слова между лопатками разбегались новые полчища мурашек. Верность агадейских горногвардейцев своему повелителю покоя века у всех на слуху, история не знает случаев измены. Ни единого.

В Лафатской долине апийские банды предстали обученной, дисциплинированной армией. Войско Дазаута — цвет нехремской регулярной армии — получила жестокий сюрприз. Вопреки обыкновению, апийцы не носились буйной толпой перед фронтом пеших мечников и копейщиков, пытаясь досадить им стрелами и дротиками, не бросались врассыпную под ударами конного «тарана» или гирканской лавы, — они хорошо стояли в обороне и лихо контратаковали, и у них даже было несколько сот пехоты, которую, правда, в ущелье почти без остатка вырубili

наемники Конана и когирские дворяне Зивиллы. А главное, у них было оружие, о котором до сего времени мир только мечтал.

А что сейчас творится в окрестностях Бусары!

У Виджи стыла кровь в венах, когда он вспоминал рассказ полуночного гонца. Толпы вооруженных безумцев, истребленные своими же бывшими товарищами у городских ворот. Овраг недалеко от крепости, набитый обожженными и растерзанными трупами гирканских наездников. Конница Дазаута, преданная своим командиром и обескровленная в нелепом штурме неприступного холма. Агадейские «ренегаты», в одиночку уничтожающие сотни отборных воинов Токтыгая, как будто сам Нергал — чудовищный бог загадочного горного народца — взалкал гибели благословенного Нехрема и обрек его непобедимому мечу своих слуг — зловещих всадников серых равнин.

Виджа перевел взгляд на агадейского короля, и уже не страх — могильный холод объял его. От монарха веяло сверхъестественной уверенностью, покоем каменного утеса, и у посла родилось небывалое чувство, которому он сразу сумел найти определение: роковая безысходность. Теряя сознание, нехремец снова посмотрел на Ибн-Мухура и увидел блаженную улыбку. Внезапно кругом сгустился мрак, но за миг до падения на мозаичный пол Виджа уловил шевеление толстых губ ануннака. Посол никогда не учился читать по губам (во всем мире этим искусством владели только глухие стигийские колдуны и кое-кто из инаннитов), но сейчас у него получилось. «То ли еще будет, малыш», — вот что беззвучно произнес самодовольный царедворец.

* * *

Деревню они увидели на пологом берегу мелководной речушки; западный берег представлял собой обрыв голого столовидного холма, а на широкой излучине южного стояло полтора десятка хижин, две длинные общинные овчарни и водяная мельница; все это утопало в зарослях акации, дикой груши и барбариса. Наверное, тремя-четырьмя днями раньше зеленый оазис посреди голодной

степи порадовал бы глаз, но сейчас он нагонял только уныние. Ячменное поле выгорело дотла, от овчарен несло падалью, в речушке у мельничной запруды покачивались разбухшие трупы селян. Посреди главной улицы на кольях, врытых в землю, чернели обожженные солнцем мертвецы; их рты были навсегда мученически распялены в немом крике. Конан, вдосталь навидавшийся покойников на своем веку, смотрел на них с мрачноватым спокойствием, а его спутников разбирала жуть. Они спустились с обрыва, перешли речушку по плотине и остановились на улице перед четверкой казненных. Видать, чем-то не угодили эти пастухи разбойничьему атаману — смерть остальных селян была куда легче, им попросту раскроили головы боевыми топорами, а трупы побросали в заводь.

Сонго вдруг дернулся всем телом, скривил губы и прижал ладонь ко рту, а через несколько мгновений посмотрел на Конана.

— За что их так?

Темноволосый киммериец пожал плечами и неохотно произнес:

— Это не апийские шакалы поработали, — видишь, на мертвецах одежда осталась. Надо пошарить по селу, может, жратвы найдем или скотину уцелевшую. — Он опустился на корточки перед одним из казненных, дотронулся до его босой ноги. Ступня была сожжена до кости. — Плясал на угольках, — заключил Конан. — Вряд ли ради собственного удовольствия.

— Пытали? — Сонго устало сел на землю рядом с Конаном. — Но зачем?

— Когда в деревню приходят мародеры, у них обычно три намерения: пожрать, пограбить, поразвлечься, — назидательно произнес киммериец. — Местные бандиты просто так убивать не стали бы — не резон. Чужеземные — другое дело, но и они сначала повеселились бы, покуражились. Видно, они тут не все нашли, чего хотели.

— А что они хотели? — спросил Сонго.

Конан метнул в него хмурый взгляд — наивность молодого когирца начинала раздражать.

— Когда мы через речку шли, ты запруду видал?

Сонго кивнул.

— На покойничков обратил внимание?

Сонго опять кивнул, и опять его чуть не стошнило.

— Ну?

Снова озадаченный взгляд.

— Там ни одной девки, ни одной молодой бабы, — ровным голосом напомнил Конан. — Дети есть, а баб нету. А баба для мародера — первостатейное развлечение. Они обыскали дома и не нашли молодежи. Тогда стали пытать самых уважаемых жителей, куда попрятали дочерей и жен. Да только, сдается мне, зря. Крестьянин бандиту все отдаст: коня, хлеб, брагу — все. Кроме жены и дочки. Хоть ты жги его, хоть на кол нанизывай. Этих бедолаг прикончили дня два назад, не меньше, — решил он, еще раз осмотрев трупы. — Надо хорошенько поискать в домах, может, кое-кто из женщин вернулись, да увидали нас и по чердакам попрятались.

Когирцы разошлись по деревне, киммериец вернулся к реке. Когда он обыскивал амбар при мельнице, с противоположной околицы донеслись пронзительные крики. Он выскочил из амбара, ненароком снеся дверь с кожаных петель, и припустил по улице с мечом в руке; из других домов выбегали встревоженные телохранители Зивиллы.

Как выяснилось, Конан угадал — женщины возвратились в село, и коренастому балагуру Паако «посчастливилось» наткнуться на одну из них. В хлипкой лачуге на окраине он обнаружил огромный липовый чан с остатками браги; когда он, сложившись пополам, тянулся ртом к пахучей жидкости, тяжелый кетмень распорол ему правую ягодицу. Воин закричал от боли, но не поддался страху и гневу. Он в один миг обезоружил молодницу и вытащил ее, заходящуюся визгом, за волосы во двор.

Когда туда прибежал Конан, девушку держали двое когирцев, а Сонго хлопотал над пострадавшим. Рана была неглубока, но болезненна, и ее рваные края сушили уродливый шрам. Крестьянка не пыталась вырваться, лишь переводила круглые от ужаса глаза с одного чужеземного воина на другого; когда ее привязывали к плетню, заплакала с тихим щенячьим прискуливанием.

Паако и еще один воин взялись сторожить пленницу, а остальные вновь разошлись по деревне. Теперь в дома

заходили парами и не выпускали из рук оружия. К полудню на околицу согнали одиннадцать женщин, самой старшей было лет сорок, самой младшей не больше четырнадцати. Конан снова побывал на мельнице и набрал мешок муки, рассыпанной бандитами по полу амбара. Когирцы тоже нашли кое-какую снедь, выволокли во двор и злополучный чан с брагой. На костре заварили мучную болтушку, сдобрили ее толченым чесноком и кунжутным маслом, потом в золе напекли репы. Когда накормили женщин, Сонго предложил их развязать, и Конан после некоторых колебаний согласился. Светловолосый когирец с успокаивающей улыбкой подошел к симпатичной темноглазой селянке и галантно предложил ей свободу в обмен на обещание не убегать. Девушка энергично закивала, дождалась, пока он развяжет ей ноги и, улучив момент, метко двинула ногой в пах. Конан усмехнулся и посмотрел на Сонго, будто спрашивал: ну что, не передумал развязывать? А тот, держась за низ живота и закусив губу от боли, отрицательно покачал головой. Подойдя к неблагодарной красотке, Конан рывком поставил ее на ноги и отвесил такой подзатыльник, что девушка рухнула на плетень. Он снова заставил ее подняться и разорвал веревку на руках, нимало не заботясь о том, что причиняет ей боль. Затем, не оглядываясь ни на девушку, ни на Сонго, возвратился к костру, разломил обугленную репу и наполнил рот сладковатой желтой мякотью.

Прожевав, он все-таки оглянулся. Девушка сидела на земле, морщась и потирая висок, Сонго был рядом, на корточках, что-то терпеливо втолковывал, о чем-то пытался расспросить. Когирский воин протянул над огнем деревянную кружку с брагой, Конан поблагодарил кивком, глотнул — кислит, не дозрела еще, ну да не беда. Он покосился на Сонго и селянку. Молодой телохранитель Зивиллы добился своего, девушка отвечала — пока односложно, но было ясно, что она разговорится. Киммериец неторопливо допил брагу, вылил последние капли в огонь, посидел некоторое время в блаженном безмыслии, наслаждаясь тяжестью в желудке и легкостью в голове, встал и подошел к Сонго и девушке.

— Мы идем в Бусару, — произнес он, глядя в зрачки, расширенные страхом. — Мы из армии Токтыгая, свои. — Он знал, что Сонго уже сказал об этом селянке, но счел не лишним повторить. — Нам нужна еда, кое-что из одежды.

Девушка не отводила взгляда, страх на ее лице сменялся презрением. Конан усмехнулся.

— Да, вояки мы никудышные, раздолбали нас в пух и прах. Но мы не мародеры. Мы платим. Вот. — Он бросил ей на подол три монеты с профилем Токтыгая. — Настоящее золото. Это только тебе, остальные тоже внакладе не останутся.

Лицо девушки исказилось. Скрипнули зубы, набухли желваки. Конан удивился — что он такого сказал? Отчего она глядит на него с лютой ненавистью? Три монеты — жалованье пешего наемника за целый месяц, для крестьянки из нищей деревни это целое состояние. Хватит на новую хибару и два десятка овец.

— А еще похороним убитых, — хрипло пообещал он. — Кто из вас захочет, может идти с нами в Бусару.

— Правда, Юйсара, — ласково произнес Сонго и дотронулся до ее руки. — Пойдем. Женщинам тут опасно.

— Бандитов тьма тьмущая, — подтвердил Конан.

— Да. — Девушка криво улыбнулась и зло сверкнула глазами. — Кругом одни бандиты.

— Мы свои, — терпеливо повторил Конан. — Мы возьмем еды, но заплатим. По три золотых на каждую.

— Те тоже были свои, — глухо сказала Юйсара, — и тоже обещали по три золотых.

* * *

Шайка ворвалась в деревню на утренней заре. Пятеро всадников с тяжелыми копьями носились по единственной улице, двое пешех спустились с обрывистого берега к мельнице, еще десятка два воинов в доспехах из кожи и бронзы растянулись цепью вдоль околицы и стрелами и угрожающими криками загоняли перепуганных крестьян обратно в лачуги. Но их ждали. Еще вечером мальчишка-подпасок, сводный брат Юйсары, гнал с пастбища овец и заметил на обрыве вооруженных людей, они сидели

в кустарнике и поглядывали на деревню. Они тоже видели встревоженного пастушка, но не пытались его остановить. И с полуночи Юйсары и еще десять женщин прятались в глубокой пещере в двух полетах стрелы к востоку от села, а вход в ту пещеру так зарос колючей дикой сливой, что пробраться в нее можно было только ползком, и хоронились там в самых крайних случаях, потому что там водились змеи, их истребляли время от времени, но они снова наползали, а мальчик сказал, что те люди, на обрыве, на апийцев не похожи, вроде свои, может, дезертиры? Ну, а коли не апийцы, то всем прятаться не резон, рассудили старики, а то шарить начнут по кустам и непременно доберутся до схрона. Вот кабы это были апийцы, тогда всем надо прятаться — у шкуродеров пощады не жди. А свои что сделают? Ну, покуражатся, цапнут, что под руку подвернется, да уйдут восояси. Надо только девок да баб молодых убрать от греха подальше.

Высокий мускулистый атаман разбойников сразу разгадал уловку старейшин. По его приказу их пытали на мельнице, потом на их глазах зарубили большинство жителей деревни и сбросили трупы в реку, а затем еще раз обыскали дома и перебили всех, кто там прятался. Тогда-то и получил маленький подпасок, сводный брат Юйсары, удар копья в бок. Он все видел и обо всем рассказал на другой день, умирая на руках сестры, обогранных бандитской кровью. Шайка все-таки искала женщин за околицей, и один из разбойников наткнулся на подозрительную тропинку на крутом берегу, уводящую в заросли терновника. Он не стал звать товарищей, ужом пролез под кустами в пещеру, и там привыкшие к темноте женщины оглушили его камнями, а затем Юйсары ловко перерезала ему горло — дочери скотовода не раз доводилось забивать баранов.

Дело шло к вечеру, и никто не решился искать запропастившегося мародера. Шайка переночевала в селе, наслаждаясь криками старейшин, которые умирали на смазанных курдючным салом кольях, а утром отправилась на юг, к Бусаре. Женщины слышали, как они уезжают — лошади протопали невдалеке от пещеры, по другому берегу реки.

Юйсары вернулась в село и нашла истекающего кровью сводного брата, мальчик почти сутки пролежал в курятнике, притворяясь мертвым, и он плакал в ее объятьях, понимая, что скоро умрет. А когда она спросила, знает ли он имя разбойничьего предводителя, пастушок кивнул и скорчился от боли. Да, он помнит, как обращались к атаману его подручные, помнит, как сам темноволосый синеглазый силач взывал к небу, прежде чем обрушить топор на голову беззащитного крестьянина: «Кром! Ты слышишь меня, владыка могильных курганов? Это я, твой верный раб, Конан из Киммерии! Прими от меня новую жертву!» И еще мальчик сказал, что перед казнью старейшин Конан достал тугой кошелек и предложил по три золотых за каждую молодую женщину.

Глава 4

Войлочный шатер прекрасно спасал от жары. Даже в летний полдень, когда не то что птицы — слепни хоронились в тени редкой бледной травы, под островерхим кровом царила прохлада; для пушего уюта хозяева шатра, сотник горной гвардии Бен-Саиф и латник Лун регулярно окунали в горшок с водой ивовый веничек и обрызгивали кошмы под ногами. Правда, в шатре все время пахло козьей шерстью, но знатной пленнице это не досаждало. Ей дозволялось свободно ходить по лагерю, но никакая сила не заставила бы ее покинуть эти тонкие стены, ибо в первый же день плена ее чуть не изнасиловали у отхожего места трое здоровенных апийцев. Хвала Митре, вовремя подоспел Бен-Саиф со своим мрачным помощником; после жаркой перебранки апийские скоты отпустили Зивиллу и, обозленно ворча, принялись мастурбировать прямо у нее на глазах. Бен-Саиф молча отвел ее в свой шатер, усадил на ложе из козьих шкур и протянул чашу прокисшего конского молока — излюбленного напитка гирканских кочевников, которым не брезговали и их южные соседи апийцы. Снисходительно кивая, он выслушал ее страстные проклятия и попросил вести себя омотрительнее, в ответ Зивилла возмущенно фыркнула и обещала последовать его совету — хотя бы

для того, чтобы дожидаться своего часа и скормить воронам требуху апийских рукоблудов и их агадейских прихлебателей.

В тот вечер Бен-Саиф долго и горячо уговаривал Зивиллу помочь ему. Не скупился на обещания и клятвы, а в ответ слышал лишь брезгливые оскорбления. Потом, доведенный до бешенства, сказал, что завтра уедет и оставит ее под охраной апийцев. Зивилла сочла это пустой угрозой — такими пленницами, как она, не разбрасываются. Она расхохоталась сотнику в лицо.

А наутро Бен-Саиф и Лун уехали вместе с бородатым чудовищем Каи-Ханом и меньшей частью орды. Остальные апийцы убрали шатры, погрузили их на телеги и тронулись на восток. Потая больше от страха, чем от жары, Зивилла тряслась на двуколке за спиной коренастого возницы и даже глаз поднять не смела; сколько похотливых окликов слышала она в тот день, сколько раз возница охаживал кнутом мордастых ублюдков — уже и не вспомнить.

На другой вечер в обоз вернулись усталые и довольные горногвардейцы, Бен-Саиф с рукой на перевязи сообщил Зивилле, что ей ничто не грозило — Каи-Хан обещал любому наглецу, который посмеет до нее дотронуться, засунуть в зад гюрзу. А ведь мог бы и утром сказать, тоскливо думала она, глядясь в бронзовое зеркальце и считая серебряные волоски в челке. Три... Четыре... Будь ты проклят, серое отродье Нергала, не получится по-твоему. Рано или поздно ты себе сломаешь шею.

Бен-Саиф долго не ложился спать, все возился со снастями, укрепленными на сбруе его коня, а на бедное животное страшно было смотреть — весь круп в ожогах и ссадинах, правый глаз налит кровью, на холке проплешины. «Ничего, оклемается, главное — ноги целы, — успокоил товарища Лун. И добавил озабоченно: — А гриву надо срезать. Ну ее к Митре, только мешает».

Лежа за войлочной стеной на вонючих козьих шкурах, Зивилла прислушивалась к их негромким голосам и дивилась незнакомым словам. «Ну, что, крепить раструб?» — «Ага... Куда ж ты запалы суешь, так-растак?» — «А что?» — «А то! Это ж "нергалов пот"! А запалы из вурдалачьего

волоса! В Кур торопиться? Так туда лучше в приличном виде явиться, а не по частям!» — «Понял, виноват. Вот этот железный диск как навинчивать, по ходу солнца или против?» — «Как хочешь, так и навинчивай. А лучше выкинь к Митре в нужник, у него резьба сорвана. На, вот запасной. Только масло сними и крепящее заклинание obnovи».

Через полуовал входа в шатер проникал свет костра, слышалось потрескивание — ночные бабочки летели на огонь чуть ли не стаями, это их крылышки трещали на угольях. Зивилла представила, как искалеченные насекомые пытаются выбраться из костра, некоторым это удастся, и они хоронятся в притоптанной траве, но большинство истлевет в горячей золе.

С войлочной стенки доносился знакомый дробный шорох, там сновала фаланга. Зивилла терпеть не могла этих мерзких бледно-желтых пауков, отравляющих жертву трупным ядом; в другой раз она бы позвала на помощь агадейцев, на худой конец, вышла бы к костру за головешкой, отыскала фалангу, стряхнула на кошму и раздавила бы, но сейчас ее разбирала дикая ненависть к Бен-Саифу, она боялась не сдержаться и сунуть головню в физиономию подлеца. И тогда — смерть. У Каи-Хана большие виды на иноземных военных советников, это ясно. Не иначе, он целит на нехремский престол. Лафатская победа распалила аппетит, а теперь еще и под Бусарой что-то случилось... Его орда на радостях упилась конского молока, но это все же не вино — сильно не захмелеешь. Поэтому они курят дурман-траву, вендийскую коноплю, ее в лагере тьма-тьмущая, да и как иначе, если у апийцев обычай курить перед боем, — это, по их словам, прибавляет отваги. Надо только соорудить прямо на земле «кхитайский вулканчик» — круглый холмик с воронкой посередине, в склон холмика воткнуть бамбуковую палочку так, чтобы конец вышел на дне воронки (у кого нет такой палочки, с успехом пользуется обычной пустотелой костью), продуть ее, а затем насыпать в воронку дурман-травы, поднести огонь и, прижимаясь щекой к земле, раскурить.

Еще и поэтому Зивилла не решалась выйти из шатра — в стане сейчас полным-полно отчаянных смельчаков, которым не страшен даже поцелуй гюрзы в задницу.

Агадейские колдуны провозились до глубокой ночи, наконец оставили в покое измученного коня и улеглись в шатре — Лун у входа, Бен-Саиф около Зивиллы. Она дышала ровно — притворялась спящей. Костер догорал, его отсветы падали на безмятежное лицо сотника, и когирянка вдруг подумала, что без шлема, плотно прилегающего к черепу, он довольно красив — волевой подбородок, высокий лоб, нос с горбинкой, а вот губы детские, чуть припухлые, но это нисколько не портит его облик. И — надо же! — ямочка на подбородке. В постели мужчины с такими лицами нежны и предупредительны.

Она подумала о Сонго. Ни разу не занималась с ним любовью, но знала, что он был бы именно таким — нежным, предупредительным. Угадывал бы ее желания. Она помнила, какими глазами он на нее смотрел на том приснопамятном турнире. Отчего же она все время оставляла его «на потом»? Ведь было у нее с другими... с тем же Ангдольфо из ее свиты, с киммерийцем... Она явственно вспомнила ласки Конана — последнего мужчины, с которым делила постель. «Какую там, к Нергалу, постель! — мысленно усмехнулась она. — Грязную телегу, мокрые плащи. Жив ли ты еще, горе-наемник, незабвенный любовник? А если жив, где тебя демоны носят? Почему не спешишь на выручку? Бен-Саиф сказал, что видел, как ты прятался у разгромленного обоза, но не выдал твое укрытие апийцам. Он даже пощадил моих мальчишек. Он на самом деле хочет, чтобы ты пришел к нему сам, хочет предложить выгодную сделку. Поверь, этот серый пухлогубый демон умеет покупать души. А ты? Умеешь ли ты торговаться?»

У нее вдруг мелькнула сумасшедшая идея — неслышно выбраться из шатра, отвязать коня Луна, вскочить в седло... Тщетно. Умное верховое животное подчинится только своему хозяину, сотник Ияр, любимый прихвостень Каи-Хана, уже испытал крутой нрав скакуна на собственной шкуре. Улучив момент, когда агадейцев не было поблизости, он вскочил в седло... и слишком поздно

заметил отсутствие привычных стремян. Вернее, стремяна были, но они прятались среди всевозможной колдовской утвари ближе к передним ногам коня. Удар пятками по бокам, знакомый любому обездвиженному скакуну, привел животное в неистовство. Оно взвилось на дыбы, и напрасно Ияр пытался удержаться за повод — в кулаке сработал незаметный бронзовый замочек, и поводья отстегнулись от уздцов. На ржание перепуганного скакуна прибежал рослый, узкоплечий, сутулый Лун; с одного взгляда на Ияра, орущего бессвязные ругательства и растирающего ушибы, ему все стало ясно.

А то, что за этим последовало, даже сейчас, сутки спустя, не укладывалось у Зивиллы в голове. Не говоря ни слова, Лун вошел в шатер и вернулся с маленькой склянкой, откуда вытряхнул на ладонь упитанного богомола. Насекомое неуклюже поднялось на тонкие зеленые ножки, Лун погладил его мизинцем по спинке, что-то прошептал, и впервые Зивилла увидела улыбку на лице меланхоличного агадейца. Лун обвел взглядом небольшую толпу зевак, задержал его на когирянке, которая выглядывала из шатра, и удовлетворенно кивнул. Ияр примолк, озадаченный странным поведением Луна, затем гримаса ярости сменилась презрительной ухмылкой, от которой и следа не осталось в тот же миг, когда Лун впился взором в его зрачки.

Ияр выпрямил спину, вытянул шею, задергал головой, полуприсел и выставил перед грудью согнутые в локтях и запястьях руки; кисти с оттопыренными большими пальцами очень напоминали клешни. Взгляд его — сначала ошеломленный, затем хищный, — метался по толпе, а та затаила дыхание, и у Зивиллы, приподнимавшей полог шатра, холодок пробежал по груди. Лун вытянул руку ладонью вверх; по ней в ужас металось насекомое, то размахивало передними ножками, то прижимало клешни к выпуклым глазам; в конце концов оно сорвалось и повисло на большом пальце Луна, бестолково суча задними ножками. Двумя пальцами Лун взял его за кончик крыла и поднес к открытому рту, словно собирался проглотить. Насекомое еще немного потрепыхалось, висая вниз головой, и замерло — похоже, лишилось чувств. Лун

закрыв рот, вернул богомола в склянку и посмотрел на Ияра. Апиец по-прежнему вел себя странно: дергался всем телом, часто вскидывал голову, подпрыгивал на месте, как будто не знал, что делать при таком скоплении живности — охотиться или защищаться. Внезапно его руки повисли плетью, колени обмякли, и он рухнул ничком.

Теперь апийские воины обходят стороной и агадейских коней, и их хозяев.

Нет, подумала Зивилла, сбежать на одном из этих скакунов не получится. Жеребец Бен-Саифа изранен, серый мерин Луна тяжело нагружен; если и подчинится, далеко на нем не ускачешь. Угнать коня у апийцев? Люди Каи-Хана стерегут свое добро пуще глаза, вдобавок лагерь обнесен секретами — лучники стреляют во все, что шевелится. И все-таки можно будет попробовать, терять-то нечего. Надо подождать: глядишь, и выпадет шанс.

Во что бы то ни стало добраться до Когира, обо всем рассказать дяде Гегридо, пускай шлет гонцов во все веси, собирает ополчение, покупает солдат у жадного Сеула Выжиги, отправляет людей и оружие в охваченную паникой Бусару, а сам едет в столицу — убеждать царя, чтобы отдал ему в подчинение осиротевшую армию. Надо спасти Нехрем! Токтыгай — не идеальный правитель, но Гегридо связан с ним клятвой вассала. Да и чисто человечески можно ли допустить, чтобы твоего повелителя на старости лет превратили в скорпиона или тарантула? Добро бы еще в толстого хомяка... Зивилла усмехнулась, вспоминая громадные щеки Токтыгая, громкую одышку при малейшем шевелении, — престарелый король и впрямь походил на раскормленного грызуна.

Наконец даму Когира сморил тяжелый сон. Она ворочалась на неровном походном ложе, а в четырех десятках шагов от нее, подле своего грязного шатра, спали хмельные апийские воины. Невдалеке паслись их стреноженные кони, а караульщик валялся на траве, раскинув кривые ноги в сапогах, снятых с убитого нехремского обозника; сальная спутанная борода показывала на западный небосклон. В шатре кучей лежали седла, сбруя, оружие и хурджины с едой и награбленным добром.

В трети полета стрелы к юго-западу чернел длинный низкий холм, по нему до самого гребня змеился неглубокий овраг, заросший кустами. Еще с полудня в овраге томились от скуки двое лучников, Ияр обещал к сумеркам прислать смену, но на пирушке у Каи-Хана напрочь запмятовал о них, и после наступления темноты воин похрабрее тайком сбежал в лагерь за кумысом и брагой, а курево у обоих всегда было при себе, и теперь один из них лежал носом в потухшем «вулканчике», а другой ушел охотиться вдоль гребня. Его невероятно шатало, под ноги то и дело попадались зловредные валуны, однако риск сломать себе шею несколько не обескураживал ночного стрелка, он обшаривал темный склон остекленевшими глазами, дурашливо подражал птичьему зову и бил навскидку в каждую тень, принимая ее за бегущего кеклика. Он так далеко отошел от своего поста, что не услышал бы, как по оврагу на холм поднимается беглянка, ведя на поводу украденного коня.

Но Зивилла спала, ворочаясь от дурных сновидений и блошиных укусов, и ее родной город Даис, и блистательный Самрак, и богатая Бусара, и все остальные города и села обреченного Нехрема теряли последний шанс на спасение.

* * *

Сонго остановился, прижал ладони к лицу, постоял несколько мгновений, выдавливая из головы черный обморочный туман, а затем растер по щекам холодный пот.

— Все-таки, надо было оставить Паако в деревне.

Конан молча зашагал дальше и вскоре догнал маленький растянувшийся отряд. Охромевшему воину поочередно помогали трое товарищей, другие легкораненые шли сами, Конан и Сонго несли почти все запасы съестного и воды, Сонго в холщовой котомке, киммериец в огромной заплечной корзине с кожаными лямками. В подобных корзинах рабы таскают землю и камни; ее изобретатель в самую последнюю очередь заботился об удобстве носильщика, и Конан мечтал лишь об одном: встретить по дороге хотя бы одного коня. И пустяки, если на коне

окажется всадник, — с ним можно будет договориться при посредстве денег или меча.

Киммериец и сам считал, что Паако следовало оставить в разоренной деревне, а еще лучше в пещере, под опекой той грудастой молодки с кетменем, — Конан помнил, как покаянно она смотрела на раненного солдата, и не сомневался, что от ее нежных прикосновений распоротая ягодица зажила бы в считанные недели. Но Паако упросил товарищей взять его с собой, и Конану такая стойкость, такая верность долгу пришлась по душе. Рану хорошенько перевязали; Сонго предлагал зашить ее, но Конан отсоветовал: наверняка загноится, ведь жара, грязь, да и ходьба в придачу, лучше сначала подержать под повязкой личинок мух, пусть выедят всю гниль, а в Бусаре найдем хорошего лекаря, ему и иголку в руки.

Юйсары вызвалась идти с ними, у нее не осталось никого из родни, только жажда мести в девичьем сердце, постаревшем в одночасье. Конан знал, что она умеет обращаться с кривым пастушеским ножом, ей бы еще стрельбе из арбалета научиться, а большего женщине и не надо, копьё и меч не для нее. Ему доводилось встречать воительниц, которые сражались мечами, но то были женщины из разбойничьих племен или из семей военной аристократии, к оружию их приучали с малолетства, а Юйсары родилась в доме мирного степного пастуха, умела стряпать, ухаживать за скотиной, выделывать шкуры, вязать, ткать, выращивать злаки и овощи, — но никто и никогда не учил ее фехтовать или метать дротик. Он показал ей кое-какие приемы — бесшумную ходьбу, снятие вражеского часового кожаной удавкой, неуловимый удар стилетом, припрятанным в рукаве, подарил крошечную обоюдоострую пластинку из бронзы — с ее помощью можно избавиться от пут и молниеносным взмахом рассечь недругу сонную артерию; сам он носил добрую дюжину таких пластинок в неприметных карманах на одежде и голенищах, чтобы в любом положении можно было дотянуться до одной из них.

По вечерам на привалах Юйсары с жадностью постигала его науку, но стрельба из арбалета ей упорно не давалась, и это лишний раз убедило Конана, что стрелком

надо родиться. Сам киммериец из арбалета попадал в горную куропатку за полтораста шагов; вспоминая свой любимый боссонский дальнобойный лук, доставшийся апиццам вместе с обозом, он раздраженно поджимал губы.

Плато, по которому брел десяток путников, вдруг оборвалось. Вниз уходила желто-серая лессовая круча с выходами грязно-бурых пластов доломита и мелкоплитчатого розового песчаника; дно котловины — сплошь бугры и буераки — примыкало к отвесной конической скале, которую справа огибала козья тропка.

— Там человек! — воскликнул Сонго.

— И конь! — Киммериец показал пальцем на менее заметное пятно.

Человек сидел у кучки хвороста, обхватив руками колени и опираясь на них подбородком. На нем был дорогой халат, справа под рукой лежала кривая сабля в сверкающих золотом ножнах и островерхий граненый шлем с перьями тропических птиц. Конь стоял за кустами, виднелась только голова, но блеск изумрудов и рубинов на уздечке давал понять, что сбруя скакуна не уступает роскошной одежде и оружию его владельца.

— Да это же Дазгут! — Сонго окинул взглядом склон под ногами, выбирая путь поудобнее, но Конан удержал его за руку.

— погоди. — Он снял и опустил на землю неудобную цилиндрическую корзину. — Не нравится мне это.

— Почему? — Сонго недоуменно посмотрел на него, затем пригляделся к Дазгуту. Кучка хвороста у ног молодого аристократа наводила на мысль, что он решил развести костер, но потом вспомнил, что не взял огня. — Похоже, он один.

— Вот это меня и удивляет. — Конан проверил, легко ли выскальзывают из ножен меч и кинжал, затем протянул Сонго арбалет и колчан со стрелами. — Ты когда-нибудь видел его одного? Спустишь, потолкую. Люди пусть отойдут от обрыва, а ты прикрывай меня.

Он опустился на корточки напротив воеводы, по другую сторону неразожженного костра. Дазгут уже давно оторвал голову от колен и следил за ним настороженным взглядом.

— Здравствуй, командир, — произнес Конан. Нехремский этикет требовал более почтительного, даже цветистого приветствия, но Конан и раньше пренебрегал им, а сейчас считал и вовсе неуместным.

Дазаут кивнул, вернее, дернул головой, и не проронил ни слова.

— Ты один? Без свиты?

Опять угрюмый кивок.

— А где армия?

Дазаут мотнул головой вправо.

— В Бусаре? — попытывался Конан.

Утвердительное движение головой, затем пожатие плечами.

— Разбита?

— Наголову!

Конан не узнал голоса Дазаута, и его ошеломила злобная ухмылка.

— Погоди-ка! А ну, рассказывай! Что с Бусарой? Где Токтыгай? Как ты здесь оказался?

Дазаут поднялся на ноги, распахнул халат, подтянул шелковые шаровары, неторопливо почесал между ног и снова сел.

— Ну?! — Конан терял терпение.

— Что значит — ну? — хриплым, низким голосом спросил Дазаут. — Тебе не кажется, что подобное обращение к великому полководцу заслуживает кнута?

— А тебе не кажется, что я сейчас тебе зубы выбью?! — вспыхнул Конан. — Где твои люди, ты, молокосос? — Он подался вперед, но Дазаут снова ухмыльнулся и примирительно поднял руки.

— Ну-ну, успокойся, доблестный воин. Мы тебя всегда недолюбливали и, сказать по-правде, недооценивали. Но теперь все обстоит иначе. Мы тщательно изучили историю твоей жизни и пришли к выводу, что именно такие профессионалы, как ты, необходимы нам... ну, скажем, для достижения определенных целей. Ты обладаешь всеми нужными качествами, как-то: смелостью, опытом, везеньем, организаторскими способностями. Правда, нас несколько смущает эгоизм и неразборчивость в средствах,

но, на мой взгляд, это с лихвой компенсируется умом и превосходной интуицией.

Незнакомые киммерийцу слова произносились ровным, будничным тоном, и от этого Конан еще больше оторопел. Разве так должен себя вести полководец, потерявший армию?

— Да проклянет тебя Митра! Ты что, спятил?

От глаз нехремца разбежались веселые морщинки.

— Напротив, мы в здравом уме, а Митра — не то божество, чьего расположения мы боимся лишиться. Правда, малыш? — Последние два слова он произнес, глядя в сторону, а затем снова посмотрел на Конана. — Мы в здравом уме, но нам немного тесно вдвоем и скоро кому-то придется уйти. — Он опять повернул голову влево. — Ну-ну, маленький, успокойся, я вовсе не такая бука. Не бойся, не обижу. Скоро сотрусь, и ты снова будешь кататься на лошадке и махать сабелькой. Может, еще помянешь добрым словом старого Луна, — как ни крути, он тебе позволил увидеть мир глазами взрослого мужчины. Ну, что, хороший мой? Что ты хнычешь? Ах, кушать хочется! Четвертый день без маковой росинки! — Он взглянул на Конана и спросил, уже не сюсюкая: — Слушай, приятель, ты не поможешь развести этот дурацкий костер? Я пришиб кролика, а зажигалку, как назло, оставил у оригинала.

«Свихнулся и бредит», — решил Конан. Он повернулся к обрыву, где стоял Сонго с арбалетом, и дал знак спуститься.

Через час от кролика, случайно угодившего под копыта скакуна, остались только косточки и шкурка. Дазаут, отведавший жаркого и кулеша, блаженно поглаживал живот. Коня напоили, накормили пшеничными лепешками, затем Сонго взялся привести его в порядок, но без скребницы, с одним только гребнем, позаимствованным у Юйсары, особого успеха не добился. Киммериец ковырял в зубах осколком кроличьей кости и хмуро поглядывал на воеводу, пока тот не подошел к нему и не опустился рядом на землю. Он был грязен, глаза запали, щеки ввалились, — однако мало походил на безумца.

— Я тебе настоятельно рекомендую, — сказал он Конану, — внять предложению Бен-Саифа. Хватит валять дурака, Конан, пора остепениться. Поверь, ты скоро не узнаешь этот мир, в нем не останется места для бродяг. Высокий пост, хорошее жалованье, почет и уважение со всех сторон, безмятежная жизнь под сенью законов, мудрее которых не бывало еще ни в одной эпохе. Ну?

— Что — ну? — Конан внимательно прислушивался к бреду — очень хотел узнать, что же случилось с нехремской армией. На прямые вопросы воевода не отвечал, сразу начинал нести ахинею либо дразнить кого-то невидимого, глядя мимо Конана.

— А! Я понял: ты стесняешься. Наверное, зря мы сразу быка за рога, верно, малыш? Говорят, каждый человек имеет свою цену, но не каждый пишет ее у себя на лбу. Мы знаем, киммериец, что ты любишь больше всего. Приключения! Запри тебя в золотую клетку, и ты от тоски сбросишь перья. Хочешь, орел, все приключения мира? Заткнись, малыш, ты его не понимаешь и никогда не понимал. Для тебя это варвар, грубая скотина, ей красная цена — пригоршня золота, ан нет, дурачок, смею заверить, ты плохо разбираешься в людях. Слишком плохо для славного военачальника. Этот парень исходил полмира, крушил черепа колдунам, ломал хребты королям и нигде не застревал надолго. У него всегда зудели ноги и чесались кулаки. Это врожденная черта киммерийцев, но Конан переплюнул всех сородичей. Я слышал, у него благословение Крома, с ним безуспешно заигрывал Митра, и я подозреваю, что сам Нергал уважает нашего приятеля, хоть и натерпелся от него мелких пакостей.

Конан вдруг обнаружил, что ДазAUT перешел на скороговорку. Он сидел неподвижно, как в трансе, смотрел в пустоту, и только губы быстро шевелились.

— Конан, приходи к Бен-Саифу. Приди, не пожалеешь. Скоро все кончится, все возьмутся за ум. Никаких бестолковых скитаний. Дом, жена, дети. Захотел повидать свет — изволь заработать на дорогу. Ты не думал, Конан, почему кругом столько бродяг, разбойников, нищих? А ты, малыш? Да ну тебя, при чем тут подлая людская сущность? Все от неорганизованности, от беззакония. По-

сеешь пшеницу — вытопчут, построишь дом — сожгут, заведешь семью — отнимут и продадут в рабство. На каждого трудолюбивого сотня лодырей, на каждого богатого — тысяча завистливых. Бардак? Бардак. Позволь спросить: а можно ли тут что-нибудь изменить? Позволь ответить: еще как можно! И скоро ты в этом убедишься. Иди к нам, Конан! Опоздаешь — локти будешь кусать. Девчонка — тьфу, ерунда, девчонку и так отпустим, мы с бабами не воюем, да еще неизвестно, захочет ли уйти, есть у нас к ней одно предложенье... О, гнилые зубы Митры! — Он прижал ладони к вискам. — Сыплюсь! Слишком большое расстояние, вот если бы с пяти шагов, тогда б на всю жизнь хватило, а так — четыре дня, и сыплюсь. Погрешность записи растет в зависимости от расстояния. Все, малыш, больше не буду мучить, стираюсь. Ты уж зла не держи и ничего с собой не делай, ладно? Все образуется. Будь здоров. А ты, Конан, сакруп-товигур... грхаррр...

С уст ДазAUTа срывались бессвязные звуки, затем его зрачки расширились от неопишемого ужаса, и по котловине разлетелся истошный визг. Конан настолько растерялся, что схватился за меч, когда в руке воеводы сверкнула сабля. Но защищаться киммерийцу не пришлось. ДазAUT молниеносно повернул клинок острием к себе и всадил в живот, затем выдернул и нанес новый удар. Сталь застряла в груди, иначе бы он, наверное, через мгновенье убил себя. Трое когирцев навалились на орущего безумца, прижали к земле, а Конан и Сонго осмотрели раны и пришли к неутешительному выводу: сабля пронзила легкое и рассекла печень — ДазAUT обрек себя на мучительную смерть. Клинок выдернули, к ранам прижали куски чистого холста, и вскоре несчастный потерял сознание, но еще долго его вопли звучали в ушах у потрясенных людей.

* * *

В летние дни благословенная Шетра утихала за полночь. Человек в черном плаще до пят учел это и проник во дворец после третьей стражи, когда Ибн-Мухур у себя во флигеле — «задней черепашьей ногой» — спал младен-

ческим сном. Протерев глаза и выслушав доклад встревоженного горногвардейца, ануннак проворчал: «О, Эшеркигаль! За что ты ко мне так немилостива?» и щелкнул пальцами, подзывая слугу с рясой. Прикрыв зеленой парчой солидный волосатый живот, он посмотрел на воина и угрюмо спросил:

— Ну?

— Виноват, господин?

— Высоко забрался этот паршивец?

— Когда меня послали к вам, он был во втором лабиринте четвертого яруса.

Ибн-Мухур присвистнул: в его сети лезла крупная рыба. Четвертый ярус — это уже серьезно, это не просто мускулистые алебардичики и копейщики с периметра. Кстати, что с ними? Он осведомился у гвардейца, тот сокрушенно потупил голову.

— Трое умерщвлены, судьба еще двоих неизвестна — мы блокировали здание. Через периметр он прошел как нож сквозь масло, стража даже не пикнула. На первом и втором ярусах тоже не задержался, видимо, знал, где «сюрпризы» — ни один из них не среагировал. На третьем ярусе начались проблемы, он потерял глаз, но это его, похоже, только раззадорило.

— Четвертый — это серьезно, — сказал Ибн-Мухур вслух. — За Кефом и Магрухом уже послали?

— Так точно, господин. Они уже в пути. Как только злоумышленник проник на третий ярус, мы распечатали секретный приказ и отправили гонцов за преподобными пастырями.

— Надеюсь, они успеют хотя бы к шапочному разбору. — Сонливость выветрилась, но раздражение не спешило последовать ее примеру. Ибн-Мухур был несправедлив к старикам — в число их недостатков колушество не входило. Напротив, он не сомневался, что кто-нибудь из них, а то и оба, явятся в королевские покои раньше него. Это и злило. Ни умыться, ни бороду расчесать. Он натянул шаровары, сунул ноги в туфли с загнутыми носами и в сопровождении горногвардейца отправился на самый верх «черепашого панциря».

Его опасения сбылись — оба верховных жреца уже хлопотали над своими столами и отвлеклись только для того, чтобы бросить на ануннака ехидные взгляды. Его величество пребывал в мундире тысяцкого горной гвардии — отец, да упокоит Нергал его чистую душу, приучил Абакомо встречать опасность по всей форме. Покушаясь на твою жизнь, недоброжелатель рискует головой и создает это, а значит, он совершает ПОСТУПОК, а значит, он достоин, чтобы в темницу или на серые равнины его отправил не растрепан в ночном колпаке и тапках на босу ногу, а аккуратный, подтянутый воин.

Поглядев на собственную дымчатую рясу, Ибн-Мухур сокрушенно вздохнул.

— Принесите напитки, — велел дворецкому Абакомо. — И что-нибудь пожевать. — Он повернулся к преподобному Кефу. — Где он?

— По-прежнему на четвертом ярусе. — Зеленорясый священнослужитель вглядывался в хрустальный магический шар. Явно неудовлетворенный качеством изображения, он произнес два-три заклинания, помолчал несколько мгновений, с отвращением рассматривая шар, потом достал из рукава носовой платок, смочил слюной, провел по хрусталу и многозначительно поднял над головой. На голубом батисте осталось темное пятно.

Абакомо кивнул.

— Возмутительно.

— Ага! Вижу прохвоста! — Глаз седого как лунь верховного пастыря Магруха замер над одной из линзочек, выступающих над поверхностью стола. Магический кристалл Кефа уступал оптике инаннитов в надежности, зато обладал одним неоспоримым достоинством — миниатюрностью. Светопроводящие трубки Магруха пронизывали весь дворец, их линзы занимали львиную долю стола. Хрустальный шар был величиной с конскую голову и шаром назывался лишь по традиции — он действительно был вырезан из горного хрусталя, но для удобства в использовании имел четыре вертикальные грани. Впрочем, сейчас Кеф с завистью косился на своего коллегу, согнувшегося над столом; только из боязни насмешек он не просил разрешения взглянуть.

— Четвертый ярус, третий лабиринт, — бодро сообщил Магрух. — Увяз голубчик!

Дворецкий привел слугу с напитками и кушаньями, Абакомо отпустил обоих, не упрекнув за пыль на магическом кристалле, — с выволочкой можно обождать. Он наполнил кубок сладким вином и потрогал Магруха за плечо. Верховный пастырь в коричневой рясе понял намек, взял кубок и уступил монарху место у линзы. Абакомо лишь на несколько ударов сердца приник к оптике, а затем поднял голову и поманил Ибн-Мухура.

Человек в черном плаще выглядел незавидно: весь в крови, левый глаз вытек. Однако злоумышленник вел себя так, будто физические страдания нисколько ему не досаждают. Он делал странные пассы, а ущербным взором терпеливо, пядь за пядью, ощупывал стены, потолок и пол. Ануннак окончательно убедился, что под ними, в глубине «черепашьего тела», не простой ночной тать, а опытный колдун. Оптика не позволяла определить степень его могущества по цвету и яркости ауры, а магический кристалл (находясь, очевидно, под влиянием соответствующего заклинания) и вовсе не желал показывать супостата.

Ибн-Мухур с горечью усмехнулся: эрешиту Кефу есть отчего краснеть, вот они, плоды консерватизма. Когда в гости является маг, ни в чем тебе не уступающий, остается лишь поджать хвост и помалкивать в тряпицу. Но и Магрух с его любимыми стеклышками, рычажками и шестеренками непременно опростоволосится, если понадеется только на технику. Когда же наконец они притрутся друг к другу, когда научатся работать в паре? Два лучших ума в Агадее, и каждый тянет одеяло на себя. Им бы присмотреться к молодежи, к тем же Бен-Саифу и Лу-ну, — вот кто умеет ходить в связке! Один — великодушный механик, другой — волшебник милостью Анунны, такие чудеса вытворяет... Но им обоим еще учиться и учиться. Хотя, возможно, когда-нибудь в этой комнате будет стоять один стол, а за ним будут сидеть напарники, не эти старые лентяйные барсуки, а молодые энтузиасты, мастера своего дела. И не только «черепаша» — вся страна,

да что там, весь мир раскроется перед монархом, как на ладони.

«Гость» сумел-таки найти устройство, пронизывающее его лучами смерти. С беззвучным воплем торжества он выхватил из-под плаща крошечный арбалет, вложил стрелу с красным шариком вместо наконечника и выстрелил в полупрозрачный плафон на контрфорсе. Яркая вспышка, брызги стекла, и расплюснутая свинцовая трубка раскачивается на покореженном кронштейне.

— Есть! — Преподобный Кеф подскочил на стуле. В магическом кристалле появилось четкое объемное изображение злоумышленника, и Кеф возбужденно объяснил: — Слишком обрадовался. Эмоциональный всплеск разбалансировал его собственное заклинание, ну, а я был начеку и вовсе его разрушил. Хватит портить зрение, друзья мои. Прошу. — Он картинным жестом указал на хрустальный шар.

Абакомо и Ибн-Мухур тотчас перешли к его столу, посрамленный Магрух упрямо согнулся над линзой.

— Он пытается сойти с места, — произнес монарх.

— Напрасные труды. — Кеф небрежно помахал рукой. — Навоз Мушхуша хоть и невидим, но хватает намертво, особенно если изготовлен по доработанному мной рецепту. Сапоги на третьем ярусе разъела кислота, «гость» пошел дальше — и вот, пожалуйста, влип. Зря он не прихватил запасную пару обуви.

— Разве все предусмотреть? — Абакомо улыбнулся.

— Можно брать каналью. — Кеф азартно потирал руки. — Никуда он теперь не денется, если только это не жрец Черного Круга. Интересно, кто его послал? О, нечистоты Митры! Это жрец Черного Круга!

По дворцу раскатился гул просыпающегося вулкана, с потолка посыпалась штукатурка, в магическом кристалле заколебалось изображение колдуна. Магрух отпрянул от линзы и подскочил к столу соперника.

В комнате без окон одноглазый маг извивался всем телом и остервенело размахивал руками. Вокруг него возникали ниоткуда и пускались в дикий пляс оскаленные черепа, каменные идолы, трухлявые гробы, ожерелья из глаз невинных младенцев; искалеченная свинцовая труба

хлестала струей девственной крови. Судя по всему, этот импровизированный антураж имел одно-единственное предназначение: успокоить нервы своего создателя.

— Да, это их почерк, — согласился Абакомо. И добавил, поморщившись: — Какая безвкусица!

— Посетитель из эры динозавров, — Ибн-Мухур улыбнулся, чтобы приободрить короля. — С приветом от Тот-Амона и набором балаганных фокусов.

— А что, жрецу Черного Круга не страшен навоз Мушхуша? — поинтересовался монарх.

— Не страшен, если выдернуть из бороды волос и разорвать на шесть частей. — Кеф пристально посмотрел на окровавленного буяна и добавил с надеждой: — Но до этого еще додуматься надо.

Словно прочитав его мысли, жрец выпрямился, широко улыбнулся, хлопнул себя по ляжкам, выдернул волос из разлохмаченной бороды, а затем, держа его за кончики длинными обкусанными ногтями, подался всем телом вперед, завис под острым углом к полу. Казалось, он пытается дотянуться носом до внутренней поверхности шара.

— Он что, видит нас? — с тревогой спросил Абакомо.

— Скорее, чувствует, — хмуро ответил Кеф. — Правда, здесь это слово не совсем подходит. Я как раз пишу трактат под рабочим названием «Трансцендентальный компонент вероятности», там есть глава о...

— Погодите, любезнейший! — Возмущенный инанит вынырнул острый подбородок и цыплячью грудь. — Да что вы себе позволяете?! Это я пишу трактат «Вероятностный компонент трансцендентальности»! Наглый, извращенный плагиат!

— Достопочтенные пастыри! — В голосе Абакомо зазвучал лед — именно за это умение в нужный момент отвердеть сердцем и добиться беспрекословного подчинения Ибн-Мухур любил юношу, как родного сына. — Если злодей доберется до пятого яруса, я сам им займусь, а вас потом засажу в темницу и не выпущу, пока не удостоверюсь, что вы пришли к согласию по всем спорным идеям. Смотрите, он рвет волос!

Череп, гробы и прочая иллюзорная бутафория исчезли, лицо мага исказилось злорадством, его большие и указательные пальцы сжимали две половинки волоса. Тело напоминало стрелу, нацеленную в стык потолка и стенки. Он явно пытался левитировать, и только невидимая злобонная лепешка не позволяла ему оторваться от пола.

— Раз, — начал отсчет Ибн-Мухур.

Маг зажал одну половину волоса в зубах, а другую ловко разорвал надвое.

— Два. Э, ты куда?!

Злоумышленник метнулся к потолку, ударился темечком и отлетел кувырком. В следующее мгновение он оказался на ногах, в стороне от ловушки, и на его физиономии ликование соперничало с изумлением. Точно такое же изумление появилось в глазах наставников и ануннака, а монарх холодно поинтересовался:

— Ну, и как прикажете это понимать, преподобный Кеф? Вам не показалось, что он не успел досчитать до пяти?

— Простите, ваше величество, но я не мог ошибиться. — Низенький лысый эрешит лихорадочно выдвигал и задвигал ящички стола, наконец достал из одного кипу древних папирусов. — Вот, здесь черным по желтому: на шесть частей...

— Клянусь харизмой моего повелителя, он и сам этого не ожидал. — Ибн-Мухур озабоченно рассматривал жреца Черного Круга, который уже направлялся в червертый лабиринт четвертого яруса летней резиденции короля Агадеи. — Для него это приятный сюрприз.

— А я, кажется, понял, — с пронзительным ехидством сообщил достопочтенный Магрх. Он выхватил из руки коллеги и соперника папирус, поднес чуть ли не к самому носу и стал читать по слогам малоразборчивую клинопись: «Навоз Мушхуша — незаменимое средство для уничтожения воров и домашних насекомых...» Да, в этом мы уже убедились... «Наносить на обезжиренную поверхность, соблюдая осторожность...» Не то, не то... Хранить в сухом, прохладном помещении... Ага, вот: «при полном соблюдении правил изготовления срок годности — один

год». Осмелюсь полюбопытствовать; давно ли вы, коллега, трудились над этой чудо-какашкой?

Кеф побагровел, заиграл желваками и тем самым привел Магруха в экстаз.

— Если мне не изменяет память, мы переоборудовали лабиринты десять месяцев назад, — добивал Магрух разгромленного эрешита. — Два недостающих месяца смело объясняю вашим усовершенствованием рецепта.

— Еще одно слово, — кровожадно предупредил Кеф, — и я вас превращу в мнимую величину.

Магрух ухмыльнулся, а затем вздохнул с притворным сочувствием.

— Какая там величина, если вы дерьма приличного, и то не в силах сотворить! Ох, уж мне эти чародеи.

— Он остановился перед «ареной», — вмешался Абакомо, всматриваясь в магический шар. — Похоже, собрался идти напрямик. Что-то мне не очень верится в такое везенье.

Пастыри и ануннак зачарованно глядели, как жрец Черного Круга неуверенно топчется в дверном проеме перед мозаичным кругом, занимающим чуть ли не весь пол просторного зала. На разной высоте над кругом висели на тонких тросах или вовсе безо всякой видимой поддержки многочисленные предметы самого опасного вида, напоминавшие метательное оружие кхитайцев, шипастые кистени пиратов моря Вилайет, прихотливо изогнутые крысы островитян южного Вендийского океана и иные снасти, коим и названия-то не подберешь. Не могло быть сомнений, что при малейшем прикосновении к любой из плиток мозаики весь этот смертоносный арсенал пустится в дикий пляс.

Круг можно было просто-напросто обойти, не встретив никаких препятствий, но жрец, по всей видимости, напроць исключал эту возможность. Когда одноглазый занес ногу над «ареной», Абакомо не поверил собственным глазам — неужели волшебник такой квалификации способен угодить в столь примитивную психологическую западню?

«Гость» нерешительно опустил подошву на шестиугольную лазуриговую пластину, та слегка утонула под его тяжестью, а затем с треском разломилась, и маг завопил — из его стопы торчал вверх зазубренный железный

шип величиной с наконечник кавалерийской пики. Отчаянно размахивая руками, чтобы не упасть, маг рывком освободил ногу; на зазубринах остались кровавые клочья мяса.

Абакомо поморщился, преодолевая тошноту, пастыри возбужденно ахнули. Тут бы «гостю» остановиться и призадуматься, но, видимо, страшные испытания этой ночи сказались-таки на его сообразительности и интуиции. Он отступил на три шага и с разбегу прыгнул в круг.

С этого мгновения он был обречен. Перейти «арену Эрры» не сумел бы ни один смертный, даже наделенный колдовским могуществом. «Арена» была чрезвычайно сложна в устройстве и обслуживании, требовала много энергии и людского времени, зато действовала наверняка. Если, конечно, злоумышленник решался двинуться напрямик вместо того, чтобы спокойно обойти ловушку по кругу. Абакомо сам не взялся бы объяснить, что побудило его увенчать охранную систему летней резиденции такой экстравагантной западней, рассчитанной на явного безумца. Может быть, все те же отцовские проповеди о рыцарской морали, вбившиеся в сознание? Пусть враг коварен и беспринципен, пусть он заслуживает самой страшной кары, но если он явился по твою душу, нельзя лишать его всех до единого шансов на победу. Иначе ты докажешь, что сам ничем не лучше него.

Маг Черного Круга отказался поверить, что голый серый пол вокруг мозаичных плит не заключает в себе опасности. Он предпочел явную угрозу тайной, и теперь, глядя на кровавые брызги, разлетающиеся по «арене Эрры», Абакомо гадал, как бы он сам поступил на его месте.

Во всяком случае, он бы первым делом хорошенько подумал.

Глава 5

В шатре Каи-Хана не умолкал щебет — по всем стенам висели проволочные клетки с певчими птицами, двоим ражим телохранителям вменялось в обязанности холить и делять голосистых пестрых узиц. По традиции правитель Апа в походе жил аскетом,

а свою долю добычи регулярно отправлял с обозом на родину, подавая пример воинам. Но некоторые слабости он себе все же позволял (кто из великих безгрешен?). Он повсюду возил с собой клетки с пичутами и покуривал кхитайский опий, тогда как его подданные обходились в пути без домашних любимцев и довольствовались обычно слабенькой вендийской коноплей. А еще он первым (и с полным правом) тешился с женщинами, которых его орда захватывала в разбойничьих набегах.

При виде черноволосяй зеленоглазой красавицы Зивиллы у него всякий раз текли слюнки, а по низу живота и бедрам разбегался огонь, от которого любой из его воинов давно потерял бы голову. Но Каи-Хан недаром в тридцать восемь лет (возраст для апийского вождя более чем преклонный) все еще правил страной и водил в походы шайку отчаянных головорезов. И недаром это сонмище непослушных, недисциплинированных буйанов с каждым днем все больше напоминало регулярную армию. Он умел, когда надо, держать норы в узде и ждать своего часа. Он ценил своих новых союзников и прощал им чистоплюйство, хотя, на его взгляд, оно заслуживало только презрения.

И Каи-Хан клятвенно обещал себе: пока не выжмет из них без остатка свою выгоду, он будет потакать всем дурацким капризам, даже удавит для острастки кого-нибудь из своенравных молодцов, если они вздумают задирать агадейцев. Он едва не сломал челюсть своему любимцу Ияру, когда узнал о его «джигитовке» на коне Бен-Саифа; только неописуемый ужас, застывший в глазах бледного сотника, смягчил удар огромного кулака.

Но сейчас, сидя на иранистанском ковре перед кальяном и глотая опийный дым, сдобренный южными благовониями, он откровенно сожалел, что в первый же день, когда знатную пленницу привезли в его стан два серых латника, не заявил о своей привилегии. Зря, что ни говори, он церемонится с дерзкой красоткой. Отвесить бы ей крепкую оплеуху, повалить на четвереньки, заголить распрекрасную дворянскую задницу и сделать то, за что женщины уважают настоящих мужчин. Глядишь, козочка стала бы куда стоворчивее.

— Да отринет меня Инанна, если я понимаю тебя, госпожа, — сокрушался Бен-Саиф. Он то приседал на корточки перед непреклонной когиряной, то снова начинал мерить нервными шагами шатер. — Мы, агадейские горногвардейцы, знаем, что такое клятва верности, мы просто не способны изменить своему повелителю, но ведь такие люди, как ты, всегда считали нас ослами. Скажешь, нет?

— Скажу да, — буркнула Зивилла. — Вы самые настоящие осла, но не потому, что верны повелителю.

— Лицемерие! — воскликнул Бен-Саиф. — В мире халоса — твоем мире — честность, преданность, долг вассала — всего-навсего громкие слова, любой из твоих соотечественников без зазрения совести разменяет их на гроши.

— И не прогадает, — вмешался в разговор барон Ангдольфо, который сидел в темном углу на шелковых подушках и совал дольки мандарина в клетку большого зеленого попугая.

Зивилла ошпарила изменника ненавидящим взглядом, тут же взяла себя в руки и холодно спросила:

— И много ли ты выгадал, меняла?

Ангдольфо отвернулся. По возвращении в лагерь он ни словом не обмолвился при Зивилле о своих злоключениях в Когире, но женское чутье мгновенно подсказало пленнице, что у ее бывшего любовника и телохранителя не все идет гладко. Она без труда догадалась, что Ангдольфо побывал в Даисе, и горногвардейцы не пытались ее разубедить.

— Ты пойми, когда речь идет о судьбе человечества, такие понятия, как предательство и верность, теряют смысл, — в который уже раз втолковывал упрямец Бен-Саиф. — Оставь эти предрассудки нам, тупоголовым ослам. Постарайся рассуждать здраво, я тебя ни о чем другом не прошу. В мире невозможно встретить двух одинаковых людей. У каждого человека свои устремления, свое восприятие действительности, если на то пошло, свой путь в жизни. Мы не притязаем на свободу личности, не хотим заступить ей путь. Совсем напротив, мы ей предлагаем торную дорогу. Тысячи дорог! На

суше, на море, в небесах! В конечном счете мы все выгадаем. Я, ты, Лун, Каи-Хан, Ангдольфо. Если договоримся соблюдать кое-какие условия. Для начала просто-напросто научимся уважать друг друга! Хотя бы за то, что мы все такие разные.

Зивилла устало вздохнула. Эти доводы она выслушала, наверное, десяток раз, ее теперь даже не тошнило. Зато на лицах Каи-Хана и Ангдольфо то и дело проглядывало отвращение. За тысячелетия мир способен измениться до неузнаваемости, но люди всегда остаются прежними. Почти не меняется численное соотношение дураков и умных, злодеев и добряков, подонков и порядочных. У одних душа светится, у других лишь смердит, как кусок дерьма. Один младенец с наслаждением отрывает бабочкам крылышки, другой обливается слезами, ненароком раздавив таракана. Можно ли научить человека уважению к ближнему? Иные считают, что с помощью пыток его можно научить чему угодно.

— Так это из уважения ты сжигаешь мальчишек заживо? — угрюмо спросила дама Когира. — Из уважения травишь людей черным лотосом, из уважения ведешь на мирную Бусару банду кровожадных гиен?

Задетый за живое, Бен-Саиф повысил голос:

— Осмелюсь напомнить, госпожа Зивилла, я солдат! Солдат из армии, которая больше века защищает свою страну от алчных чужеземцев. Известно ли тебе, сколько нехремцев участвовало в последнем набеге Токтыгая на наш пограничный форт? И кто их туда звал? Только потому, что на старости лет твой король взялся за ум, мы и хотим предложить ему выгодные условия мира. Но он должен ценить этот жест! Дорожить нашим расположением! Мы могли бы в считанные дни поставить его на колени, для этого достаточно прислать сюда двести сотни таких, как я. Но мы хотим, чтобы он сам, по доброй воле, принес моему монарху клятву верности. Мы превыше всего ценим здравомыслие, и тот, кто сумеет его проявить, вправе рассчитывать на мирное владычество. Каи-Хан дал слово, что в Бусаре ни с одной головой не упадет волос, если жители без боя пустят нас в город. Что это, как не жест здравомыслия

и доброй воли? Отчего бы и тебе не позаботиться о благополучии бусарцев? Мы просим о сущем пустяке: потолковать с Гегридо по-родственному, убедить, что...

— Когда речь идет о чести, — перебила Зивилла, — моему дяде все едино, что родная племянница, что переребчик из ее свиты. — Она повернулась к Ангдольфо. — Удивляюсь, почему он не украсил твоей головой крепостную стену?

Барона передернуло. Он вспомнил штыри над городской стеной — на них даисские палачи насаживали головы преступников, вспомнил перекошенное яростью лицо Гегридо. Его спасло только обещание, что Каи-Хан изнасилует Зивиллу и отдаст на потеху солдатам, если к назначенному сроку барон не вернется в лагерь целым и невредимым.

— Жест здравомыслия! — заорала вдруг ему в лицо глупая зеленая птица. — Переребчик!

— Хакампа! — рывкнул на нее Каи-Хан. — Закрой клюв, а не то я его вырву.

— По-родственному! — не унимался Хакампа. — Клятву верности!

Багровея от злости, Каи-Хан поднялся во весь свой медвежий рост, и Зивилла с ужасом посмотрела на попугая, но апиец направился не к расшалившемуся любимцу, а к ней. Нагнулся, протянул ручищи, ухватился за бархатную тунуку, разорвал до живота вместе с исподней рубашкой.

— Ты слишком много болтаешь, коза, — процедил он сквозь зубы. — И слишком много о себе мнишь. Но сейчас мы с тобой узнаем, кто чего стоит.

— Эй-эй, постой! — Встревоженный Бен-Саиф бросился к соправителю Апа, но тот небрежным взмахом руки отшвырнул его, как муху. — погоди! Это ничего не даст! У нас есть другой способ...

— Закрой клюв! — заорал Хакампа.

— Закрой клюв, — бросил сотнику Каи-Хан.

«Я уже знаю, кто чего стоит», — подумала Зивилла. И сказала, с омерзением глядя на Бен-Саифа:

— Закрой клюв.

Над степными травами, выбеленными свирепой жарой и суховеем, разносился тягучий скрип немазанных осей. С вершины небольшого серповидного холма за обозом следили четверо воинов в коже и бронзе; в тылу у них пересохшими губами кони срывали неаппетитную траву. Как будто и не было дождя четыре дня назад; степь изнемогала от жажды.

— Двадцать семь, — насчитал самый быстроглазый воин. Его череп, в последний раз выбритый месяц назад, зарос седой щетиной. — Перебор.

— У нас почти столько же, — возразил синеглазый, темноволосый атаман.

— Все равно перебор. — Взгляд Байрама скользил по обозу, отмечал всякие мелочи, силился проникнуть под холщовые покровы повозок. — И не сброд какой-нибудь, притертые ребята. В конном охранении — только парами, у одного стрела на луке, у другого пика в руке. Ездовые вооружены и при доспехах, сзади к повозкам оседланные лошади привязаны. Справиться-то мы справимся, да только какой ценой?

— Стало быть, непростой обоз, — задумчиво произнес атаман, — коли при нем такая охрана.

Худощавый рыжий бритунец, правая рука атамана, вытянул веснушчатую шею с огромным кадыком.

— Эге! Так это ж наши повозки! С нашего обоза. Вон та, вторая спереди, моя! Я ж ее в потемках узнаю!

— Еще бы! От нее твоей блевотиной несет за полет стрелы, — ухмыльнулся четвертый солдат удачи. Этот черный, как смоль, кушит родился в знатной семье и в юности слыл редкостным сердцеедом, даже приударял за королевской падчерицей, — за что и поплатился. Его хотели прилюдно оскотить на фасадном балконе дворца, но влюбленная принцесса упростила отчима заменить экзекуцию изгнанием. — А вон и моя таратайка! — возбужденно вскричал кушит. — Вон, с черной елдой на борту и розовыми сиськами. — И добавил с нежностью: — Ишь ты, скрипишь еще, развалюшка моя. Сколько ж мы с тобой бабенок укачали? И не сосчитать, поди.

Атаман тоже узнал повозки, и в его голове зароились десятки вопросов. Он хмуро посмотрел на своих людей. Пожалуй, один Байрам против нападения, и не робость тому причина, а здравая осторожность. Сам атаман уже твердо решил, что обоз они отобьют. Это хорошо, что бритунец Родж и кушит Ямба по прозвищу Евнух узнали повозки — они не упустят шанса вернуть свое добро. Байрам никуда не денется — поворчит, отведет душу, а потом возьмется растолковывать своим ребятам, что и как делать. Серьезный мужик. Недаром в его десятке все десять парней, всех сберег. У Роджа осталось шесть человек, у Ямбы пять, последнего воина он потерял три дня назад в деревне у речушки, когда искал спрятавшихся баб. Помешался он на этих бабах!

Атаман раскаивался, что неделю назад, в день побега из армии Дазаута, поставил кушита над десятком. Проклятая нехватка толковых парней, проклятый Конан, по своей убудочной прихоти уложивший под апийскими саблями весь отряд! А ведь какие были ребята! Боссонские лучники, аквилонские рубаки, даже ванахеймские берсеркеры! Без малого пять сотен отборных бойцов, испытанных в десятках сражений, грозных, как демоны стигийских подземелий! Какие дела можно было бы вершить с такой дружиной в этих жарких краях, где рушится прогнившая династия, где сокровища, накопленные за века, вот-вот попадут к жадной своре апийских псов! И все равно этот народец останется толпой нищего отребья. Он спокоен веку грабит соседей, и спокоен веку награбленное не идет ему впрок.

Не будь Конана, не будь в отряде наемников нескольких предателей, донесших ему о заговоре, не будь того рокового дня, когда длинный меч нового командира прогулялся по шеям самых надежных ребят, — все сложилось бы совсем по-другому. Атаман прикрыл глаза, и перед внутренним взором пронесли несбывшиеся мечты. Вот его клинок вонзается в грудь Дазаута — безмозглого, бездарного паяца, всегда надменного, всегда расфуфыренного горе-полководца. Вот хваленая нехремская конница, узнав о «самоубийстве» якобы отчаявшегося военачальника, в панике откатывается в Бусару, за надежные каменные

стены, и там ее запирает апийская орда. А наемная дружина идет напрямик к Самраку, к столице, и перед ней летит грозная весть о неминуемом разгроме, и Тог-тыгай, охваченный ужасом, зовет к себе во дворец послов маленькой горной страны, давным-давно забывшей слово «поражение», и принимает все условия, лишь бы сохранить сверкающую безделушку на жирной лысине, лишь бы к осажденной Бусаре из горных ущелий подросла маленькая армия всадников в необыкновенных латах и оставила от апийской банды, давным-давно засевшей у всех в печенках, мокрое место. И тогда повелитель Нехрема — старый двуличный хомяк — решает пойти на попятный, но не тут-то было, наемники мигом разоряют гвардию, снимают несколько упрямых и бестолковых голов, и все бразды правления оказываются в руках агадейских чиновников. Которые, разумеется, по заслугам вознаграждают тех, кто им помог.

Синеглазый атаман едва не застонал от бессильной ненависти, его рука так сдавила бронзовую рукоять длинного меча, что казалось, из-под ногтей вот-вот брызнет кровь. Сколько трудов, сколько надежд, и какой плачевный итог! «Кром! Клянусь, если этот выродок еще жив, я отомщу!»

— Ба-а! — дурашливо воскликнул Родж. — Знакомая харя!

— Где? — Атаман оторвался от тягостных раздумий.

— Вон. — Родж показывал длинным узловатым пальцем, покрытым рыжими волосками. — Седьмая телега.

На седьмой телеге ехали двое: ездовой бычьего телосложения, с ног до головы увешанный оружием, и тощий бледнокожий молодой человек с черными волосами до плеч. Его торс защищала дорогая бронзовая кольчуга из цепей, у левого бедра лежал небольшой треугольный щит, но оружия атаман ни на нем, ни рядом с ним не увидел.

И еще предводителю солдат удачи бросилось в глаза, что за этой повозкой идет только один оседланный конь.

— Ангдольфо. — Он недоуменно покачал головой. — Надо же. Ты-то его откуда знаешь? — спросил он у Роджа.

— Так я ж у его папаши служил начальником личной стражи. Кремень был человек, папаша-то. Как-то раз охо-

тился во хмелю, не усидел на коне и хватъ башкой о здоровенный валун, так веришь ли, искры брызнули! Треснул камень, ей-ей, не вру! Правда, и башка не выдержала. Ну, я тогда и подался в ратники — у щенка неинтересно служить, он же пить не умеет.

— Зато, небось, девкам спуску не дает.

Родж хохотнул — горазд же Евнух шутить! Правда, все об одном, о бабах. Атаман и Байрам ухмыльнулись.

— Стало быть, прихватили красавчика, — задумчиво проговорил Байрам, не сводя глаз с Ангдольфо. Повозки двигались медленно, буйволы никуда не спешили и вяло реагировали на плети и стрекала, — апийцы еще не скоро приблизятся к холму.

— А может, сам перебежал? — Атаман тоже разглядывал когирца. — Странно, что лапки не связаны.

— Да куда тут денешься, когда кругом верховые? — резонно поинтересовался Ямба.

— Тогда почему кольчугу оставили? — ворчливо спросил Байрам, разделяя недоумение атамана. — И одежду дворянскую? Они дохлую ворону, и то ощиплют, а тут такой павлин!

— А самое странное, что его не прирезали, — промолвил атаман. — Не берут они в плен мужчин, вот какая штука. Даже ради большого выкупа не берут. Обычай не позволяет. — Он привстал на четвереньки и, сползая с гребня холма, негромко сказал товарищам. — Ладно, отобьем — все расскажет. Может, еще сгодится нам.

— А не сгодится — так что, кола пожалеем? — с усмешкой проговорил Родж, и атаман догадался, что служба начальником стражи у старого барона не всегда казалась бритунцу медом.

* * *

Сотник Нулан скакал на низкорослом, но крепком кауром жеребце в головном дозоре. Узкие глаза степняка под сросшимися бровями без устали обшаривали покатые горизонты, тогда как все тело было расслаблено, руки едва удерживали повод — наездник отдыхал в седле. Он был охотно вздремнул — прямо так, на коне, — если бы обоз с добротным оружием, прочной одеждой и обувью, сто-

ловым серебром и трофейной войсковой казной продвигался по своей, а не по вражеской земле.

Обоз был снаряжен еще день назад, и не Нулан со своей недобитой сотней, а желторотый холуй Ияр с гораздо большим отрядом должен был вести его в Ап, но вчера в Каи-Хана словно дракон вселился. Он чуть не избил агадейских друзей, чем-то прогневивших его, а Нулан, попавший случайно под горячую руку, был осыпан грозными проклятиями и получил приказ немедленно уводить обоз с добычей — ко всем вонючим демонам, к Нергалу в задницу, но если, собака, через неделю брат не увидит телег на своем дворе, он скормит твои тухлые потроха домашним гиенам.

На глазах у Нулана злорадствующий Ияр — чуть ли не единственный грамотей на всю апийскую армию — нацарапал письмо под диктовку Каи-Хана, привязал к ножке почтового сизаря, и оно полетело в Ап.

И вот обоз трясется по дороге, вернее, по широкой каменистой тропе, и не остановится, пока не переберется через реку по ветхому деревянному мосту. На той стороне реки деревенька, неделю назад Нулан сам спалил ее по приказу Каи-Хана, но там осталось несколько мазанок, у которых сгорели только крыши, а больше нечему было гореть, — за глинобитными стенами можно отдохнуть до рассвета. Лучше бы, конечно, идти по ночам, а днем отсиживаться в укрытиях, но ведь буйволам этого не объяснишь, тупая скотина если остановится, так ее уже ничем с места не сдвинешь, и сотник все чаще подумывал о том, что буйволов, наверное, придется бросить, а в повозки запрячь коней, иначе обозу никак, ну никак не добраться до Кара-Апа в недельный срок. У апийского воина только один друг — быстроногий конь, запрячь боевого скакуна в телегу — все равно что предать. Но уж лучше предательство, чем бесславная гибель в клетке с гиенами.

Не сама угроза смерти, а ее нелепость пугала Нулана — отпрыск уважаемого рода, ветеран десятков набегов, командир сотни самых отчаянных головорезов в победоносной армии Каи-Хана достается зловонным хищникам за то, что не справился с пустяковым заданием. Позор,

несмываемое пятно на весь род, глумливый смех сопливых юнцов в глаза почтенным старцам. В беспомощной злости Нулан скрипнул прокуренными зубами, рука сдвинула сыромятный повод. В обозе девять телег, на каждую выходит по три коня — кавалерийских, совершенно непривычных к упряжи, особенно к воловьей. Но лошадь боится боли, слушается длинного кнута или стрекала — ореховой палки с медным шипом на конце. Сотник едва не застонал, вообразив, как будет собственноручно истязать любимого скакуна. И даже если он, до беспамятства вымотав людей и коней, доберется за неделю до Кара-Апа, то не получит ни дня на отдых, Авал-Хан сразу отправит его назад, а там новые бои, новые потери и новые незаслуженные оскорбления.

Каи-Хан невзлюбил своего сотника, слишком часто гостившего в шатре у агадейских советников, и у Нулана уже давно созрела уверенность, что повелитель не успокоится, пока не сживет его со свету. Нулан уже не раз прощался с жизнью, когда его сотню гнали на убой, он чудом вырвался из Гадючьей теснины, где от конницы не было никакого проку, где прочные доспехи, двуручные мечи, дальнобойные луки и арбалеты наемников имели все преимущества над короткими луками, саблями и легкими пиками апийских всадников. Прикрывая отход (а вернее, паническое бегство) недорубленной, недострелянной апийской пехоты, Нулан потерял тридцать девять своих родичей и был ранен в бедро, и что получил в награду от злонаправленного полководца? Площадную брань в присутствии товарищей по оружию, упреки в трусости, а самое страшное — обещание лишить сотню законной доли добычи, если Нулан «не возьмется за ум».

Последние дни сотник вел себя тише дождевого червя, но тут агадейцы, как будто их Нергал за язык дергал, принялись выпячивать его достоинства. Понятно, к чему могло привести такое заступничество — Каи-Хан, совершенно остервенев, посадил Нулана под арест за ничтожную провинность и обещал «прислонить к столбу». Но потом все-таки выпустил, и в тот же день сотник пошел в бой за Бен-Саифом.

Жаркое было дело в длинном глубоком овраге под Бусарой. Завидев перед собой маленький отряд, гирканцы резво кинулись вперед и напоролась на агадейские ловушки, но их все равно оставалась уймища, шестеро против одного, и тут на них ринулся всадник на огнеспашем коне, и кочевники десятками сыпались с седел, и пятились, цепenea от ужаса, а Нулан со своими людьми защищал Бен-Саифа сзади и с боков, выбивал лучников, бравших агадейца на прицел, и они прошли овраг из конца в конец, как наконечник пики проходит сквозь кроличью тушку, и усеяли землю изрубленными, обожженными телами. Это была мечта, а не схватка, но и она не обошлась без потерь.

И вот у Нулана осталось двадцать шесть родичей, и мало кто из них не носит свежих ран. «О Иштар, за что ты прогневалась на меня?»

Солнце клонилось к западному взгорью, буйволы едва переставляли ноги, но впереди уже виднелся мост. Решение окрепло: за рекой они выпрягут буйволов, вдосталь наедятся жареной говядины, а с первыми проблесками утренней зари повозки двинутся на конной тяге. Нулан выпрямился в седле, увидев облачко пыли, быстро движущееся навстречу. Двое наездников, высланных вперед на разведку, возвращались во весь опор.

— Что там еще?! — воскликнул он, когда всадники остановили запаренных коней.

— Чужие на мосту, — доложил чумазый скуластый юноша.

— О-о! — застонал Нулан. — Мы прокляты богами, не иначе! — Он повернулся и замахал руками ездовым, а затем спросил у юноши: — Сколько?

— Я насчитал десятерых пеших, — сказал разведчик. — Тяжелые доспехи, длинные копы, секиры и двуручные мечи. На северян смахивают.

Сотник сдвинул брови, превратив их в широкую засаленную щегочку.

— Какие еще северяне?! Откуда тут взяться северянам?! О-о, немилость Иштар! Это же наемники!

По смуглым скулам юного воина разлился пепельный цвет — разведчик живо вспомнил лафатскую бойню.

— Говоришь, десять? — сотник чуть не вылетел от отчаяния. Увидев кивок, он сорвался на крик: — Десять — только на мосту! Застава! А в деревне — сотня или две! А мы тут, как навозные жуки на кошке с этими сучьими телегами! И ни мостика, ни брода на тыщу полетов стрелы! Только этот сучий мост!

— Лучники! — донесся вопль из конца обоза.

Нулан резко обернулся и тут же услышал пронзительное ржание и человеческий крик. Он повернулся назад и увидел, как скуластый парень хватается за кровоточащую икру; пробив ее, наконечник длинной стрелы вонзился в живот скакуна.

— Ы-ы-а-а-а! — в бешенстве завопил Нулан, налитыми кровью глазами высматривая на гребне ближнего холма вражеских стрелков. Кто-то шевельнулся между валунами чуть правее вершины, и в грудь сотника ударила стрела. В самый центр круглого бронзового нагрудника.

В обозе снова закричали, Нулан оглянулся и увидел ездового, упавшего поперек телеги. Ревел буйвол, раненный в шею. Арийцы тоже хватались за луки, наугад посылали стрелы в сторону холма. Прикрывая живот щитом из ивовых прутьев и кожи, сотник оглянулся назад, он не сомневался, что с тыла сейчас ударит конница. И заметил в двадцати пяти или тридцати бросках копы силуэты всадников над гребнем кургана!

Вот она, смерть. Глупый, бесславный конец в неравном бою. Еще несколько мгновений, и сбудется желание Каи-Хана загнать опального сотника на серые равнины. Есть лишь один выход — бросить обоз, повернуть коня и бешеным аллюром рвануть вдоль реки, по голой степи. Авось, верный конь вынесет из беды!

Нулан затравленно посмотрел на восток. Длинная полоса ровной земли — верхняя терраса речной долины — манила, сулила спасение. Если только вон из-за того кургана не бросятся наперерез всадники в железных кольчугах и рогатых шлемах. Да нет, не бросятся, на что им горстка степных разбойников, когда тут целый обоз — грабь, бери, не хочу. От телеги с непристойными рисунками на бортах отвалился воин с железной арбалетной стрелой во лбу, короткий лук, обклеенный бычьей кишкой,

вывалился из мертвой руки. Сотник подумал, что сам он — отличная мишень, странно, что еще жив. Он снова оглянулся на спасительный горизонт, подернутый горячей желтой дымкой, взглянул на холм, с которого летели смертоносные пернатые посланцы, выхватил саблю и с протяжным боевым кличем воздел ее над головой.

* * *

Добив второй стрелой мальчишку из головного дозора, Родж оглушительно расхохотался и вдруг обмер. Арийцы не клюнули на удочку. То ли их командир разгадал замысел врага, то ли отчаяние затмило его разум, но он выхватил клинок и повел своих людей в лобовую атаку — на пологий склон холма, навстречу длинным стрелам. Всадники истощенно вопили, размахивая оружием и нахлестывая коней, а в обозе несколько ездовых торопливо отвязывали своих скакунов от телег и взлетали в седла.

В неописуемом ужасе бритунец посмотрел на далекий мост, где темнели продолговатые пятнышки — атаман с людьми Байрама, на курган, с которого Ямба и еще пятеро седоков, он знал, не придут к нему на выручку. Изнуренные степные кони спотыкались и шатались, но послушно несли своих хозяев вверх по склону, впереди на кауrom скакала воплощенная ярость — коренастый плешивый воин без шлема, но с круглым бронзовым нагрудником, наплечниками и поножами; на миг Родж встретился с ним взглядом и подумал, что смотрит в глаза самой смерти.

— Бежим! — закричал он своим парням во всю силу легких. — К лошадям!

У него оставалась надежда, что всадники не решатся преследовать его по другому, крутому, склону холма. Помчатся в обход по гребню, а он тем временем вскочит на сытого, резвого Смерча и поминай как звали. Об этом он думал уже на бегу, вернее, кубарем летя с обрыва. Он врезался лбом во что-то мягкое, услышал болезненный возглас, перевалился через замешкавшегося товарища и вскочил на ноги — лишь для того, чтобы снова упасть и получить по лицу шипастой веткой куманики. Вон он, Смерч, рукой подать, а край левого глаза видит степняка

на коне, хитер, паскуда, понизу в огиб холма двинул, а за спиной звучит страшный вопль, значит, догнала кого-то арийская стрела или дротик. Степняк отрезал путь, дурак ты узкоглазый, это тебе кажется только, что отрезал, а что нам твоя пика, нас шестеро, мы жить хотим, жить, жить, а на тебе справа, а на тебе слева, жить, жить, что, не нравится? Еще бы, кому понравится — шестопером промеж ушей! Смерч, миленький, ну, постой, ну, не мечись! Стой, Смерч! Куд-да, чума?! А-а-а! Волосяной аркан режет шею, рубить, рубить! Чем рубить! Не меч в руке — шестопер! Кинжалом! Кинжалом! Жить! Жить! Парни, вы куда? Куда без меня, гады? Спаси-ите! Спа... хы-ыххр... грха-акх...

* * *

В ту ночь мириады звезд не скупилась на блеск, а месяц висел так низко, что, казалось, запусти в небо головешкой, и край бледно-желтого серпа займется пламенем. Над степью шуршали летучие мыши, с холмов доносился шакалий плач, а девичьи губы пахли чабрецом и полынью.

Конан не был первым, кого дочь пастуха награждала своими ласками, но впервые в жизни, дрожа, как натянутая тетива, под тяжелым мускулистым телом, Юйсары подумала, что еще один-два удара сердца, и она сойдет с ума от наслаждения. Конан, в многолетних странствиях познавший сотни женщин, в том числе настоящих жриц любви, с первых же прикосновений к обнаженному телу смуглянки понял, что в его объятьях неопытная девчонка. Уже давно проникновения в горячую и нежную женскую плоть не вызывали у него романтического трепета, но, утоляя свое мужское естество, он всегда помнил, что красавица, дарящая ему удовольствие, имеет право на свою долю блаженства. Он старался. Собственно, ему, человеку невероятной силы и выносливости, это ничего не стоило. И если в любви он бывал эгоистичен и груб, то это всегда означало, что его любовнице по нраву как раз эгоистичные и грубые мужчины.

Смутлой темноволосой пастушке из разоренной нехремской деревни были по нраву нежность и фантазия.

Конан весь отдался необъяснимому чутью, и оно безошибочно подсказывало, когда надо с мощных, неистовых ударов перейти на легкое, едва ощутимое шевеление, в какой момент ее тело бурно отзовется на прикосновения умелых пальцев к чувствительным бугоркам и впадинам, а когда лучше отдать инициативу ей, пусть ее разгоряченные губы жадно шарят по широкой волосатой груди и крепкому, как бронзовый щит, животу, а руки любовно оглаживают могучий ствол, который то выныривает, то снова властно вторгается в свою новообретенную сокровищницу. И если пастушке не доставало навыков, то выносливости хватало с лихвой — было уже далеко за полночь, когда она хрипло застонала в последний раз, а потом распрямила над талией Конана длинные ноги и опустила их на сырую от росы траву.

— Почему ты его пощадил?

В свете звезд ее глаза влажно поблескивали, с приоткрытых губ срывались прерывистые, но уже расслабленные вздохи. Конан неторопливо вышел из нее, сдвинулся всем телом, чтобы прижаться лбом к ложбинке бархатистой, как кожица зрелых персиков, груди.

Юйсары запустила пальцы в его густую шевелюру, согнула ногу, проведя коленом вдоль его бедра.

— Он из моей страны, — произнес Конан, щекоча дыханием ее живот. — Такой же бродяга с севера, как и я.

— Такой же? — Девичий живот чуть напрягся, и Конану показалось, что в голосе появилась настороженность.

— Не совсем. Я его почти не знал, когда Токтыгай поставил меня над наемниками. Дазгут сразу меня взлюбил, а потому подговорил старика отправить на верную смерть. Шпионы донесли ему, что в отряде зреет бунт, а значит, нового командира либо заговорщики прирежут, либо он положит голову на плаху за участие в мятеже. По-правде сказать, меня так мутило от этого недоношенного щенка, Дазгута, что еще неизвестно, чем бы все это кончилось, если б я не скрутил на темной улице одного подонка, когда тот пытался изнасиловать горожанку. Парень оказался из моего отряда, и я хотел свернуть ему шею в назидание остальным, но он довольно высоко ценил свою жизнь и решил поторговаться.

Я узнал кое-что интересное. Что у меня в отряде полным-полно каналий, подкупленных Дазгутом, в случае бунта они постараются вырезать зачинщиков, а если не удастся, с наемниками разделается регулярная армия. Ни один из-менник не уйдет живым из Бусары. Что мне оставалось делать? Я подговорил два десятка надежных ребят, а потом собрал смутьянов и велел сложить оружие и убираться к Нергалу в задницу. Они не послушались, а зря. Одного мальчишку, моего земляка, я оставил в живых, даже из отряда не выгнал, но он почему-то не проникся благодарностью. Когда нам всыпали под Лафатом, он сбежал и увел с собой человек тридцать. И теперь они озорничают в округе, а свои «подвиги» приписывают мне.

Все это Конан рассказал девушке еще в разграбленной деревне. Он так и не ответил толком на ее вопрос, но она не стала допытываться — видимо, знала, что не всегда человек властен над своими прихотями. Как не властна над собой была Юйсары, когда рослый темноволосый воин, пришедший в ее жизнь неожиданно-негаданно, взял ее за руку и повел за продолговатый курган, чтобы там с первых же умелых, точных движений разбудить в ее теле неутолимую жажду наслаждения. Сколько было у нее мужчин и сколько еще будет? Но другого такого она не встретит никогда, в ком равнодушие уживается с нежностью, а буйволиная сила — с утонченностью. Она водила пальцами по длинным шрамам на его плечах и руках, а за курганом догорал костер и тихонько ржал конь, чуя волка. Сонго, стоящий на страже, успокаивал его добрыми словами и гладил по холке, а у костра мертвым сном спали семеро измотанных когирцев.

Глава 6

Вставай. Вставай, ну! Ехать пора. — Раздраженный Лун теребил Зивиллу за плечо.

Она распахнула веки и села на ложе из козьих шкур. Непонимающе посмотрела на Луну, на свою разорванную одежду, лежащую рядом. И все вспомнила.

Лун встал, повернулся и, ни слова больше не обронив, вышел из шатра. Снаружи доносился шум просыпающе-

гоя лагеря, через полуовал входа проникал запах жареного мяса. У Зивиллы заурчало в желудке, она недовольно поморщилась и легонько помассировала живот.

Исподняя рубашка как-то странно пахла, руки не лезли в рукава. Зивилла провозилась с одеждой дольше обычного, затем Лун принес выючной мешок с ее доспехами и оружием, она опоясалась кожаным ремнем и привязала к нему ножны с коротким кинжалом. Ее конь стоял возле шатра уже под седлом и хурджином с едой и походным скарбом. Над костром дозревал бараний бок, Бен-Саиф, напевая под нос, посыпал его молотыми пряностями, и Зивилла сообразила, отчего Лун с утра так мрачен. Терпеть этот умопомрачительный аромат — мука мученическая. Она и сама то и дело сглатывала слюну, а желудок рычал, как рассерженная собачонка.

Пока она умывалась прохладной с ночи водой из медного ведерка, к шатру агадейцев подошел Каи-Хан, по-хозяйски расположился у костра, снял с рогаток вертел с мясом, оторвал кривыми зубами изрядный кусок, проглотил, почти не жуя, смачно рыгнул и возвратил вертел на место. Лун, чтобы скрыть омерзение, ушел за шатер, Бен-Саиф с улыбкой пожелал апийцу приятного аппетита и протянул кубок с золотистым агадейским вином. Каи-Хан опрокинул кубок над разинутой пастью, довольно крикнул, отер усы и бороду и взмахом руки подозвал Зивиллу.

— Сядь, — буркнул он, указывая на плитку сланца, служившую сиденьем. Зивилла вытерла лицо льняным рушником, подошла к костру, села, приняла из рук Бен-Саифа кубок терпкого вина.

— Ну, ты на нас, в общем, не в обиде? — Каи-Хан кивнул, не дожидаясь ответа. — Все получишь, о чем просишь. Ежели дело сладишь. А не сладишь, пеняй на себя. — Он грозно осклабил. — От меня нигде не спрячешься, ни в крепости, ни под землей, ни у демона в заднице. Потому как я вот чем рискую, понятно? — Он хлопнул себя огромной жирной пятерней по затылку.

Зивилла кивнула. Каи-Хан не преувеличивал: освобождая пленницу, он нарушает обычай, за это и впрямь недолго лишиться головы. Но Когир — ключ к победе, к

покорению всего Нехрема. Рискованно отпускать Зивиллу к своим, но еще рискованней вести потрепанную орду на штурм высоких стен Дайса; апийские наездники не горооимцы, а агадейские маги вроде Луна и Бен-Саифа придут на подмогу только в самом крайнем случае, да еще неизвестно, какую цену потом заломят за свои услуги. Нет, как ни крути, когирянку надо отпускать, а там будь что будет.

— Коли подведешь, не знать мне покоя, пока я тебе твои же сиськи не скормлю, — твердо пообещал апиец.

Зивилла снова кивнула. Зря он волнуется. Племянница губернатора Когира сделает все, что в ее силах. Помешать способна только непредвиденная случайность.

— Дам тебе парней в сопровождение, — неохотно пообещал Каи-Хан, припомнив вчерашний уговор. — На большой эскорт не надейся, людей в обрез, вон, вчера опять телеги отправил. Но троих дам. Не люди — богатыри! Сами вызвались тебя проводить.

Зивилла пожалала плечами — трое, так трое. Все равно придется отпустить их с полдороги, не дожидаясь встречи с первым когирским патрулем.

Бен-Саиф опустил на короточки перед мясом, отрезал кусочек, сунул в рот, негоропливо прожевал, причмокнул и снял вертел с огня. Раздвигая мясо на широком плоском блюде, покосился на Зивиллу.

— Как поешь, сразу выезжай. Сейчас самое главное — время.

— Когда все улажу, как тебе сообщить? — спросила она.

Агадеец протянул ей кусок баранины, поставил на соседний камень плошку с острым соусом.

— А никак. — Он ухмыльнулся. — В Когире будут наши, они сразу все поймут и мне передадут.

— С гонцом? — полюбопытствовал Каи-Хан. — Долго.

Глядя, как соправитель Апа по-собачьи, с рычанием и чавканьем, вгрызается в мясо, Бен-Саиф изучал собственные ощущения. Странное дело, его совершенно не тошнило.

— Отчего же долго? — произнес он. — Наш гонец мухой прилетит.

Каи-Хан понимающе кивнул, он уже навидался агадейских чудес. С кряхтением поднимаясь на ноги, он шумно подпустил ветерок, однако нисколько не смутился. Бен-Саиф и Зивилла проводили бесстрастными взорами хохочущего сопровителя Апа, Лун вышел из-за шатра и подсел к костру.

— А если все-таки не получится? — Зивилла бросила недоеденную порцию в огонь — «шутка» апийца напрочь отбила аппетит.

Бен-Саиф неторопливо завтракал, запивая вином каждый кусочек.

— Тогда сюда не возвращайся, — произнес он по некотором размышлении. — Пробирайся в Агадею, на первой же заставе все расскажи. Но только горногвардейцам. Ну, а там... — Он не договорил, лишь пожал плечами.

Зивилла сумрачно кивнула и потянулась к вину. День начинался премерзко.

* * *

День начинался великолепно! Преподобные Кеф и Магрух, героически тараща красные от всеобщего бдения глаза, торжественно сорвали покров со своего первого совместного творения — «медитативного манка астральных проекций сверхнизкого и низкого этических уровней». Ощетиненный предохранительными стержнями, увешанный надежными амулетами, манок сильно проигрывал по части эстетики, но приснопамятная схватка с одноглазым магом заставляла уважать могущество Черного Круга. Что с того, что плоть одного из членов этого ордена превратилась в горстку холодного праха? Мысль ведет энергию, любил говаривать кхитайский поэт и философ Куй-Гу, один из наставников юного Абакомо. А кто в Храмах Эрешкигали и Инанны усомнится в способности бесплотного духа мыслить? Поэтому высокомудрые Кеф и Магрух не поскупились на емкие энергопоглотители и вороха сильнодействующих контрзаклинаний — если распыленный чародей возьмется за старое, манок его живо умиротворит.

— Впечатляет. — Повелитель Агадеи, в отличие от ученых мужей, позволил себе отменно выспаться и под-

крепиться фазаном по-бусарски, медовыми лепешками, соленым миндалем и слабым сидром. Прогулка по Поющей Галерее привела его в медитативное расположение духа, и небольшая утренняя охота, решил юный монарх, будет как нельзя кстати. Эй, где ты там порхаешь, астральная проекция сверхнизкого этического уровня? — Куда садиться, что надевать? — деловито спросил он.

— Простите, ваше величество, — не без смущения произнес Кеф, — но устройство испытано недостаточно всеобъемлюще, и мы не можем позволить, чтобы...

— Недостаточно всеобъемлюще? — Абакомо хмыкнул. — Эко сказано! На мыщах проверяли?

Преподобный Магрух кивнул.

— На кроликах?

— И на кроликах, ваше величество, и на обезьяне, и даже на каторжнике. Во всех случаях результат соответствовал ожиданиям, но следует помнить, что по закону магнита для астральных проекций сверхнизкого этического уровня нет ничего притягательнее личности сверхвысокого...

— Ничто так не ценю, как грубую лесть! — перебил Абакомо с ухмылкой. — Следует понимать так, что кролики, мартышки и душегубы нашего приятеля не заинтересовали, зато на меня он непременно клюнет?

— Вот именно, ваше величество, — хмуро подтвердил Кеф.

Абакомо снова ухмыльнулся и направился к медитативному манку. Пастыри двинулись за ним, обреченно вздыхая. Последним топал грузный Ибн-Мухур, понимая, что спорить бесполезно — когда повелитель закусит удила, ему сам Митра не брат.

— Аупсамаумкамаумммм, — вдруг замогильным голосом провыл Кеф, когда монарх уселся в манок по-восточному и надел медитативный шлем, сработанный из пластин слоновой кости, разрисованный магическими символами для вызова духов и утыканный их техническими аналогами. Абакомо непонимающе посмотрел на лысого эрешита.

— Мантра, ваше величество. Волшебное слово для защиты ума. Повторяйте ее почаще, и все будет в порядке.

Абакомо кивнул — к мантрам он привык с малолетства, как и к другим магическим приемам, показанным для духовного развития, а также для профилактики душевных расстройств. Еще в царствование его деда подобные вещи прочно вросли в агадейский обиход.

«Аупсамаумкамауммммм, — нараспев произнес он мысленно, добиваясь мощной пульсации мозга в ритме этого странного слова. — Аупсамаумкамауммммм...»

В следующий миг он увидел манок со стороны и сверху, в нем — неподвижного себя, а вокруг — суетливых старцев и медлительного ануннака. Две зеленые рясы, одна желто-коричневая. Свечение в комнате было неровным, периферийное зрение ловило радужную рябь, и Абакомо сообразил, что смотрит не настоящими глазами. Его душе было не впервой отделяться от тела — в шестнадцать лет храмовники-эрешиты научили его вылетать через собственную макушку, странствовать по вселенной, набираясь ума-разума, и благополучно возвращаться, — но это всегда требовало некоторого времени на подготовку. А сейчас получилось мгновенно! Он пощупал медитативный шлем, посмотрел на его создателей и одобрительно тряхнул биополевой копией венценосной головы. Вот оно, лишнее подтверждение словам Куй-Гу, что магия и рациональное знание завоюют весь мир, когда встанут плечом к плечу.

Злосчастный колдун был рядом, кружил по залу, как голодная гиена, и плотоядно облизывался, косясь на физическое тело Абакомо. Углядев наконец витающую под потолочным витражом душу агадейского правителя, он ощерился и даже чуть резче прорисовался от ненависти — черный, одноглазый, окровавленный. Его руки неимоверно удлинились, стремясь дотянуться до «горла» врага, но шлепнулись на пол, как щупальца издохшего спрута, когда Абакомо метнул в него огненный дротик мантры. Несколько минут чародей стоял в кажущейся прострации, тщетно пытаясь усвоить белую энергию, затем конвульсивным рывком всего «тела» исторг ее и бочком двинулся к медитативному манку. Расчет Магруха и Кефа вполне оправдался, хитрая машина надежно приворожила дух стигийского колдуна посулом нового воплощения, кото-

рого алчет любое низкоморальное сознание. И все-таки надо было отдать должное уму и стойкости чужеземного гостя: он не кинулся прожорливой шукой ни на одну из приманок, не тронул даже злодея, приговоренного к смерти, хотя Абакомо вполне мог себе представить, сколь соблазнительно выглядят в подобной ситуации тело и разум ЧЕЛОВЕКА. Еще раз явив свою невероятную пронырливость, колдун дождался, когда в манок усядется его главный недруг.

— Что тебя ко мне привело? — произнес, вернее, телепатировал Абакомо.

Душа колдуна из Черного Круга не ответила, лишь закачалась по-змеиному, раскрыла имитацию рта и высунула длинный раздвоенный псевдоязык. Глазницы углубились, превратились в колодцы, в тоннели, в их недрах набухала, наливалась черным соком пресловутая стигийская мгла. Абакомо и сам владел этим приемом, для мага с приличным стажем это совсем несложно, надо лишь как следует вжиться в образ удава, который завораживает беззащитную добычу, затягивает в пучину глаз ее агонизирующий разум. Нет, этот самонадеянный выскочка упрямо не желает признать, что связался отнюдь не с дилетантом. Абакомо снова оглушил его мантрой, а затем лихо обошел блокировку «мозга» и внедрил психогрыз — несколько стихотворных строк на мертвом языке атлантов. Стихи лишь на первый взгляд казались набором бессмысленных слов, — вскоре жертва агадейского короля обнаружила, что психогрыз звенит в «мозгу» назойливым рефреном, кочует по ассоциативным каналам, стирая на своем пути информацию лирико-метафорического свойства, и его совершенно невозможно вышвырнуть из «головы». Стигийский чародей заметно стушевался — низкоэстетическому сознанию вовсе не улыбалось перейти в разряд несуществующих.

— Кое-что нетрадиционное, а? — Абакомо улыбнулся и телепатическим сигналом остановил психогрыз. — Может, перестанем играть в бирюльки и начнем торг?

Черный маг горестно вздохнул, точнее, расширил на миг полевую структуру. Властелин Агадеи повеселел — до

сего момента незванный гость проявлял из эмоций только злобу, торжество и в редчайших случаях — страх.

— Ты ведь не ради развлечения сюда пришел, верно? — спросил король.

Стигиец пристально поглядел ему в «глаза» и неохотно кивнул.

— У тебя есть основания желать мне зла?

Колдун не ответил ни словом, ни жестом.

— Не расположен к откровенности, — заключил Абакомо. — Жаль. Поскольку ты вполне наказан за несвоевременный визит, у меня нет причин желать тебе дальнейших неприятностей. Напротив, я бы мог предложить кое-что ценное в обмен на откровенность. К примеру, воплощение. — «Произнося» эти слова, он ловил каждое шевеление мага и с удовлетворением заметил новый «вздых».

— Тебе интересно?

Никакого ответа.

«Блокировка! — осенило монарха. — На него просто-напросто наложили заклятие. Вульгарно и примитивно. Запретили какие бы то ни было сделки».

— Что, нельзя торговаться?

Маг с тоской поглядел на манок, на неподвижное физическое тело, и Абакомо понял, что угодил в точку.

— А принимать подарки?

Дух чужеземного злодея преобразился — «плечи» раздались вширь, «живот» втянулся, в «глазах» вспыхнули зеленоватые огоньки возбуждения. Король азартно потер несуществующие ладони.

— Это уже лучше! Надеюсь, ты теперь не сомневаешься, что я способен сделать подарок, который даже величайшему из чародеев покажется королевским. И цвет моей ауры уже убедил тебя, что я из тех, кто привык держать слово. Итак, достойное перевоплощение в обмен на кое-какие сведения. При желании ты даже сможешь получить работу при моем дворе, но это, конечно, с условием, что дашь прочистить себе мозги и перестанешь злоупотреблять черной энергией. Как тебе такое предложение?

Было видно, как волшебник борется с соблазном и как побеждает соблазн.

— Вижу, ты смущен, — кивнул монарх. — Ничего удивительного. Насколько я понимаю, ты явился ко мне не по своей воле.

— Не по своей инициативе, так будет точнее. — Очевидно, маг наконец решился играть в открытую.

— Ага! Ты обладаешь даром речи. Замечательно. Можешь сказать, кто тебя послал?

— Нет.

— Табу?

— Табу.

— Для опытного мага Черного Круга, — заметил Абакомо, — ты слишком восприимчив к запретам.

— Запреты входят в условия договора, я принял их добровольно, — холодно ответил стигиец.

— Не торговаться и не открывать имени заказчика? Я правильно понял, ты работаешь по найму? Если б тебя послал твой властелин, Тот-Амон, то не было бы речи ни о каком договоре.

— Тебе не откажешь в рассудительности, о юный чародей. — Стигиец опустил «голову» в насмешливом поклоне.

— Я не считаю себя чародеем, но это к делу не относится. А что касается рассудительности, то позволю мне еще немного порассуждать. Если это не Тот-Амон — а какая, спрашивается, выгода повелителю Стигии искать ссоры с королем далекой крошечной страны, — то скорее всего, кто-нибудь из моих соседей. Я прав?

Маг неторопливо кивнул. Абакомо воздел руки в приторном огорчении.

— О, всемилостивейшая Инанна! Когда же они образумятся, мои злокозненные соседи, когда утомятся плести интриги и возьмут с меня пример? Ну, разве я не образец доброты и скромности? Разве я не желаю всему человечеству, и в том числе этим прохвостам, только добра? — Он повернулся к чужеземцу и резко спросил: — Кто? Токтыгай?

— Фвах... — Неимоверная сила скрутила чародея, как прачка скручивает выстиранную рубаху, чтобы выжать последние капли воды. Абакомо вмиг понял, что сработал запрет произносить имя заказчика. Юноша пожал «пле-

чами» — он ведь не требовал назвать имя, маг сам свалил дурака. Достаточно было сказать «да» или «нет», или просто кивнуть или отрицательно помотать «головой». Абакомо дождался, когда собеседник немного очухается, и насмешливо протелепатировал:

— Я не знаю человека по имени Фвах. Значит, не Токтыгай?

— Нет.

— Кто-нибудь из нехремских вельмож?

— Нет.

— Гм... Но — сосед... Вендийцы?

— И не они.

— Братья-разбойнички из Кара-Апа?

— Эти двое тут совершенно ни при чем.

— Так-так... Ну и задал ты мне задачку... Пандрский узурпатор никак не мог тебя послать, этот скупердяй скорее удавится, чем кошелек развяжет...

Маг энергично закивал, и Абакомо изумленно спросил:

— Сеул Выжига?

Опять кивок. Несколько мгновений монарх стоял неподвижно, осмысливая невероятную новость.

— Подумать только! Да падет на меня самая суровая кара Нергала, если я посмею сказать, что вижу, куда катится этот мир! Но зачем, зачем старому кровососу подсылать ко мне убийц?

— Затем, что он совсем не дурак и прекрасно видит, куда катится этот мир, — угрюмо ответил маг. — Прямо в пасть к твоему любимому Нергалу!

* * *

Для отважного сотника Нулана день начинался мутно. Ничто не могло избавить от горечи сердце бывшего апийского воина: ни добрый кусок конины с ячменной лепешкой, испеченной на камне, ни кубок хмельного золотистого вина из тыквы-горлянки, подаренной Бен-Саифом, ни дурманящий дым вендийской конопли. Не веселил даже стук зубов рыжего бритунца, надежно привязанного к колесу телеги. Долговязый узник недоумевал, почему он еще жив; его изводила мысль, что апийские живодеры просто-напросто не успели придумать для него

достаточно изуверскую казнь. Отчасти он был прав — ночью в лагере, разбитом в стороне от дороги, на почти-тельном удалении от опасного холма, и окруженном телегами, воины в ожесточенном споре перебирали нетрадиционные и зрелищные способы отпущения меткому стрелку. Сам же Нулан еще вчера вечером принял роковое решение, но не торопился посвящать в свои планы то жалкое, что осталось от лихой конной сотни.

В последний раз глотнув сладковатого дыма и тряхнув головой и плечами, чтобы разогнать бодрящий хмель по всему телу, сотник встал с кошмы и направился к Роджу. Пленник затравленно следил за его приближением, стук зубов теперь напоминал топот десятков подкованных копыт по булыжной мостовой. Его короткие и жесткие рыжие волосы стояли дыбом, руки, привязанные к ободу громадного колеса, посинели и опухли, босые исцарапанные ноги спешили прикрыть пах, к которому в эту ночь приложился не один апийский сапог.

— Ты, — сказал Нулан, опускаясь на корточки подле трусливого верзилы, — сейчас будешь говорить, а я буду думать, как с тобой быть. Понял? Или просто зарежу, или сначала поразвлекусь. Все от тебя зависит.

Родж торопливо закивал, на его грязной конопатой физиономии тоска и страх уступили крошечное местечко надежде.

— Как звать-величать?

У пленника постоянно дергались лицевые мышцы, казалось, бесчисленные веснушки пустились в дикий пляс и намерены прыгать и трястись, пока не осыплются.

— М-мать П-п-парсифалем нарекла, да м-мне потом имя не п-понравилось, я себе д-д-другое взял.

— Другое? — Нулан укоризненно покачал головой, в его стране за такое пренебрежение священной родительской волей парня удавили бы его собственной кишкой.

— Р-р-родж.

— Ну, пусть будет Родж. А скажи-ка мне, Родж, сколько все-таки людей в твоём отряде?

«Полтора», — чуть было не ответил бритунец, как ночью, когда его, полузадушенного арканом, допросили второпях. И только интуиция, обостренная небывалым

желанием выжить, спасла его от тычка ножом в глаз. Ибо Нулан не был расположен шутить и верить в сказки. Родж не сумел бы объяснить ему, почему полторы сотни свирепых наемных вояк, разозленных дерзкой атакой горстки обозников, до сих пор не обрушились на апийцев и не оставили от них мокрое место. Вот, например, полста — это бы еще было похоже на правду.

— Д-двадцать четыре. Это б-без меня.

— Двадцать четыре? — Нулан опешил. — Всего двадцать четыре?

— М-мало, что ли? — Лицо, перекошенное страхом, еще больше обезобразила кривая улыбка. — Мы ж вас с т-трех сторон зажали, зато коридор вдоль бережка оставили, к-кто ж мог знать, что вы на рожон попрете р-ради этих сучьих телег? Что у вас там, золотишко?

— Не твое шакалье дело, северянин. — Нулан полыхнул глазами и сменил гнев на милость. — Я тебе верю. Стало быть, больше твои дружки к нам не сунутся?

— А кто ж их знает? Отпусти, я схожу, поинтересуюсь.

Нулан ухмыльнулся. Пленник заметно осмелел, даже перестал заикаться.

— Кто командир?

Родж ответил не сразу — взвешивал риск. Коренастого апийца не так-то легко провести, это он уже понял. И все-таки он солгал — опять же по наитию. Похоже, спасительная интуиция взялась за дело всерьез.

— Конан.

Сотник покивал. Это имя объяснило ему все: и наглое нападение на численно превосходящий отряд, и соблазнительный коридор из западни, чтобы охрана не слишком держалась за обоз, и навязчивое желание Бен-Саифа переманить к себе этого талантливого военачальника.

— Я так и думал.

— Ну да? — На грязном лице успокаивались веснушки.

Нулан снова кивнул. Видно, сама Иштар диктует ему выбор. Что ж, быть посему.

— Как тут оказался отряд наемников?

Родж ухмыльнулся, ноги расслабленно вытянулись на траве. Он поглядел в бледное лицо подошедшего когир-

ского аристократа, в знакомые надменные глаза, и развязно ответил:

— Так мы, ваша милость, больше не наемники. Наниматели-то вон как пятки смазали, не утонишься. Мы теперь сами по себе.

Что-то дрогнуло в лице молодого барона, и он отвернулся, ничего не сказав.

— Конан, — медленно проговорил Нулан. — Киммерийский бродяга, профессиональный солдат, родившийся на поле сражения...

— Ты с ним знаком?

Степняк, погруженный в задумчивость, не обратил внимания на оттенок тревоги в голосе пленника.

— Нет. Однако наслышан о его подвигах. — Нулан сорвал сухую былинку, обкусил с двух сторон, зажал между зубами. — Скажи, он и правда в одиночку семерых укладывает?

Родж усмехнулся. Его бывший командир — парень, конечно, не слабый, но уж семерых... А впрочем, сколько он уколошил в Гадючьей теснине? Бритунец вспомнил огромного варвара с перекошенным яростью лицом, орудующего длинным кровавым мечом. А еще Роджу припомнился здоровенный кулак в кольчужной рукавице, въехавший в его собственную физиономию, когда под натиском апийских копейщиков Конан ревом и тумаками приводил в чувства оробелые ряды наемников.

— Ну, в байках чего не услышишь... Хотя... Зря, что ли, в нашем отряде песенку походную сложили: «Выходите на меня хоть вдесятером, ежели вы без топоров, а я с топором, выходите на меня, всех передавлю, ежели вы с похмелья, а я — во хмелю».

Куплет пришелся степняку по душе, он хлопнул себя по ляжкам и засмеялся с хкеканьем и повизгиваньем. У Роджа еще больше отлегло от сердца, чутье шепнуло ему, что самое страшное миновало.

— И долго он собирается торчать на мосту?

Беззаботный тон мигом насторожил Роджа. «Эге! — мысленно обратился он к сотнику. — Сдается мне, у тебя, браток, времени в обрез».

— Это тебе решать, — ответил он вслух.

— Ну да? — Сотник догадывался, что он сейчас услышит.

— Ага. Конан хоть сей момент уйдет, ежели ты с ним поделишься. Третью ему, остальное вези куда хочешь. Ну и меня, конечно, отпустить надо, а то он на сделку не пойдет. Наш командир не из тех, кто лучших друзей в беде бросает.

— Пошлина, значит. — Сотник выдернул из зубов травинку и метнул, как дротик, в сторону.

— Ну, считай, что пошлина.

Нулан поднялся, и у Роджа в груди шевельнулся страх — неужели апиец не согласится? Тот хмуро произнес:

— Мне надо поговорить с людьми. Подожди.

Бритунец уныло покосился на свои сизые кисти, прижатые к ободу колеса сыromятными ремнями.

— О чем разговор? Подожду, конечно.

Нулан отошел, перед пленником опустился на корточки барон Ангдольфо.

— Значит, Конан не пошел за Бен-Саифом?

Имя не сказало Роджу ровным счетом ничего, но он на всякий случай кивнул.

— Почему?

Бритунец пожал плечами. Чтобы успешно врать, надо хотя бы представлять, о чем идет речь.

— Я видел, как напали на обоз, — сказал Ангдольфо. — Я думал, все погибли, кроме Конана и людей Зивиллы.

Родж внутренне успокоился — смиренная кобылка по кличке Полуправда всегда лучше ее норовистой сестренки Наглой Лжи. Тише едешь, дальше проживешь.

— Так нас к тому времени при обозе уже не было, ваша светлость. Мы же сразу с Конаном не ладили, обиделись маленько за парней, которым он глотки перерезал, и после Лафата своим умом решили жить. Надоело, что все дырки нами затыкают. Известное дело, наемник не человек, подохнет — платить не надо. Ну, и смылись по-тихому. А потом глядим, командир следом чапает, один, как султанский хрен в гареме. Весь отряд, говорит, порешили, вы уж, говорит, братцы, при-

мите к себе и простите, ежели кого огорчил ненароком. И с тех пор мы одна дружная семья.

— Значит, простили?

Родж всматривался в продолговатое лицо барона и узнавал привычное высокомерие, холодную надменность аристократа, притаившуюся за маской равнодушия. «Ишь, голубая косточка! — с ненавистью подумал бритунец. — Скрутить бы тебе шею, павлин спесивый!»

— А чего ж не простить? Свой мужик, не дурак выпить и в бою лют, мы таких уважаем. Кабы с самого начала не ломал дров...

— А где люди Зивиллы? Он про них не говорил?

Родж напрягся — вот она, западня! Ну, кривая, давай, вывози.

— Ни словечком не обмолвился. Умеет язык за зубами держать, язвы его. Кто его знает, варнака, может, сам порешил ваших приятелей.

— Моих приятелей? Ты что, знаешь меня?

Родж опешил, даже рассердился слегка.

— Вас, барон, часом, по темечку не били? Никак, память отшибло? Неужто не помните, как рыло мне чистили, когда в родовое гнездышко наезжали?

Барон опустил глаза, посидел несколько мгновений в молчании и неподвижности, затем кивнул. Родж тоскливо вздохнул и заговорил с мольбой:

— Да я, ваша светлость, обиды не держу. Это ж дворянская привилегия, морды челяди разукрашивать. На вашем месте я б еще не так озорничал. Вы б замолвили за меня словечко, а? Перед апийцами, ну, чтоб отпустили меня. Ляд с ними, с телегами, их и так пропустят, я все улажу, только вы попросите живоглотов, чтобы не кончали меня, ладно? Вас же не прирезали, значит, можно с ними договориться, а? С Конаном точно можно, а насчет пошлины... это я так, цену себе набивал, я ведь в отряде десятком команду, ребята за меня горой встанут, ежели киммериец заартачится. Вы своей дорогой езжайте, а мы своей поедем, степь широка, авось, никогда и не встретимся больше.

Он искательно смотрел барону в глаза, а тот размышлял о чем-то своем. Наконец когирский аристократ под-

нялся, кивнул, сказал «попробую» и отошел. Солнце припекало, в лицо пленнику лезли мухи, здоровенный слепень больно укусил в лоб, Родж тряхнул головой и выругался, но слепень и не думал отвязываться, сидел рядом на грязной деревянной ступице и ждал, поблескивая бисеринками глаз, когда жертва снова утратит бдительность.

До бритунца доносились взволнованные, сердитые голоса, но ему не удавалось разобрать ни слова, один бородач из толпы спорщиков, часто оглядываясь на пленника, злобно выкатывал глаза, скалил щербатые зубы и водил рукой у горла, как пилой. Апияцы решали судьбу Роджа, чуть в стороне от них Ангдольфо что-то втолковывал сотнику, а тот недовольно раздувал ноздри и двигал сросшимися бровями. Наконец сотник вернулся к своим людям, отрывисто и грубо произнес несколько фраз, крикнул «Решили, так решили!» и направился к пленнику с ножом в руке. «Мамочка! — безмолвно воззвал бритунец. — Спаси меня, чистая душа!»

Нулан склонился над ним, полюбовался круглыми от ужаса глазами, отвисшей челюстью и белизной, разливающейся под загаром и грязью, и перерезал путы. Родж услышал два глухих удара о землю, он совершенно не чувствовал рук, казалось, они так и останутся на траве, когда он встанет. Нет, они поднялись вместе с ним, безжизненные, как две тухлые рыбины. Нулан ухмыльнулся, а затем повернул Роджа лицом к мосту и толкнул в спину.

— Топай, договаривайся.

* * *

На жаре пегий иноходец быстро скис, и столь же быстро испарилось недоумение Зивиллы, с чего это вдруг Каи-Хан расщедрился на красивого, рослого скакуна. Дареный конь явно страдал животом, у него громко екала селезенка, из-под хвоста слишком часто сыпались зеленоватые катыхи, а на больших печальных глазах густела мутная поволока. «Ублюдок, отродье Нергала, — мысленно кляла Зивилла апийского сопровителя, в коем предприимчивость уживалась с закоренелым пристрасти-

ем к мелким пакостям. — Ну как иметь дело с такими людьми?»

Трое рослых прихвостней Каи-Хана дружной стайкой следовали за знатной когирянкой, и она, оборачиваясь время от времени, всякий раз ловила их наглые, похотливые взгляды. В седле эти люди держались так, будто в нем и родились, а еще они превосходно выносили жажду и привыкли не замечать вечного пыльного ветра; Зивилла же давно ни о чем так не мечтала, как о громадной порфировой ванне в родовом замке, об изобилии теплой воды, и чтобы после мытья — легкий массаж с втиранием благовонных масел и, наконец, чистая мягкая постель под балдахин, не пропускающим ни единой мошки, ни единого комара, уже не говоря о жирных слепнях. Да отвернуться от нее небеса, если она хоть на однодневный пикник выедет из замка без шелкового исподнего! О, проклятые блохи!

Солнце клонилось к полудню, а голова пегого — к земле. До Когире еще полтора дня езды, но, конечно, не на таком одре. Зивилла снова оглянулась. У сопровождающих лошади низкорослые, зато широкогрудые и крепконогие, только такие и годятся для долгих степных походов. Кому-то из этих увальней придется отдать своего коня, и вряд ли он придет в восторг от ее идеи — для апийца конь что родной брат. Но несколько золотых монет из кошелька на поясе когирянки и две-три весомые угрозы, конечно, его убедят. Что ж, быть посему, и не стоит с этим тянуть, когда время решает все.

Она взмахом руки остановила эскорт, слезла с иноходца, для уверенности в себе выдернула из-за подпруги нагайку и повернулась к троим степнякам. Внушительные мужики — косая сажень в плечах, челюсти, что твои подковы, а глаза, как у диких кабанов в сезон случки, — крошечные, налитые кровью. Бешеные.

— Кто из вас, благородные господа, согласится уступить своего коня даме?

Самый здоровенный из них громко фыркнул, встрепнулись вислые усы. Его приятели заржали, раздевая Зивиллу глазами. «Спокойно!» — сказала она себе, чувствуя, как ходят желваки.

— Или среди вас, — произнесла когирянка, — не найдется ни одного галантного кавалера?

— Хаммун, кажись, ты у нас самый галантный, — с усмешкой сказал вислоусый, и его приятель с длинными сальными волосами, заплетенными в дюжину косичек, осклабился и изобразил поклон. — Помирать буду, вспомню, как галантно ты распинаял ту кхитайночку.

— Надо ж было доказать плутовке, что и нам не чужда цивилизованность, — сообщил Хаммун. — Какой-нибудь некультурный северянин позабыл бы с ней, да сразу и прирезал, а у меня она две недели подыхала. И все воспитывала меня, воспитывала!

Зивилла мрачно кивнула. До чего же наглые подонки! Но жизнь научит и не с такими ладить.

— Что ж, Хаммун, я прошу о пустяковой услуге. Слезай с коня и садись на моего. Мы поедем дальше, а ты возвращайся в стан и скажи Каи-Хану, что я тебя отпустила.

— Ну, как отказать в такой вежливой просьбе? — Губы Хаммуна расползлись еще шире, открывая частокол зубов с черными проемами щербин. — Я бы непременно согласился, кабы не один должок за тобой, госпожа.

— Какой еще должок? — насторожилась дама Когира.

— Какой еще должок! — передразнил Хаммун, оглядываясь на своих приятелей. — Нешто забыла, радость моя, наше романтическое свиданье у сральника? Недаром говорят, девичья память — что змеиная шкура, по семь раз скидывается.

Зивилла поморщилась, ей все меньше нравился этот разговор. Перевязь с прямым тонким клинком давила на плечо, кинжал оттягивал пояс, — сталь просилась на волю. «Не резон, — напомнила себе когирянка. — Совсем не резон. У Каи-Хана длинные руки. К тому же, слишком многое поставлено на кон. Один опрометчивый шаг, и все пойдет прахом».

— Ты что, Хаммун, рехнулся на солнцепеке? — спросила она недобрым тоном. — Мне недосуг тебя уговаривать, и едва ли кое-кто обрадуется, когда узнает, что из-за ослиного упрямства его слуги я не смогла сделать дело, ради которого послана в Когир. Сейчас же слезай с коня,

или я сама попрошу Каи-Хана, чтобы он похоронил тебя и твоих дружков в той выгребной яме, с которой у тебя связаны столь яркие воспоминания. Даю десять золотых, а будешь канителиться, заберу коня даром.

Трое наездников расхохотались, хлопая себя по животам и ляжкам, затем Хаммун назидательно произнес:

— Вот что я тебе на это скажу, радость моя...

— Девять «токтыгаев».

— Девять? Ишь ты! На один, стало быть, меньше. Вот что я тебе скажу, радость моя. Уговаривать меня бесполезно, потому как мне шлея попала под хвост...

— Восемь монет.

— ...И торговаться я не расположен. Это раз. Во-вторых, у нас в Апе нету ни хозяев, ни слуг, а есть только воины и вожди, и вождей мы выбираем сами.

— Семь.

— Каи-Хан, конечно, вождь что надо, но в последнее время мы его что-то плоховато понимать стали, а когда такое случается, мы, простые воины, устраиваем сход и маракуюем: как быть дальше? Не пора ли выбрать нового сопровителя? Благо, желающих хоть...

— Шесть золотых. И хватит молоть языком, а то останешься ни с чем.

— ...Отбавляй. Мы б уже давно собрались и все уладили по-привычному, кабы нашему вожаку не пошел фарт. Такой добычи, как в этом походе, я сроду не видал. Вон, даже казну в Кара-Ап отправили, тяжело, понимаешь, при себе таскать. Ну, чего молчишь, заслушалась, что ль? Говори: пять золотых.

— Пять золотых, — сказала Зивилла, краснея от гнева.

— Не пойдет. — Хаммун явно решил поиздеваться всласть. — На кой ляд мне пять вшивых монет, когда вот тут, — он хлопнул короткопалой пятерней по замшевой седельной сумке, — в двадцать раз больше, а у нас еще впереди Бусара, и Самрак, и твой драгоценный Даис. Нет, красавица, не продам я тебе коня. А вот отдать могу. Хочешь, отдам?

«Подвох! — предупредил Зивиллу внутренний голос. — Эта мразь что-то задумала».

— Хочу, — процедила она сквозь зубы.

— Бери! — Хаммун расплылся в мерзейшей улыбке. — Бери, радость моя. Только одно условие. Ты меня сама с коня стащишь. Да губками, губками! Вот за него!

Степняк привстал на стременах, молниеносным движением приспустил кожаные штаны, и над передней лукой взвился сине-багровый детородный орган. Зивиллу чуть не вырвало, но она двинулась вперед, и кабаньи глазки Хаммуна заблестели торжеством, а кисти рук закрутились, наматывая повод — попробуй, стащи меня, радость моя!

— Моего возьми, красавица! — вскричал вислоусый приятель Хаммуна. — Это ж не конь — птица! Р-раз — и ты на седьмом небе!

— А меня зато стащить проще! — завопил третий. — Только дерни разок, а дальше сам ссыплюсь!

В глазах Хаммуна торжество вдруг сменилось беспокойством — ему не понравилась ухмылка Зивиллы. А в следующее мгновение ему еще меньше понравился яростный удар нагайкой — короткой плеткой с легким кнутовищем и оловянной пуговицей на конце сырмятного ремня. Степняк с диким визгом полетел с коня, держась за рассаженный предмет мужской гордости, а нагайка опять взметнулась и легла наискось на вислоусую рожу. Снова — жуткий вопль, а Зивилла резко оборачивается к третьему степняку, у того рука уже на эфесе, но сабля еще в ножнах, и олово прикладывается к незащищенной шее, прямо к кадыку, и апиец мешком валится с коня, а вислоусый все блажит, но боль не мешает ему схватиться за аркан. Зивилла замечает это слишком поздно, когда петля обвивает ее плечи. Молодая женщина успевает судорожным рывком высвободить правую руку, но нагайка не достает вислоусого, зато опускается на конский круп, и перепуганное животное с места бросается в карьер, и волосяной аркан тащит по земле, по острым камням и верблюжьей колючке, поверженную когирянку. Через несколько мгновений вислоусый останавливает коня и выхватывает саблю, когирянка поднимается на ноги, а степняк надвигается на нее, и надо защищаться, надо парировать мечом его удар и самой бить по конскому храпу, чтобы скакун взвился на дыбы и, может быть, сбросил

седока, но правая рука вывихнута в локте, непослушным пальцам не ухватить рукояти, а левой с кинжалом не остановить сабли.

Тяжелый кривой клинок плашмя ударил по макушке, и дама Когира замертво рухнула под копыта широкогрудого коня.

Глава 7

В дали наконец раздался долгожданный скрип осей. Угрюмая недоверчивость на лице высокого синеглазого атамана сменилась явным облегчением, он даже улыбнулся краем рта, взглянув на Роджа. Бритунец успел слегка отойти от пережитого ужаса; товарищи, с изумлением выслушав рассказ рыжего десятника, накормили его, напоили деревенской брагой и дали ему сапоги, одежду и оружие. Но в глубине души бритунца все еще дрожал дикий перепуганный зверек, чудом вырвавшийся из смертельной западни.

— Байрам, — окликнул киммериец седоволосого десятника, — отведи людей вон за тот бугор. — Он указал влево, на невысокий холм, усеченный береговым обрывом. — Возьми еще парней Роджа. Ждите там, если позову или сами заваруху почувете, чешите на подмогу что есть духу. Ямба, держи коней. Ты и ты, — он показал пальцем на двоих людей Ямбы, — под мост к костру. Остальные со мной. Родж, ты тоже.

Бритунец хмуро кивнул. Снова видеть эти косые рожи, снова слышать глумливые смешки! Сейчас бы забиться в какой-нибудь буерак, закрыть башку руками и сидеть, пока все не кончится... Сопливого молокосос Парсифаль, наверное, так бы и сделал. А вот Родж, вольный стрелок и солдат удачи, никогда.

Всхолмленная степь утопала в зное, над мостом из больших рассохшихся бревен с глухим жужжанием носились слепни, и мечты о прохладном ветерке вызывали печальную усмешку. Под мостом шептала о чем-то своем, вековечном, глубокая река, вылизывала сверкающими языками белое известняковое ложе, кое-где среди зарослей облепили и ежевики гуськом сновали выводки кекликов,

а покосившиеся опоры моста на берегу были обложены грудями хвороста, и двое парней из десятка Ямбы готовы были по первому приказу атамана сунуть в них горящие ветки из загодя разведенного костра. Если апийцы все-таки решились прорваться, им не поздоровится. Синеглазый атаман не был расположен шутить.

В полете стрелы от моста обоз разделился. Большая часть апийского отряда осталась при шести телегах, а три повозки двинулись дальше. Конь Нулана рысил пообочь передней, шестеро крепких парней с обнаженными клинками поперек седел охраняли сотника, всем своим видом демонстрируя решимость. Заметив сверкание стали, киммериец неторопливо достал большой меч, поставил острием на бревно и оперся на рукоять. Его люди тоже обнажили клинки и взвалили на плечи секиры, правда, заботясь о том, чтобы это выглядело не слишком вызывающе.

— Так это ты — Конан? — Взгляд командира апийского отряда obeжал рослого киммерийца с головы до ног.

Синеглазый дезертир кивнул, и апиец удовлетворенно хмыкнул.

— Таким я тебя и представлял.

— Родж говорит, ты хочешь кое-что предложить.

Нулан кивнул. Тону вожака нехремских дезертиров явно недоставало дружелюбия, но это нисколько не смущало сотника. По рассказам Бен-Саифа он знал, что Конану вовсе не чуждо здравомыслие.

— Ну? — Атаман приподнял голову и выжидающе посмотрел апийцу в глаза.

Нулан перекинул левую ногу через холку коня, прыгнул на сухие бревна. Из-под моста тянуло дымком, в стороне на холмике, обрезанном весенними паводками, маячили верховые. Значит, Родж не соврал — людей у Конана немного. Можно попытаться счастья в рукопашной — вдесятером против шести или семи пеших, — но что толку, даже если прорвутся три телеги? Мост горит, и большая часть обоза безнадежно застрянет на берегу. А здесь, на этой стороне реки, на уцелевших людей Нулана обрушится полтора десятка всадников.

Сотник с тоской подумал о Кара-Апе, о родной глинобитной хижине на городской околице, о двух женах и пяти детях, которые ждут его возвращения с богатой добычей и славой. Добраться до Авал-Хана к урочному дню теперь можно лишь в мечтах.

Он неторопливо подошел ко второй телеге — бывшей телеге Роджа, — развязал несколько шнурков на заднике и правом борту, взялся за край холщового покрывала и откинул. В повозке тесно, как яйца в гнезде, покоились широкие глиняные горшки. Нулан снял с одного из них крышку, запустил руку и извлек пригоршню сверкающих монет.

— Серебро.

Атаман нехремских дезертиров кивнул. Нулан посмотрел в синие льдинки глаз и пораился выдержке этого человека. Ни малейшего признака волнения! Сам он на месте киммерийца непременно загорелся бы азартом.

— Армейская казна, — пояснил Нулан. — Захвачена в Лафатской долине. Там, — он взмахом руки указал на шесть телег, — еще золотые украшения и самоцветы. И много другого добра. Его ждет Авал-Хан.

— Почему ты об этом говоришь? — Атаман праздно покручивал вправо-влево рукоять меча, острие буравило гнилое дерево.

Нулан посмотрел на своих людей. Мрачные обветренные лица, обреченность во взорах. Нелегко было втолковать им, что назад дороги нет.

— Потому что мы не хотим вести этот обоз к Авал-Хану. Мы тоже хотим жить своим умом. Я много слышал о Конане, знаю, что тебе можно верить. Короче, у меня совсем простое условие: хочешь нашу добычу, бери и нас впридачу. Бери, Конан, не пожалеешь. У тебя мало людей, лишние двадцать сабель разве помеха?

«Мне-то можно верить, — чуть было не сказал вслух киммериец, — а вот тебе?» Он заглянул сотнику в зрачки, пытаясь проникнуть в самую душу. Заглянул, уже зная, что уступит, и ничего не прочитав в раскосых темных глазах. Медленно вздохнул и перевел взгляд на горшки с серебром. Такое сокровище просится в руки! Что-то возбужденно нашептывало ему изнутри: старый

степной волк не хитрит, он и впрямь решился сменить стезю. Согласиться — значит, пойти на огромный риск, шуточное ли дело — иметь под боком два с лишним десятка коварных и бесстрашных убийц? Но если он откажется, значит, кровопролитной драки не миновать, и еще неизвестно, кто в ней победит, а его и так не слишком балует судьба, и близок тот час, когда парни спросят у атамана: сколько можно шататься дуриком по степи и гробить людей понапрасну? К тому же отчаянная нужда в пополнении... Нет, отказ — непозволительная роскошь.

— Твои сабли мне пригодятся, — кивнул он. — Я видел вас в драке, а у Роджа до сих пор штаны не просохли. Как тебя зовут? — спросил он, хоть и знал от бритунца.

— Сотник Нулан.

— Устав у нас несложный, Нулан. Что сотник, что простой солдат, — добыча на всех поровну. На привале можешь спорить со мной, ежели по делу, а в бою за неподчинение — башка долой. Из своих молодцов хоть веревки вей, а чужого тронешь, на ножах будешь с ним разбираться. Я слышал, вы, апийцы, пленных не берете?

Нулан неопределенно пожал плечами.

— Мы берем, — заявил атаман. — Ради выкупа, ну и... Не век же по степям мотаться, скоро обживемся где-нибудь, холопы понадобятся, прачки... — Он ухмыльнулся. — Так что зря не лютуй. Захочешь на ком-нибудь душу отвести, спроси у меня разрешения. Ну как, все устраивает или возражения имеются?

— Годится, — согласился сотник, не раздумывая.

Широкая ладонь северянина оторвалась от меча и двинулась к Нулану. Степняк протянул навстречу жилистую руку, и она хрустнула от пожатия бычьей силы.

— А коли годится, гони телеги вон к тем хибарам. — Атаман указал на несколько мазанок со сгоревшими крышами. — Нынче здесь заночуем, пировать будем — надо ж познакомиться. И добычу поделить. — Киммериец улыбнулся, и Нулан заметил-таки в синих льдинках нетерпеливый блеск.

* * *

В обморочную мглу настойчиво билась тупая боль. Волнами разбегалась по телу, кровавым вулканом взрывалась под черепом, мучительно медленно возвращалась в левую ногу — лишь затем, чтобы через мгновение ударить с новыми силами. Мгла распадалась на клочья, таяла; сознание, точно рыба, поддетая крючком, поднималась из спасительного омуты в кошмарную реальность, вотще трепыхала плавниками.

Зивиллу снова приводили в чувство. В первый раз это сделали, чтобы изнасиловать по очереди и скопом — злобно, глумливо, изощренно. Потом ее решили прикончить и стали бить ногами, но прекратили, когда она лишилась чувств, — в вислоусом степняке, не только самом сильном из троицы, но и самом рассудительном, вдруг проснулась осторожность. Он вспомнил угрюмые наставления Каи-Хана — похоже, старшой не шутил, когда приказывал довести девку до первого когирского патруля живой. Но он не сказал «целой и невредимой». Ладно, Нергал с ней, с этой подлой сучкой, пусть оклемавается. Они доведут дело до конца: пегую дохлятину убьют, а девка поедет дальше на хорошем коне, за спиной его хозяина.

Но «подлая сучка» не спешила «оклемаваться». Видно, не стоило все-таки бить ее сапогами по голове. Но и Хаммуна можно было понять — это ж надо, изо всех сил плеткой по самому дорогому! Хаммун даже выел от боли, когда насиловал. Но продержался до конца — настоящий боец!

Третий воин хотел уложить молодую женщину поперек седла и связать ей руки и ноги под животом коня, но Хаммун гневно возразил: еще чего, отвязывать всякий раз, когда ей по нужде приспичит! Привести в чувство, да усадить охlopкой, а вздумает рыпаться, пускай пеняет на себя.

Жертва упорно не подавала признаков жизни, и тогда вислоусый прибег к испытанному средству — толстой стальной иголке. Пока он загонял ее под ноготь большого пальца на ноге Зивиллы, Хаммун держал у нее под носом свежий конский катых, щекочущий ноздри

едкой вонью, этакий импровизированный заменитель нюхательной соли. Но обморок оказался слишком глубок, и вислоусому пришлось изуродовать молодой женщине еще два пальца, прежде чем степняки услышали первый стон.

Хаммун отшвырнул конский навоз и стал бить Зивиллу по щекам, и это вскоре возымело действие, — она открыла глаза и посмотрела на него с ужасом. На ее лице и шее уже багровели кровоподтеки, правая щека распухла, превращая глаз в щелочку, — скоро красивое лицо когирской аристократки обернется черной ритуальной маской.

Вислоусый удовлетворенно кивнул, вытер окровавленную иглу о штаны и спрятал в кожаный пояс. Хаммун взял Зивиллу за шиворот, рывком заставил подняться. У нее тотчас все поплыло перед глазами, она повалилась на примятую траву и получила болезненный пинок в бедро. Как ни странно, от этого сознание слегка прояснилось, и она смогла встать уже без посторонней «помощи».

Третий апиец, человек средних лет с мелкими, точно каракуль, и плотно прилегающими к черепу завитками черных волос, — небрежно протянул ей мех. Глоток нагретой солнцем воды застрял в саднящем горле, Зивилла едва не задохнулась, — Хаммун и тут пришел «на выручку», что было сил треснув ее ладонью по спине. Она упала на колени, и, ожидая новых ударов, пыталась отдышаться. Руки удержали мех; Зивилла снова медленно поднесла его ко рту и сделала несколько мучительных глотков.

Вислоусый с саблей в руке направился к ее пегому. Несчастное животное слишком поздно догадалось, какую ему уготовили судьбу, и пронзительно заржало, но очень скоро из рассеченного горла вытекли все силы вместе с жизнью. Апиец равнодушно отошел от издыхающего коня и швырнул Зивилле хурджин.

— А мое оружие? — Она не узнала собственного голоса, в нем звучали страх, надрыв, изнеможение. Так говорят взойшедшие на эшафот, но в их голосах часто

слышится еще и смирение с неизбежным. А тут вместо смирения была надежда.

Вислоусый отрицательно покачал головой, отдал ее меч и кинжал курчавому и забрался в седло.

— Садись, — буркнул он, указывая себе за спину.

* * *

Она ехала по степи, держась за заднюю луку седла, и внимала смачным воспоминаниям апийцев о том, как ее «ублажали». По всему телу кочевала боль, левый глаз так заплыл, что почти не видел, от вислоусого степняка нестерпимо воняло овчиной и потом. Но обморочный туман в голове рассеялся без следа, и причиной тому была жгучая ненависть.

И когда они спускались с крутого холма, Зивилла притворилась, будто утратила равновесие, подалась корпусом вперед и прильнула к спине апийца. Он ничего не заподозрил, лишь раздраженно мотнул головой, мол, держись крепче, сучка, нашла время обниматься, — и спохватился, лишь когда сабля с шелестом выскользнула из сафьяновых ножен.

Он крикнул — «Э, не балуй!» — не успев еще понять, что за спиной у него сидит сама погибель.

Отталкиваясь правой рукой от луки и соскакивая с коня, Зивилла молниеносным ударом сабли рассекла ему шею у основания черепа. Конь уносил мертвеца по склону холма, два других всадника не успели остановить своих скакунов на круче, а Зивилла приземлилась довольно удачно, только ушибла слегка колено, и бросилась не назад, к гребню, а напрямиком на курчавого воина, который был совсем рядом. Тот уже выхватил саблю и развернулся, насколько позволило седло, но Зивилла сразу прыгнула влево, и курчавый понял, что в такой позиции ему отбиваться не с руки. Оставалось одно: быстрее спуститься на дно неглубокой, но широкой котловины, а там спокойно развернуть коня, налететь на когирянку и рубануть на скаку.

Он плашмя ударил саблей по крупу гнедого, но Зивилла сразу разгадала его замысел и в неистовом прыжке

дотянулась до коня клинком. Острые сабли кольнуло гнедого под хвост, он с оглушительным ржанием рванул в карьер. Ничем хорошим для седока это кончиться не могло, он кувыркнулся из седла и размозил голову о валун, а сверху его придавил гнедой со сломанной передней ногой и поврежденной шеей.

Остался один Хаммун, и он был далеко, и ему хватило сообразительности не останавливать лошадь, и надо было на дне котловины натянуть лук и продырявить подлую гадину, заходящуюся хохотом на середине склона, но не мог же он издали, как трус, пускать стрелы в бабу, пусть и вооруженную, пусть и лишившую жизни двух его товарищей? Нет, он спешился и с саблей наголо быстро полез вверх, а хохочущая девка и не думала удирать, все манила его свободной рукой и даже неторопливо спускалась навстречу, к довольно широкому плоскому уступу. Когда Хаммун поднялся на уступ, девка ждала его в позиции фехтовальщика: вес тела на правой ноге, левая отставлена; клинок служит продолжением правой руки, левая отведена назад и согнута в локте и запястье. Наверняка она знала всякие хитрые штучки-дрючки, но Хаммуну было наплевать, бабы учатся фехтованию на тонких легких рапирах, а вовсе не на кавалерийских саблях, массивный кривой клинок — оружие мужчины, и никакие финты не спасут от свирепого кабаньего напора.

Так он рассудил впопыхах и очень скоро обнаружил, что жестоко просчитался. Его яростные удары проходили мимо цели либо разбивались о глухую защиту, и довольно скоро он начал выдыхаться, а затем понял, что Зивилла может проткнуть его в любой момент, она просто играет с ним, как вендийский мангуст с полужадушенной змеей. Проклятая стерва уже перешла в контратаку, теснила его, похотывая, к краю уступа, и он решил, что первая идея — насчет лука — была не так уж постыдна, и вообще, пора драпать, коли шкура дорога, — и вдруг покрылся холодным потом, сообразив, что все эти мысли когириянка свободно читает у него на лице. Она не отпустит его живым!

Удар неженской, даже нечеловеческой силы пришелся в бронзовую кольчугу, а затем покрытая синяками рука

с саблей резко отпрянула, и хохочущая Зивилла отбежала на несколько шагов. «Неужели все-таки отпускает?» — изумленно подумал Хаммун и вдруг обнаружил, что у него отнимаются ноги. Стоя на коленях, он дотронулся левой ладонью до живота. Кровь... Он почти не ощущал боли, зато явственно чувствовал влагу, что стекала на распухший детородный орган. Где же боль? Здесь, она здесь, просто жжение в пробитой печени гораздо слабее рези в паху. Он стоял на коленях, зажимая рану на животе, а когириянка, волоча по земле невероятно тяжелую саблю, спускалась к его коню.

* * *

Как и ожидал Конан, Бусара встретила его маленький отряд вытарашенными от страха глазами обывателей. Город жил ожиданием штурма, отовсюду веяло обреченностью. На знаменитых бусарских базарах и торговых улочках кипела жизнь (степные купцы — народ рисковый), но разнообразные привозные товары лишь напрасно пылились и гнили на прилавках. Путешественники, коих от веку манила к себе, точно мед мушиную стаю, благословенная Бусара, с весны, казалось, вымерли по всему Нехрему. Конан устало шагал рядом с Сонго и вел коня на поводу, в дорогом седле болтался, как тряпичная кукла, раненый Паако, Юйсары еле переставляла стертые в кровь ноги, и остальные выглядели не лучше, — стоило ли удивляться, что на них глазели со всех сторон, как на неких колдунов, которые вернулись из паломничества в мир мертвых?

В конце концов это разозлило Конана, и он рывкнул на оцепенелого подростка-виноторговца. Стоя с открытым ртом на горячей брусчатке, тот не заметил медную монету, упавшую на его лоток. Мальчуган спохватился и торопливо наполнил густым красным вином глиняный фиал, и Конан выпил залпом, наслаждаясь крепким привкусом дробленых косточек, который у гурманов неизменно вызывает брезгливую мину. Сонго последовал его примеру, потом и остальные.

Конан осушил вторую чашу, третью, и тут ему надоело баловство, он поднял с мостовой двухведерный бочонок,

выдернул зубами затычку и опрокинул емкость над широко раскрытым ртом. Мальчишка только глазами хлопал, не веря подвалившему счастью. Зачерпнув из корзины, стоявшей тут же, горсть спелых фиг и расплатясь за весь отряд двумя увесистыми серебряными «токтыгаями», киммериец спросил у юного виноторговца:

— А что, парень, знаком ли тебе старый вонючий курдюк Аррахусса?

— Да, гошподин, — угодливо закивал мальчуган.

— Он еще еще не пустил с молотка свой клоповник?

— Нет, гошподин! — прошепелявил отрок (не так-то легко говорить, когда у тебя рот набит деньгами). — И клянущь милоштью Митры, он будет шапшилв принять у шебя героинешких жашитников...

Конан не дослушал и зашагал дальше, вспоминая дорогу к постоялому двору. Сколько их, подворий, было в его скитальческой жизни? Не счесть. И это запомнилось лишь тем, что оказалось последним. На постоялом дворе Аррахуссы квартировал отряд наемников перед выступлением навстречу апийской орде, и там Конану так и не удалось толком напиться — всякий раз, когда он собирался это сделать, мешали проклятые заботы.

Аккуратно, как живого молочного поросенка, неся под мышкой бочонок, он дал себе слово нынешним же вечером налакаться до зеленых демонят.

Путь лежал через площадь, знаменитую на весь Нехрем. Даже столичное лобное место завидовало славе Пыточной площади. Не было в истории древней Бусары градоначальника, который не счел своим долгом внести кое-какие усовершенствования в причудливые и разнообразные ритуалы узаконенного смертоубийства.

Чего стоил хотя бы Зиндан Танцующих, подземный колодец-амфитеатр, на чьей арене сражались не гладиаторы с мечами и трезубцами, а преступники с хворостинами — против змеиных полчищ. Или Трактир Постящихся на северном углу площади, где осужденные умирали от голода, глядя, как в десяти шагах от них, за надежной бронзовой решеткой, пируют жестокосердные богачи? Были еще Бани Смеющихся (там обнаженные красавицы пытали щекоткой), Альков Молящихся (там

жертвы, стоя на коленях, сами себе разбивали черепа о каменные плиты пола, в противном случае их отводили в Портал Кающихся, о котором простые бусарцы знали лишь одно: что попадать туда ни в коем случае не следует). Но венцом этой воплощенной мечты мастеров заплочных дел считался Зиккурат Благодарящих, где умерщвляли только знатных преступников, позволяя им выбрать казнь на свое усмотрение.

Невдалеке от Пыточной площади стояла гостиница Аррахуссы, квадратное приземистое строение с широким внутренним двором, донельзя загаженным конским навозом. Отец Аррахуссы строил постоянный двор с размахом, однако не учел того, что далеко не всем гостям города по вкусу вопли умирающих, постоянно доносящиеся с площади. Сын всю жизнь мечтал продать ветшающую гостиницу, но стоило ему в очередной раз укрепиться этом решении, как тоненький денежный ручеек издвательно расширился, суля выйти из берегов, если Аррахусса не будет пороть горячку.

В последний раз, когда Аррахусса дал себе слово расстаться с опостылевшим наследством, все его жилые комнаты и конюшню на длительный срок снял Дазгут для своих солдат. «Где теперь гниют твои косточки, Дазгут?» — с тоской думал тощий неряха, выглядевший гораздо старше своих лет. Он узнал коня нехремского полководца и спросил Конана о судьбе его хозяина, но киммериец вместо ответа лишь красноречиво провел рукой у горла. Спутники Конана, телохранители дамы Когира, о которой Аррахусса знал лишь понаслышке, — оказались разговорчивее и поведали, как наказал себя помутившийся рассудком любимец Токтыгая. Аррахусса не видел причин сомневаться в искренности достойных господ и лишь на всякий случай тайком отправил полого с новостями к квартальному надзирателю.

Постояльцы не скупились, и растрепанные слуги и служанки едва успевали носить из погреба и водружать на длинный, скользкий от жира стол яства и вино. Попытка подсунуть несвежую еду усталым путникам была пресечена сразу и беспощадно — брошенная меткой рукой Конана холодная индейка, нашпигованная орехами и чер-

носливом, больно треснула Аррахуссу по голове и мигом заставила вспомнить крутой нрав командира наемников. Подобострастно кланяясь, владеец гостиницы укрылся в захлампенной каморке, что служила ему спальней, а его место заняла улыбчивая крутобедрая экономка, она сизмальства научилась ладить с мужчинами, которые привыкли есть с острия кинжала. Против нее Конан ничего не имел, а мрачноватые косые взгляды Юйсары его только забавляли. Его спутники увлеченно работали челюстями, а под столом две безродные псины столь же азартно раздывались с объедками.

— Ну, и чем теперь хочешь заняться? — поинтересовался Конан у Сонго, когда их животы стали похожи на винный бочонок, опустошенный по дороге к постоялому двору. Юйсары сослалась на усталость и поднялась в свою комнату, напоследок ужалив взглядом волоокую экономку.

Сонго беззвучно кивнул и поморщился — к горлу подступила кислая отрыжка. Он и раньше не грешил чревоугодием, а в походе изрядно отвык от жирной пищи и обильных возлияний. Конан придвинул к нему поднос с фруктами.

— Похожу по городу, здесь полно наших, когирцев. Займу денег у купцов, вооружу сотню-другую парней, пойдем выручать госпожу Зивиллу. Жаль, что ты остаешься.

— Я — наемный меч. — Конан захрустел сочным яблоком. — Хоть и не у дел пока, но все равно, служу Токтыгаю. Дазauta больше нет, но кто-то ведь командует армией. Чует мое сердце, апийские вши скоро полезут на эти стены. Мне не впервой оборонять города. Может, сгожусь.

— Нам бы ты куда больше сгодился. — Сонго съел две приторные янтарные виноградины и сразу пожалел об этом — желудок совершенно взбеленился. — Что, если я поговорю с новым воеводой или с градоначальником? Попрошу, чтоб отпустил тебя со мной.

— Поговори. — Конан сладко зевнул и ухмыльнулся. — Ну, все. Ты тут угощайся, если в брюхе еще место осталось, если хочешь, а я пойду баиньки. А то сколько

можно испытывать терпение красотки? — Он посмотрел на экономку, та ответила многообещающей улыбкой.

И тут с Конана точно ветром дуло и сонливость, и вождение. Во дворе раздалось бряцание металла, отрывистая команда, и вдруг окна ошетинились по меньшей мере двумя дюжинами копий. За дверью забухали сапоги, и в трапезную ввалилось несколько солдат городской стражи в тяжелых доспехах и с мечами наголо. Их командир, настроенный более чем решительно, указал на киммерийца латной рукавицей.

— Это ты — Конан, бывший командир отряда наемников?

— Брось, Сафар. — Мрачный, как грозовая туча, Конан медленно поднялся из-за стола. — Я обучал твоих увальней стрельбе из боссонского лука, не притворяйся, будто видишь меня впервые. Ну, говори, что стряслось?

— Ты арестован. За дезертирство и разбойничьи набеги на мирные села. Зря ты вернулся в Бусару, киммерийский шатун. Здесь твоим именем уже пугают детей.

— Понятно. — Конан смиренно сложил руки на груди. — И что же теперь меня ждет? Может, детишки перестанут меня бояться, если я наряжусь зайчиком и спляшу перед ними?

Сафар фыркнул, его люди рассмеялись.

— Неужели, — произнес Конан, — за боевые заслуги перед Нехремом власти Бусары хотят пригласить меня в Зиккурат Благодарящих?

Смех перерос в хохот. Пока стражники потешались, Конан повернулся к Сонго и произнес несколько фраз. Вопль разъяренного Сафара заставил мечников умолкнуть.

— Что ты ему сказал?

Конан опять ухмыльнулся.

— Поблагодарил за приятную беседу в дороге и за ужином. Ты что, и его не узнаешь? Это же господин Сонго, благородный рыцарь, телохранитель дамы Когира. Я его встретил у ворот Бусары.

Сафар ощупал Сонго подозрительным взглядом. Если этот смазливый когирец, которого он не раз видел в свите Зивиллы, в самом деле случайно оказался в обществе

Конана, то лучше с ним не ссориться — неровен час, наживешь опасного врага.

Конан улыбался. В его голове бродил хмель, и невозможное казалось вполне осуществимым.

— Вот что я тебе скажу, Сафар. Ты глубоко заблуждаешься насчет старины Конана. Все эти гадкие проделки, в которых ты меня обвиняешь, вовсе не моя заслуга. Просто один недруг твоего покорного слуги селам шкодит и представляется моим именем. Но он не такой дурак, чтобы среди бела дня вернуться в Бусару. Я чист, как помыслы Митры. И могу это доказать.

— Не надо мне ничего доказывать, — зловеще произнес Сафар. — Попробуй лучше убедить градоначальника. Может, он простит тебя, если научишь его змей киммерийским пляскам. — Он вытянул в сторону Конана правую руку и посмотрел на своих людей. — Взять!

Конан набылчился и зарычал. Мечи угрожающе вскинулись, когирцы схватились за оружие, Сонго всплеснул руками и закричал на них, запрещая вмешиваться, а экономка метнулась в кухню.

Внезапно Конан повернулся кругом и ринулся на глухую стену, словно решил покончить с собой, разбившись о доски.

Его замысел городские стражники разгадали не раньше, чем в стене появился круглый темный пролом. Гнилые доски разлетелись под натиском огромного варвара, как под ударом стенобитной машины. В трапезной и во дворе заорали, кто-то метнул через окно копьё, оно отщепило кусок доски от края пролома, загремело об пол, и древко ушибло ноги двоим стражникам. Люди Сафара бросились в пролом, в пустую сумрачную комнату, там в углу зиял черный прямоугольник люка, а рядом валялась откиннутая крышка. Из отверстия разлило плесенью, гнилыми овощами. Стражники подбежали к люку, один из них опустился на корточки, прыгнул и утонул по лодыжки в чем-то рыхлом, мокром; с пискom бросились разные стороны испуганные крысы. Темно, хоть глаз коли! Водя перед собой руками, стражник двинулся в ту сторону, где тьма была самой чернильной; правая нога

вдруг провалилась сквозь трухлявую половицу, он выругался, падая в гниль.

В добром броске копья от постоянного двора, по ту сторону неопрятной улицы, около приземистого дома в необитаемом курятнике взлетели две половицы, разметали ислевшую солому и помег. Из лаза выбрался рослый вооруженный мужчина, с его ног стекала отвратительная буро-зеленая жижа. Он спокойно вышел из курятника, пересек заросший сорняками огород, перемахнул через плетень, обмазанный глиной, и очутился в тесном безлюдом переулке.

В кошельке на поясе Конана позвякивали золотые и серебряные «токтыгаи», а его путь вел к захудалому шорному рынку на северной окраине Бусары, где перед походом на Каи-Хана он покупал лошадей и сбрую для своего отряда и свел знакомство с барышниками, которых торговля с конокрадами научила держать язык за зубами.

Глава 8

В неглубоких нишах огромного тронного зала светили масляные лампы, расточали вокруг сладковатый чад. На длинном пиришественном столе горели длинные свечи в роскошных медных канделябрах, инкрустированных жемчугом и гагатом. Уцелевшие тени боязливо прятались по углам, под мебелью, за портьерами.

На что ни падал взгляд Зивиллы, все навевало мысли о былой славе когирцев, маленького смелого племени, родственного доблестным аквилонцам, племени, которое в стародавние времена воевало со свирепыми пиктами и, брошенное на произвол судьбы соседними кланами, непременно погибло бы, если б мудрые вожди не увели его на юго-восток. Труден был тот поход через земли полудиких воинственных предков нынешних офирцев, кофийцев, шемитов, немало осталось безымянных могил вдоль степных дорог и на горных перевалах, пока не возник крошечный городок с высоким палисадом на излучине полноводной реки, в благодатном краю, населенном в ту пору лишь кочевыми охотниками-гирканцами. Неласково встретили кочевники пришельцев-северян, и не один де-

сятков лет приходилось аквилонским переселенцам распашивать и мотыжить новообретенные поля под охраной дружинников, ветеранов приснопамятного похода. Так появился Даис — островок оседлой жизни в океане кочевой.

А потом южнее Даиса через соседние страны пролег и быстро обрел громкую славу Великий Путь Шелка и Нефрита, и вдоль него в считанные десятилетия выросли богатые, многолюдные города. Невдалеке от границ Когирского королевства объединенные племена южных гирканцев, вошедших во вкус оседлости и торговли, воздвигли города Самрак и Бусару, и те сразу подверглись набегам алчных степных разбойников. Тогда дальновидные когирцы предложили правителям молодого Нехрема военный союз, который был с благодарностью принят и просуществовал две трети столетия.

За это время вокруг Даиса поднялась мощная каменная стена, и глубокий ров с водой превратил его в остров. А затем Путь Шелка и Нефрита вдруг повернул к югу, минуя горные владения лихих и непредсказуемых афгулов, и вольный Когир очутился далеко в стороне от знаменитого купеческого тракта. Караваны с товарами по-прежнему шли через Самрак и Бусару, но лишь по весне, когда выходили из берегов горные реки на юге. Нехремские города процветали, а Даис хирел, ибо редкий купец рисковал приближаться к северо-восточной нехремской границе, которую непреклонная воля Самрака наглухо закрыла для торговли.

И тогда властелину Когира пришлось поступиться властью ради благополучия подданных. Он принес клятву вассала нехремскому царю, и эмбарго было снято в тот же день. С тех пор Даисом управлял наследственный губернатор, платил налог в царскую казну и набирал рекрутов в нехремскую регулярную армию, зато когириане не бедствовали, а главное, у новых царей хватало здравого смысла не покушаться на их жизненный уклад, религию и обычаи.

Гегридо, герцог Эдийский, пятый наследственный губернатор, сидел напротив Зивиллы в широком ореховом кресле, обитом темной замшей. При виде страшных кровоподтеков на лице племянницы глаза его то и дело

увлажнялись слезами, но настоятельный тон молодой женщины вызывал у любящего дяди только возмущение и изумление.

— Зивилла, дорогая моя, я тебя не понимаю! Кто вложил в твои уста изменнические речи? Мои доблестные предки связали свою судьбу с Нехремом, и какое мне дело до слабости Токтыгая, до скудоумия его воевод? Когир никогда не отступится от клятвы! И я не отступлюсь! Думаешь, ты первая пришла ко мне с подобными уговорами? Чуть ли не каждый день я слышу советы от доброхотов: разорви кабальный договор, отправь послов в Агадею, припугни Токтыгая союзом с Апом. Трое из этих советчиков уже пороты кнутом на главной площади, и только уважение к памяти покойного барона Ангдольфо спасло его дерзкого сына, твоего телохранителя, от подобной участи. Я приказал выпшвырнуть его за крепостные ворота и травить мастафами, если он еще когда-нибудь объявится в Даисе.

Не иначе, апийские выродки, надругавшиеся над тобой, повредили твой нежный разум! Да поразит меня огненными стрелами благословенный Митра, если я хоть на миг соблазнюсь выгодами предательства! Не бывать сему! Я исполнен страстного желания отомстить негодяям из Кара-Апа, мучителям беззащитных женщин, убийцам ни в чем не повинных крестьян. Завтра же утром я разошлю во все замки герольдов, отправлю на помощь бусарцам полтысячи всадников из своей дружины и мощный отряд легкой пехоты, и созову ополчение для похода на Кара-Ап. Готов побиться об заклад, Каи-Хан утратит воинственный задор, как только узнает об угрозе своим тылам. Вот увидишь, мы еще будем гоняться за ним по степи, как за перепуганной антилопой, и собирать брошенную добычу. Когире не впервой обламывать клыки степным волкам.

Речь Гегридо звучала несколько высокопарно, но гневный блеск в глазах не позволял усомниться в искренности. «О, Митра! — с тоской подумала Зивилла. — А ведь он действительно это сделает! Разобьет Каи-Хана наголову, вернет Токтыгаю веру в себя, и нехремская конница ураганом обрушится на Кара-Ап, а там...» Ей представился

Ангдольфо, лежащий с раскроенным черепом среди развалин глинобитного «дворца», и она невольно передернула плечами.

— Почему ты не хочешь понять, дядя, — хрипло вымолвила она, и горло отозвалось острой болью, — что у Даиса нет выбора? Вернее, он есть, но только между достойной жизнью и нелепой гибелью. Апийские негодяи обречены, они уже почти сыграли свою роль. Теперь на сцену выйдешь либо ты, либо тот, кто стоит за Кай-Ханом — Абакомо, молодой король Агадеи. Он умен, честолюбив и могуществен. Его страна давно ни на кого не нападала, зато с успехом отражала все нашествия, и теперь, насколько я понимаю, решила навсегда положить им конец. Агадейскому королю нужны мирные соседи, и у него есть все средства, чтобы ими обзавестись.

— Пойми, — продолжала она, смочив небо глотком вина, — если мы не встанем на его сторону, под этими стенами очень скоро появится армия, которую не остановит никакая сила. Не будет ни резни, ни грабежа, просто сюда войдет десятник или сотник в серых доспехах, сгонит тебя с этого кресла и посадит в него сатрапа из твоей ближайшей родни. Может быть, даже меня. Но есть и другой вариант, он сложнее, зато сулит гораздо больше почета и выгоды. Ты начинаешь прямые переговоры с Кай-Ханом, и вскоре Токтыгаю доносят, что в орде появилась когирская конница. Старик, совершенно потеряв голову от страха, шлет в Даис своих вельмож, они возвращаются с твоим требованием пересмотреть Самракский Договор, иначе-де ты не удержишься от соблазна заключить военный союз с Кара-Апом. Разумеется, это не более чем блеф, но Токтыгаю о том знать вовсе ни к чему. Он непременно схватится за голову — вокруг Бусары смыкается осадное кольцо, а в Самраке на глазах разлагается от безделья и жутких слухов большая, но деморализованная армия. И тут на выручку нехремскому престолу являются агадейцы. Они берутся отговорить Даис от опрометчивых шагов, в считанные дни вернуть нехремской армии боеспособность и привести под знамена Токтыгая отряд горногвардейцев, которые покарают двух своих ренегатов, доставивших старцу такое множе-

ство неприятностей, а заодно разберутся с Кай-Ханом и его шайкой. За это они потребуют сущий пустяк — договоренный мирный договор на условиях Агадеи, и, как гарантию его соблюдения, несколько агадейских отрядов в составе гарнизонов главных нехремских крепостей и Даиса. Когда этот договор будет подписан, разбойничьему промыслу Апа придет конец.

Гегридо в неопишемом раздражении швырнул на стол вилку с недоеденным трюфелем.

— А заодно и нашей свободе! Неужели ты не видишь, что за неприступными зубцами агадейских кряжей вырос настоящий волк? Он даже не удосужился подогнать овечью шкуру по своей фигуре! Наоборот, с удовольствием показывает клыки. Мне доподлинно известно, что натворили в Лафатской долине и под Бусарой упомянутые тобой «ренегаты» — Бен-Саиф и Лун. Заметь, я даже знаю их имена! Я прекрасно вижу всю эту мерзкую интригу. Скажу больше: позавчера в двух переходах к югу из ущелья показывалась агадейская конница, и ответь, дорогая племянница: что понадобилось на нашей равнине горной гвардии? Не гадай, я сам скажу: предвестить твое спасение из плена. Абакомо играет мышцами. Не иначе, возомнил себя покорителем мира, избрал стезю нашего предка Аруса, который вооружал дикарей и натравливал на своих недругов, — но Абакомо не повторит ошибки Аруса, его серые всадники будут идти по пятам ненадежных союзников и красиво, благородно резать глотки, когда наймиты выполнят свою кровавую задачу. У наших народов — схожие судьбы, нас изгнали с запада, агадейцев вытеснили с юга, и мы, и они возродились из пепла, — но нам никогда не доводилось скрещивать с ними мечи. Нехремцы и их праотцы, гирканские варвары, часто вторгались в Агадею, но когиры ни разу не участвовали в этих набегах. Как же прикажешь понимать слова о гарнизонах на нашей территории? Чем мы заслужили плевки в лицо? Сегодня он требует пустить его войска на нашу землю, завтра заставит нас молиться Нергалу, послезавтра мы под его знаменами пойдем захватывать Вендию или Иранистан, а когда уцелевшие рыцари вернутся, в своих родовых замках они встретят новых хозяев!

— Ты уже ничего не изменишь, — угрюмо произнесла Зивилла, опуская на стол кубок с недопитым вином. — Но ты можешь остаться хозяином в своем замке.

— Я могу сорвать интригу. Конечно, войну этим не остановить, но она перейдет на новый виток, и нашему «миролюбивому» соседу придется менять тактику на ходу. А это изрядно снизит его шансы на выигрыш. Непременный закон военного искусства гласит: чем хитроумнее замысел полководца, тем опаснее для него любая неожиданная препона. Малейшая нестыковка способна обрушить лавину хаоса. И первую нестыковку ему обеспечу я. Почту за честь, дорогая племянница.

Вертя в непослушных пальцах кубок с густым, как сливки, вином, Зивилла рассматривала лицо своего дяди и поражалась — в старом кресле напротив нее сидел вовсе не тот человек, которого, как ей мнилось, она хорошо знала. Куда исчез весельчак и светский лев, который чуть ли не четверть жизни провел на пирах и охотах? Она видела перед собой потомка аквилонских рыцарей, подлинного дворянина, из тех, для кого слова «честь и верность» — вовсе не пустые звуки. «Таких, как ты, на свете почти не осталось, — мысленно обратилась она к нему, чтобы заглушить горечь, которая затопила сердце. — Вымирающее племя».

Она невесело улыбнулась, коснулась взглядом своего перстня с мутной капелькой агата в золотой оправе и, беззвучно шевеля губами, потянулась к вазе с фруктами.

* * *

— Ага! И этот, сука, прикидывается. — Родж выпрямился над поверженным воином, отвел назад ногу, ударил носком сапога в скулу. Апиец дернулся и снова замер, и тогда Ямба, который ходил рядом с рыжим бритунцем по усеянной мертвецами дороге, выругался и ткнул саблей в ягодицу степняка.

— На ноги, падалы! Вставай, не то и взаправду околеешь.

Они подняли апийца за руки, дружно врезали ему слева и справа в челюсть и пинками погнали к телегам, подле которых уже сидело около десятка пленных. Один

из них — молодой, в дорогом наряде, — жалобно скулил, заслоня локтями окровавленное лицо и уши, а Нулан остервенело охаживал его нагайкой. Рядом стоял атаман и не то удивленно, не то укоризненно покачивал головой.

— Друг детства? — осведомился он, когда сотник выпрямился перевести дух. Нулан зарычал, снова взмахнул плеткой, и степь огласилась воплями истязаемого. На них молча смотрели со всех сторон, победители с одобрением, побежденные с унынием и страхом. С головы и рук молодого пленника слетали клочки кожи.

— Может, не стоит торопиться? — Атаман удержал Нулана за предплечье. — Впереди еще целый вечер. Разведем костерок...

— Костерок! Слишком много чести для этого шелудивого пса! — Рука с нагайкой вытерла пот со смуглого лба и сросшихся бровей. — Это Ияр, прихвостень Каи, я тебе о нем рассказывал. Сучий выблядок пустил его по моему следу! — Он посмотрел на атамана и хмуро добавил: — Если б не ты, сейчас бы коршуны растаскивали мои потроха по курганам.

Атаман ухмыльнулся.

— Может, когда-нибудь сочтемся.

Нулан кивнул.

— Я в должниках подолгу ходить не привык, но сейчас хочу попросить еще об одной услуге. Не убивай этих дураков. — Он кивком указал на пленных. — Не их вина, что они из сотни Ияра. Можно их отпустить?

Высокий киммериец равнодушно пожал плечами.

— Я думаю, ребята не осудят. — Он обвел вопросительным взглядом бывших наемников. — Что, парни, не помрем со скуки за одну ночь? А завтра спустимся в деревню, и уж повеселимся, так повеселимся. — Не встретив возражений, он повернулся к Нулану и глазами указал на Ияра. — Но уж этого, конечно, ты не захочешь отпустить.

— И этого, — буркнул Нулан.

Атаман выразительно посмотрел на него, ожидая объяснений.

— Я хочу, чтобы эта скулящая мразь вернулась к Каи-Хану с «радостными» новостями, — ответил степ-

няк. — Пускай передаст, что сотник Нулан и его люди больше не будут вылизывать ничью жирную задницу. Слышишь, ты! — Он резко обернулся и нанес Ияру неожиданный удар сапогом в лицо. — Скажи своему хозяину, что я теперь у вольного атамана Конана. Передай, что обоз с войсковой казной не дойдет до Кара-Апа. И если этот тухлый курдюк еще раз захочет выпустить мне кишки, пускай подряжает на это дельце мужчину, а не слюнявого ишачьего недоноски.

Ияр торопливо закивал. Вся его спесь слетела от первого же удара нагайки.

— Бери коня, урод. — Нулан указал плетью на невзрачного расседланного рысака. — Хочу, чтобы ты поскорее «обрадовал» Каи. Остальные — пешком, — добавил он, точно плюнул.

— А Каи-Хан не пошлет за нами вдогон сотни три удалцов? — тихо спросил атаман, отведя его в сторону.

— Обязательно пошлет, — мрачно подтвердил сотник, — и нам конец, если спустимся в село. Надо идти вон туда, — он показал вдоль гребня низкого длинного холма на восток, — свернуть к реке, перебраться на тот берег и спалить за собой мост.

Атаман постоял молча, обдумывая эти слова. Как ни крути, степняк говорит дело.

— Да, скучать нашим парням нынче ночью не придется, — усмехнулся он наконец. — По холмам, по бездорожью...

— Зато оторвемся от погони. За мостом прямая дорога на Даис, Каи-Хану там пока делать нечего. А для нас работенка найдется. Нутром чую.

— Нутром? — Киммериец недоверчиво посмотрел ему в глаза. — Что-то ты, братец, темнишь. Время военное, по той дороге наверняка когирские конные патрули рыскают. А с ними шутки плохи.

Нулан и сам осознавал риск, но в его голове уже созрел план, а вместе с ним — уверенность, что у разбойничьей шайки очень маленький выбор. Или играть по-крупному, или шастать по степи, точно стая шакалов, пока всех не порубят солдаты-каратели или не вырежут спящими озверелые крестьяне. Еще, конечно, можно податься на юг,

подстергать караваны на торговом тракте, но там, говорят, хватает своих бандитов, известных обычаем принимать чужаков на пики. Нет, на восток идти надо, в Даис. Попытаться счастья. Вот и парнишка уговаривает... Он посмотрел на барона Ангдольфо, с безучастным видом сидевшего на телеге. «Патрулям скажем, что отбили его у Каи-Хана, он подтвердит, обещал. Отбили и нанялись к нему в дружину, везем в родовой замок. Главное — добраться до девчонки... Если она в Даисе, ей наверняка пригодится полсотни клинков, готовых резать любые глотки».

Но что, если он ошибается? Вдруг он неверно разгадал замысел Бен-Саифа? Тогда и ему, и Лжеконану, и всей банде несдобровать. «Иштар! Ты мирволишь смелым и рискованным; ниспошли нам удачу, всеблагая!»

— Ладно. — Атаман улыбнулся и хлопнул его по плечу. — Денег у нас теперь куры не клюют, в случае чего откупимся. Приоденемся побогаче и без нужды никого не будем заирать.

«А он далеко не глуп, этот киммериец, — подумал Нулан, — хотя, конечно, Конану в подметки не годится. И что за блажь называть себя чужим именем? Месть, — сказал он себе. — Месть подчас выбирает самые диковинные стежки. Но уж коли свела судьба с этим лихим молодцом, пойду за ним, пока не остановит чужая стрела, меч или воля Иштар».

— Тебе следует кое-что узнать. — Он опустился на плоский выветрелый камень и указал атаману на соседний.

* * *

Зеленый ручной попугай шевелил франтовским хохолком, равнодушно косился с хозяйского плеча на перепуганного молодого сотника. Широкое бородатое лицо Каи-Хана исказила гримаса ярости, прокуренные зубы скрежетали, налитые кровью глазки метали молнии, — ничего хорошего Ияру, который жестоко загнал коня, спеша к своему правителю и командиру с печальной вестью, его облик не сулил.

Стоявшие в сторонке Бен-Саиф и Лун посмеивались про себя, они никогда не питали симпатий к подловатому фавориту Каи-Хана. А потому ничуть не огорчились, узнав, что многострадальный Нулан не только ушел от лютой смерти, но и натянул своим недругам нос. Потеря войсковой казны — дело нештучное, это прекрасно понимали суровые апийские воины, которые стояли угрюмым кольцом вокруг своего выборного полководца. Ревнивый к чужой славе Авал-Хан ни за что не упустит возможности выставить промашку брата, самодура и птицелюба, в самом невыгодном для того свете. Братья-разбойники ни о чем так не мечтают, как сжить друг друга со свету, думал Бен-Саиф, но старый обычай заставляет их делить между собой власть, иначе бы они давным-давно разобрались, у кого череп крепче.

Беда в том, что соправитель Апа, который уничтожит напарника (неважно, в честном ли поединке или ударом ножа в спину), не проживет после этого и дня. Другое дело, когда вмешивается сама Иштар. Верного средства от несчастных случаев еще не найдено. Но опять же, поди докажи потом, что братец протянул ноги не по твоей вине. Тут все решают популярность и престиж. Не позаботишься о них загодя — белеть твоим костям в канаве на окраине Кара-Апа.

У шатра Каи-Хана стоял такой птичий гам, что его не заглушал даже ропот внушительной толпы воинов. В клетках, еще утром вынесенных на свежий воздух, десятки пестрых питомцев соправителя Апа состязались между собой в голосистости. Из них только Хакампу Каи-Хан не боялся выпускать на волю, и сейчас, запустив белые коготки в овчину безрукавки, бестолковая пичуга сидела у него на плече, крутила зеленым хохолком и невпопад сыпала фразочками, среди которых преобладали похабные.

— Скажи-ка мне, сотник Ияр, — процедил Каи-Хан, сдерживая в груди бурю, — кто твой командир?

— Ты, повелитель, — обморочно пискнул проштрафившийся фаворит.

Каи-Хан недобро ухмыльнулся и кивнул.

— Предположим. Стало быть, ты — мой подчиненный. Когда я, командир, отдаю приказ, ты, подчиненный, что должен делать?

— Выполнять, повелитель.

Человек, похожий на медведя, окинул толпу немигающим взглядом и снова вонзил его в Ияра.

— Выходит, когда я тебе приказываю догнать и покарать изменника, похитившего добычу нашего войска, что я должен услышать по твоем возвращении?

От страха у Ияра подкашивались ноги, волосы на затылке шевелились, как камыши на ветру.

— Что приказ выполнен, повелитель...

Каи-Хан осклабился.

— Умница, Ияр. Вот видишь, ты, оказывается, все понимаешь. Я должен был услышать, что приказ выполнен. Что обоз под надежной охраной идет в Кара-Ап, а Нулан и остальные предатели потчуют стервятников и шакалов. И что же я узнаю? Что же я узнаю от тебя, Ияр?

Изо рта сотника высунулся обложенный язык, скользнул по рассеченным нагайкой губам. От побоев и страха молодой апиец выглядел неважно — крапе в гроб кладут, как говорится. У Бен-Саифа к горлу поднимался мерзкий комок, и даже хладнокровному Луну, он видел, было не по себе.

— Ему конец, — шепнул Бен-Саиф товарищу. Тот кивнул.

— Повелитель, нас заманили в подлую ловушку! — сбивчиво проговорил Ияр. — Нулан, самый лицемерный среди негодяев, оставил телеги на перевале, в узкой балке у самого гребня холма. Оставил вместе с деньгами и со всем добром, а рядом положил несколько своих убитых людей и одного нехремца. Склон был крут, мы могли подниматься только через балку, телеги были на виду, и мы решили, что Нулан попал в западню, и его труп вместе с остальными валяется на другом склоне. Но едва мы приблизились к обозу, с обрывов и гребня нас осыпали стрелами боссонские лучники, а потом снизу в тыл ударило не меньше двух сотен тяжелой конницы! Мы отбивались как львы и перебили не меньше половины,

но тут с гребня ринулись пешие наемники с огромными мечами и секирами, их тоже было не меньше двухсот, свирепых, как демоны, и мои верные товарищи полегли чуть ли не все до одного, и я сражался, пока не сломалась сабля, и тогда сам Нулан подкрался сзади и накинул мне аркан на шею. Потом они пытали меня — ты видишь, что они сделали с моим лицом? — а я плевал в их злорадные рожи. Клянусь, повелитель, я бы с радостью принял смерть, но кто бы тогда сообщил тебе о гнусной измене, о сговоре Нулана с киммерийским уб...

— Заткнись, ты, скудоумный плод совокупления Неграла и шелудивой ослицы! — Разъяренный Каи-Хан так скрежетал зубами, что казалось, они вот-вот посыплются из рта. От его рыка Хакампа испуганно всплеснул крыльями. — Безмозглый дурак, ты даже не додумался послать разведчиков на гребень! Нулан ничем не рисковал, когда поджидал тебя в засаде, он же знал, что имеет дело с безголовым выродком. Двести конников, двести пехотинцев, боссонские лучники! Ха! Готов поспорить на свои потные ядра, что у Конана и Нулана было не больше шести-семи десятков людей, но у них мозги, а у тебя, мразь, червивый кизяк! Я тебе задал вопрос, шакалья сыть! Кто твой командир? Чьи приказы ты обязан выполнять?

— Твои, повелитель? Ты мой командир!

— Я? — На широком лице появилась свирепая усмешка. — Но ты же плоешь на мои приказы, Ияр. Ты выполняешь команды Нулана. Он тебе дал сучьего коня и велел ехать ко мне, и ты поскакал быстрее сучьего ветра. Значит, он твой командир, да, Ияр? Значит, ты ему теперь подчиняешься?

Ияр пошатнулся — у него все плыло перед глазами. Повелитель обвинял его в измене, и он великолепно представлял себе, что за этим последует. Уж лучше бы он остался в руках Нулана! Уж лучше бы погиб на костре.

— Ты меня предал, Ияр, — с деланной грустью сказал Каи-Хан. — Ты предал всех нас. Твоих боевых друзей. Твою священную родину. Ты изменник, Ияр.

Молодой сотник прижал ладони к изуродованному лицу и застонал от отчаяния и ужаса.

— В нашем гордом Апе нет рабов и хозяев, нет господ и слуг, — говорил Каи-Хан. — Все войны равны между собой, но уж если они выбрали себе командира, то должны ему подчиняться. Иначе получается измена. Вот так-то, Ияр. Что у нас делают с предателями?

— Ы-ы-ы-ы... — обреченно провыл сотник.

— Но есть в степи закон, который гласит: апийский воин, обвиненный в измене, вправе отстоять свою честь в поединке у столба. Даже если он при этом умрет, его честь будет спасена. Ну что, Ияр? Готов доказать, что ты мужчина?

Толпа ворчала, и было неясно, кого она осуждает: Ияра или Каи-Хана. Предводитель окинул ее надменным и злым взглядом и отрывисто приказал помощникам:

— Столб сюда.

Несколько человек бегом покинули круг.

— Я тебя обвинил в предательстве, — произнес Каи-Хан, глядя на Ияра, — и теперь, если не вызовешь меня на поединок, ты примешь пытки и собачью смерть. Я бы на твоём месте не раздумывал.

— Ы-ы-ы-ы...

Помощники Каи-Хана принесли окоренное бревно длиной в два человеческих роста, быстро выкопали яму, поставили столб и потащили к нему Ияра. Сотник заливался слезами и нечленораздельно лепетал. Каи-Хан смотрел на него без особого злорадства, и Бен-Саиф прекрасно его понимал: за трусость Ияра повелитель Апа расплачивается собственным авторитетом. Что ж, впредь он будет осмотрительнее в выборе друзей, сказал себе агадеец.

Визжащего Ияра притиснули грудью к столбу, трое дюжих воинов не давали ему вырваться или хотя бы упасть. Каи-Хан бережно снял с плеча попугая и опустил на клетку.

— Кто твой командир? — осведомилась птица. Каи-Хан скользнул по ней рассеянным взглядом и направился к столбу.

— Теперь все в твоих руках, Ияр, — буднично проговорил Каи-Хан, прижимаясь к столбу с другой стороны. — Твоя честь, моя жизнь. Возьми меня за шею,

боевой товарищ. Лучше за шею, а не за голову, а то черепушка у меня крепкая слишком. Не для твоих ручонок. Черепушки крошить — это мужское развлечение.

Кай-Хан неторопливо поднял огромные ручки и сцепил пальцы на затылке Ияра. Сотник заверещал от боли, когда нечеловеческая сила притиснула его лоб к сухому дереву. Он даже не пытался душить своего мучителя, понимая, что это безнадежно. Пронзительно крича, он уперся ладонями в столб, напряг все силы, дернул головой. И повернул ее, но ничего на этом не выгадал. Пальцы Кай-Хана вмиг переместились на правый висок и ухо Ияра, левая височная кость и скула сотника захрустели, придавленные к бревну.

— Бедный ублюдок, — прошептал Лун, глядя в выпученные от боли глаза.

Бен-Саиф с недоумением покосился на помощника. Странно, подумал он, ведь Лун не из породы жалостливых. Или он все-таки чувствительнее, чем хочет показаться?

— Разве ты чего-то другого ожидал? — спросил агадейский сотник.

Лун пожал плечами.

— Нет, но к чему это...

— Зверство? — договорил за него Бен-Саиф. — Обычай, дружище. Между прочим, они им дорожат.

Из-под жутких струпов на изуродованной голове Ияра сочилась кровь, рот был распылен в непрерывном крике. Кай-Хан оглушительно хохотал, то расслабляя, то снова напрягая чудовищные мышцы. Он мог покончить с Ияром в любой момент, но не видел причин для спешки.

— Ну, скорей же, гад! — едва слышно процедил Лун сквозь зубы.

В душе Бен-Саифа внезапно разлилась темная, мутная тоска. Она давила на сердце, туманила разум.

— Помоги ему, — буркнул он.

— Что? — Изумленный Лун повернулся к нему. — Как?

— Сделай что-нибудь. — Бен-Саиф зябко поежился под палящим солнцем. И вдруг рывкнул на Луна, чего

прежде не делал никогда: — Ну, что ты стоишь, идолище? Помоги ему!

— И-и-ы-ы-ы... — верещал Ияр, начисто утратив человеческий облик.

Лун уже не смотрел на него. Бен-Саиф проследил за его взглядом. Попугай! О, милость Нергала! Нет! Слишком рискованно!

Он схватил Луна за локоть, но тот раздраженно стряхнул его руку. Он разозлился! Да еще как! Изумлению сотника не было предела — он никогда не видел Луна в таком гневе. Бен-Саиф оцепенело стоял, больше не пытаясь помешать товарищу. А тот смотрел на Ияра. В черные зрачки, которые от боли и ужаса расширились так, что почти исчезли белки. В душу, раздираемую отчаянием.

И за несколько мгновений до тошнотворного хруста, до ликующего вопля Кай-Хана, до дружного вздоха потрясенной толпы Бен-Саиф увидел, как на лицо обреченного (не лицо, а маску самой Смерти), напозла гримаса тупого удивления. Медленно раскрылся рот, вывалился белый распухший язык. Ияр два-три раза бестолково взмахнул руками, хлопнул себя ладонями по бедрам.

Отпустив мертвеца, Кай-Хан с хохотом протянул к небу ладони, выпачканные кровью и мозгом. Зеленый попугай взлетел со своей клетки и уселся на верхушку столба.

— Неужели тут мало других птиц? — с упреком спросил Бен-Саиф Луна. Тот промолчал.

— Иштар! — воззвал к небесам торжествующий Кай-Хан. — Ты видела? Я раздавил эту вошь в твою честь! Принес ее тебе в жертву! Знаю, богиня, тебе понравилось! Я чувствовал! Чувствовал, как ты влиwała в меня силу!

— Кай, захлопни пасть, — произнес Хакампа, глядя на него со столба круглым черным глазом.

— Чего? — оторопело переспросил Кай-Хан, а в толпе раздалась смешки.

— Захлопни пасть, сучьи потр-роха.

У Бен-Саифа побежали мурашки по спине. Лун напругся. Кай-Хан глядел вверх с открытым ртом и не верил собственным ушам. В толпе очень многие следовали

его примеру. Попугай как ни в чем не бывало оправлял черным клювом перья.

— Хакампа, ты у меня довыдрючиваешься, — посулил наконец Каи-Хан.

— В последний р-раз повторяю, шакалья сыты: закрой пасть! С души вор-ротит от твоего бахвальства.

Толпа зачарованно ахнула. Бен-Саиф еле заметно передернул плечами.

— Иштар? — робко вымолвил сопровитель Апа.

— Иштар, Иштар, — брезгливо подтвердил попугай и вдруг заорал: — На колени, мр-р-разы! С р-разбегу — лбом об столб! Ну! Я твой командир! Я пр-приказываю!

Каи-Хан затравленно посмотрел на своих хохочущих воинов, на Бен-Саифа, на Луна. И вдруг с диким ревом прыгнул что было сил, взмахнул руками, чтобы схватить, смять, раздавить наглого попугая. Не тут-то было! Хакампа взлетел на высоту несколько человеческих ростов, с поразительной меткостью капнул пометом хозяину в глаз и, описывая круги над запрокинутой бородатой физиономией, стал крыть его изощренной бранью.

— Это Ияр! — осенило Каи-Хана. — Лук! — завопил он. — Лук сюда, живо!

Услышав эти слова, попугай изо всех сил замахал крыльями, спеша набрать безопасную высоту. Под зубовой скрежет Каи-Хана люди проводили его взорами, а затем сопровитель Апа повернул голову к агадейцам, и в его глазах полыхнула звериная злоба.

— Это ваши фокусы?

У Бен-Саифа задрожали икры, в жилах заledenела кровь. Лун смотрел на разъяренного апийца с равнодушным каменным надгробия.

— Это мои фокусы. — Он пожал плечами. — Вообще-то, я хотел сделать тебе приятное. Раз уж Ияр тебе больше не нужен... А то грустно было смотреть, как ты учишь Хакампу ораторскому искусству. Столько труда, столько драгоценного времени... А толку? С гулькин нос. Зато теперь он хоть ругается осмысленно.

Толпа заколыхалась в новом приступе хохота. На щеках Каи-Хана вспухли большие, как сосновые шишки, желваки.

— Ох, не надо было лезть в мои дела... агадеец.

Лун развел руками, мол, что сделано, то сделано.

— Надеюсь, из-за такого пустяка ты не обвинишь меня в измене?

В голубых небесах над лагерем апийской армии отводил душу окрыленный сотник Ияр.

Глава 9

Над крутыми каменистыми склонами ущелья, над неглубокой речушкой, веселящей взор тысячами солнечных отблесков, поднимался густой сизый дым. Бревенчатый мост, высушенный многодневной жарой, пылал, как скирда соломы. Вдоль изломанных берегов, насколько хватывал глаз, горбились холмы, густо заросшие колючим кустарником и совершенно непроходимые для конницы, и Нулан твердо знал, что на сотни полетов стрелы от горящего моста нет другой переправы. Банда мародеров, дезертировавших из двух армий, могла больше не опасаться преследования.

Повозки скупились на узкой немощеной дороге, на них и вокруг, прямо на земле, сидели и томились от безделья полсотни воинов из доброй полудюжины стран.

— Ну что, двинулись? — спросил атамана Нулан, бывший сотник апийской армии.

— Может, лучше все-таки ночью? — еще раз спросил темнокожий десятник Ямба.

Он ратовал за ночной поход, раз уж атаману и Нулану приспичило тащиться с награбленными нехремскими сокровищами в Даис. Времена нынче лихие, на дороге, как пить дать, полно конных патрулей, а банда по рукам и ногам связана обозом.

С другой стороны, деваться больше некуда, это он понимал прекрасно. В голой степи они лакомая добыча для любой мало-мальски уважающей себя дружины. Крепостей поблизости нет, значит, в случае чего не отсидишься. Закрепиться в ближайшей деревне? Тоже не вариант. Зато Нулан уверяет, что у его агадейских друзей, Бен-Саифа и Луна, большие надежды на скорые перемены в Даисе. Он-де знает, с кем там можно поговорить, чтобы отряд дисциплинированных и храбрых рубак зачислили

в городскую стражу. А значит, их поселят в чистых и удобных казармах, обмундируют, экипируют, будут регулярно кормить и даже платить жалованье. Конечно, им придется расхаживать среди ночи по городским улицам, держать в страхе мелкое отребье, а в случае вражеского нашествия как-то выкручиваться, чтобы не послали в бой.

Кое-кто из парней спрашивал атамана, а не проще ли поделить добычу и разойтись по домам, но Лжеконан возразил, что доля каждому причитается огромная, на коне не увезешь, а прятать золото и серебро в этих холмах, чтобы потом возвращаться, рискованно. Страна чужая, опять же, война, каждый встречный — враг, на первом же постоялом дворе одинокому золотоноше непременно перережут глотку. Или его сцапают на дороге нехремские солдаты, а как они поступают с дезертирами и мародерами? Сносят башку или хребет ломают. Нет, надо, конечно, идти в Даис, устроиться по-людски и найти ростовщика не из болтливых, чтобы распоряжался добычей. Пускай деньги делают деньги.

— Ночью порядочные люди спят, — ответил Ямбе атаман. — По дорогам бродят только бандиты и конные патрули. Соображать надо.

— Вижу всадника! — закричал дозорный слева от дороги, с иззубренной вершины скального останца.

Лжеконан вскочил в седло, и скакун галопом вынес его на гребень холма. Верховой когирец был в нескольких полетах стрелы и держал путь к переправе. К горящему мосту.

Киммериец выругался. Он видит дым! Он сразу поймет, когда обнаружит обоз и воинов, кто спалил мост!

Синеглазый атаман поворотил коня и поспешил обратно к телегам.

— К нам гость. Нулан, у кого из твоих парней кони самые быстрые? Как только он поднимется на холм, пусть скачут навстречу. Догнать во что бы то ни стало! И живым взять, живым! Это гонец, послушаем, что поет.

Несколько человек из конной сотни Нулана поднялись к самому гребню и застыли, сутулясь над холмами скакунов. Едва над гребнем появились длинные яркие перья и островерхий шлем, они дали коням шпоры и ринулись

навстречу когирцу. Он не успел даже схватиться за меч; на него вихрем налетел передний всадник, повалил вместе с конем и сам не удержался в седле, но его товарищи довершили успешно начатое дело. Вскоре пленника, туго связанного арканом, подтащили к Лжеконану и Нулану. Подошли Байрам, Родж и Ямба и тоже опустились подле когирца на корточки.

— Кто таков? — бодро осведомился Лжеконан, дружелюбно улыбаясь пленнику.

На него с ужасом глядели большие, близко посаженные глаза. Пленник был молод (лет двадцать пять) и довольно красив, но мягкая линия рта и скошенный подбородок выдавали в нем слабака, который пуще смерти боится боли. Чтобы убедиться в этом, Лжеконан легонько ткнул его стилетом под колено. Пленник вскрикнул, его губы затряслись.

— Кажется, я вам задал вопрос, благородный рыцарь.

— Мое имя Саромо, я внук и единственный наследник графа Парро, владельца замка Парро и прилегающих к нему земель. — Было видно, как молодой человек собирает остатки мужества. — Мне кажется, благородный рыцарь, я ответил исчерпывающе. Надеюсь, вы не сочтете за бестактность, если я, в свою очередь, поинтересуюсь вашим...

Лжеконан взмахом руки велел ему умолкнуть.

— Я Конан, командир отряда наемников на службе у Токтыгая. Это мои люди. — Он мотнул головой в сторону обоза. — Токтыгай, кажется, на победу больше не надеется, он мне поручил спасти войсковую казну, отвезти ее в Даис и сдать этому, как его... — Он поморщился, напрягая память, и вопросительно посмотрел на Роджа.

— Гегридо, герцогу Эдийскому, — подсказал рыжий бритунец.

— Ну да, Гегридо. С рук на руки. С нами едет барон Ангдольфо, ваш соотечественник. Вы с ним знакомы?

Пленник посмотрел в ту сторону, куда показывал палец Лжеконана, увидел барона и обменялся с ним кивками. Затем многозначительно опустил взгляд на волосяной аркан, который обвивал его тело. Лжеконан притворился, будто не распознал намека.

— На рассвете за нами возьми да увяжись триста апийских сабель, мы едва успели перескочить через мост и поджечь его. Они где-то там, в кустах. — Киммериец указал подбородком на другой берег. — Вы, наверное, хотели перебраться через реку?

Саромо стрельнул в дальние кусты испуганным взглядом и кивнул.

— Почту за долг посоветовать: не делайте этого, граф. Поезжайте другим путем.

— Эти воины — апийцы, да? — Саромо глядел на степняков, сидевших у телеги с похабными рисунками на борту.

— Эти? Вы поразительно наблюдательны, мой друг. Они из рода заклятых врагов Каи-Хана, лучшие бойцы в моем отряде. Но у этих молодцов есть маленький недостаток: едва завидев их, любой нехремец хватается за меч. При первой же возможности я их переодену в гирканцев или афгулов. Вот что меня беспокоит, граф: когда я вас увидел вон с того холма, вы так мчались, будто за вами гналась толпа оголодавших людоедов. Вы держите путь в Нехрем, это ясно. Неужели в славном Когире какая-то беда? Умоляю, дружище, скорее развеите мои опасения. А то с этим обозом уже столько приключений было, в печенках сидят.

— Вы правы, Конан. — Саромо тяжело вздохнул. — В Даисе великое несчастье.

Лжеконан схватился за голову, воздел очи горе и вскричал:

— О, небо! Когда же все это кончится?! Надоело! Хочу покоя! Мирной жизни! Хочу пасти коз и выращивать брюкву! — Без тени насмешки он посмотрел на Саромо и спросил: — Что стряслось?

— Мы потеряли губернатора, — печально ответил Саромо.

— Губернатора? — изумленно переспросил Лжеконан. — Этого, как бишь его...?

— Гегридо, — опять подсказал Родж.

— Гегридо? Он что, преставился?

— В страшных мучениях, — подтвердил Саромо. — И при загадочных обстоятельствах.

— Да обречет его Нергал на вечные желудочные колики! — взревел Лжеконан. — Что же он, паршивец, меня не дождался? Прежде чем откинуть копыта, он должен был избавить меня от этих телег, да сгноит Кром их скрипучие колеса! Куда теперь везти треклятые деньги? Кому? Кто сейчас правит в Даисе? — гневно сверкая глазами, он ждал ответа от Саромо.

— Дама Когира, — ответил пленник, напуганный вспльчивостью собеседника. — Зивилла, племянница покойного. По закону она может унаследовать должность губернатора, если большинство в совете нотаблей не выскажется против. Но обстоятельства кончины правителя весьма туманны, и вдобавок он скончался в день возвращения госпожи Зивиллы из апийского плена...

— Вы хотите сказать, — перебил Лжеконан, — что когирский трон сейчас пустует? Что совет нотаблей не отдает власть госпоже Зивилле? Что, по его мнению, это она спровадила дядюшку на серые равнины?

Саромо потупился, затем неохотно произнес:

— Вообще-то, госпожа Зивилла не изволила собрать нотаблей на заседание. Ее несчастный дядя скончался, едва отужинав в ее обществе, а рано утром на площадях Даиса герольды объявили о ее вступлении на престол Когира. Представляете? Она теперь не губернатор и не градоначальница, она королева! Когир больше не провинция Нехрема, а самостоятельное государство. Совет нотаблей распущен. Мыслимое ли дело? Нарушена клятва вассала, Нехрем, полуразоренный войной, предан и брошен на произвол судьбы! И все это буквально в одночасье! Дальше — больше: несколько благородных вельмож, в том числе мой любимый дед, спешат во дворец заявить протест... и не возвращаются! А вскоре после этого герольды объявляют об аресте и заточении в темницу «группы заговорщиков»! Их судьбу разделяют лучшие воины дворцовой и городской стражи, а из черни, из отъявленных негодяев набирается личная гвардия новоиспеченной королевы! Как вам это нравится, господа?

— Как нам это нравится? — Лжеконан с ухмылкой посмотрел на сотника. — Нулан, как нам это нравится? Сотник благодушно кивнул.

— Все, как я и обещал. Бен-Саиф человек серьезный, слов на ветер не бросает.

Саромо переводил непонимающий взгляд с киммерийца на степняка и обратно.

— Бен-Саиф? Кто такой?

— Один прорицатель, спустившийся с гор. — Лжеконан усмехнулся. — А вы, надо полагать, взяли на себя неприятную и опасную задачу сообщить Токтыгаю об измене вчерашних союзников?

Саромо пожал плечами.

— Вы почти угадали. Нотабли все-таки встретились. Негласно. В замке по соседству с нашими землями. По праву единственного наследника я участвовал в заседании совета вместо дедушки. Мы приняли решение рассказать обо всем Токтыгаю и отстранить, если получится, госпожу Зивиллу от власти. Если же это не удастся, мы объединим свои дружины в одну армию, изолируем столицу и будем держать осаду до подхода войск Токтыгая. Меня, как самого молодого из участников заседания, попросили незамедлительно отправиться в Самрак на самом быстром скакуне из моей конюшни, без вооруженной охраны, чтобы не привлекать внимания патрулей на дорогах. Из-за сожженного моста мне теперь придется сделать огромный крюк, и я вас убедительно прошу не задерживать меня, если вы небезразличны к судьбе нашего государства.

— Ну уж нет. — Лжеконан усмехнулся и помотал головой. — Этак Когир снова останется без хозяина, и я до скончания века не избавлюсь от проклятого обоза. Знаете, мой друг, у меня такое чувство, что судьба вашего драгоценного государства в полном порядке. Госпожа Зивилла превосходно справится с ролью королевы. У нее есть хватка, вам не кажется? Так что едва ли стоит расстраивать Токтыгая из-за сущих пустяков. Нет, благородный рыцарь. Мы лучше порадуем ее величество Зивиллу. Привезем ей голову изменника и доносчика. И если она действительно, как вы изволили выразиться, набирает личную гвардию из отъявленных негодяев, то нас она непременно возьмет к себе под крылышко. Мы, граф, самые что ни на есть отъявленные негодяи. Которые очень давно не потрошили и не поджаривали таких патриотич-

ных, родовитых, добропорядочных господ, как вы. В этой голой степи туговато с развлечениями, знаете ли. Увы, граф Саромо. Обижайтесь, не обижайтесь, но отпустить вас живым я не возьмусь. Меня просто-напросто не поймут. — Рослый киммериец встал и, глядя в круглые от ужаса глаза, расхохотался. — Мужайтесь, мой друг. Вас ждет суровое испытание.

* * *

Жужжание оборвалось. Огромная упитанная муха с блестящим зеленовато-синим брюшком опустилась на подставленную ладонь Луна.

— Только она и вернулась, — пояснил бывший монах-эрешит своему спутнику и командиру. — Еще я отправлял шмеля, стрекозу и двух слепней. Честно говоря, о слепнях я был лучшего мнения.

Бен-Саиф улыбнулся, прихлебывая из серебряного кубка любимое золотистое вино. Оно уже отдавало уксусом — что поделать, жара. Ладно, подумал сотник, не сегодня-завтра оно кончится. И вздохнул: одним богам известно, когда еще доведется пополнить запасы.

— Может быть, в пути госпожа Зивилла ненароком прихлопнула их, когда они решили подкрепиться? — Не дожидаясь ответа, Бен-Саиф задал вопрос по существу: — Ну, и какие новости принесла на хвосте твоя воспитанница?

— Погоди. — Лун с отрешенным выражением лица сидел на кошме, всматривался в черные бисеринки фасеточных глаз. Муха на его ладони машинально потирала передние ножки. Некоторое время спустя Лун удовлетворенно кивнул и водворил крылатую разведчицу в широкогорлую склянку.

— Готово? — осведомился Бен-Саиф.

Лун снова кивнул и безрадостно сообщил:

— Далеко не самый лучший из наших вариантов. Ей пришлось устранить губернатора.

Бен-Саиф, в нетерпении ходивший взад-вперед по шатру, ударил кулаком по центральному шесту.

— Упрямый верноподданный болван! Чем лучше я узнаю людей, тем больше убеждаюсь, что с ними совершенно невозможно иметь дело. Они всегда поступают себе во вред и ради этого готовы отказаться от любой выгоды. Как я теперь понимаю легендарного Ну-Ги, который добровольно отрекся сначала от несметных богатств, затем от великого могущества, и в конце концов сам себя посадил на цепь. Что за удовольствие править душевнобольными!? Надо полагать, у дамы Когира не все идет гладко?

— Далеко не все. У нее много друзей среди молодых дворян, некоторые скрепя сердце встали на ее сторону. Ей удалось поладить с личной губернаторской гвардией, выплатив утроенное жалованье и пообещав разделить между солдатами конфискованные земли мятежников, но городская стража разбежалась, и ее приходится набирать заново из всякого отребья. Мятежные дворяне сидят по своим замкам и угрожают осадить Даис, но не очень торопятся выполнить обещание, то ли гражданской войны боятся, то ли набега апийской конницы на их беззащитные владения. Зивилла опасается, что, если и дальше все будет складываться подобным образом, никакой осады не понадобится, ее просто-напросто схватят и выдадут совету нотаблей гвардейцы или поднимут на копыта бандиты из городской стражи, которая разлагается почти с той же быстротой, что и создается. Ей срочно нужна наша помощь, чтобы «образумить» дворян, а еще необходима сильная рука, способная удерживать в узде новое войско.

Бен-Саиф нагнулся, поднял с кошмы кубок с недопитым вином. В глубокой задумчивости он ходил по шатру мимо Луна, сидевшего с безучастным видом, изредка делал маленькие глотки и морщился. Его размышления прервал грубый голос апийского воина, который бесцеремонно откинул полог и просунул в шатер голову, сроду не знавшую мытья.

— Бен-Саиф? — Апийский десятник подслеповато шурился в полумраке. — Тебя Каи зовет, давай, пошевеливайся.

Голова исчезла. Бен-Саиф повернулся к Луну с кривой улыбкой.

— Вот так-то, брат. «Давай, пошевеливайся». Мы тут больше не в чести. Поезжай к Зивилле. Там ты сейчас нужнее. Если за два дня вы не справитесь с мятежом, Токтыгай воспрянет духом и не захочет слушать наших послов. И тогда Каи-Хан возьмет Бусару и двинется на Самрак.

Лун пожал плечами.

— Все равно рано или поздно нашей гвардии придется влезть в эту кашу.

— Чем позже, тем лучше, — возразил Бен-Саиф. У себя в шатре его ждал Каи-Хан, медлительность агадейца лишь подливала масла в костер его злобы, а Луна ни в чем не требовалось убеждать, он и сам все понимал отлично. И все же он позволил себе выразить сомнение. А Бен-Саиф, видя, что его флегматичный друг нервничает, позволил себе напомнить: — Одно дело — вековая распря нескольких полудиких племен, в которой наконец побеждают здравый смысл и общая выгода, и совсем другое — нашествие непобедимых колдунов из страны, которую здешний люд приучается ненавидеть с рождения. Мы способны шутя разгромить армию Токтыгая, превратить Когир в выжженную пустыню и выморить бандитский Ап, даже не приближаясь к его границе. На этом мы бы выиграли несколько недель, зато против нас ополчился бы весь мир. История знает десятки завоевателей, бросавших вызов всему человечеству. И каждый из них в итоге проиграл. Проиграем и мы, если будем идти проторенной ими дорогой. Где-нибудь непременно застрянем. Может, в Вендии, а может, на Боссонских торфяниках. Неважно. В этом мире на любой меч всегда находился лучший меч, на любую магию — более могущественная магия. Нет, Лун, традиционный прямой путь не для нас. Мы идем окольным, но он непременно окажется самым коротким. И только он приведет к победе. Вот увидишь.

Наклоняясь к проему выхода, сотник бросил последний взгляд на друга и увидел на его лице вялую улыбку.

В хитроумном устройстве из трубок и сосудов с разноцветными жидкостями заклокотал дым. Каи-Хан оторвался от мундштука, уронил голову на бархатную подушку, несколько мгновений лежал неподвижно, а затем размежил дрябрые веки и скосил на агадейца черные со слюдяным блеском глазки.

— Чем могу быть полезен? — вежливо спросил Бен-Саиф, которому хозяин шатра не предложил сесть.

— Кое-чем можешь. — Каи-Хан снова присосался к кальяну, поперхнулся дымом и выругался. — Я приказал парням разбирать шатры. Выступаем на Бусару. Ты подсобишь ее взять.

— На Бусару? — Бен-Саиф не поверил собственным ушам. — Ты в своем уме?

Соправитель Апа рывком принял сидячее положение и сказал, буравя горногвардейца недобрый взглядом:

— В армии полным-полно шпионов моего недоношенного брата. Авал уже наверняка пронюхал, что я потерял обоз с огромными деньжищами. Готов признать, тут виновата моя собственная глупость. Но кто, если не твой прихвостень, обделал мне рожу попугайским дерьмом? Как теперь прикажешь отмываться? Сколько недель мы уже торчим в этой поганой степи? Парни шалеют от скуки, и разве я вправе их осуждать? А в Бусаре уйма всякого добра, бабья и пойла, и какого сучьего демона мы должны колоть для сучьих агадейцев сучьи орехи? Возьмем город, погуляем маленько, а там и по домам с приличной добычей. На кой ляд нам падение Нехрема? Если твой король Абакомо наложит на эти края загребушую лапу, нам просто-напросто некого будет грабить. Не с вами же, колдунами, воевать.

К лицу Бен-Саифа прилила кровь, рот превратился в тонкую прямую черточку. Усилием воли сотник заставил себя разжать челюсти.

— Когда Токтыгай примет наши условия, — медленно проговорил он, — ты получишь огромную дань. О твоей добыче будут петь в сагах.

Каи-Хан невесело рассмеялся.

— Дорогой ты мой! Когда я возьму Бусару, Токтыгай просто не посмеет отвергнуть твои условия. А ты не посмеешь отвергнуть мои. Ибо они очень скромны и доходчивы. Токтыгай дает мне двести телег с деньгами и золотой утварью, а ты столько же повозок с вашим чудо-оружием. «Нектар Мунхуша», «стрелы Нергала», «слезы Инанны», ну, и еще кое-что.

— Зачем тебе наше оружие, — раздраженно спросил сотник, — если твои люди не умеют с ним обращаться? Только перекалечат друг друга.

— Заметь: я перечислил только то, что попроще. К чему уже попривыкли мои оболтусы. И потом, что значит жизнь нескольких тупиц, когда речь идет о свободе целого государства? — Соправитель Апа ухмыльнулся. — Да, Бен-Саиф, это самое главное мое условие. Мы подписываем договор о мире. Не с Токтыгаем, а с Абакомо, хотя у нас с Агадеей нет общей границы. И если вдруг у твоего хитрозадого короля появится идея прибрать к рукам и наши земли, мы будем отстаивать свою независимость с оружием в руках. С вашим оружием.

— Неглупо. — Бен-Саиф хмуро кивнул. — При такой боевой мощи у тебя сразу вырастет престиж, и Авал-Хан поостережется строить козни. В принципе, я ничего не имею против. — «Когда придет черед Апа, — пообещал он мысленно, — тебя, гнус, ничто не спасет». — Но с чего ты взял, что Абакомо примет такие условия?

Не вставая с ложа, Каи-Хан наклонился, взял в руки небольшую клетку с яркоперыми ткачиками, соорудил умильную гримасу. Потревоженные пичуги сорвались с тонкого насеста, захлопали крылышками, завертели головками.

— Потому что иначе, — зловеще вымолвил апийский военачальник, — я посажу на колья всех бусарцев. От самого дряхлого старикашки до последнего вшивого младенца. И распушу слухи, что меня подговорил агадейский король. Как ты думаешь, мне поверят? — Не дожидаясь ответа, он твердо произнес: — Мы идем на Бусару. Хочешь, поезжай с нами, хочешь, проваливай на все четыре стороны вместе со своим придурковатым фокусником. Твои повозки останутся у нас. Но если ты согласен нам

помочь, даю слово воина, что в Бусаре не прольется лишней крови.

Несколько мгновений Бен-Саиф простоял, сжимая и разжимая кулаки и глядя в земляной пол. Наконец поднял голову.

— Этого мало.

— Да ну? — Каи-Хан опустил клетку и улыбнулся, блеснув желтыми зубами.

— В Бусаре ты оставишь гарнизон, а сам двинешься к Когиру. Дойдешь до границы и будешь там стоять, сколько нам понадобится.

— Сколько? — Апиец потянулся к кальяну.

— Неделю, может, две. Пока мы не договоримся с Токтыгаем. Нам нужен кулак над головой когирской знати.

— Хм. — Каи-Хан призадумался. — А как же Самрак? Кто будет угрожать столице?

— Полсотни удалцов, изображающие твой авангард. Пускай щиплют патрули, но не ввязываются в серьезную драку. Главное, чтобы они почаще попадались на глаза нехремским войскам. Задача рискованная, но посильная.

— Да, Нулан бы с нею легко справился, а я, дурак, не захотел увидеть своей выгоды. — Каи-Хан рассмеялся и подмигнул Бен-Саифу. — Теперь ты знаешь, сотник, что такое человеческая непредсказуемость.

Бен-Саиф похолодел. Неужели этот мерзавец читает мысли? Нет, скорее всего, к агадейскому шатру приросло чье-то ухо, когда Бен-Саиф делился с Луном своими печальями.

— И вот еще что, — сказал он. — Лун с нами не пойдет. У него срочные дела в Даисе.

Апиец небрежно махнул рукой.

— Пусть катится. Вот уж о ком жалеть не стану! Пока в моей армии мелькает бабья задница этого скормороха, у него растут шансы утонуть в яме с дерьмом. — Он помолчал, хмуро разглядывая ткачиков, наконец процедил сквозь зубы, не поднимая головы: — Я все сказал. Ступай.

* * *

Город пылал. На узких горбатых улочках сплошным ковром лежали мертвецы, их кровь смешивалась и запекалась на серой брусчатке. Сквозь дым и вопли умирающих проносились свирепые степные всадники, охваченные жадой разрушения и убийства. Бусара пала почти без боя. Губернатор и вся его родня заживо сгорели во дворце, городская стража и войска гарнизона частью погибли на стенах, частью разбежались, и лишь несколько десятков смельчаков, не бросивших оружие, укрылись в высоком каменном храме Митры. С его плоской крыши, окруженной зубчатым парапетом, город был виден как на ладони.

— Скоро и за нас возьмутся. — Сафар, капитан городской стражи, командовавший этими людьми, обреченно смотрел через площадь на гибнущий в огне губернаторский особняк. — Лук! — закричал он. — Скорее!

Самый обыкновенный мальчишка с улицы, вчерашний торговец вином, поспешил к нему с длинным луком и колчаном. Тренькнула тетива, а мгновением позже снизу донесся возглас. Крепко сбитый апиец, тащивший на аркане по площади свою жертву, схватился за пробитую шею и вывалился из седла. Сафар выругался, его взгляд снова заскользил по горящим кварталам.

Аррахуссе не верилось, что он еще жив. Его старая гостиница превратилась в груды щебня и гнилых досок, которые погребли под собой почти всех постояльцев и слуг. Сам он через подвал (тот самый, по которому сбежал от стражников Конан) выбрался в соседний двор, а оттуда — в переулок, где степняки кололи и рубили всех без разбору. Мечась, как бродячий кот от живодеров, добрался он до главной площади и там попался на глаза ликующему апийскому всаднику. Его хохот еще стоял в ушах Аррахуссы, когда он стаскивал с окровавленной шеи грязную веревку.

Прямо напротив него из чердачного окна губернаторского дворца с душераздирающим криком выпрыгнула красивая молодая женщина; дорогие шелка на ней превратились в огненный саван. Аррахусса вжал голову в плечи и попятился от убитого степняка. Внезапно его

схватили сзади жилистые руки; он завизжал от страха, но умолк, узнав нехремский выговор. Уцелевший стражник затащил его в двери храма, в напоенный чадом сумрак, где вокруг алтаря, громадного золотого диска, между беломраморными Слугами Митры, простирающимися к потолку изящные руки, виднелись темные силуэты вооруженных людей.

* * *

— Ты обещал, что резни не будет. — Сквозь багровую пелену гнева и отчаяния Бен-Саиф смотрел на пылающий дворец губернатора, на площадь, усеянную трупами.

— А ее и нет. Вон, глянь. — Каи-Хан показал из переулочка на крышу храма, с которой летели нехремские стрелы. — Резня, это когда город сдался, а победителям хочется развлечений. Пока в Бусаре сопротивляется хоть один ублюдок, резни нет, а есть честный бой. Хочешь, поди, прикончи их или уговори сдаться, и тогда я успокою моих забияк.

Бен-Саиф отрицательно покачал головой. Поздно. Никого уже не спасти. И Нехрем вовеки не забудет и не простит Агадее лютого набега апийских извергов. Замысел, казавшийся таким простым и легким в исполнении, обернулся кровавым кошмаром. Он, честный солдат, с молоком матери впитавший заповеди пресветлой Инан-ны, привел свою богиню в этот многострадальный край, позабыв о том, что загадочная сестра Эрешкигали вместе с любовью обычно приносит гибель, а вместе с мудростью — раздор.

— Я не верю тебе, Каи-Хан, — уныло произнес он. — И я ухожу. Ты все испортил, все погубил. Прощай и будь проклят. И не пытайся меня остановить, а то я с радостью убью тебя одним шевелением пальца. — Чтобы не показаться голословным, он поднял «жало Мушхуша» — короткую трубку из серого металла, которую Каи-Хан только сегодня увидел в деле.

Соправитель Апа родился в семье воина, почти всю жизнь провел в походах и сражениях, и его было не так-то просто испугать чужеземной диковиной. Вокруг сидели

на конях надежные парни, если они всем скопом бросятся на Бен-Саифа, он вряд ли успеет пошевелить пальцем.

Глядя в тоскливые глаза, Каи-Хан брезгливо поморщился и махнул рукой. Ему не нужна была смерть агадейского глупца.

Когда понурый всадник в серых латах скрылся из виду, Каи-Хан повернулся к своим ординарцам.

— Ну? Долго я буду любоваться этими вшивыми лучниками? Сколько еще наших они должны продырявить? Живо две сотни на штурм храма. Остальным прочесать город, и чтоб ни одна гнида не уползла! «Будешь знать, фокусник, — мысленно воззвал он к Луну, — чего стоит попугайское дерьмо!»

Глава 10

С умерки приближали горизонты, сокращали огромное море чахлой травы до жалкой лужицы, обрамленной темными горбами курганов. Где-то за этими смутными окоемами затерялась разбойничья шайка, к которой у Конана был особый счет. Кровавый след довел его до когирской границы, до сожженного моста, и Конану не понадобилось убеждать Сонго и его товарищей, чтобы они дали крюк по бездорожью, к переправе, что лежала на много выше по течению пограничной реки. Вечер застиг их вдали от брода, и кое-кто заговорил о привале, но Конан настоял, чтобы отряд двигался дальше. «Заночуем на том берегу», — угрюмо сказал он.

Чутье подсказывало ему: враг не стоит на месте.

Кавалькада двигалась гуськом по тропинке, протоптанной неведомо кем. Конан ехал впереди на выносливом бусарском коне, сразу за ним на гирканской вороной кобыле рысил Сонго, а Юйсары держались в середине отряда. После долгого, изнурительного пешего похода верховая езда только Паако и еще двум раненым телохранителям Зивиллы, которых друзья не решились оставить в Бусаре, казалась пыткой. Сам Конан, на своем веку пересекший немало стран, почти не слезая с седла, наслаждался бы ездой, если б не мрачные мысли. За его спиной осталась беззащитная Бусара, остался Сафар, с

которым в городских тавернах выпито немало вина и который теперь ненавидит Конана, как заклятого врага. Остались тысячи мирных обывателей, им не будет пощады, когда чудесное оружие грозных агадейских магов проломит крепостные стены для свирепой апийской конницы. И самое страшное — там осталась его запятнанная честь.

В полдень они встретили среди низких холмов десяток безоружных апийских воинов. Степняки не пытались сопротивляться, когда их окружили семьдесят с лишним когирских всадников в сверкающих бронзовых доспехах. Вымаливая пощаду, они рассказали историю своих злоключений: их конная сотня преследовала дезертиров, укравших у Каи-Хана обоз с добычей, и нарвалась на засаду. Все их товарищи погибли под коварным ударом изменников, объединившихся с нехремскими дезертирами, а сами они попали в плен. Затем их отпустили без лошадей и оружия, а командиру дали коня, чтобы он отправился к Каи-Хану и рассказал о своей неудаче, и сотник Ияра, да покарают его боги за глупость и малодушие, умчался быстрее ветра, бросив своих верных солдат на произвол судьбы. Они долго брели по курганам, ночью сбились с пути, а утром так и не сумели найти дорогу к своему стану.

По их сбивчивым описаниям один из когирцев определил, где сотня Ияра попала в западню, и взялся довести отряд.

Без лихих коней и острых сабель апийцы выглядели жалко, от их воинственности не осталось и следа, но Конан понимал, что оставлять их живыми на нехремской земле опасно. Если волк повадился резать овец, он не уймется, пока не истребит всю отару. Превозмогая недовольство, он смотрел, как пленникам дают отойти на полет стрелы, а затем несколько когирских воинов, по молодости лет не слишком хорошо владеющих своим ремеслом, внимая наставлениям ветеранов, наклоняют вдоль земли длинные копья и пускают коней вскачь.

Равнодушная степь проглотила предсмертные вопли. Вскоре молодые всадники вернулись, по разу вонзили

копья в землю, чтобы счистить кровь с наконечников, и кавалькада двинулась на северо-восток.

Где-то за полночь они отыскали ухабистую дорогу, петлявшую среди курганов и балок, и по ней довольно быстро добрались до реки. В этом месте обрезанные поймой холмы выполаживались, и дальше река змеилась по чуть всхолмленной голой равнине. С перекатов доносился шум воды. Несколько человек отправились вверх и вниз по течению и почти сразу обнаружили брод — россыпь осклизлых валунов, над которыми журчали белые бурунчики. Левее них виднелся ряд тонких кривых жердей; один из когирцев разделся донага и двинулся от вешки к вешке, благополучно добрался до противоположного берега, вернулся и сообщил, что здесь легко пройдут и люди, и кони.

Когда брод остался позади, они выбрали подходящее для ночлега место, развели костры, приготовили пищу и высушили одежду. Потом когирцы, кроме часовых, легли спать под открытым небом, а Конан и Юйсары вернулись к реке. Они с упоением ласкали друг друга в теплой воде, и дочь пастуха сдерживала крики, которые рвались из груди, распаленной поцелуями и прикосновениями сильных мужских пальцев, а киммериец изобретал все новые ласки, и каждая его фантазия встречала сладострастный отклик. Юйсары отдавалась ему охотно, но без нежности, которую способна дарить только влюбленная; юная пастушка лишь повиновалась велениям своего тела, жадного до наслаждений, успевшего привыкнуть к изощренным ласкам и неутомимости киммерийца, как привыкают к кхитайскому опию или пыльце вендийской конопли.

Со стороны лагеря доносилось конское ржание и человеческие голоса, а ночь осыпала безбрежную степь, точно осажденную крепость, огненными стрелами падающих звезд. Тугое женское тело забилося в объятьях Конана и расслабилось, голова безвольно откинулась на мокрую глину берега, длинные ноги соскользнули под водой с его бедер. А для Конана последний миг блаженства так и не настал, на него вдруг нахлынула тоска, вспомнились безоружные апийцы, послужившие живыми мишенями для необученных копейщиков, вспомнились трупы селян, ко-

торые плавали у мельничной запруды, и другие мертвецы в других, далеких, странах, другие женщины в его руках... Иных он ласкал прямо на полях сражений, среди крови и смерти. Законная добыча победителя...

Вся его жизнь прошла в скитаниях и боях, и он не мыслил для себя иной судьбы, нежели судьба воина. Он был еще молод, но по свету о нем бродили легенды; он побывал в десятках стран, и теперь его именем где-то пугали непослушных детей, а где-то оно звучало в сагах и героических песнях.

Он оторвался от Юйсары и на четвереньках выбрался на скользкий берег, на окаменевшую глину, которая крошилась под руками. Он знал, что нехремская девушка провожает удивленным взглядом его темный силуэт, но не обернулся и ничего не сказал. Добрался до груды одежды, сброшенной второпях на траву, оцупью выбрал свою, натянул короткие кожаные штаны и тунику, поднял меч, с которым почти никогда не расставался, и только после этого глянул в сторону реки.

Там стояла богиня водной стихии, под луной и звездами ее влажное тело поблескивало, мокрые черные волосы облепили грудь — два упругих полушария, острыми вершинками смотрящих в разные стороны. Гибкие сильные руки шарили по телу — Юйсары ласкала себя, вспоминая восхитительные ощущения, которые ей подарил Конан. Она снова хотела его, она манила его. И ему вдруг тоже захотелось ее до умопомрачения, еще миг этой пытки вожделением, и он кинется в воду прямо в одежде, овладеет ею стоя, безо всяких любовных хитростей, позвериному, как покрывает молодую кобылу полудикий степной жеребец. Он перекинул за спину ножны с мечом, повернулся и на ватных ногах двинулся к лагерю, где уже сменились караульные.

* * *

Великолепный когирский скакун гарцевал на дороге, нервно вскидывал голову, то и дело взвивался на дыбы. Его ничуть не успокаивали поглаживания по холке и дружелюбный голос над ушами. Он долго мчался во весь опор, и если б не выбился из сил, то непременно изба-

вился бы от непрошенного наездника, который ни обликом, ни запахом совершенно не походил на хозяина и гибкому кавалерийскому стеку предпочитал варварскую нагайку.

Молодой седок тоже охотно предпочел бы стек, привычный с детских лет, и ни за что бы не стал истязать красивое и умное животное, не гонись за ним почти три десятка разъяренных бандитов. Одна из апийских стрел едва не отправила его на серые равнины — она вонзилась в заднюю луку седла. Но украденный арапник с оловянной пуговицей сделал свое дело — разбойничьи кони выдохлись гораздо раньше породистого скакуна злосчастного графа Саромо. Однако барон Ангдольфо все нахлестывал вороного, и лишь увидав с высокого кургана, что преследователи повернули назад, пустил коня шагом.

Дорога вела к броду через пограничную реку, он это знал со слов Нулана, который прилюдно обсуждал с Лжеконаном свои планы. Шайка всерьез вознамерилась пробраться в Даис, предложить свои услуги Зивилле, которой еще совсем недавно служил барон Ангдольфо и которую предал, пойдя на сговор с агадейскими шпионами в Самраке. Теперь Зивилла в Даисе развязывает гражданскую войну, а он спешит в Нехрем, чтобы предупредить Токтыгая о заговоре. Спешит, быть может, навстречу собственной гибели — изменников нигде не гладят по головке, а стареющий царь Нехрема знаменит отчасти тем, что скор и изобретателен на расправу. Но он, когирский дворянин, отнюдь не равнодушный к судьбе своей родины, обязан сделать то, что не удалось злодейски умерщвленному посланнику мятежной знати.

Всадники появились внезапно — в трех бросках копыя головной дозор большого отряда выехал по дороге из-за низкого клиновидного холма. Трое в бронзовых латах увидели Ангдольфо в тот же миг, что и он их, и сразу проявили враждебность: двое остановили коней и опустили длинные копыя, третий поспешил обратно — предупредить своих товарищей, ехавших позади. По характерной форме щитов, по ярким плюмажам на островерхих шлемах молодой аристократ тотчас узнал когирскую тяжелую конницу. В другое время барона обрадовала бы

такая встреча, но сейчас в его руке взметнулась нагайка и застыла в воздухе. Эти всадники запросто могут принять его за бандита с большой дороги. Если они пойдут в атаку, он пустится наутек на измученном коне.

Из-за холма выехал на крепкономом бусарце широкоплечий воин с непокрытой головой; над его левым плечом поднималась рукоять меча. Темные длинные волосы, суровое загорелое лицо, сверкающие голубые глаза. Облик северянина. Далековато занесло тебя от родных заснеженных гор, киммерийский бродяга.

Нагайка полетела в дорожную пыль. Красавец скакун, нервно прядая ушами, бочком двинулся навстречу Конану.

Не ответив на приветствие, Конан мотнул головой вбок, дескать, поезжай за мной, — и поворотил коня. За холмом на дороге стоял внушительный отряд тяжелой конницы — огромные копья, сверкание стали и бронзы, хмурые лица. Среди них был Сонго, его глаза лишь на миг встретились с глазами барона, а затем заскользили вдоль горизонта. «Ищет дерево», — догадался Ангдольфо.

— Вот это да! Кого я вижу! — раздался знакомый голос, и барон, обернувшись на него, узнал Паако. Его бывший товарищ по оружию выглядел более чем плачевно; чтобы не свалиться с седла, он обнимал коня за шею.

— Ранен в зад, — жизнерадостно пояснил Паако, угадав невысказанный вопрос. — Отнюдь не из-за грусти, а лишь по недомыслию одной очаровательной простолюдинки. Но ты, дружище, — добавил он с безмятежной улыбкой, — конечно, излечишь мою рану. Я не знаю лучшего лекарства, чем смертные муки предателя.

— Никаких мук! — зло рявкнул Сонго. — Помешались все кругом на пытках! Мы что, апийские выродки? Да и времени в обрез. Надо спешить в Даис, выручать госпожу Зивиллу. Вздернем подонка, и все тут.

Сильные руки обхватили барона, стащили с коня, повалили в едкую дорожную пыль. Он поднялся на ноги и тут же снова упал от жестокого удара в ухо. Не пытаясь больше встать, он произнес:

— Зивилла — это я.

Никто вокруг него даже не усмехнулся. На барона смотрели ненавидящие глаза. Он был на волосок от гибели.

— Это правда, — сказал он. — Агадейцы обменяли наши разумы. Теперь я, Зивилла — в этом теле, а Ангдольфо — в моем. Он сейчас хозяйничает в Даисе. Если мы его не остановим, Нехрем падет. И в Когире будут править агадейцы.

Ему не верили. Зато на трех-четыре лица появились ухмылки. Кое-кого забавляла изобретательность трусливого предателя.

— Это правда, — повторил молодой аристократ. — Я не притворяюсь сумасшедшим. Если уж вам так хочется видеть меня в петле, пусть будет по-вашему, я только об одном прошу: выслушайте меня и отправьте гонца к Токтыгаю. В Даисе мятеж. Под личиной Зивиллы к власти пришел агадейский шпион. В апийском плену мой разум переместили в голову этого предателя, а барону Ангдольфо досталось мое тело. Меня отправили в тыл, но обоз не дошел до Апа и попал в руки бандита, который орудует под твоим, Конан, именем. А Ангдольфо благополучно прибыл в Даис и убил моего дядю. Теперь он должен расправиться с недовольными дворянами, чтобы утвердиться во власти. И тогда у агадейского короля будет послушный ставленник в Когире, а Токтыгай без союзников долго не продержится.

— Бедный Ангдольфо. — Паако с притворным сочувствием покачал головой. — Ты всегда был маленько чудаковат, а теперь и вовсе лишился рассудка. Должно быть, нравственные страдания. Увы, мой друг, содеянного не исправишь. — Он повернулся к Сонго. — У меня в седельной сумке хорошая веревка, достань, не считай за труд. А вон за теми буграми, — он указал назад, — я по пути заметил вполне приличную дикую яблоню.

Сонго кивнул и спешился. Конан нагнулся и положил ладонь ему на плечо.

— Помнишь Дазута?

Сонго поднял на него злые глаза.

— Ну и что?

— А то, что этот парень не лжет. Это не он, а она. Зивилла.

— Бред. — Сонго стряхнул его руку.

Конан вздохнул, спрыгнул с коня, двинулся следом за Сонго и вырвал ременный аркан, который тот достал из сумки Паако.

— В голове Дазаута сидел чужак. Или забыл? Это колдовство. Когда чужак вышел, Дазаут наложил на себя руки. Неужели ты думаешь, он сделал бы по своей воле то, что сделал?

— В войске Каи-Хана есть агадеец по имени Лун, — раздался за его спиной голос Ангдольфо. — Он волшебник. Для него забраться кому-нибудь в голову и подчинить своей воле — сущий пустяк. Сонго, сейчас я докажу, что я — это я. Помнишь стихи, которые ты читал мне однажды вечером в Самраке, в Галерее Пьянящего Ветра? Мы с тобой вдвоем гуляли в парке и целовались, а потом поднялись в Галерею, и ты мне читал кое-что из твоей любимой кхитайской поэзии...

— Куй-Гу, — буркнул Сонго. — Я ей читал Куй-Гу.

— «В дыханье ветра — ароматы трав. Я упиваюсь трепетом зари. Любимая, доколе будешь дуться?»

Сонго упрямо стоял спиной к Зивилле и Конану, невидяще глядел на седельную сумку Паако.

— Об этом, — сказал он наконец, — она могла рассказать ему под пытками.

— Брось. — Зивилла поморщилась. — Ты же сам в это не веришь.

Сонго повернулся к лежащему в пыли человеку — узилищу разума его госпожи. И в его глазах Конан увидел невыносимую муку.

* * *

На грязную стойку одна за другой упали три золотые монеты.

— Вот эта, — человек в неброском дорожном костюме придвинул к потному и не совсем трезвому хозяину подворья желтый кругляк, — за обед, и да хранит тебя твой Митра, если надеешься скормить мне вчерашние помои. Эта, — по стойке шаркнул второй «токтыгай», —

за свежего коня, а мой останется у тебя, и не вздумай его продать, я за ним обязательно вернусь. А эту ты получишь, — он прикрыл третью монету ладонью, — только если скажешь, чьи телеги стоят на твоём дворе? Сдается мне, я их уже где-то видел. По крайней мере одну, ту, с интересными рисуночками.

Последние фразы заставили хозяина постоянного двора оторвать жадный взор от денег и боязливо покоситься на двух мужчин, которые расправлялись с огромным жареным сазаном в дальнем углу комнаты. На них была одежда нехремских купцов: пестрые халаты, стеганные шелковые шаровары, войлочные сапоги с загнутыми носами, на головах суконные треухи с лисьей опушкой. Но этим сходство с честными торговцами исчерпывалось начисто. В одном из них Лун без труда узнал северянина, вана, а где это видано, чтобы ван подвизался на мирном поприще? Стихия этого племени — разбой, на худой конец, воинская служба. Еще Лун мог бы поклясться, что во дворе он мельком увидел под телегой негра, а уж эту породу точно ни с кем не спутаешь.

И откуда у «купцов» повозки, битую неделю мозолившие ему глаза в стане Каи-Хана? Они должны быть в руках у бандитов, с которыми стакнулся сотник Нулан, и куда, интересно, подевался он сам и его родичи?

Куда ни глянь, одни загадки. Луна они обеспокоили не на шутку; последние дни его, с отрочества привыкшего к простой и размеренной монастырской жизни, к ежедневным молитвам и медитациям, тревожил любой неожиданный поворот событий. Когда он под видом заложника апийской банды покидал Агадею, будущее казалось ясным и предсказуемым. А теперь кругом — сумятица, бессмыслица, хаос, и первоначальные цели, такие близкие, такие чистые и светлые на первый взгляд, с каждым днем все быстрее отступают в недостижимые дали, теряются в кровавом и дымном тумане. Наверное, прав Бен-Саиф: любой замысел, сколь бы ни был он гениален, трещит по швам при первом столкновении с алогизмом, заложенным в человеческий разум самими богами-создателями.

— Телеги, — хриплым шепотом ответил когирец, — принадлежат этим благородным и щедрым господам. Их друзья переночевали в моей гостинице и рано утром отправились в Даис, а товары оставили здесь до своего возвращения, под присмотром пяти надежных людей. В столице, говорят, сейчас неспокойно, и караванчики решили не рисковать. Они съезжают туда, засвидетельствуют свое почтение новым властям и, если их примут радушно, воротятся за обозом. А нет — отправятся восвояси.

Лун покивал со скептической ухмылкой. По всей видимости, хозяин подворья многого не договаривал. Конечно, его постояльцы никакие не караванчики, а самые настоящие головорезы. Несложно догадаться, что приехать они могли только из Нехрема — через село проходит одна-единственная дорога. Присмотревшись к «купцам», которые облизывали пальцы над длинным рыбьим скелетом, он заметил у одного на халате темное пятно под левой мышкой, а посередине пятна — дырку. Не иначе, след стрелы или сабли, что отправила бывшего владельца одежды на серые равнины. Должно быть, эти халаты ехали на повозках с апийской добычей или в хурджинах у парней Нулана.

Где они теперь, остатки опальной сотни? Может, Нулан и его удалцы не поладили со своими новыми друзьями и валяются посреди степи, и скоро их кости будут обглоданы канюками и червями почище, чем эти, белеющие на громадном деревянном блюде? Жаль будет Нулана, если это подтвердится. Толковый сотник. А может быть, он на пути в Даис?

Агадеец отдал монету когирцу и направился к лжеторговцам. Во взорах, которые его встретили, дружелюбия было не намного больше, чем в глазах голодных барсов. Смотрите, смотрите, усмехнулся про себя Лун. Злобный взгляд всегда предпочтительней ласкового удара кинжалом под лопатку.

— Я ищу одного человека. — Он достал из кармана кошелек с золотом, позвенел им перед «торговцами», убрал и пояснил, улыбаясь: — Я знаю, что на ваших телегах, и не стану тратить время зря, предлагая плату за откровенность. Будем считать, что я прошу об одол-

жении. Расскажите как на духу, кто вы такие, что вас сюда привело, чем намерены заниматься и куда подевался мой закадычный друг, сотник Нулан, которому было приказано сопровождать обоз с деньгами.

Ответом ему было злобное рычание, вырвавшееся из двух глоток. Пятерная вана потянулась к кинжалу на блюде, длинные руки его приятеля — к горлу агадейца. И вдруг застыли, точно обратились в камень.

— Ну, — будничным тоном спросил горногвардеец у вана, — и что же мы там видим?

— Нулан цел и невредим, — ответил ван с интонациями Луна. Его глаза смотрели на руку, повисшую над кинжалом, в глубине бесцветных зрачков разгорался страх. — Этот парень — Флад по прозвищу Кровосток, он действительно из Ванахейма. Искатель приключений. Биография на добрую сагу. Но друзья недолюбливают его за подловатый нрав, а врожденная тупость не дает выбиться в вожаки. Его десятника кличут Евнухом, это он дрыхнет во дворе под телегой, и наш Флад точит на него зуб. Зависть, понимаешь ли.

— Давай-ка по существу, — сухо попросил Лун.

— Да ну тебя к Митре! — обиделся ван. — Видел бы ты эти закоростелые амбиции в пыльной паутине посредственности. А в целом, конечно, тухлятина и муть. Ладно, к делу. Главарь шайки — киммериец по имени Тарк, беглый наемник из отряда Конана. Наш приятель отзывается о нем следующим образом: «недоношенная сопля, но дело знает». Тарк и Нулан, а с ними еще человек пятьдесят, отправились в Даис, можно сказать, для торговли. Вот только продавать они собираются не добычу, а свои услуги. Хотят устроиться в городскую стражу, а еще лучше, конечно, в личную гвардию красотки Зивиллы, новой когирской правительницы. Мечтают охранять закон и порядок. Флад искренне считает, что лучшая овчарка — это волк в каракулевой шубе. Обоз решили до поры поддержать здесь, а то вдруг Зивилла пронюхает о сокровищах и, нуждаясь в денежных средствах, потребует у Тарка доказательства лояльности.

— Стало быть, удел неприкаяных бродяг их не устраивает. — Лун понимающе кивнул. — Узнаю руку Нулана.

Он мне сразу глянулся, этот плешивый храбрец. Дельный мужик. Правильно сориентировался. Еще что-нибудь интересное?

— Они прикончили гонца мятежной знати, — с готовностью ответил Флад Кровосток. — Парнишка скакал к Токтыгаю с неприятными новостями, но сдуру напоролся на Тарка. Клянусь равнодушием Эрешкигали, не хотел бы я оказаться на его месте!

Лун безрадостно улыбнулся.

— Что ж, нам это на руку. Гонец к Токтыгаю должен прибыть от новой когирской королевы, а не от заговорщиков. Все?

— Все. Жаль, тут, вообще-то, занято — такие новороты! Не подозревал, что у бандита-дикаря может такое в башке твориться. Ладно, ну его к Митре, стирай меня.

Лун отрицательно покачал головой.

— Нет? Почему?

— Побудь здесь. Чует мое сердце, скоро тут что-то произойдет. В случае чего, позаботься об обозе. Он может пригодиться.

Ван опустил глаза на блюдо, несколько мгновений сидел в задумчивости, затем кивнул.

— Мое тоже чует.

Лун встал и направился к хозяину постоянного двора. Флад Кровосток и его товарищ проводили агадейца ничего не выражающими глазами и вернулись к еде.

— Конь оседлан? — деловито осведомился Лун у потного толстяка.

— Во дворе, ваша честь. Лучший рысак в этих краях, от такого сам герцог Эдийский, да упокоит Митра его светлую душу, не отказался бы.

— Если к вечеру, — грозно произнес Лун, — твой хваленый рысак не привезет меня в столицу, то пеняй на себя, когда я вернусь.

* * *

— Да, верные клинки мне нужны до зарезу, — кивнула новоявленная королева Когира, — и это не просто дурной каламбур. Вам не придется жалеть, что решили встать под мои знамена. — Она жестом подозвала капитана

дворцовой гвардии. — Распорядись, чтобы людей Нулана и Тарка выпустили из тюрьмы и вернули им оружие и коней. — Молодая женщина повернулась к киммерийцу и хмуро спросила: — Ты понял? Здесь ты больше не Конан. Изволь припомнить настоящее имя.

«Тут и одного самозванца, — мысленно договорила она, — более чем достаточно».

Тарк пожал плечами и уступчиво склонил голову.

— Как прикажете, ваше величество.

— Вы зачисляетесь в городскую стражу. Как отдельный отряд, подчиняющийся непосредственно мне. Получите жалованье на месяц вперед, обмундирование, приличные доспехи. Можете обновить оружие, этого добра у меня вволю. С лошадьми дело обстоит похуже, но их много в конюшнях у мятежных дворян. Ты понимаешь намеки, Тарк?

Тарк кивнул и ухмыльнулся.

— Мы раздобудем коней, ваше величество. — Он посмотрел на Нулана, стоявшего рядом с умиротворенным выражением на лице. — Сотник Нулан умеет договариваться с бунтарями. Это и граф Саромо подтвердил бы, кабы не преставился при душевной беседе.

На изувеченном лице королевы сдвинулись брови.

— Я знала графа Саромо. Мне жаль, что он не внял голосу разума. Впредь, Тарк и Нулан, никаких «задушевных бесед» ни с кем из когирских дворян. Никаких зверств и грабежей, ясно вам? Зарубите на своих чужеземных носах: за произвол буду карать! Бес-по-щад-но! Вы — регулярная армия свободного государства Когир, служите закону, порядку и королеве. Мятежные вассалы нужны мне живыми и здоровыми. Каждый замученный дворянин — пятно на моем добром имени.

Синеглазый киммериец счел необходимым возразить:

— Ваше величество, они ж не ягнята безобидные. У них замки, войска. Выходит, дворянам можно нас резать, а нам их по головке гладить прикажете? Да и на что они вам, живые-то? Разве есть вера тому, кто хоть раз предал?

— Об этом, Тарк, — скривила в улыбке распухшие губы самозванная королева, — лучше спроси себя и Нулана.

Апиец не знал, что его атаман способен так краснеть.
— Ваше величество, вас просит об аудиенции господин, не пожелавший представиться, — доложил от входной двери гвардеец.

На лице Лжеживиллы отразилось недоумение. Господам, не желающим представляться, вход в бывший губернаторский, а ныне королевский дворец был наистрожайше заказан. Королевская гвардия имела приказ хватать всех подозрительных.

— Задержать! — спохватилась королева. — Может, это подосланный убийца! Кто осмелился его пропустить?

Гвардеец выскочил за дверь, а в следующее мгновение, пятась и отвешивая подобострастные поклоны, вернулся в тронный зал и распахнул высокие золоченые створки перед угловатым человеком в скромной дорожной одежде. Лун кивнул королеве из дверного проема, весело блеснув глазами, а на лице Лжеживиллы появилась довольная улыбка.

— Вот и ответ на твой вопрос, тысяцкий Тарк. — Она насмешливо поглядела на киммерийца. — Теперь на любого бывшего изменника я смогу положиться, как на саму себя.

Глава 11

Ворота постоянного двора были распахнуты настежь, перед ними во дворе гарцевали шестеро всадников на сытых конях. Лица дезертиров, переодетых немехскими купцами, были мрачны, на черных щеках десятника блестели слезы. Отряд тяжелой когирской конницы находился уже в пяти-шести бросках копья от гостиницы. Надо было бежать. И бросать все: золото, серебро, самоцветы. Даже доспехи и сбрую — лишь бы уйти от погони.

Ямба твердо знал: лучше не попадаться живым в руки темноволосому загорелому северянину, едущему во главе когирского отряда.

Кушит заметил когирцев с плоской гостиничной крышей, когда они были еще очень далеко. Заметил, но не особо встревожился — в этой стране регулярная армия

зря не обижает купеческий люд. Он неторопливо спустился во внутренний двор, велел людям разойтись по своим комнатам и не попадаться военным на глаза, особо предупредил Флада Кровостока, чья злодейская физиономия могла в ком угодно пробудить подозрения. Сам Ямба, вылитый южный торговец, с виду воплощенные угодливость и подобострастие, решил встретить когирцев у ворот и рассыпаться бисером. Они не заподозрят обмана, в этом он ничуть не сомневался. Главное — усыпить бдительность, не допустить, чтобы обыскивали телеги, тыкали копьями и мечами в ячмень, купленный у трактирщика и щедро насыпанный поверх добычи.

Просто от нечего делать кушит еще раз поднялся на крышу и бросил взгляд на приближающуюся кавалькаду. И обмер от ужаса, разглядев знакомый силуэт, узнав своего бывшего командира.

Чуть оправясь от потрясения, он глянул вниз, во двор, и зубы сами по себе заскрежетали от бессильной злости и отчаяния. Кони из повозок выпряжены, верховые не оседланы. Невозможно даже сжечь обоз, чтобы не достался Конану.

«Может, всю гостиницу подпалить?» — мелькнула свирепая мысль.

Нет. Тоже не успеть.

Он спрыгнул с крыши на стог соломы, истерически воплями созвал своих людей и вскочил на коня. На востоке рос дробный топот копыт.

Шестеро всадников хлестнули коней и понеслись вскачь, поднимая над дорогой желтую пыль. На гребне невысокого холма они остановились и повернулись к подворью. Когирцы неотвратимо приближались к разбойничьему обозу, громадные сокровища падали к ним в руки, как спелые сливы. Ямба обливался слезами, разглядывая серый прямоугольник постоянного двора и недлинную колонну сверкающих конников. Передний, с непокрытой головой и черными волосами, рассыпанными по широченным плечам, смотрел на гребень холма.

«Узнал! — догадался Ямба. — Ну и глаза!»

Когирский отряд уже вливался в ворота постоялого двора, а бусарский иноходец киммерийца топтался на обочине дороги — видимо, Конана одолевал соблазн преследовать дезертиров. Но Ямба чувствовал: не будет горячей погони. Под когирцами усталые лошади, да и сами воины выглядят не слишком бодро, видать, немалый путь проделали. Непременно задержатся. «Что ж, сволочи, — беззвучно обратился к ним кушит, и по щекам снова потекла влага, — вас ждет царский подарок».

— Пожалуй, я вернусь, — произнес вдруг хрипловатый голос слева от Ямбы.

Кушит в изумлении оглянулся. Флад Кровосток задумчиво ерошил гриву коня — у него была привычка теревить повод, сидя в седле, но сбруя осталась на постоялом дворе.

— И я.

Кушит оглянулся направо. Сахим, худощавый угрюмый афгул, видимо, тоже не шутит.

— Да вы что, парни?! Рехнулись? Он же вам задницы на головы напаялит!

— Надо с ним поговорить, — нехотя объяснил Флад. — Может, все-таки согласится перейти на нашу сторону. Или хоть обоз вернет.

— Чего? Обоз вернет? Командир? Да ты точно свихнулся, Кровосток! Всегда был маленько чокнутый, а теперь совсем доехал.

Ван поморщился.

— Мне не нравится прозвище Кровосток. Я вообще терпеть не могу клички. И я не тот, за кого ты меня принимаешь. Я могу договориться с Конаном. Мог бы с самого начала это сделать, но не решился. У нас с Конаном одинаково сложные мозги. Знаком тебе принцип «чем сложнее устройство, тем выше вероятность сбоя»? Скажешь да — ни за что не поверю. Наложение копии чужого разума всегда повышает вероятность сбоя в деятельности мозга. В случае с Фладом или Сахимом, даже с Дазаутом, это не так уж опасно, однако Конан — совсем иного склада человек. Но сейчас выбирать не приходится. Короче говоря, ты, Ямба, поезжай в Даис

и ни о чем не тревожься. Передай Тарку, что мы с Сахимом все уладим, Конан приведет обоз в целости и сохранности.

Флад ударил коня пятками и двинулся вниз по склону, афгул — за ним. Чернокожий десятник и остальные трое бандитов, раскрыв рты, провожали их округлившимися глазами.

— Как думаешь, получится? — спросил Сахим товарища, когда они спустились с холма.

— Вторая копия? А Митра его знает. — Флад пожевал в задумчивости губами. — Погрешность, конечно, будет невероятная... Без опытов, без вывода общей закономерности... Ладно, проживем — увидим.

— Лун бы не одобрил.

— Лун? — Флад рассмеялся. — Да, Лун бы не одобрил. Если бы имел выбор.

У ворот постоялого двора они спешили перед сумрачным голубоглазым всадником, побросали оружие на дорогу, подняли, ухмыляясь, руки.

— Мы — не мы, — откровенно предупредил Флад. — Мы от Бен-Саифа. Не спеши нас казнить, Конан. Надо потолковать.

Киммериец хмуро усмехнулся.

— Все о том же?

Краем глаза Флад заметил слева худого всадника на породистом коне — что-то в его облике показалось знакомым. Но ван не стал оборачиваться, он смотрел на Конана, пытался прочесть его мысли. Пока — по выражению лица. Худой всадник легонько тронул коня шпорами, подъехал к другому когирцу, о чем-то зашептался с ним. Флад почувствовал, как в его душе растет тревога. Все-таки он где-то видел раньше этого человека.

— Нельзя ли, — хрипло спросил он Конана, — нам с тобой поговорить с глазу на глаз?

Конан снова усмехнулся.

— Как с дамой Когира?

Тревога вздыбилась, точно вода, прорвавшая плотину. В мгlistом уголке захваченного разума обреченно завыл искатель приключений из далекого Ванахейма. Он явст-

венней, чем новый обладатель его тела, уловил могильный холодок в голосе киммерийца.

«Пора!» — сказал себе ван и устремил взор в голубые зрачки Конана. И вмиг покрылся холодным потом. Безмятежно улыбаясь, Конан смотрел в небо. Любовался птицами, плывущими в вышине.

За спиной раздались торопливые шаги. Флад не успел обернуться — свет померк перед глазами, в ноздри ударил запах ячменного зерна и мешковины. И пыль. Он закашлялся и услышал крик и хруст ломаемой кости. Сахим повернуться успел. А зря.

— Успокойте его, — произнес позади тонкий, но твердый голос, и Флад вспомнил наконец тощего всадника, замеченного уголком глаза. Барон Ангдольфо. Нет! Зивилла, неукротимая когирская дворянка, в теле изменника. Сзади вана крепко держали за шею. Он задыхался, кашлял, крутил головой и размахивал руками, пытался стащить с головы или, на худой конец, разорвать толстое рядно. Вотще. Он обмяк от страшного удара в лицо. Втроем или вчетвером мускулистые когирцы скрутили его в считанные мгновения.

— Флад ты или Лун, — услышал он равнодушный голос киммерийца, — мне с тобой разговаривать не о чем. Ни с тобой, ни с Тарком, ни с Бен-Саифом. Я не любитель толковать с предателями, по которым веревка плачет.

Флад вытолкнул языком изо рта мякину и выбитые зубы и ощутил, как по подбородку течет струйка крови и слюны.

— Но у тебя есть шанс. Слышь, Флад?

Ван приподнял голову.

— Мне даром не нужна твоя вшивая шкура, — пояснил киммериец, — но ты обидел женщину. Если сумеешь добиться ее прощения, катись на все четыре стороны. Юйсары, иди сюда. Это Кровосток из отряда Тарка, он был в твоей деревне. По мне, так справедливее всего отдать его тебе. Что скажешь, красавица? Есть у него возможность заглядеть перед тобой вину?

— Есть. — Флад задрожал, услышав счастливый девичий смех. — И еще какая!

* * *

Воин, похожий на медведя, угрюмо озирает руины храма Митры. По ним гуляет вялый пожар, из груд обломков то и дело выныривали змеиные языки пламени. Вокруг храма лежали десятки апийцев — дорого дался им последний очаг сопротивления в богатейшем и красивейшем городе Нехрема. Еще больше степняков лежало на алтаре Митры вперемешку с обломками стен и беломраморных статуй, и безжизненными телами защитников.

Мутный взор Каи-Хана рассеянно бежал уцелевших апийцев, которые уже грабили по своему обыкновению мертвецов, и остановился на двух последних жителях Бусары. Один из них, сказали Каи-Хану, зарубил четырех лучших воинов, а другой, совсем еще мальчишка, после первого, неудачного, приступа догадался выползти из храма на площадь и набрать у павших степняков агадейского оружия — ослепляющих стрел, плюющих ядом «жал» и бутылей с «нектаром Мушхуша». Защитники храма быстро научились обращаться с диковинами, и после третьего кровопролитного штурма Каи-Хану стоило огромного труда бросить людей в решающую атаку.

— Как зовут? — спросил Каи-Хан старшего, запрокинувшего к небу безглазое лицо. Храбреца вытащили из-под обломков и привели в чувства только для того, чтобы предать мучительной смерти. Ему успели выколоть глаза и непременно убили бы, если б не вмешался сопровитель Апа.

— Сафар, — тихо ответил бусарец и схватился за отбитую грудь. — Командир... пешей городской стражи.

— Хорошо потрудились, Сафар. — Сопровитель Апа снова мазнул взглядом по ковру мертвецов. — Но плетью обуха не перешибешь. Ты готов уйти на серые равнины?

— Я уйду... — Сафар на мгновение умолк, дернул кадыком, изо рта вывалился кровавый сгусток, — ...к светлому престолу Митры. Серые... равнины... для таких шелудивых псов, как ты.

Каи-Хан одобрительно хмыкнул. Перед ним стоял настоящий воин — не только храбрый, но и умный.

— Ты хочешь разозлить меня, — сказал он. — Угадал? Чтобы я сгоряча тебя прикончил. И то сказать, кому охота умереть в мучениях.

Сафар промолчал. Рядом с ним смуглый отрок потухшим взором упирался в мостовую.

— Нужен человек, — сказал Каи-Хан, — который передаст мои слова Токтыгаю. Возьмешься?

На лице слепого бусарца что-то дрогнуло, и Каи-Хану показалось, будто Сафар улыбнулся с облегчением. Нет, понял апиец через миг-другой. Не с облегчением. С презрением.

— Это цена моей жизни? — спросил Сафар.

— Да.

— Она чересчур высока.

Каи-Хан кивнул.

— Я хочу, чтоб Токтыгай знал: мы не пойдем на Самрак, — невозмутимо проговорил он. — Я выгнал из армии агадейских колдунов, они слишком хитры для нашего брата. Вольному Апу не по нутру чужеземный хомут. Я не круглый болван, Сафар, я понимаю, что после Нехрема должен прийти наш черед. В Бусаре мы возьмем большую добычу и повернем домой. Передай своему царю, что я не советую якшаться с Абакомо. Парнишка мягко стелет, да вот только спать жестковато. Нехрем должен быть свободным, Сафар. И богатым. Иначе мы передохнем с голоду. Ну что, смельчак? Согласен?

Сафар рассмеялся и поднес ладони к окровавленным глазницам. Каи-Хан снова кивнул и улыбнулся.

— Слепому нужен поводирь. — Он хлопнул по плечу смуглого подростка. — Очнись, заморыш. Жизнь продолжается.

* * *

Над головами всадников громадной хищной птицей промчался округлый кусок базальта — посланец крепостной катапульты. Люди пригнули головы, заржали испуганные кони. Снаряд едва не снес верх кареты покойного Гегридо, разукрашенной гербами герцогства Эдийского, и выбил изрядную рытвину на мощенной булыжниками

дороге. Мятежный замок Парро не слишком гостеприимно встречал всадников королевы.

— Граф, — обратился к степенному старцу угловатый человек в скромном дорожном костюме, — постарайтесь управиться побыстрее. Времени у нас в обрез, а замков еще добрых полторы дюжины. Чем скорее бунтари откроют ворота, тем больше шансов уладить это дельце любовно.

— И опять трястись в проклятой колыхаге, — проворчал тысяцкий Тарк, одетый в роскошное платье знатного когирца, в чьих владениях бывшая разбойничья шайка потеряла добрые полсутки. Даже всемогущий Лун там оказался бессилён — на все призывы к переговорам замок отвечал гробовым безмолвием, никто не появлялся на высоких стенах. Наконец, потеряв терпение, Тарк приказал срубить в ближайшем лесу большое дерево и разнести ворота в щепки; основательно попотев, его люди справились с этой задачей. И не нашли в стенах ни единой души! Прихватив оружие и съестное, обитатели замка до последнего челядинца ушли подземным ходом в лес, предварительно забаррикадировав ворота. Тарка это открытие привело в неистовый гнев, и лишь непреклонность Луна и хладнокровие Нулана спасли усадьбу и близлежащее село от грабежа и пожаров. Агадеец упорно не желал обзаводиться новыми злопамятными врагами.

Степенный старец покивал и сказал, забавно плямкая:

— Тогда, мням, я лучше сейчас сойду, благородные господа. Вы, мням, оставайтесь тут, дайте отдых лошадям и вашим, мням, замечательным солдатам, а я постараюсь договориться побыстрее. Мням. В замке сейчас командует мой внучатый племянник, мням, юноша, мням, пылкий и увлекающийся, но пока я сидел в замечательной, мням, темнице нашей обожаемой королевы, он, мням, конечно, не успел утратить почтения к моим, мням, седидам. Я уверен, господа, все закончится благополучно. Мням.

Лун отвесил учтивый поклон. Тарк угрюмо сверкнул синими зрачками. Нулан сосредоточенно кивнул, шевельнув кустистыми бровями. Граф выбрался из кареты и засеменял к своему родовому гнезду.

— Уф, сучья духотища. — Тарк достал из парчового рукава белый батистовый платок и вытер квадратный подбородок. — Долго еще тут париться? — спросил он Луна.

Агадеец невозмутимо указал на дверцу кареты.

Раздраженно крикнув, Тарк выбрался на обочину, уселся прямо на пыльную траву. Некоторое время спустя точно так же поступили Нулан и Лун. Тысяча (точнее, восемьсот девяносто солдат конной городской стражи, остальных еще предстояло нанять), не дожидаясь разрешения, спешилась и разбрелась по сторонам дороги. Возница на козлах кареты, малый самого что ни на есть злодейского облика, полез в котомку за лепешкой и говяжьим окороком.

— Ну, и до каких пор трухлявый пенёк будет испытывать наше терпение? — осведомился Тарк, когда жара резко пошла на убыль, предвещая скорые сумерки. — Клянусь силищей Крома, мне скоро надоест сюсюкать с проклятыми бунтарями.

— А вот и ответ. — Нулан вскинул руку в сторону замка, над которым взлетело черное пятнышко.

— По нам! — Тарк вмиг узнал в черном пятнышке снаряд катапульты. — Бежим!

Они бросились в сторону от дороги, что не мешало бы сделать и громадному вознице. Отесанный гранитный валун в полтора обхвата угодил точнехонько в козлы, превратив стражника в кровавую лепешку под днищем кареты. Шестерка перепуганных коней пустилась вскачь, понесла в сторону замка пробитый насквозь экипаж; через бросок копыта карета, оставшаяся без задних колес, с грохотом завалилась набок.

Тарк, Лун и Нулан вернулись на дорогу. Киммериец злобно пнул испятнанный человеческой кровью говяжий окорок и взглянул на агадейца.

— И как прикажешь понимать?

Лун недоуменно смотрел на замок.

— Ума не приложу. Говорят, нынешняя молодежь не слишком любит, когда старики лезут с советами. Но ведь граф Парро не простой старик. В его мозгу моя копия, достаточно убедительная, чтобы склонить кого угодно к чему угодно. Нет, я не возьмусь объяснить.

— Лучше бы все-таки взялся, — прорычал Тарк. — Иначе я сожгу этот поганый дворянский улей. У моих парней давно кулаки чешутся.

— Не так-то просто взять эти стены. — Лун подбородком указал на замок. — Там наверняка солидное войско. Только людей зря положишь.

Оскалив крепкие белые зубы, Тарк скользнул взором по высоким гранитным стенам и темным прямоугольникам бойниц. На вид — грозная цитадель. Его тысяча заняла уже четыре таких замка, нигде не встретив отпора. Колдовство Луна всегда срабатывало безукоризненно. А защитники четвертой усадьбы и вовсе сбежали, как последние трусы. Не устоит и эта.

Завтра утром, решил Тарк, прибежем к запасному плану. Лун в непробиваемых серых доспехах подъедет к крепости и, не обращая внимания на стрелы, позаботится о лучниках. У нас появятся две-три дюжины воинов в замке, они откроют стрельбу по своим и поднимут панику. Лишь бы выломать ворота, тогда, считай, замок наш. В нем от силы две-три сотни защитников. В других было не больше.

«Не завидую этим упрямым болванам», — подумал Тарк.

— Нулан, — сказал он своей «правой руке», самому толковому из девяти сотников, — отведи людей немного назад и разбей лагерь. Прямо на виду у этих благородных ублюдков. Возьми наших «старичков», добавь полсотни новобранцев и выставь секреты на всех дорогах и тропках. По три-четыре человека, пусть меняются ночью, как сами договорятся. Может быть, наши друзья и тут попытаются смазать пятки. Твоя задача простая: не упустить их из виду, но и не спугнуть раньше времени, а то забьются обратно в крепость, выковыривай их потом.

— Будет сделано, Тарк. — Нулан повернулся, но киммериец удержал его за плечо.

— И вот еще что. — Тарк опустил под ноги хмурый взгляд. — Негоже оставлять беднягу на дороге. Он кто был, иракзай? Скажи его землякам, пусть подметут останки и предадут огню, как полагается. Кое-кто, — добавил он с ненавистью, глянув на замок, — дорого за это заплатит.

С запада к благословенному Нехрему тянулся дым далеких пожаров. На набережной полноводной реки, что подарила имя городу, грузный старый монарх, опираясь обеими руками на мраморный парапет, понуро глядел вслед заходящему солнцу.

Токтыгая окружал прекрасный город — золото куполов, невосточная прямизна и ширь улиц, затихающий гомон торговых галерей, чарующий сумрак парков. По дряблым щекам старика текли слезы и срывались на розоватый камень.

— О величайший среди великих, мы в безвыходном положении, — потерянно бубнил Виджа, бывший посол Нехрема в Агадее. — Наверное, сам Митра прогневался на нас, неразумных чад своих, и придумал суровое испытание. Нехрем не погибнет, если вы, мой обожаемый повелитель, не соблаговолите внять призыву агадейского монарха. Но Нехрем лишится древней династии, столь дорогой сердцам ваших подданных. Ибо таково условие Абакомо, честолюбивейшего среди честолюбивых, ставящего свои прихоти над судьбой всего мира. Либо вы склоняете голову перед ним, либо на ваш трон восходит какой-нибудь престолюдин без чести и совести с городских окраин или того хуже, алчный до наших богатств чужеземный наместник, второй Сеул Выжига.

— Виджа, — промолвил нехремский царь, сдерживая всхлипы, — как же ты мог?

— Ваше величество?

— Как же ты мог, мерзавец, вернуться ко мне с такими... с такими... — Токтыгай разрыдался, задержал плечевой головой.

Виджа сокрушенно вздохнул и опустил глаза на мозаичные плитки набережной.

— Никто и не спрашивал моего согласия, о благороднейший среди благородных. Меня вызвали во дворец Абакомо, долго протомили на парадном крыльце, наконец ко мне вышел какой-то мелкий чиновник и высокомерно сообщил, что с этого дня Нехрем не более чем провинция Великой Империи Агадеи. Вам поручается довести это до

сведения господина Токтыгая, сказал он, и в случае, если господин Токтыгай согласится принести Великому Императору клятву верности, за ним и его потомками будет пожизненно закреплен пост губернатора. Отказ же господина Токтыгая равносителен бунту — заметьте, ваше величество, бунту, а не объявлению войны, — и повлечет за собой рейд карательных войск.

Мне показывали эти войска, о бесстрашнейший среди бесстрашных! Свет не видел подобной мощи, никакие армии, никакие стены не устоят перед ними. Их кони, подобно мифическому чудовищу Мушхушу, дыханием обращают живых людей в дупел. Их воины в серых доспехах неуязвимы для нашего оружия, а оружие агадейцев — это неотразимый бич самого Нергала, их омерзительного божества.

Ваше величество! Я и мои родичи всю жизнь служили верой и правдой вам, достойнейшему среди достойных, и гордому нехремскому народу. Какую б волю вы ни изъявили, мы будем с вами до конца. Единственное, о чем я вас молю, — о мудрости! Великолепная Бусара, первая по величине и красоте жемчужина вашей короны, лежит в руинах, всех ее несчастных жителей пожрала плотоядная Иштар. Запад государства разорен кровожадными ордами варваров, на севере бушует крамола, на востоке скалит клыки молодой агадейский волк, а на юге, в нищей, ограбленной Пандре, алчный Сеул не внемлет нашим призывам к союзу, к совместному отпору агадейским и апийским полчищам.

Пандра тоже обречена, и Сеул понимает это яснее ясного, как и то, что при любом исходе он не усидит на краденом троне. Абакомо сделает красивый жест, поставит над Пандрой своего губернатора, милостивого и справедливого, — доведенные до отчаяния пандрийцы примут его на «ура», и Абакомо наберет из них надежнейшие войска для новых завоеваний. Но Сеула это нисколько не огорчает, ибо в благодатной Вендии он давно уже построил собственный маленький рай, куда и сбежит при малейшем намеке на опасность.

Мы совершенно одиноки, о храбрейший среди храбрых! У нас нет денег, нет боеспособной армии, — только

враги со всех сторон! Подумайте вот над чем, ваше величество: когда-нибудь, где-нибудь агадейская коса найдется на камень. Но до того она непременно успеет рассечь глотку апийскому монстру. Как только падет новоявленная «Великая Империя», благословенный Нехрем воспрянет, и народу хватит мудрости, чтобы не осуждать вас за вынужденную уступку року и с благодарностью водрузить царский венец на вашу голову или на голову вашего наследника. Мы поднимем из пепла Бусару и вернем Даис, мы присоединим Пандру и выйдем на Великий Путь Шелка и Нефрита. И для этого вам необходимо совершить подвиг: пойти на поводу у обстоятельств.

Токтыгай растирал слезы по обвислым щекам, и Виджа никак не мог понять, ободрили монарха его слова или окончательно ввергли в уныние. Бывший посол Нехрема в Агадее и сам чуть не плакал, и к печали примешивалась изрядная толика страха — а вдруг милостивейший среди милостивых придет в ярость, что случается временами, и отправит своего недостойного раба в Зиндан Танцующих, не такой огромный, как в погибшей Бусаре, однако ничуть не менее смертоносный?

Но царь Нехрема, при всей своей подавленности, не был расположен рубить с плеча.

— Может быть, ты и прав, Виджа, — с тоской произнес он, — но не думай, что я сейчас же отправлю гонцов к Абакомо. Я соглашусь на губернаторский пост, — в его голос закрался оттенок брезгливости, — не раньше, чем увижу под стенами Нехрема пресловутую горную гвардию.

Виджа кивнул. Он и сам еще на что-то надеялся. На чудо?

— Ваше величество! — сгибаясь в поклоне, к ним семенил по набережной дворецкий — в других обстоятельствах он показался бы смешным. — Ваше величество, хорошие новости!

Стыдась слез, царь медленно повернул голову к дворецкому. В душе у Виджи надежда сильнее забилась под спудом отчаяния.

— Из-под Бусары вернулся конный патруль, ваше величество, — доложил взволнованный слуга. — Они привезли раненого начальника пешей городской стражи и

мальчика-простолюдина. Каи-Хан передает их устами, что не хочет продолжать войну с Нехремом и уведет орду в Ап, если ему не будут препятствовать. Апийцы еще грабят Бусару, но несколько обозов под усиленной охраной выехали на запад — похоже, Каи-Хан намерен выполнить обещание. Наши войска заметно приободрились, командиры поговаривают о преследовании...

— Передай в войска, — твердым голосом произнес Токтыгай, — чтобы и думать забыли о погоне. Пусть убирается апийский стервятник. Павших бусарцев не воскресишь, а возмездие не любит спешки.

— Если Каи не солгал, — повернулся нехремский царь к Видже, — это значит, что пресветлый Митра дарит нам неповторимую возможность разобраться с Когиром. По моим сведениям, самозванная королева не в чести у доблестного когирского рыцарства, и карательные походы вооруженной черни не прибавляют ей популярности. — Токтыгай окинул Виджу беззлобно-насмешливым взглядом, и у того будто камень упал с души. — Я отправлю на Даис две тысячи конников — мои резервы, которые стерегли выходы из восточных ущелий. Раз уж агадейская мощь так сокрушительна, едва ли стоит бросать войска на верную смерть. Пусть агадейцы спокойно наступают на Самрак, — чувствует мое сердце, они еще не скоро решатся на открытое вторжение, — а наши конники вместе с когирскими повстанцами к этому времени успеют образумить малышку Зивиллу. Говорят, капля камень точит.

Я соглашусь на губернаторский пост, но по всему Нехрему, по всему Когиру с моего ведома и одобрения неуловимые и бесстрашные отряды партизан будут вылавливать и вешать отборных агадейских солдат. И очень скоро Абакомо убедится, что воевать с противником, пусть плохо вооруженным и необученным, но многочисленным и не уступающим тебе хитростью, гораздо труднее, чем рушить городские стены перед толпами степных бандитов. Ему придется воевать не с армией, а с целым народом. И поверь, Виджа, мало кто ему позавидует.

— Да, ваше величество. — Бывший посол позволил себе робкую улыбку. — Для любой тупиковой ситуации первое правило гласит: «выигрывай время». Кто знает,

может быть, всемилостивейший Митра простит нас, видя, что мы не миримся с поражением и не сидим сложа руки.

Токтыгай кивнул и повернулся к реке, не очень вежливо давая понять, что аудиенция окончена. Виджа простился и направился к дверям царского дворца, к коридору, что вел сквозь левое крыло здания к площади.

* * *

Чернокожий воин непрестанно вертел головой — каждый шорох в ночном лесу вынуждал его вздрагивать и хвататься за рукоять увесистой сабли. Невдалеке, всего в пяти бросках копья, засыпало хмельное войско; рядом с Ямбой похрапывали два новобранца и один воин из его десятка. Из его бывшего десятка — трое уцелевших парней уже не считали Евнуха своим командиром. Тарк поставил над ними нового десятника, а перед этим чуть не выпустил им кишки.

Ямбу всякий раз пробирал озноб, когда он вспоминал перекошенное яростью лицо киммерийца. Нелегко, ох, нелегко было убедить его, что вшестером лежкупцы никак не сумели бы отстоять драгоценный обоз. Прощальный посул Флада Кровостока, что Кован сам пригонит телеги в Даис, вызвал у Тарка приступ бешенства, он едва не бросился на Луна с кулаками, когда тот попытался его успокоить. В конце концов Тарк утихомирился и послал двадцать конников к пограничной гостинице, через сутки они вернулись и привезли Сахима с разрубленным черепом и Флада, вынутого из петли; трупы ужасно смердели, в черной разваливающейся плоти кишели черви. При виде своих незадачливых «копий» Лун побелел, как полотно, а Тарк лишь выругался и плюнул. Ямба отделался разжалованием в простые солдаты, даже без мордобоя обошлось, однако теперь не только бывшие друзья, но и новобранцы посматривают на него косо.

Он стоял в ночном дозоре с полуночи. Глаза слипались — денек не из легких выдался, да и вчера он здорово намаялся с проклятым тараном при штурме безлюдной крепости. Спасибо жутким лесным шорохам — не давали уснуть. Лес, пронизанный двумя дорогами и десятками

троп, обступал мятежный замок Парро с трех сторон, на открытом месте встало лагерем войско Тарка, а ветераны лафатского сражения и бегства от Каи-Хана перекрыли лесные пути. Возможно, по этим зарослям бродит вооруженный отряд из вчерашнего замка; за каждым кустом Ямбе мерещился когирец с арбалетом или дротиком. Ничего, подумал он, скоро разбужу сменщика и завалюсь дрыхнуть, пускай он подвергается от страха. Ямба вскинул голову — спохватился, что задремал. И обмер — в пяти шагах перед ним чернел силуэт человека.

— Кто? — выкрикнул кушит, хватаясь за саблю.

— А потише нельзя, ты, сонная муха? — Тарк был изрядно сердит, он уже обошел больше половины постов и везде заставлял клюющих носами, а то и спящих, часовых. — Вот отрежут мятежники самое дорогое, так и захочешь, не поорешь. — Киммериец бесшумно двинулся к кушиту. — Что, Евнух, не сладко?

Ямба опустил голову и скрипнул зубами. Тарк усмехнулся в темноте.

— Завтра возьмем замок. Отличишься — снова ходить тебе в десятниках.

Кушит поднял голову. Застыл, обратился в слух.

— Ты что? — недоуменно спросил Тарк.

— Погоди. — Ямба приставил к ушам ладони. Тарк тоже прислушался.

— Что там? — снова спросил киммериец.

— Конница, — тусклым голосом ответил кушит. — Из крепости. На наш лагерь прет.

— А, Нергал их дер! — Тарк резко повернулся в сторону лагеря. — Это ж вылазка! К бою! — закричал он во всю силу легких.

Трое сменщиков Ямбы подпрыгнули, как ошпаренные, а киммерийцу и кушиту было не до них, они со всех ног бежали к лагерю. Но конный отряд из осажденного замка двигался куда быстрее. Должно быть, ему удалось незаметно подобраться к бивуаку на полет стрелы, а затем по беззвучному сигналу командира он ринулся в стремительную атаку. С опушки леса Ямба и Тарк смотрели, как темная волна с дробным гулом накатывает на обреченный лагерь, как рушатся шатры и рвутся с привязи перепу-

ганные лошади. В сполохах костров сверкали бронзой и сталью неустрашимые когирские конники, потомки гордых аквилонских рыцарей; через сумрак, испятнанный алым, их мчалось не больше трех сотен. Тарк, бывалый солдат, давно научился с одного взгляда определять примерную численность войска.

Он глядел на свою тысячу, на мечту о величии и славе. На мечту, которая вот-вот разлетится в клочья под копытами вражеских лошадей. Карательный отряд обречен, в этом Тарк не сомневался. Конечно, он поставил часовых вблизи крепости — не только в рощах, но и на открытом поле. И конечно, их заметили со стен замка, а с наступлением темноты бесшумно подкрались и вырезали. И теперь когирцы ударили там, где их ждали меньше всего. Тарк, разбивая лагерь на виду у защитников замка, не допускал и мысли, что им достанет смелости атаковать. Он просчитался.

— Стой, дурак! — Ямба ухватил его за руку. — Жить надоело?

Тарк выдернул руку, но остановился. Никого уже не спасешь. Ничего уже не исправишь. Как же так? Почему граф Парро, наделенный способностью завораживать взглядом, не справился со своей ролью? Почему погибли Флад Кровосток и Сахим, такие же, как престарелый граф, подобия колдовского разума? Кто увел вчера всех жителей из высоких стен, оставил всемогущего Луна не у дел? Кто понял, что нельзя ждать утра, когда иные защитники замка обернутся врагами, что надо разгромить осаждающих во мгле?

Тяжелая конница сражалась молча, зато вопли гибнущих наемников градом бились о деревья и рассыпались на душераздирающие отзвуки. В лагере царила многоглавая, многоголосая смерть, один за другим занимались огнем шатры, среди них носились темные и сверкающие силуэты — всадники, пешие, кони без седоков. Когирцы не соблюдали строй, каждый сам выбирал себе жертву и преследовал ее, пока она не валилась под ударом длинного меча или копья; их грозный предводитель не трогал убегающих, зато мгновенно появлялся там, где звучала сталь.

Тарк узнал его сразу и вновь порывисто шагнул вперед, и вновь Ямба удержал за руку. И тогда киммериец — рослый, косая сажень в плечах, за которыми осталось много стран и сражений, — разрыдался, как обиженный младенец.

Хотя на его суровой родине не плакали даже дети.

— Кром! — простонал он, в отчаянии и бессильной ярости глядя на могучего всадника, надменного посланца злого и коварного рока. — Кром, я был верен тебе! Я всюду славил твое имя! За что же ты снова и снова ставишь на моем пути это чудовище?

Владыка могильных курганов высокомерно промолчал, а может быть, его ответ потонул среди шума сечи. Зато Тарк услышал голос своего самого ненавистного врага.

— Лун! — закричал Конан, озирая лагерь. — Лун, отзовись, если хочешь жить!

«А я? — спросил Тарк мысленно. — Я тоже хочу жить. Отчего же ты меня не зовешь?»

Ломая кусты, мимо пробежали двое полуголых воинов, их отставшего товарища настиг когирец в дорожных латах. Оглушительный предсмертный вопль испугал коня, тот прынул в сторону, и седок поневоле выпустил тяжелое копье, застрявшее в теле наемника. На этот раз Ямба замешкался. Тарк взревел, в несколько прыжков одолел расстояние до всадника, и тот замертво рухнул на землю, так и не успев выхватить меч из ножен. Киммериец взлетел на осиротевшего скакуна и крикнул Ямбе, указывая на запад:

— Встретимся у сожженного моста.

Он плашмя ударил коня окровавленным мечом и умчался вдоль опушки леса.

* * *

Дыхание пленника прерывалось глухими стонами. На белом полотняном мешке с прорезью для рта проступили алые пятна. В скоротечном бою с тысячей Тарка, застигнутой врасплох яростной ночной атакой, Лун не успел надеть прочнейшие агадейские доспехи. Он получил колотую рану в бедро, был отброшен когирским

конем прямо на горящий шатер, а затем ему, уже потерявшему сознание, ненароком сломали левую руку и несколько ребер.

Он лежал в сумрачной прохладной камере подземной тюрьмы, в неглубоком алькове, а подле его ложа стояли Конан, Зивилла, Сонго, граф Парро и его внучатый племянник, невысокий меланхоличный юноша с бесцветными глазами навывкате, редкими светлыми волосами и тонкими усиками.

— Чудом остался жив, — заметил Сонго, с любопытством рассматривая раненого агадейца.

— Лун, ты можешь говорить? — спросил Конан.

Сквозь кровавое полотно просочился еле слышный ответ:

— Да-а...

— Ты в плену, — сообщил Конан. — Тебе здорово досталось.

— Это... — не выговорил — простонал Лун, — я уже... понял. Ты... кто?

— Конан, — хмуро ответил киммериец.

— Конан... — Лун помолчал несколько мгновений, переводя дух. — Мы с Бен-Саифом тебя искали. Зря ты... нас не послушался.

— Почему?

Ткань слегка приглушила жутковатый, неестественный смех.

— Да полно тебе... Сам отлично знаешь... почему. Думаешь, наш повелитель... шутки шутит? Нет, брат. Мы с Бен-Саифом... только первые ласточки. Скоро сюда придут наши. Обязательно придут. Догадываешься... что они с вами сделают? Эх, вы, дети малые, неразумные. Вам же добра желают... И не вам одним. По всему белу свету — мир и покой... представляешь? Ни войн, ни поборов, ни рабства. Ну, скажи, разве не об этом мечтают... все порядочные люди? И мы подарим им мир и покой, Конан. Вот увидишь. У нас... все для этого имеется.

Конан недобро усмехнулся и пообещал:

— Но тебе не дожить до этого счастливого дня.

И снова он услышал жутковатый полусмех-полукашель.

— Только если сам захочу умереть... киммериец. У меня есть выбор. Да, есть, не спорь! Думаешь... я не догадываюсь, почему меня еще не вздернули, как Флада... Кровостока? Ты хочешь, чтобы я вернул Зивилле разум. Ты... разгромил Тарка, и теперь мятежные дворяне верят в свои силы... и готовы штурмовать Даис. И спасенная королева Когира... в знак благодарности разделит с тобою не только ложе... но и власть.

— Заблуждаешься, колдун. — Конан не узнал собственный голос — в нем klokотал гнев. — Спасенная дама Когира присягнет законному монарху, и только при таком исходе уцелеет твоя потная шкура. Но до этого мы пройдем по всем замкам, где ты побывал, и ты вернешь рассудок всем заколдованным дворянам и простолудинам. А начнешь прямо сейчас — с графа Парро.

Старик с широкой черной лентой на глазах и связанными за спиной руками повернулся к Конану и захохотал.

— Избавитель ты мой! А ты уверен, что Лун, мням, тебя не обманет? А вдруг я, мням, только прикинусь, будто я в своем уме, а потом возьму да всажу тебе, мням, нож под лопатку? Не слишком ли ты доверчив, киммериец? В последний раз, мням, советую, Конан: хватит валять дурака! То, чем вы тут занимаетесь, мням, — детские шалости! Тебе и во сне не приснится силища, которой ты, мням, по наивности осмелился бросить вызов. Это же лавина! Камнепад! Сметет, мням, — не заметит!

— Пока замечала, — надменно возразил Конан.

Граф Парро потупился. Помолчав немного, хмуро произнес:

— Лун даже под пытками не сделает того, мням, о чем ты просишь. Для него это равносильно измене, а горная, мням, гвардия Агадеи не способна, мням, на предательство. Что случилось, то случилось. Смирись, Конан. Мням. Так будет лучше для всех нас.

— Ты слышал, варвар? — услышал киммериец приглушенный голос, в котором надменности было не меньше, чем в его собственном. — Какие еще будут... условия?

— Через неделю, ваше величество, — сказал дородный жрец в зеленой рясе, — Нехрем обретет долгожданную свободу. А еще через несколько дней Сеул Выжига уступит престол нашему человеку.

Король не смотрел на ануннака. Взгляд Абакомо блуждал среди деревьев и травы, изредка замирал на особенно живописном цветке или птице. Парк вокруг летнего дворца по своему обыкновению дышал покоем, за это и любил его молодой монарх, чьей душе в последние дни недоставало уюта.

— Скажи-ка, наставник, — произнес Абакомо, печально вздохнув, — в чем мы с тобой ошиблись? И что утаил от меня отец?

Ибн-Мухур остановился и недоуменно посмотрел королю в лицо. Печаль не напускная, в этом он убедился тотчас. Он всегда превосходно улавливал настроение властелина.

— Разве мы заблуждаемся, ваше величество? По-моему, все складывается идеально.

— Идеально? Гм. — Абакомо поджал губы и двинулся дальше. — Может быть, все-таки следовало начать с Апа?

— Так ведь мы, — растерянно проговорил Ибн-Мухур, — с него и начали, ваше величество.

— Разве? — Король криво улыбнулся. — Ах, ты в этом смысле. Нет, я имею в виду, что в первую очередь надо было усмирить Ап. Свергнуть этих мерзавцев, Каи и Авала. Тогда бы не случилось резни в Бусаре. Или я не прав? — Он испытующе посмотрел на человека в зеленой рясе.

— Осмелюсь напомнить, ваше величество, — почтительно произнес ануннак, — что дни апийских разбойников тоже сочтены.

Абакомо кивнул. В недрах его существа бродили сомнения, тонкая, но клейкая паутина тоски обвивала душу.

— «Иные копят золото, я коплю друзей», — сказал он уныло. — Наш старинный девиз. Ибн-Мухур, тебе не кажется странным, что мы так и не обзавелись друзьями? Зато золота у нас хоть отбавляй.

— Ну что вы, государь, у нас полным-полно друзей, — пылко возразил ануннак. — По всему свету, а особенно в ближних странах. Но и врагов хватает, тут вы, безусловно, правы. Однако все переменится, как только...

— Как только мы им поднесем во-от такое счастье на блюде, — с усмешкой подхватил Абакомо, разведя руками. — Помнишь Ну-Ги? — Король снова помрачнел. — Он так и не дождался людской благодарности.

Ибн-Мухур кивнул. Он понял, что за думы гложут любимого повелителя.

— Стоит ли горевать, ваше величество? Дети вырастут мудрее отцов, они-то и скажут нам спасибо. Непременно скажут.

— Да уж. — Король вновь невесело улыбнулся. — Непременно скажут. Мы об этом позаботимся.

— Человечество всегда мечтало об истинном пути, государь, — тихо сказал ануннак, — и при этом всегда боялось на него ступить. Народы ждут полубога, существо с неисчерпаемой решимостью, которое проведет их через все тернии к счастью. С благословения Нергала стихии наделили вас почти божественным могуществом, ваше величество. Ручаюсь, все народы пойдут за вами хоть на край света и горы свернут, если будет на то ваша воля. Но колебаться вы не вправе. Стоит вождю усомниться в себе, и он погиб. Ибо человечество — это, по сути, громадное стадо. Точнее, стая хищных полумразумных зверей, живущая по звериным законам. Им еще века и века продираться к истинной человеческой морали, к истинной человеческой духовности. И только вы, ваше величество, способны сократить этот срок.

— Ослабевшего вожжа волки рвут в клочья. — Король задумчиво кивнул. — Боги! Почему я не родился скромной, неприметной букашкой? Ты хоть представляешь, наставник, какая тяжесть...?

— Еще бы, ваше величество. — Ануннак ободряюще улыбнулся. — Вы же на моих глазах выросли, и все эти годы вас исподволь готовили к нечеловеческой ноше. Мужайтесь, мой государь. Только вам дано удержать на плечах целый мир. Цари не выбирают судьбу, в этом и сила их, и слабость.

Последняя фраза унесла монарха в воспоминания детства. Перед мысленным взором пролегли сверкающие горные кряжи, раскинулась залитая солнцем долина, сочно зазеленели дубравы и луга, заколыхались под нежным ветерком желтые покровы нив.

— Когда-то отец сказал нечто совсем иное, — тихо произнес он. — Назвал меня царем судьбы.

— Я не вижу тут противоречия, государь, — столь же тихо возразил ануннак. — Вы законный повелитель Агадеи. Но разве вам предлагали королевство на выбор?

* * *

Восточный скаг холма обрывался над речушкой, на другом берегу мужду изгибами двух отрогов высоченной серой горы клубилась пыль. Казалось, жадный и утрюмый великан прикрывает ручищами горшок с дымящейся похлебкой — боится, что отнимут. От широкого бревенчатого моста остались только головешки, но Конана и его спутников это ничуть не ободряло. Уж если агадейские войска решились покинуть свои ущелья, такой пустяк, как разрушенная переправа, надолго их не задержит.

— Даис уже не взять, — сказал Сонго, глядя на юго-запад. — Не успеем. Только зубы раскрошим понапрасну.

Зивилла горестно вздохнула. Надежда вернуться в родное тело превращается в несбыточную мечту. Агадейский фанатик Лун так и не внял уговорам и теперь отлеживается в одиночной камере подземной тюрьмы замка Парро, в соседней камере мается сумасшедший граф в оковах и бронзовой маске. Три замка из четырех, захваченные Тарком перед разгромом, Конан не решается трогать — побаивается «оборотней». В тех замках не осталось нормальных людей. Прознав о пленении агадейского колдуна, дворяне-оборотни перезаражали всю свою челядь. Некоторых одержимых удалось скрутить, когда они поодиночке выходили из крепостей. Эти люди заражены не самим Луном, а его жертвами, их рассудок решительнее борется с наваждением, чем разум несчастного графа Парро. Однако на допросах неизменно берет верх Лун, и тогда с уст безумцев слетают угрозы вперемешку с уговорами.

А войска короля Абакомо уже на марше, и вскоре в Даисе появится дисциплинированный агадейский гарнизон (не чета банде Тарка, на две трети перебитой под замком Парро), и старый Токтыгай без боя впустит врагов в блистательный Самрак.

Вчера вечером у Конана был долгий разговор с эмиссарами Токтыгая, в конце концов они ударили по рукам, и нехремцы отправились в свою столицу. Через три-четыре дня по тайным тропам в Когир двинутся обозы с провиантом и оружием, пойдут войска, крепкие опытные солдаты, которым страсть как охота поквитаться с агадейцами за Лафатскую долину и Бусару, за поруганную честь государя.

В замках пока всего вдоволь, и еды, и фуража, и оружия, но война в когирских лесах и холмах ожидается долгая, на измор, враг невероятно силен и хитрости ему не занимать. Помощь нехремского царя обязательно сгодится, в этом мало кто сомневается. А взамен Токтыгай просит, чтобы все пошло по-старому, когда агадейский медведь уберется в свою берлогу зализывать укусы разъяренных пчел. Что ж, быть посему, решили Зивилла и когирские дворяне, в том числе двое почтенных мужей из разогнанного совета нотаблей, которые примкнули к отряду Конана.

Дворяне, надо отдать должное их чутью и боевому опыту, сразу смирились с тем, что ими командует чужеземец. Никто не сравнится с могучим киммерийцем в отваге и сметке; он знает тысячи военных хитростей и умеет добиваться беспрекословного подчинения. Если бы сегодня агадейцы не выступили на Даис, послезавтра мятежные дворяне свергли бы Лжезивиллу и выбрали нового губернатора.

— Возвращаемся в замок Парро, — Конан ухмыльнулся, взглянув на печальную даму Когира, заключенную в тело изменника. — Надо подготовить теплую встречу.

* * *

Коня пришлось оставить убийственной жаре и хищникам — загноился ожог на ноге, с каждым шагом скакун хромал все сильнее. Южная оконечность гряды, за которой

лежало родное Междугорье, уже виднелась на горизонте, но было ясно: конь не дойдет. У Бен-Саифа не поднялась рука на верного друга. Шагая по знойной степи, он нещадно корил себя: почему не собрался с духом, почему не выпустил из «жала Мушхуша» в израненный храп порцию яда, который убивает мгновенно даже при попадании на кожу?

Путь Бен-Саифа отмечали веи, диковинные для этих мест: панцирь из легкого серого металла, кольчуга, напоминающая рыбою чешую, наплечники и поножи необычной формы, странного вида оружие. В конце концов у сотника из доспехов остался только шишак с золотой совиной головой, а из оружия — увесистое « жало Мушхуша », которое он то и дело перекладывал с плеча на плечо. На поясе всхлипывала нагретая солнцем жестяная баклага, рейтузы были в дырах и засохшей крови, сапоги просили каши. Из-под шлема торчали грязнющие патлы, месячная щетина поблескивала потом. Он возвращался домой.

Не все сладилось, как задумывалось, но ведь он — всего-навсего первая ласточка. Хлопотливая пичуга, предвестница весны. Мыслимое ли дело, подумал он, весна сразу за летом? Э, господа хорошие, погодите, еще не то увидите. Лун, где ты, дружище, жив ли? А если жив, дотянешь ли до нашей весны?

На горных вершинах искрились вечные льды, а пласты розового мрамора рождали зарю в разгаре дня. Бен-Саиф возвращался домой.

Часть вторая ТАВРО ДРАКОНА

Глава 1

Тень лиственного леса растворяла полуденную жару, крошила в янтарные дребезги лучи неистощимого солнца. Томный ветерок шевелил блеклые стебли орляка, колючие ветки акации и дикой сливы, усыпанной незрелыми ягодами; над зарослями ежевики тучами роились мелкие серокрылые бабочки. Отряд пробирался оленьей тропой, не опасаясь погони. Когирцы и их предводитель понимали: хоть и удалось вражескому обозу вырваться из западни с малыми потерями, всадники в серых латах не отважатся на преследование. Агадейцы еще не освоились в этих лесах.

В отряде трое были тяжело ранены, двоих копейщиков пришлось оставить там, где их сразили враги. Близкие друзья погибших горевали об утрате, но никто не винил в ней Конана, ибо враг потерял убитыми не меньше. Лучше всех поработали арбалетчики, сразу уложив наповал двух агадейцев, — не ожидая нападения, те ехали по лесу с поднятыми забралами. Потом когирцы с устрашающими криками ринулись в конную атаку, — как выяснилось вскоре, напрасно.

Противнику было не занимать ловкости и отваги, а его колдовское оружие убивало мгновенно или причиняло страшные раны. Еще один горногвардеец погиб случайно, не успев метнуть в атакующих глиняную бутылку с горючей жидкостью; едва он плюнул в горлышко, струя пламени ударила ему в лицо, по всей видимости, оружие было неисправным. Обезумевший от боли и страха конь унес седока, превратившегося в живой факел, в гущу леса, а Конан, видя, как падают замертво его люди, как мечи и копья отскакивают от непробиваемых серых доспехов, вовремя спохватился и дал команду отступить.

Вождь денный неприятельский обоз и малочисленная, но чрезвычайно опасная охрана остались на узкой лесной дороге. Конан уводил отряд к владениям графа Парро — тайной базе когирских партизан.

— Полтораста против тридцати, и драпаем, — проворчал на бивуаке Сонго, когда ему перевязывали обожженный локоть. — Этак целый век можно провоевать.

Конан в том скоротечном бою так и не успел скрепить меч ни с кем из агадейцев. Но он и не ставил себе такой задачи. Он наблюдал и мотал на ус. Помимо всего прочего, он заметил, что горногвардейцы, с ног до головы увешанные всякими волшебными снастями, в близком бою отдают предпочтение мечам и булавам. Наверное, сказывалась привычка. Впрочем, они и новым оружием дрались превосходно, видать, их здорово натренировали на родине. Отличная боевая машина. Конан не сомневался, что сумел бы основательно ее покорежить, а то и вовсе сломать — ценой гибели всего отряда. Он предпочел отойти.

— Пропустим гадов к оборотням — наплачемся, — раздраженно добавил Сонго.

Обоз с агадейским оружием пробирался к замку барона Морго, одному из когирских дворян, присягнувших самозванной королеве. И барон, и все обитатели соседних имений, несколько тысяч человек, называли себя Лунами. Не зараженные «лунной болезнью» когирыц страшились их пуще чумы, а партизаны Конана и Зивиллы не знали, что делать с десятками безумцев, выловленных в лесах графа Парро и запертых в подземной тюрьме вместе с хозяином замка и виновником их умопомрачения, израненным агадейским воином по имени Лун. Их охраняли трое слепцов, которые ходили по подземным коридорам ощупью и не боялись заразиться одержимостью. Несколько раз Конан спускался в ту темницу; беседуя с узниками, он ни в коем случае не поднимал глаз. Среди них только Лун упрямо отказывался отвечать на вопросы. Даже граф Парро — его «первая копия», как он себя называл — был куда более откровенен.

— Думаешь, они настолько осмелеют, что начнут гоняться за нами по лесам? — спросил Конан у светловолосого когирского рыцаря.

— А то как же? — Сонго несколько раз согнул и разогнул обожженную руку и удовлетворенно кивнул. — Они теперь те же горногвардейцы. Даже женщины и дети.

Умеют воевать. Вооружи их как следует, и не понадобится слать сюда регулярную армию.

Так-то оно так, подумал Конан, да вот только «копии», уже начиная со «вторых», не очень надежны. Среди пленных есть даже буйнопомешанные, а иные просто сидят день-деньской на грязном каменном полу, смотрят в одну точку и пускают слюни. И лишь изредка в них просыпается разум Луна, точнее, его ущербное подобие. Если Ангдольфо всерьез надеется извести партизан руками этих убогих, то как бы ему не просчитаться.

Другое дело, если у агадейского короля найдется еще хоть десяток таких, как Лун. В этом случае когирское восстание обречено. Конан допытывался у графа Парро, есть ли в Междугорье подобные Луну, и тот с гордостью ответил: «Тьма тьмуца!» — «А коли так, — поинтересовался киммериец, — отчего же мы их здесь не видим?» — «Всякому овощу, мням, свое время», — только и ответил ухмыляющийся старец.

— Куда ни кинь, всюду клин, так получается? — сказал Конан и, видя недоумение на лице Сонго, пояснил: — Возиться тут с оборотнями — только время терять. И агадейцев всерьез щипать рискованно. Нагрянут три-четыре тысячи серых, прочешут леса, и останутся от нас лишь трогательные воспоминания.

— Значит, надо во что бы то ни стало взять этот обоз, — решительно произнес Сонго. — И бить врага его же оружием.

«Вот ведь упрямец!» — с одобрением подумал Конан, а вслух сказал:

— Ну, раз надо — возьмем.

* * *

В обитой медью створке крепостных ворот отворилась узкая калитка, с внутреннего двора потянуло фекалиями и тухлятиной. Трое грязных, как демоны болот, и растрепанных стражников вышли навстречу пришельцу с мечами в руках. Из проема калитки высунулось длинное копьё, все в навозной корке и с двумя-тремя прилипшими к наконечнику соломинами. За воротами истерически хохотала женщина, грубый мужской голос сыпал нечле-

нораздельной бранью. В замке барона Морго свирепствовала «лунная болезнь».

— Что вам угодно, почтенный странник? — спросил крепко сбитый страж в рваных штанах и короткой кольчуге на голое тело. — Судя по облику, вы проделали долгий путь? — Учивость в его голосе никак не вязалась с чертами лица типичного деревенского увальня. Должно быть, природа настолько обделила крепыша умом, что Лун, проникший в его голову, помирал там от скуки.

Согбенный путник опирался на толстую уродливую клюку, которая при необходимости сошла бы за добрую дубину. Его облик и впрямь наводил на мысль о долгих скитаниях: густые курчавые волосы свалились колтуном, в бороде запутались сосновые иголки и хлебные крошки, громадная котомка за широкой спиной была вся в дырах.

— Ты прав, сынок, не день и не два брел я стезею скорби, — уныло ответил путник, — брел и ронял кровавые слезы в дорожную пыль. Я оставил плающую Бусару и пришел в униженный Самрак, и принес владыке моему весть горестную и весть радостную. И великий государь заключил меня в объятия, а после, терзаемый жаждой мести, отправился я на восток, в роцци славного Когира, и там повстречал варвара, коего считал своим заклятым врагом. Он сам подошел ко мне, жалкому калеке, опустил ладони на мои плечи и рек: «Сафар, твой враг — не я. Не по моей вине ты познал вечную мглу». И столько искренности было в его словах, что я поверил ему.

Скиталец поднял голову, и стражник, слегка озадаченный его речью, уставился в багровые провалы глазниц.

— Зачем ты изувечил меня, Лун?

Когирец открыл рот, но не успел произнести ни слова. Из котомки за спиной слепца вынырнула смуглая голова и узкие мальчишеские плечи, а мгновением позже тонкая рука метнулась вперед, и острие кинжала ужалило стражника в правый глаз. Он с визгом отскочил назад и схватился за лицо, а рядом вскрикнул его приятель — тяжелая клюка сломала ему бедро, как сухой прут.

Третий стражник успел вовремя отпрянуть, и блестящая сталь рассекла лишь воздух перед его горлом. Он выставил перед собой меч и вдруг заметил, что копье, торчащее из калитки, вываливается из рук четвертого

воина, пронзенного длинной стрелой, которая прилетела неведомо откуда. Он услышал дробный топот, повернул голову вправо и заметил в двух третях полета стрелы конную лаву, несущуюся от опушки густого леса прямо к воротам замка. Кони мчались во весь опор, всадники нахлестывали их что было мочи.

Стражник взглянул на слепца и мальчишку, который уже выбрался из котомки. Слепой уронил клюку на доски подъемного моста, спокойно снял котомку, мальчишка проворно нагнулся к ней и достал знакомый стражнику металлический предмет, короткую трубку с отверстием на одном конце и небольшим шаром с торчащей из него рукоятью на другом. Трубку нацелилась на когирца, и тот подумал, что сейчас умрет, если не бросится на подростка и не раскроит ему череп.

«Погоди! — приказал ему Лун. — Остынь. Он может нам пригодиться. Взгляни-ка лучше ему в глаза». Разум стражника не осмелился перечить, когирец посмотрел мальчику в глаза и похолодел — черные зрачки были недосыгаемы, они глядели вниз, на доски. «Но с такого расстояния ему никак не промахнуться!» — пробилась сквозь оторопь жуткая мысль.

Раздался щелчок. Стражник крикнул от боли и тоже опустил глаза. На его босой ступне пузырилась черная жидкость. За три удара его сердца яд разъел кожу и попал в кровь.

Слух Сафара, обострившийся после утраты глаз, не улавливал скрипа петель. Никто не пытался затворить калитку изнутри. Сафар знал, что стрелы Конана добились раненых оборотней, что поводырь держит под прицелом калитку, а партизаны уже совсем рядом. Неужели им так повезло? Неужели крики погибающих стражников не услышаны в замке?

Он двинулся к человеку, сраженному ядом, и ногой напарил его меч. Нагнулся, поднял и направился к воротам.

— Сто-ой! — закричал ему Сонго во всю силу легких. — Сафа-ар! Стой!

Сафар остановился и обернулся. Мальчик, полуприсев, настороженно смотрел за калитку. По дощатому настилу моста прогрохотали копыта.

— Сафар, уходим! — Молодой когирский дворянин свесился с седла, ухватил слепого воина за широкое запястье. — В крепости засада! Садись, живо!

Сафар отшвырнул меч и торопливо забрался на коня позади Сонго. Юный поводырь с кошачьей ловкостью вскарабкался на другого скакуна, и лава хлынула назад, к спасительному лесу.

Чуть позже ворота замка Морго распахнулись настежь, и мост задрожал под десятками бегущих ног.

* * *

— Да, старик, ты не солгал. — Прячась в листве колючей акации, рослый командир партизан хмуро разглядывал толпу, что бесновалась подле моста. — Их тут не меньше тысячи, и почти у всех агадейские игрушки. Они бы нас как вшей передавили. Выходит, ты нам жизни спас. — Он повесил длинный лук на плечо и посмотрел на темнокожего старика, сидящего рядом на корточках.

— Не жизни, а души, — гнусаво ответил стигиец. — Они бы вас не прикончили. Такие, как вы, удалцы им позарез нужны. Забыл, как тебя Лун уламывал?

Конан ничего не забыл. Стигиец косился, словно угрюмый ворон, и киммериец подумал, что посланник Сеула Выжиги еще ни разу не посмотрел на него в упор. С темного морщинистого лица не сходила гримаса недовольства.

— Ты очень хорошо осведомлен, старик, — сказал Конан. — Кто тебе рассказал о засаде?

Стигиец протянул руку и разжал кулак. Конан увидел на его ладони жирную муху. Старик не боялся, что она улетит. Он ей оторвал крылья, как только поймал.

— В ней Лун, — кратко пояснил он.

По спине киммерийца пополз холодок.

— Крылатый шпион!

Стигиец хмуро кивнул.

— Скажи спасибо графу Морго. Он целыми днями возится с мухами, их в замке на отбросах тьма-тьмушая наплодилась. У первых копий Луна, да будет тебе известно, с насекомыми получается весьма неплохо. Граф сотнями посылает мух на разведку, десятки возвращаются

и рассказывают, что видели и слышали. Он следит за каждым твоим вздохом.

Конан смотрел на муху с омерзением. Последнее время ее товарки липли к нему, точно к покойнику. Вот, стало быть, в чем причина.

— А она не заразная?

Муха исчезла в кулаке.

— Ты имеешь в виду «лунную болезнь»? — Старик отрицательно покачал головой. — Не бойся. У насекомых слишком примитивный ум. И у животных тоже. Мухи умеют только запоминать.

— А ты умеешь читать у них в глазах, — уверенно произнес Конан. — Стало быть, ты тоже волшебник. Я уже имел дело со стигийскими колдунами, мало-мальски знаю вашу породу.

Слуга пандрского властелина не стал разубеждать. Он предпочел сменить тему.

— Итак, киммериец, ты согласен, что я тебя спас?

— Трудно не согласиться.

— Выходит, ты в долгу передо мной.

Конан неохотно кивнул.

— А долг, говорят, платежом красен.

— Долг долгу рознь.

— Вот как? А мне казалось, Конану из Киммерии знакомы слова «честь воина».

Конан кивнул, опустил ладонь на темный кулак стигийца, сдвинул. Когда он убрал руку, старик посмотрел на останки мухи и еще больше насупился.

— Не надейся заполучить душу Конана, чародей, — холодно посоветовал киммериец. — Она гораздо дороже, чем его жизнь.

Стигиец усмехнулся, поднял голову и впервые посмотрел Конану в глаза.

— Клянусь могуществом Сета, я не собираю души, и уж тем более души варваров-язычников. Ты угадал, я немного владею магией. Может быть, чуть похуже, чем ты — мечом. Я служу Сеулу Выжиге, пандрскому деспоту, и получаю жалованье звонкой монетой. Мой повелитель знаменит своей жадностью, но поверь, он ничуть не скуп, когда нуждается в услугах профессионалов.

Конан сцепил пальцы на затылке и расхохотался, нимало не беспокоясь о том, что его могут услышать у моста.

— Опять меня покупают! Где же вы с Луном раньше были, когда Токтыгай не нашел для Конана лучшего места, чем в отряде бунтовщиков-мародеров? Если б я только знал, что профессионалы тут нарасхват!

— Луну ты ничего не должен, — напомнил маг. Старик изрядно осерчал, и было заметно, что он старается взять себя в руки.

— Ладно. — Неожиданная уступчивость в голосе Конана не провела стигийца. — Говори, что тебе от меня нужно.

Стигиец промолчал, хмуро глядя себе под ноги. «Э, старичок, — подумал Конан, — а ведь дельце-то щекотливое».

Когда он высказал эту мысль вслух, темнокожий пришелец кивнул.

— Ну, так не томи, — велел Конан. — Рассказывай.

Стигиец стряхнул с ладони мертвую муху и вытер руку о полу черной мантии.

— Ты бывал когда-нибудь в Вендии, киммериец?

Воспоминания нахлынули, точно весенний сель. Гимелианские горы, шайки отчаянных афгулов, дерзкая улыбка Жазмины, окровавленное, перекошенное болью лицо Хемсы. Козни чернокнижников Имша.

— Сказочная страна, — ответил он с усмешкой.

— О да, воистину. — Старик помолчал еще несколько мгновений, тоже, наверное, отдался потоку воспоминаний. — Вечнозеленые джунгли в долинах, а на горах — снега. И сосны! А между сосновыми рощами и влажными, душистыми джунглями — прелестная долина, несколько деревень, окруженных полями и садами, и река, желтеющая в пору таяния снегов. Там моему повелителю угодно провести старость. Я там бываю чуть ли не каждый год, наблюдаю за строительством дворца. Это очень красивое здание. И очень дорогое. Сеул запретил брать лес и камень в окрестностях, мы вынуждены покупать все необходимое в соседней провинции и везти в долину. Зато природа сохранила девственную красоту. Подле дворца я воздвиг сокровищницу, огромную тигриную голову из гранита.

Там вся пандрская казна, ее оберегает целая армия превосходно обученных воинов.

Конан внимал с брезгливой ухмылкой. Стигиец пока не сообщил ничего нового. Вряд ли восточнее моря Вилайет найдешь человека, который бы не слышал о дикой затее пандрского узурпатора. В его стране царит нищета, вымирают целые села, за малейшую провинность подданных обращают в рабство, и чуть ли не ежегодно вспыхивают народные восстания, которые подавляются со зверской жестокостью. Пандра для Сеула Выжиги — что корова для вора, уведенная ночью с крестьянского двора. Молоко выдоено с кровью, и вор, не дожидаясь, пока скотина околеет с голодухи, свежует ее заживо.

— Стало быть, Сеулу нужен командир стражи? — спросил Конан. — Охранять сокровищницу?

— Ты угадал лишь наполовину. — Старик мотнул головой, тряхнув жидкими седыми прядями. — Сеулу нужен отряд воинов, чтобы захватить сокровищницу и дворец.

— Клянусь Кромом! — возмутился темноволосый варвар. — Что за бред?! Завоевать собственное имение? Не иначе, твой повелитель совсем рехнулся на старости лет.

Стигиец надменно посмотрел на него.

— Мой повелитель совершенно здрав рассудком. Чем спешить с глупыми выводами, киммериец, лучше дослушать до конца. Две недели назад в Шетре, столице проклятой Агадеи, сорвалось покушение на жизнь Абакомс...

— На агадейского короля? Неужели вам удалось до него добраться?

— Мой племянник, отдавший многие годы изучению черной магии, проник в летнюю резиденцию агадейского монарха. Увы, он угодил в хитроумную ловушку и принял ужасную смерть. Мысли о его безвременной кончине нещадно терзают мое старое сердце, но должен признать, что племянник отчасти сам виноват в своей неудаче. Не надо было горячку пороть. А главное, не надо было трепать языком, когда все кончилось. — Видя откровенное недоумение на лице Конана, старик пояснил: — После смерти он проболтался.

— После смерти?

— Будто тебе ни разу не доводилось слышать о вызове духов! Абакомо — маг милостью Нергала, чародей, каких

поискать. Он живо взял в оборот моего покойного племянничка и очень скоро выяснил, кто подослал убийцу. И нанес нам ответный удар в самое уязвимое место.

— Сокровищница! — осенило Конана.

— Именно. Вчера он послал в Вендию сотню горногвардейцев с неким Бен-Саифом во главе. Знакомо тебе это имя?

Последовал кивок.

— Говорят, для этого человека нет ничего невозможного.

Киммериец склонен был усомниться в этом.

— Ему приказано захватить дворец и нашу казну, — продолжал стигиец. — А к моему повелителю прибыл слуга Абакомо с «вежливым» предложением отречься от пандрского престола и удалиться «на заслуженный отдых» в вендийскую провинцию, которая будет немедленно освобождена, если Сеул уступит.

— А как же ваша хваленая армия? — осклабился Конан.

Старик раздраженно пожал плечами.

— Бен-Саифа она не остановит. Горногвардейцы не простые воины, да ты и сам это знаешь. Не далее как вчера утром вы напали на впятеро меньший отряд и получили по зубам. Было такое?

Конан подтвердил. Эмиссар Сеула Выжиги поражал своей осведомленностью.

— У нас есть несколько тысяч войска в Пандре, — сказал стигиец, — но отправлять их в погоню за Бен-Саифом — слишком большой риск.

«Еще бы! — подумал Конан. — Народ может взбунтоваться в любой момент, наверняка агадейские шпионы лезут вон из кожи, сея крамолу. Стоит вывести войска, и мятежники разорвут Сеула в клочья».

Вслух он не сказал ничего.

— Мой повелитель, — продолжал стигиец, — конечно, уступил бы агадейцам, если бы не знал доподлинно: вслед за Пандрой, Апом, Афгулистаном, Хаббой придет черед Вендии. А то и раньше. Абакомо замыслил прибрать к рукам весь мир, а войны во все времена стоили денег. Пандрская сокровищница — слишком большой соблазн. Возможно, у покоренных владык останутся земли и двор-

цы, до поры, конечно. Но с деньгами они распрощаются тотчас.

— И у Выжиги эта мысль, должно быть, вызывает зубовой скрежет, — подхватил Конан.

— Тебе недостает почтительности, варвар, — упрекнул стигиец. — Но ты, разумеется, прав. Иными словами, государь вовсе не желает сдаваться. Мы внимательно наблюдаем за сопротивлением Когира. Стратегия Токты-гая кажется нам весьма разумной, и мы готовы к вам примкнуть. Пускай земля горит под ногами агадейских захватчиков! Выжженные нивы, отравленные колодцы! Неуловимые отряды мстителей, подстерегающие горную гвардию за каждым холмом, в каждом овраге! Война до последнего солдата, до последнего партизана! Агадейское нашествие неизбежно захлебнется в крови!

Конан улыбнулся краешками губ. Чужой голос высказывал его собственные мысли.

— Но это, — стигиец многозначительно поднял корявый указательный палец, — возможно лишь при одном условии. Если ты, Конан, отобьешь сокровищницу моего государя и будешь удерживать ее столько времени, сколько понадобится. За это твой отряд получит целую телегу золота.

— Что-то слабо верится в такую щедрость. Говорят, Выжига за паршивый медяк родной матери глотку перегрызет.

— Как бы ни злопыхательствовали недруги Сеула, он все-таки царь, а цари вынуждены тратить на содержание двора, войска и чиновников, и это поневоле входит в привычку. Иначе им несдобровать. Не беспокойся, Конан. Мой государь отнюдь не беден и готов расплатиться с тобой по заслугам.

— А кто удержит Когир, пока я буду разбираться с Бен-Саифом?

Старец небрежно махнул рукой.

— Едва ли стоит защищать мятежные замки. Для агадейцев они, что твои семечки. Пока достаточно мелких партизанских отрядов в лесах. Уверен, они и без тебя превосходно управятся. Конан, речь идет о вступлении в войну целого государства. О чем тут раздумыв-

вать? Я спас тебя, а ты спаси моего повелителя. И долг отдашь, и внакладе не останешься. Соглашайся, время не ждет.

— Как тебя зовут, старик?

Слуга Выжиги фыркнул.

— Тьфу ты! Зачем тебе мое имя? Ну, Тахем. Давай, Конан, соглашайся!

— Я подумаю, Тахем. И посоветуюсь с людьми.

Тахем ощерился и стукнул кулаком по колену.

— Пока ты будешь советоваться, золото ушлывет! А потом агадейцы обложат тебя в этих лесах, как медведя, и сломают хребет. Неужели ты еще не понял, что я предлагаю единственный выход?

— Тахем, наберись терпения, — сердито посоветовал Конан. — Я же ясно сказал: сначала поговорю с людьми. Идем.

Он повернулся и двинулся в гущу леса. Недовольный Тахем встал и оглянулся на замок. Толпа оборотней вернулась в крепостной двор, но несколько человек еще слонялись около моста, где валялись неубранные трупы.

* * *

Барон Ангдольфо — Лжезивилла — выглядел плачевно. С лица никак не желали сходить кровоподтеки, по коже разлилась желтизна — давала о себе знать отбитая печень. Одно из сломанных ребер плохо срасталось, а стопа, исколотая апийской иглой, распухла так, что не влезала в сапог самого рослого гвардейца. Изредка перемещаясь по дворцу несчастного Гегридо, Ангдольфо опирался на костыль.

Разглядывая «королеву», Тарк испытывал брезгливую жалость с примесью страха. По его разумению, вовсе не такой властелин требовался нынче охваченному смутой Когиру. Свирепый и беспощадный силач, а не гниющий заживо калека, раздираемый совестью и сомнениями. С каждым днем в бароне все реже просыпался смелый и честолюбивый интриган, столь энергично взявшийся за дело в самом начале. Проницательный и надменный взор потух, уголки губ клонились все ниже, сутулость все сильнее бросалась в глаза. Он сдавал.

Тарк прекрасно понимал: если бы не агадейский гарнизон, в первый же день своего появления разоруживший пешую городскую стражу, голова самозванной королевы давно красовалась бы на на городской стене рядом с головами приспешников, в том числе его, Тарка. Тысяцкий изумился, когда Ангдольфо поведал ему, что с самого начала знал о назревающем бунте, но ничего не мог поделать. Пешая стража решила расправиться с самозванкой и перейти на сторону мятежных дворян.

Заговорщики воспользовались нерешительностью первых копий Луна (в казармах их было не свыше десятка, и Лун перед своим уходом строжайше наказал им ничего не предпринимать без крайней необходимости), и спокойно зарезали их спящими, а потом как ни в чем не бывало разошлись по городу «охранять порядок». У Ангдольфо под рукой было еще несколько «оборотней», но любая попытка обезвредить пешую стражу мгновенно привела бы к вооруженному столкновению мятежников с малочисленной и тоже не слишком надежной гвардией королевы.

Тарк к тому времени еще не успел возвратиться в Даис, зато появились беглецы из его отряда; именно принесенная ими новость о разгроме карателей у замка Парро и склонила пешую стражу к измене. Зная, что агадейское войско всего в одном-двух переходах от Даиса, Ангдольфо забаррикадировался во дворце с двумя сотнями гвардейцев, которых наспех обработали первые копии, и просидел более суток в ожидании штурма.

— Зачем вызвала? — Тарк пожегился под неотрывными взглядами двух лунов, которые сидели по-восточному подле трона.

Лжезивилла уныло вздохнула и указала приглашенным на стол, где в беспорядке стояли кувшины с вином и блюда с несвежей едой.

— Есть разговор. Хотите есть и пить — не стесняйтесь. Тарк и Нулан даже не оглянулись на стол, откуда пахивало кислятиной и гнилью. Во дворце «королевы» не осталось незараженных слуг, а домовитость, похоже, не входила в число достоинств Луна. Барон Ангдольфо тоже не заботился о чистоте своего обиталища — было бы чем живот набить и на что голову положить.

— Спасибо, ваше величество, мы сыты, — тактично отказался Нулан.

Ангдольфо снова вздохнул.

— Сыты, так сыты. Ко мне сегодня пришел человек. Оттуда. — Он указал на восточное окно, и Тарк с Нуланом догадались, что он подразумевает Агадею.

— За каким Нергалом? — холодно поинтересовался Тарк и вместо ответа услышал:

— Сколько у вас людей?

Нулан печально опустил взгляд, киммериец насупился.

— Сотен пять осталось?

— Полторы, — буркнул Тарк. — Было три, половина разбежалась.

— Плохо, — решил Ангдольфо. И осведомился: — Почему столько дезертиров? Я же хорошо плачу солдатам.

Тарк раздраженно пожал плечами и отвернулся к окну. Нулан взялся объяснить:

— Люди не хотят вам служить, ваше величество. Боятся «лунной болезни» и вообще колдовства. А еще партизан. И новых хозяев.

— Новых хозяев? — с притворным недоумением переспросил Ангдольфо.

— Ну, этих. — Нулан тоже указал подбородком на восточное окно. — Я-то их знаю, отличные парни. Но местным разве втолкуешь? Агадейцев тут спокон веку недолюбливали.

— Плохо, — повторил Ангдольфо.

— Плохо, плохо! — проворчал Тарк. — А как сделать, чтобы стало хорошо?

Ангдольфо улыбнулся и поерзал на троне, усаживаясь поудобнее.

— Об этом-то и речь. У меня был разговор с агадейским советником, он предлагает вам работу.

— Работу? — Тарк и Нулан настороженно переглянулись.

— Да. Очень выгодную. И не здесь.

Тарк пристально посмотрел на самозванную королеву. Голова безвольно откинута на спинку трона, ноги лежат на деревянной скамеечке, правая рука зачем-то придерживает костыль, левая висит плетью. Поза изнеможения. Но в глазах — живые искорки азарта. Как в тот солнеч-

ный день, когда Тарк и Нулан привели в Даис банду дезертиров. Занятно, подумал киммериец.

Он приподнял и чуть склонил набок голову, давая понять, что ждет пояснения.

— Вам предлагают расквитаться с Конаном.

В сердце Тарка вздыбился смерч. Конан! Воплощение злого рока, виновник всех бед! Каждый раз, когда до вожденной цели рукой подать, Конан переходит ему, Тарку, дорогу. Расквитаться с ним? Да ради такой возможности тысяцкий отдал бы правую руку.

— Агадейцы узнали, — продолжал Ангдольфо, — что Конан собирается идти в Вендию с небольшим отрядом партизан. Несколько дней назад туда ушел Бен-Саиф с сотней горногвардейцев из Шетры, ему поручено занять провинцию Собутан, которая принадлежит Сеулу Выжиге, узурпатору пандрского трона. Выжига должен уступить власть по собственной воле, и потеря Собутана, где он хранит все награбленные ценности, сделает его намного сговорчивее. Сеул позвал на помощь Конана, посулил ему золотые горы и военную помощь нашим мятежникам.

— Вот оно что, — глухо произнес Тарк. — Стало быть, агадейцы решили бросить нас наперехват. Почему бы им просто не ввести войска в Пандру?

— На то есть веские причины, — неторопливо, будто рассуждая вслух, ответил Ангдольфо. — Благодаря «мудрому» правлению Сеула Пандра уже не государство, а разлагающийся труп. А король Абакомо, каких бы сплетен о нем ни распускали, все-таки не любитель падали. Но труп способен причинить немало хлопот.

— Ну, не сказал бы, — буркнул тысяцкий. — Сколько помню себя, хлопот с мертвецами бывало куда меньше, чем с живыми.

— Раздавить Сеула и его вооруженных мытарей — пара пустяков, — назидательно ответил Ангдольфо. — Горстка агадейских солдат справилась бы с этим за три-четыре дня. А как быть дальше? В частых мятежах и стычках с правительственными войсками созрели и закалились десятки народных вождей. Как только падет трон Сеула, они развяжут беспощадную войну за власть, междоусобицу, и в стране воцарится хаос. Но вожаки охотно помириятся, если у них появится общий враг — агадейцы.

Сеул прекрасно это понимает и даже надеется возглавить народную армию. Не больше и не меньше! И получит немало шансов на успех, если Абакомо введет войска в Пандру. Как ты думаешь, Абакомо может себе это позволить? Нет. Его цель — новый порядок, а не вселенская разруха. Он должен вывести из игры Сеула и сохранить государственный аппарат. Иначе придется не воскрешать Пандру, а сжигать.

— Понятно, — кивнул Тарк. — Надо поймать Сеула за ядра, чтоб не фокусничал.

Ангдольфо вяло улыбнулся.

— Скорее всего, — произнес он, — Конан и без твоей помощи свернул бы себе шею. Шутка ли, сотня отборных горногвардейцев? Но надо бить наверняка.

Тарк хмыкнул, Нулан скептически покачал головой. Вряд ли в конной страже Дайса найдется хоть один воин, который захочет еще раз испытать на своей шкуре атаку когирских партизан.

Ангдольфо угадал их мысли и поспешил успокоить:

— Агадейцы не требуют от вас подвигов. Будет вполне достаточно, если вы пройдете перед когирским отрядом и настроите против него мирных жителей.

— Настроить мирных жителей против Конана? — С лица Тарка не сходило недоумение. — Как вы себе это представляете, ваше величество?

Улыбнувшись вновь, Ангдольфо оторвался от спинки кресла и погладил больную ногу.

— Насколько мне известно, в Нехреме ты неплохо справлялся с ролью Лжеконана.

«Ну и ну! — изумился Тарк. — Ай да агадейцы! А я-то их чистоплюями считал!»

Он рассмеялся.

— Вы правы, ваше величество, работенка в самый раз для меня. — Вот только одна незадача: парни не согласятся. Нагнал на них Конан страху, размозжи его Кром.

— Повторяю, — устало произнес Ангдольфо, — тебе и твоим людям вовсе незачем встречаться с Конаном. Надо только добраться до Собутана, а уж там агадейцы не дадут вас в обиду. Если все сделаете, как надо, с Конаном расправится регулярная вендийская армия и озлобленные крестьяне.

— А потом возьмутся за нас?

— Не волнуйся. Агадейцы поделятся с ними сокровищами Сеула, и они уйдут с миром. Еще и спасибо скажут. Агадейцы и вам дадут золота, сколько унести сможете. Захотите — вернетесь ко мне, захотите — разойдетесь по домам. Все лучше, чем сидеть в этой мышеловке и ждать, когда вам поснимают головы и насадят на штыри.

«Э-э, да ты, красотка, не больно-то веришь в свою звезду, — подумал Тарк, и уныние нахлынуло на него с новой силой. — Видать, мне и впрямь деваться больше некуда».

— Вот это уже другой разговор, — кивнул он. — Сразу надо было про золото сказать. Ради денег наши прохвосты любые горы свернут. Под такой залог мы еще сотни две орлов наберем, верно, Нулан?

Нулан тоже кивнул, но на его обветренном лице не было и тени воодушевления.

Глава 2

Его переполняло блаженство, ощущение растущей силы. Кругом разливался свет — девственная белизна, ласковое, упоительное тепло. Вес тела быстро таял, и слабела хватка земного притяжения. Как будто невидимые нити тянули его в небеса.

Он оторвался от ложа, неторопливо поднялся к балдахину, пропустил его сквозь себя, как воздух пропускает водяные брызги, не ощутив даже малейшего сопротивления ткани. Его ожидала вселенная — сонмища миров, населенных самыми невообразимыми существами, — в любой их них он теперь сможет попасть в мгновение ока.

Но он не спешил с выбором. Он вдруг вспомнил, что, отходя ко сну, вообще не собирался покидать королевские покои, не говоря уже о собственном теле. Выдался хлопотливый и долгий день, и Абакомо просто хотел выспаться, пролежать всю ночь в глубоком омуте покоя, ибо далеко не всегда путешествия души дарили отдохновение. На иных мирах встречались чудовища не-

описуемой жути, и всякий раз он стремглав уносился в тело и просыпался в холодном поту.

Он все еще поднимался в той же позе, в какой лежал на широкой ореховой кровати — голова к востоку, левая нога прямая, правая подбрана, одна рука откинута, другая под затылком. Поза его вполне устраивала. Крошечная частица сознания по-прежнему недоумевала: с чего это вдруг он левитирует, ведь не намеревался? Для этого занятия есть урочные часы, и храмовники, учившие молодого короля искусству блужданий вне тела, часто напоминали: не следует пускаться в них спящим. Но уж коли произошло...

Пусть невидимые крылья блаженства отнесут его на уютную планетку, как-то раз увиденную мельком: восхитительная природа, умопомрачительная архитектура, а любой, даже самый незначительный, помысел любого из обитателей — ярчайший образчик мудрости и непорочности. Эти бессмертные создания приглашали Абакомо в гости, обещали, что научат черпать сколько угодно жизненной силы в самих стихиях, однако повелитель Агадеи почему-то все откладывал визит. Что ж, решено: он полетит туда. Возможно, искусство бессмертной расы пригодится для его дела, ведь известны случаи, когда победа в сражении зависела от выносливости солдат.

Он легко вообразил себе ту планету (а ничего иного и не требовалось, чтобы попасть туда) и поплыл в зенит. И вдруг опешил, заметив на своем пути золотистое мадрево. По мере приближения оно разрешилось в мелкоячеистую сетку; по ней тут и там пробегали оранжевые сполохи. Абакомо протянул руку и ощутил холодок металла. Он ухватился за сеть обеими руками, попытался разорвать — напрасный труд. Он оттолкнулся от сетки и двинулся вверх, и снова встретил преграду. Вскоре он определил, что его кровать накрыта огромным ячеистым куполом. Он в золотой клетке!

Кровать задвигалась, заколыхался балдахин, и внезапно его пробила огромная зеленая лиана и метнулась к королю, извиваясь по-змеиному. Он едва сумел увернуться, распластался на золотой сетке, но она в тот же миг промялась от страшного удара извне.

Короля швырнуло к кровати, лиана перехватила его в воздухе, как язык ящерицы — муху, и утащила под балдахин. Кровать превратилась в огромную слюнявую пасть, усаженную острыми кривыми зубами; барахтаясь в недолимой хватке лианы, Абакомо летел навстречу ужасной гибели. Клыки щелкнули, перекусив лиану. Король повис в воздухе и уставился в громадные тусклые глаза; в бездонных зеницах тонули золотые отблески. Правая широкая ноздря дохнула огнем, испепелив лиану, а человеку не причинив ни малейшего вреда. Головешки посыпались на морду чудовища, на серую влажную кожу, покрытую редкими, но толстыми, как канаты, волосками. Несколько волосков занялось пламенем, по серой коже пробежала рябь. Как подъемные мосты крепостей, упали дряблые веки. Монстра сморил сон.

Король заморгал и с шумом выпустил воздух из легких.

Его окружал сумрак. За кисеей балдахина мерцали свечи, привычно благоухали цветы в изголовье, из коридора доносились неторопливые шаги гвардейцев, охраняющих покой его величества. Он лежал в холодном поту. Он ничего не понимал. Кроме одного: все это было неспроста.

* * *

Лютая жара осталась на горбах степных холмов и сыпучих серпах барханов. В первый день восхождения она текла следом за отрядом по широкому ущелью, по извилистому дорожке, которая то и дело игриво перебегала через узкий звонкий ручей. Вечером жара отскочила вспять, а поутру уже не вернулась.

Вдоль ручья росли высокая трава и кусты, хватало и деревьев. Заросли изобиловали дичью. Головному дозору Конан приказал бить кекликов и горных коз; почти каждая стрела охотников попадала в цель, и за день отряд вдоволь запаса свежей дичью для ужина. Вечером от костров растекался восхитительный аромат, вынуждал громко урчать крепкие солдатские желудки. Горные куропатки и козы кувыркались на вертелах, покрывались румяной корочкой, к их запаху примешивалось благоухание све-

испеченных лепешек из ячменя. Все наелись досыта, а ночью отменно выпались, и никто не подозревал, что еще долго те из них, кому посчастливилось остаться в живых, будут с тоской вспоминать этот вечер и эту ночь.

Горный кряж принадлежал Пандре. Сквозь голодную страну Сеула Выжиги отряд Конана прошел, как шило сквозь дерюгу — не встретив никакого противодействия. Узурпатор сдержал обещание, его царедворец Тахем показал Конану самый короткий и удобный путь. Теперь они пересекали пограничный кряж, за ним лежат горы, которые считают своими и афгулы, и вендийцы, и агадейцы. Но ни один из этих народов не удосужился поставить здесь хотя бы захудалый форт, ибо на самом деле эти безлюдные пустоши не нужны были никому. На перевалах даже разбойники повывелись еще в ту пору, когда Великий Путь Шелка и Нефрита резко изогнулся к югу.

Этим путем караваны Сеула Выжиги уходили в Вендию. Конан знал, что уже завтра его отряду предстоит встреча с афгулами — воинственными и коварными горцами, с которыми опасно враждовать, но еще опаснее дружить. Когда-то он сумел найти общий язык с этим народом, даже стал его вождем и водил в бой тысячи воинов; помнят ли его ветераны тех грозных набегов? Еще бы не помнили! Горцы тем и славятся, что не забывают ни плохого, ни хорошего.

До появления Сеула в Пандре афгулы редко забредали в эти горы, но теперь каждое лето две-три сотни воинов обязательно поднимаются на перевал вместе с семьями и терпеливо ждут, когда с севера пойдет бесконечная вереница груженных повозок. Когда им заплатят щедрую пошлину. И Сеул платит самозванным таможенникам, хоть и скрежещет зубами от злости. Платит, ибо это выгодней, чем держать на перевале войска. Одно дело — провести два раза в год караван через необитаемые горы, и совсем другое — захватить спорную территорию, не имея ни сил, ни желания развязывать войну с могущественными и агрессивными соседями. К тому же, пока Выжигу «пощипывают» афгулы, ни вендийцы, ни агадейцы не суются в это ущелье. Для них овчинка не стоит

выделки. Им и так хватает неприятностей с драчливыми горцами.

В кошельке на поясе Конана, среди золотых и серебряных «токтыгаев», лежала отлитая из бронзы фигурка парящего сокола — пропуск, полученный Сеулом от племенного вождя афгулов. Конан давно знал этот тотем, несколько десятков мужчин из племени парящего сокола служили когда-то в его армии, но с вождями и старейшинами ему не доводилось встречаться.

Племя обитало в труднодоступных горах, то и дело перекочевывало с одной караванной тропы на другую и сводило концы с концами только благодаря «пошлинам» с купцов. Пожалуй, по афгульским меркам оно было даже миролюбивым, ибо только предельная несговорчивость караванщиков вынуждала соколов хвататься за кривые сабли и кинжалы. Соколы далеко не первый век мыкались в этих бесплодных горах. Суровая природа не позволила им обзавестись стадами овец и коров по примеру соседних кланов, и они нашли замену в лице торговцев. Конечно, можно ободрать гостя, как липку, можно даже кровь ему пустить, но кто тогда приведет караван на следующий год? По Гимелианским горам бродили красивые легенды, как соколы делились с иноземцами последней заплесневелой лепешкой, как дрались с соседними кланами, защищая проезжих купцов. Здешний народ имел мало сходства с апийцами, тоже промышлявшими разбоем. Конечно, и афгул способен за ломаный грош выпустить кишки странствующему проповеднику, но на преступление его толкает вековая борьба за выживание, а вовсе не фанатичная преданность изуверским обычаям.

На рассвете когирцы залили водой кострища, оседлали коней и двинулись дальше. После полудня вернулся головной дозор. Конан узнал, что впереди, примерно в полете стрелы, дозор обнаружил еще одну теснину. Она тянется с северо-востока, по ее дну тоже течет ручей и змеится дорога. И на дороге видны следы множества копыт. Следы довольно свежие, очень похожие, что перед когирцами движется на юг большой отряд конницы.

Конан в сердцах сплюнул и помянул Крома. И спросил у Тахема:

— Куда ведет это ущелье?

Стигиец был мрачен, ему тоже совершенно не понравилось донесение разведчиков.

— В Агадею. По ней каждое лето проходят несколько кхитайских и вендийских караванов. Они торгуют в Дайсе, потом по перевалу Сам-Хтан идут в Когир, а оттуда — в Нехрем и далее. Когда-то здесь проходил Великий Путь Шелка и Нефрита.

— Эти купцы тоже платят афгулам?

— А то как же? Но дело того стоит. С Агадеей очень выгодно торговать, купленные там товары даже в Хаббе и Хоарезме можно продать втридорога, что уж говорить о Немедии и Аквилонии. Купцы и назад бы охотно шли этим же путем, если бы не осенние ураганы.

Конан повернулся к десятнику, командиру головного дозора.

— Чьи следы? Удалось разобрать?

Десятник ответил, что следы оставлены когирской тяжелой конницей, их ни с какими другими не спутаешь. Конан кивнул. Десятник прав, подумал он, подкова когирского боевого коня выглядит необычно, у нее пять шипов — три посередке, два по краям. Кроме когирцев, нехремцев и агадейцев никто в этих краях не оснащает армию шипастыми подковами, но у горногвардейской форма совсем другая. Откуда тут взялся еще один когирский отряд?

Вместе с Тахемом и десятником он проехал вперед, свернул в долину и вскоре спешился у бывшего лагеря. Он насчитал около тридцати кострищ, вчетверо больше, чем осталось на пути его отряда. Пришельцы с севера не ставили шатров, должно быть, спешили. Они тоже поохотились в дороге, оставив вокруг кострищ уйму обглоданных костей и птичьих перьев. А еще у них было вволю золотистого агадейского вина — бродя вдоль ручья, Конан нашел десятки расколотых тыквенных бутылей, от них исходил знакомый приятный запах.

Сколько дней назад заночевал тут загадочный отряд? Два, три? Угли давно остыли, зола осталась целехонька — по долине не гулял даже легчайший ветерок. «Не больше суток прошло», — сказал себе Конан без особой уверенности.

Он вернулся к отряду и приказал всем держаться настороже. Лучники и арбалетчики ехали с оружием на изготовку, шаря глазами по крутым склонам — не притаился ли где меткий вражеский стрелок. Остальные воины надели шлемы и опустили забрала, прикрылись щитами, наклонили вдоль земли длинные конья.

Ущелье впереди было достаточно широким для фронтальной атаки, а на склонах среди бесчисленных уступов и углублений смогла бы укрыться целая армия. «Если нас подстерегают три или четыре сотни регулярной конницы, — подумал Конан, — то вся надежда на головной дозор». Ему вдруг представилось, как из-за ближайшего поворота навстречу выплескивается ошетенная коньями лава, как его отряд в панике мчится назад, и вдруг из ущелья, где чернеют кострища, вылетает еще сотня другой кавалерии. Да, местечко в самый раз для засады. Если у тебя полтысячи всадников, которых не жаль положить костями ради горстки отчаянных когирских партизан. Ради Конана, киммерийского бродяги, который взялся за невыполнимую работу.

— Нападут — не отступать, — скомандовал он. — Пробиваться. Это не агадейцы, а ваши земляки. Похоже, что оборотни. Может, скоро узнаем, чего они стоят в бою.

— Оборотни тут ни при чем, — негромко произнес Тахем.

Конан вопросительно посмотрел на стигийца.

— Насекомые, — пояснил Тахем. — Я переловил мух-соглядатаев, а новых не прибыло. После оборотней на этой дороге остались бы сотни летающих шпионов.

— Кто же тогда? — мрачно спросил киммериец.

Тахем развел руками.

— Кто бы ни были, их намного больше, чем нас, и они на нашем пути. У нас нет другой дороги. Больше всего меня пугает, что они пришли из Агадеи.

— Мне это тоже не нравится, — проворчал Конан, — ну да ладно. Лишь бы не совались к нам, а уж сами-то мы на рожон не полезем.

Он вдруг резко натянул поводья, запрокинул голову и застыл. Глядя, как раздуваются его ноздри, Тахем тоже принюхался и ощутил сладковатый запах.

Над перекатами горного ручья витали ароматы трав, и к ним назойливо примешивался запах смерти.

* * *

Хагафи, военный вождь клана парящих соколов, нагнулся и откинул полог латанного-перелатанного матерчатого шатра.

— Входи, Конан. — Афгул указал на мерцающий проем входа. — Такому знаменитому гостю мы всегда рады. В наших краях даже грудные дети о тебе слышаны. Входи и ничего не бойся.

В шатре плясали синеватые огоньки над бронзовой жаровней, пахло кизяком, прогорклым жиром и овчиной. Тарк опустился на кошму, подобрал под себя ноги, взял из рук хозяина глиняную чашу с конским молоком. Хагафи уселся напротив, обнажил в широкой улыбке редкие и кривые, но еще вполне крепкие зубы.

— Мой родной сын Бараф ходил с тобой на туранцев, — сообщил Хагафи. Как бы он обрадовался, увидев тебя здесь! Увы, подлая мунганская стрела оборвала его молодую жизнь. Надо же! Ты в точности такой, каким тебя описывали мой сын и его друзья, сложившие головы за рекой Запорожкой. Они отправились на север за большой добычей, но ни один не вернулся в родные горы. В этом нет твоей вины, киммериец, — молодые всегда мечтают получить все сразу. Я говорил сыну: уж коли ты сокол, негоже летать в дальние страны. Для этого надо было родиться журавлем или гусем. Сокол — хищная птица, он и в родном краю найдет себе поживу.

Но Бараф не внял моим увещаниям, он сказал: «Вместе с Конаном я громил хваленую туранскую армию, и я теперь знаю, что переживает степной волк, когда грызет глотку быку. Ты прав, отец, сокол — хищная птица, но разве пристало хищнику щебетать перед толстопузыми купцами? Противно смотреть, как ты и старейшины мечете бисером, лишь бы на будущий год они опять провели по вашей дороге поганые телеги, лишь бы швырнули жалкую кость. Не затем даны соколу острый клюв и крепкие когти, чтобы ковыряться в купеческом дерьме». И сын ушел, а с ним еще двадцать пять молодых

мужчин. А потом их кони и дорогое оружие достались грязным казакам.

В голосе афгула звучала неподдельная печаль, но Тарку почему-то казалось, что Хагафи больше горюет по коням и оружию — имуществу всего племени — чем по кончине отпрыска. Крепкий меч и быstroногий скакун у горцев всегда ценились выше, чем родная кровь. Во многих афгульских семьях по десять-двенадцать детей, горцы плодятся как кролики и во множестве мрут от хворей и недоедания. Выжившего ждет удел воина; если он сложит голову в бою, никто не станет проливать слез. Юные должны почитать и слушаться старых; это не просто вековой уклад, а непреложный закон выживания. Кто хоть на шаг отступает от сего немудреного правила, прощается с жизнью. Молодой и дерзкий Бараф доказал это всему племени, и Хагафи, похоже, был ему благодарен и не держал зла на Конана.

— Долог ли был твой путь, киммериец? — поинтересовался Хагафи, с наслаждением прихлебывая кумыс. — И куда ты ведешь своих отважных всадников, благородных когирских рыцарей? Неужели замыслил покорить Вендию?

Тарк опустил на кошму пустую чашку. Взгляд афгула ощупывал каждую черточку его лица, каждую складку на одежде. — Хагафи решил на всю жизнь запомнить облик прославленного гостя. И впервые в жизни Тарку стало не по себе от мысли, что человека, сидящего перед ним, возможно, придется убить.

— Я приехал к тебе, мудрый Хагафи, — сказал он, глядя в смутное лицо вождя. — Ты несправедлив к своему сыну. Я превосходно помню Барафа. Будь у меня сейчас хотя бы десять тысяч таких смельчаков, я бы покорил не только Вендию, но и таинственный Кхитай. Но я не собираюсь ни с кем воевать. Я пришел с миром. Скажи, дошла ли до ваших гор весть о замысле императора Великой Агадеи?

Хагафи оторопело сдвинул брови и сощурился.

— Уж не Абакомо ли ты имеешь в виду?

— Его самого. — Тарк медленно кивнул.

Хагафи хлопнул себя по коленям и расхохотался.

— Великий император Агадеи! Курам на смех! От кого бы другого такое услышал, но от самого Конана! Вот ведь паршивец, а?! Маленький нахальный королек! Да если б не моя проклятая мягкосердечность, император Агадеи, как ты называешь этого щенка, давно бы остался без подданных. Они бы все протянули ноги с голодухи. Вот тут, — он поднял жилистый кулак, — я держу этот перевал. Я, вождь нищего кочевого племени! И хваленая горная гвардия, раструбившая на весь свет о своей непобедимости, не смеет и помыслить о том, чтобы вышибить нас их этих ущелий. Пусть только попробует! Я и драться-то не стану, просто отступлю на равнину и вырежу два-три каравана, и купцы навсегда забудут дорогу в «Великую Империю». То же самое случится, если этот сопливый интриган вздумает натравить на меня вендийцев или пандрцев.

Ха! По глазам вижу, ты удивлен. Не удивляйся, Конан. Хотя мы и живем в глуши, хоть агадейцы и считают афгулов неотесанными дикарями, мы знаем, что творится на белом свете. Не далее, как четыре дня назад тут прошла целая сотня отборных горногвардейцев. И что ты думаешь, они задирали носы? Кичились своей цивилизованностью и непобедимостью? Нет, Конан. Уплатили пошлину, как мшленькие, и удалились на цыпочках.

Тарк улыбнулся, изображая дружелюбие.

— Почтенный Хагафи, если тебе не угодно меня выслушать, я тоже готов удалиться на цыпочках. Хотя сей же момент. Его величество Абакомо прислал дары, и они при любом исходе нашего разговора останутся у тебя. Отменное вино, превосходное оружие, скакуны чистейших кровей. Вижу, тебе показалось странным, что я, знаменитый Конан, согласился служить молодому императору. Все дело в том, что он очень хорошо платит. Он богат и щедр. И ценит хорошую службу. У него к тебе выгодное предложение.

Хагафи открыл правый глаз, левый остался прищуренным.

— Выгодное, говоришь? Подумать только, зарвавшийся молокос решил купить старого вольного сокола... Кого другого я бы поднял на смех, но ты — Конан... Пока мы тут точим лясы, мои женщины готовят пир в твою

честь. Этой ночью у костра прозвучит песнь, сложенная афгулами. Песнь о прекрасной вендийской королевне и о разбойнике, который спас ее от черных колдунов Имша.

В полумраке насмешливо блеснули синие глаза.

— Я несказанно польщен, о мудрый Хагафи. С радостью принимаю твоё приглашение. Надеюсь, когда сладкоголосый акын утомится, мы с тобой все-таки потолкуем о деле за фиалом доброго агадейского вина, коего у тебя будет море разлитое, если только пожелаешь.

Хагафи надменно фыркнул, но язык — совершенно против воли хозяина — облизал тонкие губы.

* * *

— Во дают! — восхищался Ямба, истязая афгульский бубен. — Ай да горцы! Ай да оборванцы! А ты говорил, пить не умеют. — Он оглянулся на Роджа и сверкнул белками глаз.

Родж икнул, из длинных рук вывалился ситар с разорванными струнами. Тарк выругался, опустился рядом на корточки и стал безжалостно растирать ему уши. Бритунец вскрикнул от боли, попытался вырваться, — не тут-то было. Получив наконец свободу, он отполз от командира на четвереньках, повернулся к нему и выкрикнул несколько бессвязных ругательств.

Афгулы плясали вокруг костра. Плясали истоиво, переплетая руки, опустив головы и сопровождая каждый прыжок хоровым возгласом «Йох!» Скорее всего, предком этого танца был ритуал отпевания мертвых, но хоровод вполне годился и для дружеской пирушки. Он здорово заводил. Перед встречей с афгулами Тарк строго-настрого предостерег своих людей, чтобы не напивались, и теперь разозлился не на шутку — больше половины его отряда не вязало лык. Только сотня Нулана осталась целомудренно трезвой — и апийцы, и когирские новобранцы побаивались своего неулыбчивого командира.

От костра донесся хохот. Живое кольцо выронило сомлевшего плясуна и тут же сомкнулось вновь. Тарк ободрился: ага, вонючки, все-таки и вас пронимает! В нем тоже klokотало агадейское вино, хмель просился на волю, звал петь и прыгать вокруг огня. Как в детстве на ким-

мерийских тризнах. Афгулы веселились от души, их военный вождь ходил от костра к костру с тыквой-горлянкой в обнимку и бессвязно, нудно рассказывал легенду о парящем соколе, родоначальнике гордого и бесстрашного клана афгулов, во времена незапамятные свившем гнездо в этих суровых горах.

— Он кружил над седыми вершинами, — бубнил Хагафи, то и дело прерываясь, чтобы запрокинуть над кризовым ртом посудину, — и ветер (буль-буль)... жесткий ветер афгульских теснин оттачивал сабли его крыл. Копье его клюва всегда целилось вниз, а кинжалы когтей ждали (буль-буль)... своего часа. Он парил над черными склонами, и не было равных ему в умении... Не было равных ему в умении...

— Парить над черными склонами и вить гнезда на седых вершинах, — без тени насмешки в голосе подсказал Тарк, обняв вождя за худые жилистые плечи.

Хагафи недовольно высвободился и замотал головой.

— В умении выбирать жертву себе по силам! Чтобы бить наверняка, а потом приносить кровавое мясо горластым птенцам и верной соколихе! Но однажды (буль-буль)... вот в этом самом ущелье появился человек с луком и стрелами. И рек: о сокол, парящий в лазурной выси, я пришел к тебе с миром. Я принес кровавое мясо и (буль-буль)... выгодное предложение. — Хагафи захихикал. — О гордый крылатый хищник! Если не захочешь меня выслушать, я повернусь и уйду на цыпочках. Стань моим слугой, вольный сокол, и у тебя всегда будет вдоволь кровавого мяса. Тебе ничего не придется делать, лишь изредка взлетать и терзать птицу, на которую я укажу. А за это я никому не дам тебя в обиду. Ни коршуну с запада, ни ястребу с востока, ни орлу (буль-буль)... с севера, ни беркуту с юга. Соглашайся, пташечка, говорил охотник. Если откажешься, я тебя, конечно, принуждать не стану, но гляди, как бы шальная стрела вот из этого лука не прервала твой величавый полет. — Хагафи снова хихикнул и бросил пустую бутылку в костер. — И знаешь, что ответил парящий сокол? Угадай, Конан!

Тарк смотрел на афгульского вождя с улыбкой, но в глазах не было и тени добродушия.

— Что он, конечно, наотрез отказался бы, — осторожно произнес киммериец, — если бы в гнезде на седой вершине его не ждала верная соколиха с горластыми птенцами. Если бы эти горы изобиливали дичью, доступной его крепкому клюву и острым когтям. Если бы за свои дары щедрый охотник не требовал сущего пустяка...

— Хе-хе-хе! Ай да Конан! Ай да лис! — Афгул тряс головой и держался за живот. — Ну, так и быть, скажи, чего требует щедрый охотник за свои дары.

Тарк ответил, тщательно подбирая слова:

— Его величество император Агадеи предлагает зачислить весь твой клан в состав горной гвардии. Если согласишься, тебе будет присвоен чин тысяцкого и назначено денежное содержание. Твои люди, разумеется, тоже будут получать хорошее жалованье. Короче говоря, сытая жизнь и почетная служба по охране этих перевалов...

Афгул зашелся хохотом, аж присел. Внезапно он умолк и посмотрел на Тарка в упор, и киммериец внутренне содрогнулся — из глаз афгульского вождя начисто исчез хмель.

— А если я откажусь, — процедил он, — как поступит щедрый охотник?

Тарк набычился и пожал плечами. За спиной афгула зашевелился на земле в стелюку пьяный Родж.

— Я тебе скажу, как он поступит, — проговорил Хагафи, не дождавшись ответа. — Вскинет лук, чтобы продырявить гордому соколу зоб. А хочешь знать, киммериец, чем кончается наша легенда? А? Я скажу. Сокол ничего не ответил и не стал дожидаться, когда человек поднимет лук. Он сложил крылья и камнем упал на охотника. А потом преспокойно взлетел на седую вершину и принес верной соколихе глаз щедрого гостя.

Он умолк и надменно посмотрел на Тарка. Пошатываясь, от костра подошли пятеро рослых афгулов и встали рядом с вождем. Хагафи оглянулся за них и заухмылялся.

— Абакомо хоть и сопливый щенок, но смышлен не по годам. Знал, кого послать в наши горы. Конана из Киммерии, героя вольного Гулистана. Любого другого мы бы и слушать не стали. Выдрали бы ему глаза, засушили и подарили верным женам. Но ты — Конан. Мы тебя не обидим. Как можно? Мы же про тебя песни поем. Нет.

Давай-ка мы вот как поступим. Ты ложись спать, а утром езжай своей дорогой. В Агадею, в Пандру, в Вендию — куда захочешь. Пошлину заплати и езжай.

— Что? — прорычал киммериец. — Что за бред, клянусь Кромом?! Какую еще пошлину?

Рослые афгулы неторопливо взяли за сабли. Хагафи осклабился.

— Что значит — какую? Положенную. Дорогой нашей пользовались? Пользовались. А коли так, надо платить. Два серебряка с пешего, пять — с конного, золотой — с телеги. У тебя три сотни верховых, стало быть...

— Хагафи! — взревел Тарк. — Ты что, слурел? Мы ж тебе императорские дары привезли!

— Дары? — Хагафи хихикнул. — Так то дары, а пошлина — это, брат, совсем другое дело. Да ты и сам говоришь: дары императорские. Стало быть, не твои. Кабы тут Абакомо с вами был, я б его задаром отпустил. Надо заплатить, Конан, — добавил он увещающе. — Раз положено, значит, плати. О чем тут спорить?

Родичи Хагафи посмеивались, держась за рукояти сабель. Рядом с Тарком из надежных парней был только подвыпивший Ямба, он давно бросил дурацкий бубен и напряженно следил за разговором. Между Хагафи и костром Родж с мычанием поднялся на четвереньки.

— И верно, не о чем спорить. — Тарк порывисто отвязал от пояса кошелек и протянул вождю афгулов. — Держи, тут одно золото. Даже больше, чем ты просишь.

Хагафи недоверчиво посмотрел на кошелек, затем на Лжеконана. Тарк позвенел монетами. Афгул медленно протянул руку.

Тарк подпрыгнул и двинул его в грудь обеими ногами. Киммериец был раза в два тяжелее афгульского вождя и на голову выше; в удар он вложил все свои силы. Хагафи кувырком перелетел через Роджа и распластался поперек костра. Ночной стан огласился диким визгом.

Пятеро афгулов с ревом кинулись на Тарка и Ямбу. Один из них сразу напоролся на меч киммерийца, другой успел только махнуть саблей; Ямба налетел на него, словно черная пантера, и опрокинул навзничь. Проворная рука десятника нашарила на поясе стилет, афгул крикнул от боли, вытянулся под кушитом, посучил ногами и

испустил дух. Ямба не успел встать — на него обрушился кто-то тяжелый, мокрый, тошнотворно пахнущий... Обезглавленный труп! Ужом выползая из-под тяжеленного мертвеца, Ямба успел заметить, как танцоры возле соседнего костра падают замертво под градом стрел, как командир теснит двух дюжих противников, как люди Нулана расправляются с афгулами, которые мечутся среди огней и патров. Наконец кушит высвободился и, улучив момент, метнул окровавленный стилет в шею одного из противников Тарка. Четырехгранный клинок задел левое предплечье, афгул вскрикнул и схватился за рану, не выпуская сабли из руки, и в то же мгновение меч Тарка рассек ночной воздух, как рассекает темную воду пруда серебристая рыбина, и ужалил горца в живот. Следующий удар — наотмашь — раскроил череп.

Пятый афгульский воин теперь только отбивался. Все его товарищи полегли под мечами и стрелами, вождь заходил криком в костре. Парируя саблями яростные удары, он готовился принять смерть, как подобает мужчине. Он видел, что противник выдыхается, но из его собственных мышц силы уходили гораздо быстрее. Нескольких лучников держали его на прицеле, дожидаясь команды от синеглазого киммерийца.

— Конан! — Афгул не узнал собственного голоса. — Ты мерзавец. Но все-таки я горжусь, что умру от твоей руки.

Рослый длинноволосый воин расхохотался.

— Ты не умрешь, падаль, ты сдохнешь, — сказал он, выбив саблю из руки афгула. А чтобы ты не слишком гордился, знай, что я не Конан. Я Тарк, старый должник этого ублюдка, о котором вы сложили дурацкие песни. Но это моя маленькая тайна. И сейчас ты ее унесешь на серые равнины.

Отрубленная по плечо рука упала на вытоптанную траву, горец охнул и повалился ничком. Тарк всадил ему меч в спину, выпрямился, бешеным взором окинул утихающий лагерь. К нему со всех сторон приближались люди из его отряда, вытирали клинки на ходу. Хагафи визжал и катался на красных углях.

Родж снова поднялся на четвереньки, затем кое-как — во весь рост. Рыгнул. С пьяной ухмылкой посмотрел на

тысяцкого. Пнул умирающего в костре вождя парящих соколов и замаха́л руками, чтобы не упасть.

— Дерьмо! — Тарк слегка успокоился. — Сотник называется! Очухаешься — шкуру сдеру.

— Да брось, командир, все же обошлось, — заступился за друга Ямба. — Просто устали парни, вот и не рассчитали силенки. Даже Байрам в афгульском шатре задрых, чего ж ты от Роджа требуешь?

— Ай! — вскрикнул Родж и удивленно посмотрел на деревянный колышек с вороньими перьями на конце, выросший из его груди. — Это че?

— Лучники! — Тарк присел на корточки, завертел головой, высматривая в потемках вражеских стрелков. В пяти шагах от него плотный даисец крикнул от боли и выпустил булаву из пробитой руки.

— На склонах! — крикнул тысяцкий. — А ну, все от костров! Живо!

Повторять команду не пришлось. Его люди растворились во мраке, но невидимых лучников это не остановило. Они били в шевелящиеся тени. И на голоса.

— Нулан! — окликнул Тарк, и под ногами в землю впилась стрела. — Людей на склоны, быстро!

— Уже сделано, командир.

— Вот гады! — глухо произнес Родж у костра и вытянулся поперек Хагафи.

«А-а, Кром! — мысленно произнес Тарк. — Этак нас всех продырявят. Загостились, пора и честь знать».

Глава 3

Пока Конан и когирцы бродили по сожженному стану, осматривая мертвецов, царедворец Сеула Выджики неподвижно сидел на гнилой колоде, точно-точно нахохлившаяся ворона. Когда к нему направился Конан, Тахем даже не шелохнулся, лишь скосил на него прищуренный глаз.

— Одни афгулы, — безрадостно сообщил Конан. — Клан Парящего Сокола, дальняя родня моих приятелей, западных вазулов. Мужчин перебили в драке, с остальными разделались позже. Их слегка помучили, а потом продырявили копьями. Даже не ограбили. Спешили, видать.

Тахем сокрушенно покачал головой.

— Подумать только, когирские рыцари пытаются пленных, точно низменные апийцы... Не иначе, этот мир летит в пропасть. — Внезапно он вскинул голову и посмотрел Конану в лицо. — Убийцы никого из своих не оставили?

— Забрали с собой, если кто и погиб, — угрюмо ответил Конан.

— Прикажи своим людям посмотреть наверху. — Он указал на северо-восточный склон.

Конан окинул взглядом каменные выступы и осыпи вперемешку с лоскутами желтого дерна.

— Наверху? Зачем?

Стигиец с кряхтением поднялся, сделал несколько шагов к кострищу и указал на стрелу, торчащую из земли под тупым углом. По ее толщине и оперению Конан сразу определил, что стрела афгульская. Он пошарил взором по земле и обнаружил еще несколько стрел. Все они смотрели оперенными концами в одну сторону. На кромку северо-восточного обрыва.

Тахем поднял обломок стрелы с отпечатками окровавленных пальцев и холщовую тряпку в багровых пятнах.

— Когда наши друзья разделились с афгульскими мужчинами в стане, их обстреляли с горы. Похоже, кого-то заценило. Но когирцы не отступили, а значит, они отогнали или перебили стрелков. Надо послать несколько человек наверх, пусть глянут, нет ли там мертвецов.

Конан кивнул — стигиец говорил дело. Дюжина спешенных воинов с мечами наголо вскарабкалась на обрыв и исчезла за кромкой. Вскоре один из них появился вновь и замаха́л руками.

— Кого-то нашли, — заключил Конан и торопливо двинулся вверх по круче. Осыпая ущелье жалобными стонами и кряхтеньем, Тахем следовал за ним.

На плоском гребне лежали четыре афгула с короткими луками в руках; рядом валялись полупустые колчаны. Убийцы подобрались к ним с тыла, двоих закололи в спину, двоим разрубили черепа. Все четверо были совсем еще мальчишки, лет по тринадцать-пятнадцать.

Когирские воины стояли к ним спиной и глядели вниз, на дно неширокой, но глубокой балки на другом склоне горы. Там лежал еще один труп, дорогой наряд и бронь

зовые доспехи ничем не напоминали грязные лохмотья афгулов. Осторожно ступая на шаткие плитки известняка и сланца, Конан спустился к мертвецу, взял за окровавленную руку, перевернул на спину. Мутные глаза уставились в безоблачное небо, из ноздри выползла упитанная муха и с недовольным жужжанием отлетела в сторонку.

— Апиец, — прохрипел рядом Тахем, держась за впалую грудь — его замучила одышка.

В темноте апийский воин свалился в балку, и острый камень проломил ему череп на макушке. Наверное, он даже вскрикнуть не успел, и товарищам не удалось его найти.

— Но откуда здесь люди Каи-Хана? — недоумевал стигиец. — И почему у них когирские доспехи и кони?

Конан уже все понял. Он повернулся к старику и безрадостно улыбнулся краешком рта.

— Это бандиты Тарка, дезертира из моего бывшего отряда. В Нехреме он изрядно нашкодил под моим именем, а после нанялся к барону Ангдольфо и шатался по Когире с толпой подонков. Я надеялся, что взбучка под замком Парро слегка охладила его пыл.

— Кто-то убедил его взяться за старое, — задумчиво произнес стигиец. — И этот «кто-то» совершенно перестал стесняться в выборе средств. Тебя боятся, Конан. Полагаются натравить афгулов. Абакомо не сумел тебя купить и теперь хочет уничтожить.

Конан задумчиво смотрел вдаль, сцепив руки за спиной.

— Вот бы с ним потолковать, — произнес он чуть позже.

Старик фыркнул.

— И думать забудь! За своими горами Абакомо недосягаем. Видел бы ты, что он сделал с моим племянником! А ведь тот был не чета тебе — настоящий чародей, великий искусник! У самого Тот-Амона в фаворе...

Не слушая стигийца, Конан повернулся и стал спускаться в ущелье.

* * *

Афгульская конница перекрыла путь в самом узком месте. Над плоским травянистым дном ущелья высилась живая серая плотина, усеянная блестками стали и бронзы.

Горцы рядились в лохмотья и почти никогда не мылись, но очень заботились о доспехах и оружии. Ощупывая шеренги зорким взглядом, Конан различал тяжелые забарские кинжалы, длинные пики, кривые сабли, короткие луки. Выражения обветренных лиц не сулили ему ничего хорошего. Некоторых всадников Конан узнавал — вместе с ними он ходил в набеги на Пешкаури, а потом громил туранскую конницу Ездигерда. С ними он делил добычу, пищу и ночлег. А теперь они жаждут его крови.

— Тебе-то зачем ехать? — устало спросил он стигийца.

— У меня предчувствие, — глухо ответил Тахем. — Если не все выйдет, как задумано, моя помощь может пригодиться. А тебе нельзя вмешиваться ни в коем случае. Старайся не показываться афгулам на глаза. Тебя тут любая собака по одному запаху узнает.

Конан кивнул, поднял руки, повертел перед носом черными кистями. Брезгливо тряхнул головой, взметнув десятками тонких косичек.

— Ладно, будь что будет. — Сонго дал коню шпоры и поехал к афгульским шеренгам.

Сутулый стигиец на чалом мерине двинулся следом. Афгульские кони нетерпеливо гарцевали в строю, наездники перекликались низкими гортанными голосами. Их предводитель — мускулистый бородач средних лет с кривыми ногами и широким торсом — обжигал парламентаров взором голодного тигра.

Сонго остановил коня, салютовал афгульскому вождю мечом и, убрав его в ножны, представился:

— Я тысяцкий Тарк, командир конной стражи Даиса. По личному приказу ее величества Зивиллы, королевы Когира, преследую шайку дезертиров, чьи злодеяния неисчислимы. По нашим сведениям, преступники укрылись в этом ущелье. Невдалеке отсюда мы обнаружили предательски умерщвленный клан парящего сокола и поняли, что дезертиры и здесь продолжают бесчинствовать. Мы надеемся, что вы не станете препятствовать нам, а напротив, окажете содействие в поимке...

— Кто, — хрипло произнес афгул, — атаман шайки?

Сонго пробрала дрожь — столько злобы звучало в голосе афгульского вождя.

— Некто Конан, — ответил светловолосый когирец. — Он из киммерийцев. Бывший наемник.

Вождь афгулов скрипнул зубами и опустил голову. Не отрывая взгляда от луки своего седла, он процедил сквозь зубы:

— Выходит, это все-таки правда. Конан вернулся в Гимелианские горы, но он уже не тот смелый и благородный воин, которому мы могли доверять, как себе самим. Теперь на добро он отвечает подлостью, на дружбу и гостеприимство — предательским ударом в спину. — Вождь приподнял голову, взглянул исподлобья на Сонго и добавил: — Из клана парящего сокола не осталось в живых никого. Люди Конана собирались пощадить детей, но рассвирепели, когда их обстреляли с горы малолетние сыновья и племянники Хагафи. На рассвете бандиты привязали детей к ишакам и погнали по ущелью, а сами скакали следом и упражнялись в метании дротиков и стрельбе из луков по живым целям. Мы кочевали по равнине и днем наткнулись на Фагью, девочку из клана Хагафи, она была еще жива, хоть и получила четыре стрелы. Фагье достался самый пряткий осел, вынес ее на равнину, и там бандиты прекратили погоню. Я сразу собрал воинов и повел их в ущелье... Похоже, мы опоздали.

— Увы, — подтвердил Сонго. — Но вряд ли Конан мог уйти далеко. Мы рассчитываем на вашу помощь.

Вождь сокрушенно вздохнул.

— Там уже не наша земля. Там Вендия, провинция Саханта, а южнее, за кряжем Химачал, лежит плодородная долина Собутан. Время от времени мы спускаемся с гор и пасем овец на северной окраине Саханты, кшатрии из пограничных фортов смотрят на это сквозь пальцы, но зайти в глубь вендийской провинции они нам не позволяют. Да мы и сами не посмеем. С легкой руки Конана афгулы и вендийцы наладили здесь мир, и я не хочу его разрушить даже ради святого возмездия. Уж не обессудь, Тарк. Мы тебя не задерживаем, но и помочь не беремся. Поезжай и добудь своей королеве голову негодяя, а нам, если не жалко, отдай его правую руку, обогренную кровью несчастных соколят. Мы ее провезем по всем кочевьям и селеньям, и отныне в наших горах имя Конана будет

самым грязным ругательством. Езжайте дальше. Только сначала дай мне посмотреть вблизи на твоих людей, ладно? Я, конечно, верю, что ты тот, за кого себя выдаешь, но ведь не зря мудрецы говорят: доверяй, но проверяй. Или ты не согласен?

Вождь испытующе смотрел на Сонго, а у того мурашки бежали по спине. О воинах Гулистана и их ловкости в обращении с клинками по свету ходили легенды. Сабля вождя покоилась в ножнах, знаменитый забарский кинжал — за широким матерчатым поясом, а сам афгул — рыхлый, с землистой кожей лица и мешками под глазами — не походил на ловкого и искусного бойца. Но за последние недели Сонго крепко-накрепко усвоил: внешность бывает обманчива.

— О чем разговор, — ответил он самым что ни на есть беззаботным тоном. — Смотри, сколько душе уютно.

— Ну, так поехали. — Афгул приподнял нагайку и вдруг повернул голову к Тахему. — А ты побудь здесь.

— Я? — Стигиец растерянно заморгал. — Это еще зачем?

— Да просто так. — Афгул ухмыльнулся, но глаза остались суровыми. — Мне спокойнее будет.

Он легонько хлестнул коня, и тот неспешной рысью понес его к когирцам. Сонго поехал вслед, а испуганный заложник остался возле серых рядов.

В полуброске копыта от сверкающих когирских шеренг афгул дернул поводья. Сонго остановился рядом, поглядел на вождя и встревожился. В профиль афгул напоминал хищную птицу, высматривающую добычу с утеса; под горбатой переносицей раздувались ноздри. Сонго понял, что афгул разглядывает поочередно каждого воина, не упускает самой ничтожной детали внешности. Ищет кого-то по приметам, догадался когирский дворянин. Конана, кого же еще?

Он покрылся холодным потом, когда взор афгула, пройдя по всему строю конницы, вдруг резко перескочил обратно на Конана. Киммериец держался непринужденно — скалил зубы, балагурил о чем-то с соседями. Грязные косички подпрыгивали, когда он поворачивал голову, но при этом веки киммерийца оставались полуопущен-

ными. Афгул не мог, никак не мог заметить, что у этого когирского солдата зрачки необычного цвета.

Но вождь не сводил с Конана глаз, и тревога Сонго переросла в страх. Что-то не так! Он увидел, как ладонь афгула медленно двинулась к рукоятки кинжала.

— Все в порядке? — спросил он бесцветно.

— А? — Вождь резко повернул голову, и откровенная ненависть на его лице сменилась совершенно неискренним дружелюбием. — Да, Тарк, все в порядке. Кроме одного пустячка.

— Пустячка? — с натужным спокойствием переспросил Сонго. — Что ты имеешь в виду?

Дружелюбие вновь сменилось ненавистью.

— А то, что никто из вас, подлых убийц, не уйдет живым с этого перевала. И первым подохнешь ты!

Сонго вскинул руки, чтобы защититься от разящей стали, и вскрикнул от острой боли. Брызнула кровь. Афгул с проклятием отдернул кинжал, а Сонго — пробитую ладонь. Клинок снова взметнулся, чтобы вслед за хищным взглядом афгульского вождя вонзиться в незащищенное горло когирца. В такой ситуации Сонго, не успевшего выхватить меч или кинжал, могло спасти только одно — падение с коня. Он опрокинулся вбок, но противник — ловкий и опытный воин — вмиг разгадал его замысел и перевел прямой выпад в удар сверху вниз с поворотом кисти. Клинок нашел щель между наколенником и поножем, пронзил икру и царапнул о седло. Сонго снова закричал, а вождь афгулов оставил кинжал в ране, загикал, разворачивая коня, и во весь опор помчался к своим. Вдогонку метнулось несколько стрел, но ни одна даже не задела беглеца.

— Стоять! — взлетел над когирскими шеренгами рев Конана. — Не стрелять!

Конь вынес его из рядов и помчал вперед — не за афгулом, а к Сонго, со стоном упавшему на землю. Киммериец спешился и наклонился над раненым. Их окружило несколько воинов, один достал из седельной сумки и протянул чистые льняные лоскуты.

— В строй! — рявкнул Конан, озираясь. — В любой момент ударить могут. Проклятый афгул меня узнал.

* * *

Результаты исследований выглядели неутешительно. Как ни испытывали золотую клетку преподобные Кеф и Магрух, в ней не появилось даже малейшей брешки. Мелкоячеистая сеть только казалась золотой — на самом деле «материал», из которого она была «изготовлена», поражал своей эластичностью и прочностью.

Недоумение короля и жрецов усугублялось от того, что на самом деле клетки не существовало. Она появлялась ниоткуда, лишь когда он медитировал — покидал собственное тело и взмывал над землей. Клетка выполняла одну-единственную функцию: ограничивала свободу передвижения души, оставившей тело. Не только души короля, но и Кефа, и Магруха, и Ибн-Мухура, и всех остальных жрецов, спешно привлеченных к опытам. Любый жрец, худо-бедно умевший путешествовать вне тела, ни разу не смог подняться над куполом высотой сорок, а максимальным диаметром — двадцать пять локтей, и посмотреть, что (или кто) витает вовне. Где бы ни находился жрец-исследователь, стоило ему погрузиться в транс и просочиться сквозь собственное тело, как над ним возникал золотой колпак.

Абакомо рвал и метал. Он себе казался бабочкой, которую походя накрыл сачком досужий ловец насекомых, да так и оставил, отвлеченный другими делами.

Ко всему прочему сачок оказался с нором. И весьма не жаловал любопытных. Как только кто-нибудь из исследователей переступал некие границы дозволенного, колпак старался запугать его, а если не удавалось, наказывал физически.

Так, преподобный Магрух, возвратясь в тело после бесплодной попытки добратся до сути явления, обнаружил у себя на лбу здоровенную шишку, а во рту — зуб, болтающийся на одном корешке. Кеф, витая под куполом, вдруг с ужасом увидел собственное физическое тело — оно поднималось к нему с вытаращенными от боли глазами, разевая рот в немом крике; пальцы удлинялись, превращаясь в омерзительные щупальца, а из ноздрей выскальзывали черви и пиявки. Бывалый эрешит всякого насмотрелся за многие годы трансцендентальной практи-

ки, но от сего кошмарного зрелища он едва не тронулся умом. Собрав остатки мужества, Кеф нырнул обратно в тело через плешивую макушку и тотчас оказался на полу с вывихнутой стопой и ушибленным плечом.

Но хуже всех досталось Ибн-Мухуру. Терроризируя его, колпак проявил недоожинную изобретательность; казалось, упорство храброго ануннака только раззадоривает его. Даже у Абакомо дрожали энергетические копии поджилок, когда громадные летучие мыши-вампиры, одна другой ужаснее, так густо облепили Ибн-Мухура, что он даже пошевелиться не мог. Королю, преподобным наставникам и восьми их помощникам, жрецам из обоих храмов, с превеликим трудом удалось вырвать из мышинных когтей изнемогающую душу ануннака. По возвращении в тело он залпом выпил целый кувшин вина, а потом долго ругался, пересчитывая новые седые волосы в шевелюре и бороде.

— А может, его заклинаниями пощупать? — спросил Кеф, когда все остальные методы исследований не дали почти никаких плодов.

Император Великой Агадеи со злостью и страхом поглядел на дымящиеся останки медитативного манка — легкость, с какой несуществующему колпаку удалось разделиться с физическим объектом, наводила на грустные размышления. К заклинаниям ни Абакомо, ни его сподвижники пока не прибегали. Не осмеливались. Он кивнул, и преподобный Кеф, исполняя мрачной решимости, «произнес» нараспев:

— Лахунда хугуру ха. Ваставур нигилла механиди. Загамид ва, ва пуроста — экизибир.

— Это против злых чар, — объяснил он императору. — Древняя штучка. От многих напастей помогает.

На стенке колпака появился бледно-желтый нарост, смахивающий на гриб-дождевик. Он насмешливо популяризовал, затем, непристойно вихляя, потянулся к Кефу.

— Камалун грунада, сапихон нигилла механиди, — гнусаво «промолвил» Кеф. — А! — воскликнул он, когда «гриб» отпрянул. — Не нравится?!

«Гриб» раздулся и лопнул, обрызгав Кефа зеленой жижей.

— Очень смешно, — обиделся эрешит.

— Слушай! — воззвал Абакомо в отчаянии и гнев, запрокинув голову. — Кто ты такой, и какого демона тебе от меня надо?

В то же мгновение кругом воцарился мрак, а когда он слегка рассеялся, Абакомо увидел перед собой мертвеца, прикованного за руку к стене золотой клетки. Покойник в пыльном рубище висел неподвижно, уронив голову на грудь; подле его ног поблескивала вода в источнике.

— Ну-Ги! — ошеломленно «вскричал» Абакомо. — Так вот чьи это козни!

Отшельник приподнял голову — жуткий череп, обтянутый полупрозрачной, точно вощеный шелк, кожей. Со скрипом окаменелых суставов отпала нижняя челюсть. Темные провалы глазниц повернулись к Абакомо.

— Отвечай! — потребовал властелин Агадеи, Нехрема и Когира. — Что ты хочешь от меня, нежить?

— Грубишь почтенному старцу, — упрекнул отшельник «голосом» ярмарочного чревоушателя. — Досадная прореха в воспитании. Ее бы не было, если бы тринадцать лет назад ты испил из моего источника.

— Что? — Абакомо опешил. — Так значит, мне тогда не померещилось?

Хрустя шейными позвонками, мертвец поводил головой из стороны в сторону.

— Не всякий, кто пьет из моего источника, обретает мудрость и чистоту сердца. Только тот, кому я сам предлагаю. А таких людей не бывало среди тех, кто приходил в мою пещеру. Одного тебя вопреки обету я решил удостоить великой чести, отрок. Но ты отверг мою помощь, и вот плачевный итог: ты шествуешь навстречу бесславному краху, все твои чаяния и амбиции суть ошибки затянувшегося детства.

Сие высокомерное пророчество рассердило Абакомо не на шутку.

— Ты хочешь сказать, что я играю в бирюльки? Что мечта подарить всему миру счастье — ошибка затянувшегося детства? Что меня еще и прикончат за все мои старания?

Отшельник попытался встать и снова беспомощно повис, звякнув короткой цепью.

— Подарить миру счастье! Кхи-кхи-хи! Неразумное дитя, кого ты пытаешься обмануть? Отшельника Ну-Ги, признанного мудреца и мага, постигшего душу человеческую во всех ее проявлениях! Глупец, тебе не дано видеть дальше собственного носа! Иначе бы ты сошел с ума от страха, заглянув хотя бы на две недели вперед. Но еще не поздно прозреть, несмышлениш. Испей.

Старец дотянулся до ближайшего глиняного черепка, схватил дрожащими костлявыми пальцами, зачерпнул воды и протянул Абакомо. Тот фыркнул и отвернулся с брезгливой миной. Черепок развалился на куски, вода пролилась обратно в источник. Раздосадованный отшельник что-то невнятно проворчал, попытался взять другой черепок — не достал. Вдруг он расплылся в улыбке, воздел указательный палец и торжествуя «воскликнул»: «О!» После чего сжал кулак и изо всех сил ударил себя по лбу. Под куполом разлетелся грохот, голова отшельника покрылась паутиной трещин. Ну-Ги сунул пальцы в одну из них и оторвал добрую половину теменной кости. Окунул ее в воду и подал молодому императору.

— Испей. И тогда отпадет нужда в золотой клетке.

— Изыди, нечисть! — в ярости «закричал» Абакомо. — Сгинь! Оставь меня в покое, отродье Митры!

— Глупец! — Старик сокрушенно покачал обезображенной головой. — О, какой ты глупец! И как горька будет расплата за глупость!

Под куполом снова потемнело и снова разлился свет. Отшельник исчез, а вместе с ним и источник. Купол надменно сверкал иллюзорным золотом.

— О, милость Нергала! — «воскликнул» потрясенный Кеф. — Это и впрямь Ну-Ги. Точь-в-точь, как у себя в пещере.

— Вот и сидел бы там, трухлявый недоумок! — Абакомо скрежетал зубами от злости. — Чем соваться в чужие дела и каркать с того света! Допросится, что я прикажу замуровать его поганое логово!

Ибн-Мухур, наверное, впервые за всю свою жизнь видел повелителя в таком бешенстве. Куда девалось его хладнокровие и неизменный юмор? Абакомо напоминал медведя-шатуна, который свалился в ловчую яму и те-

перь, дожидаясь охотников с копьями, должен выслушивать праздные назидания старой полоумной вороны.

— Не спорю, ваше величество, его требования выглядят довольно странно, — рассудительно «произнес» ануннак, — но все-таки мы обязаны прислушаться и, если удастся, найти общий язык с Ну-Ги. На то имеются две причины. Во-первых, он святой, почитаемый нашим народом, а во-вторых, он гораздо сильнее нас. Кроме того, мне не показалось, что он желает вам зла. Совсем напротив...

— Напротив?! — вспыхнул Абакомо. — Он сует свой засушенный нос куда не просят! Он пророчит бесславный крах, когда наши дела идут лучше некуда! И он... он посадил меня в эту мерзкую клетку! Меня, короля... императора Агадеи! Жалкий слюнтяй! Неудачник, бездарь! Тряпка! Малодушный чистоплюй! Он бы мог завоевать власть над миром, все сокровища земли! А выбрал пещеру и собачью цепь! Скажи, ануннак, чего ему не хватило, чтобы довести удачно начатое дело до конца? Молчишь? Заурядного упорства, вот чего! А теперь эта мумия с окостеневшими мозгами завидует мне! Да, завидует! Потому что я иду ее путем, и мне хватит упорства дойти до цели!

Он отвернулся от Ибн-Мухура и несколько мгновений молчал — подавлял гнев. Затем перетек в физическое тело, встал с кресла и заявил с угрозой в голосе:

— Что-то мне слабо верится в его святость. Мы почитали Ну-Ги, пока он поступал соответственно им же самим выбранному прозвищу. То есть, пока он не возвращался. Но теперь он снова проявляет нездоровый интерес к миру живых. Как бы пожалеть не пришлось. Если он не уймется, я соберу всех жрецов Империи, и мы обратимся к самому Нергалу, чтобы рассудил нас. И тогда посмотрим, не слишком ли много старичок на себя берет.

Ибн-Мухур, успевший по примеру короля вернуться в свое огромное тело, внутренне содрогнулся. В Агадее, почитавшей грозное божество, давным-давно никто не решался обратиться к нему напрямую. Нергал славился крутым нравом. Если легенды не лгали, достаточно было сущего пустяка, чтобы прогневить его и вмиг очутиться

в непроглядном вечном мраке жуткого Кура. Видимо, странная выходка покойного отшельника задела монарха за живое.

— Будем надеяться, что к нему вернется здравомыслие, — успокоительно произнес ануннак. — Мы на пороге величайших перемен, ваше величество. Не хотелось бы отвлекаться на нелепые тяжбы с потусторонним созданием, для которого все наши хитроумные ловушки просто-напросто не существуют.

— Понимаю. — Абакомо недобро ухмыльнулся. — Советуешь поджечь хвост и не тявкать, когда меня макают носом в дерьмо. Мне не по душе такие советы, ануннак.

«О боги! — взмолился про себя Ибн-Мухур. — Да что сегодня за день такой? Все кругом точно белены объелись!»

— Ну что вы, ваше величество. — Он смиренно потупился. — Я этого и в мыслях не имел.

— А коли в мыслях не имел, — сверкнул глазами Абакомо, — так нечего и языком молотить.

Он повернулся и вышел из зала, оставив незаслуженно оскорбленного царедворца в обществе измученных жрецов.

* * *

Тахем взвизгнул и присел, закрывая голову руками. Короткая плеть обожгла предплечья и левую щеку.

— Вонючий пес, недостойный даже своих блох!

Стигиец упал и скорчился. Опять взметнулась нагайка, свистнула, рассекая воздух, и Тахем закричал от невыносимой боли.

— Ничтожный катых из-под хвоста околевшей овцы! Не надейся, что я запорю тебя насмерть. Мы для тебя припасли другую смерть. Не такую легкую и приятную!

Вождь афгулов выпрямился и опустил нагайку. Тахем осмелился приподнять локоть и посмотреть на него одним глазом.

— Чем же я прогневил тебя, храбрый вождь!

— Ха? Ты еще спрашиваешь, ядовитое насекомое? Ты думаешь, перед тобой круглый дурак? Да Махмуд насквозь видит твои гнилые потроха! Ему не удалось продырявить глотку тому лицемерному щенку, но уж тебя-то он ни за

что не отпустит живым. И твоих дружков-бандитов! Если кто-нибудь из них попадет в плен и захочет легкой смерти, ему придется жрать твой растерзанный труп!

— О милосердные небеса! — застонал стигиец в притворном страхе. — Почему ты решил, что мои друзья — разбойники?

— Потому, — афгул снова наклонился к нему и хищно оскалил зубы, — что в твоём отряде я заметил одного здорового негра.

«Проклятье! — выругался про себя Тахем. — Ну, конечно! Где это видано, чтобы у черномазого купита — голубые глаза?»

— Да, у нас есть один наёмник из далекой южной страны. И что с того? Королева щедро платит опытным воинам. Я, между прочим, стигиец, а тоже служу ей верой и...

— Ха! Тьфу на тебя, изворотливая змея! Я почти полвека кочую в этих горах, а чернокожего воина вижу впервые. Купцов встречал, а наемных солдат — ни разу. Куш отсюда очень далеко, и дорога от него к нашим перевалам ой как трудна и опасна.

— Все это истинная правда, о мудрый вождь, но...

— Молчать, кизяк! Не гневи меня лестью, пожалуйста! — Вспыльчивый афгул умел мгновенно успокаиваться. Его голод внезапно перерастал в крик и столь же внезапно падал до зловещего шепота.

— Прежде чем умереть на моих руках, — процедил он сквозь зубы, — несчастная малютка Фагья рассказала, что ее насиловал и мучил огромный веселый воин с черной кожей и тонкими косичками. Не слишком ли много шастает по нашим горам черномазых шутников с бабьими косичками, а, старик?

«О Сет! — Теперь Тахем испугался по-настоящему. — Я погиб!»

— Но человека, похожего на Конана, я не увидел, — сказал Махмуд. — Где вы его прячете?

— Ты ошибаешься, Махмуд, — проникновенно заговорил стигиец. — Конан — преступник, нам приказано положить конец его разбою и привезти его в Даис живым или мертвым. Мы шли по следу его шайки, пока не

встретили вас. Если вы не уступите дорогу, мои товарищи пойдут на прорыв. Они лягут костями, но не отступят. Ты же знаешь когирских рыцарей. Твое племя почему зря потеряет уйму людей.

Махмуд заморгал под неотрывным взглядом смуглого пленника. В голосе Тахема появился чарующий тембр.

— В моих словах нет лжи. Кушитский воин, которого ты видел, вполне порядочный человек, я никогда не поверю, что он способен надругаться над ребенком. Если и есть в шайке Конана чернокожий бандит, то это чистой воды совпадение.

Вождь афгулов пошатнулся и поднес к глазам руку с нагайкой. И тотчас опустил.

— Зачем нам сражаться, кто от этого выиграет? Только Конан. Для него наша гибель будет настоящим подарком. Давай разойдемся мирно, Махмуд. Погляди, как прекрасна эта земля, как прозрачен звонкоголосый ручей. Зачем обгаживать его нашей кровью? Давай сядем на коней, поедem к моим друзьям и скажем, что случилось недоразумение, никто никому не желает зла. Поехали, Махмуд, время не ждет. — Стигиец медленно поднялся и бочком двинулся к своему коню, не сводя глаз с Махмуда. Под беспокойный гул голосов Махмуд приблизился к своему жеребцу, спокойно уселся в седло и взялся за поводья.

— Ждите здесь, — хрипло приказал он своим родичам. — Случилось недоразумение, но теперь все в порядке. Эти люди не виноваты.

Стигиец одобрительно кивал. Ничего не понимающие воины переглядывались и ворчали.

Два коня тронулись рысью. Тахем преодолевал искушение гикнуть и пустить лошадь в карьер. Махмуд смотрел в пустоту, казалось, он начисто утратил память, а вместе с ней привычку наездника чуть привставать на стременах, чтобы не слишком трясло; его обвислые щеки смешно подсакивали.

— Вот видишь, Махмуд, — заговаривал его Тахем, как вендийский факир королевскую кобру, — все хорошо, что хорошо кончается. Мало ли на свете черных верзил с нелепыми косичками, стоит ли из-за них выпускать друг другу кишки? Конечно, не стоит. Лучше

догнать Конана и отомстить за Хагафи, за парящих соколов. Ты не заметил, как Конан проскочил на равнину, вот и принял нас за его банду. Но ты же сам видел: среди нас нет киммерийского разбойника. Он уже в Вендии, и мы знаем, куда он идет, и обязательно его догоним. И тогда он заплатит за все. Ты хочешь его правую руку? Получишь непременно. А нашей королеве мы привезем голову, чтобы украсить стену славного Даиса, где не любят предателей и коварных убийц.

— Тахем! — крикнул ему из когирских шеренг чернокожий воин. — Осторожно! Он чуть не прирезал Сонго.

— Он наш друг! — закричал в ответ стигиец с торжествующей ухмылкой. — Он пропустит нас на равнину. А у Сонго он хочет попросить прощения. Правда, Махмуд? Ты ведь не хотел обидеть Сонго?

— Сонго? — оторопело переспросил Махмуд. — Я хотел резать Тарка.

— Сонго — это его прозвище, — соврал, не моргнув глазом, Стигиец. — Так звали любимого мастафа нашей королевы. Когда она назначила Тарка стражем ее покоев, песик от расстройства отдал Митре душу. Зивилла очень горевала и по забывчивости все звала мастафа: «Сонго! Сонго! Где же ты, дурашка?», а наш будущий командир всякий раз бежал ее утешить. Вот дворцовая стража и прозвала его Сонго, а потом кличка перекочевала за ним в гвардию.

— Понятно, — глухо сказал Махмуд. — Я прошу прощения у Сонго. Я не хотел резать королевского мастафа.

— Тарка, — поправил Тахем, улыбаясь до ушей. — Ты не хотел резать Тарка.

— Да, Тарка, — уступил афгул. Он тупо посмотрел на когирских воинов. — Вы нам не враги. Можете пройти на равнину. Принесите нам руку Конана.

— Вот и поладили. — Тахем ухватил его кисть, энергично пожал. — Надеюсь, ты нам не откажешь в последней пустяковой услуге.

— В какой услуге? — осведомился Махмуд голосом ожившего мертвеца.

— Проводить нас до равнины. Приятная конная прогулка. К сумеркам вернуться в стан.

Казалось, эта просьба ввергла афгула в глубокую задумчивость. Когда Тахем потерял его за рукав, он вздрогнул и поднял голову.

— А?

— Ну, так как насчет прогулки?

— А-а! Да, конечно. О чем разговор.

Грязные, оборванные всадники расступились перед когирским отрядом и не стали преследовать, лишь проводили угрюмыми взорами. Во главе кавалькады ехал Махмуд, двое молодых воинов держались рядом, готовые при малейшем признаке опасности схватить его и приставить кинжалы к горлу. Конан и Тахем держались в середине отряда. Узнав, что Махмуд принял его за бандита по кличке Евнух, Конан цветисто выругался, а потом расхохотался и сказал:

— Надо же, чуть не погибли из-за этого бабника! Ну, кто бы мог подумать? Кром! Ты прав, старче: все хорошо, что хорошо кончается. Но скажи, как тебе удалось уломать этого афгульского демона?

Стигиец горделиво улыбнулся.

— Ну, я, конечно, не Лун, но тоже знаю кое-какие фокусы.

— Уж эти мне проклятые колдуны! — беззлобно выругался Конан. — Учти, старик, со мной такие штучки не проходят. Не веришь — спроси у твоего земляка, покойного чародея Хемсы.

— Так это ты убил Хемсу? — невинным тоном поинтересовался Тахем и сказал, не дождавшись ответа: — А мне говорили, отступника покарали его учителя, аколиты Имша.

— Твоя правда, — буркнул киммериец. — А тебе не говорили, кто потом разделался с аколитами и самим властелином Имша?

Тахем промолчал. Его веселье улетучилось, он снова уподобился нахотенной вороне. Впереди обрывались крутые склоны. За ними стелилась равнина вендийской провинции Саханта.

Глава 4

В маленьком форте Якафья-Гход, стерегущем переправу через полноводную реку Якафья, тревожно запели медные фанфары. Солдаты охапками выносили из казарм сбрую, доспехи и оружие, другие выводили из конюшен лошадей. Благородный Раджай, командир гарнизона крепости, младший брат губернатора провинции Саханта, согнал со своего широкого ложа распаленную его ласками юную туранку и дернул за шнурок колокольчика. Бесшумно растворилась высокая двустворчатая дверь, вошел слуга в фиолетовом парчовом халате (сплошь бисер и золотые фестоны) и малиновом тюрбане с павлиньим пером.

— Мой походный мундир, — кратко распорядился вендийский военачальник. — А потом — ординарца с докладом.

От привычного мундира попахивало дымком костра и конским потом. Юная одалиска помогла Раджаю опоясаться широким синим камербандом, а когда он надевал потертую кожаную перевязь с испытанной в боях саблей, снова отворилась дверь, пропуская в спальню озабоченного ординарца.

— Дурные новости, ваша доблесть, — сообщил он, приветствуя командира глубоким поклоном.

Небрежным взмахом руки Раджай выпроводил туранку из покоев. Девушка обиженно выпятила губки и не удержалась от соблазна негромко хлопнуть на прощанье дверью.

— Дурные новости? — переспросил Раджай с полуулыбкой. — Я рад любым новостям, лишь бы отдохнуть от притязаний этой ненасытной милашки. — Он поднял со стола сверкающий островерхий шлем с плюмажем и чеканным фамильным гербом, водрузил на голову и огорченно вздохнул — за недели, проведенные в неге и праздности гарнизонной жизни, он успел отвыкнуть от тяжести доспехов. А значит, в первые дни похода он будет изрядно уставать. — Ну, излагай, солдат. Начни с самой неприятной.

— Слушаюсь, ваша доблесть. — Ординарец щелкнул шпорами на сафьяновых сапогах. — Самая неприятная

новость такова: сотня агадейцев, пропущенная нами по приказу губернатора, добралась до провинции Собутан...

— Так они же туда и направлялись. — Раджай удивился. — Что же в этом неприятного?

— Мы получили почтового голубя от губернатора Собутана. Сейчас там полыхает война, агадейцы штурмом взяли дворец Сеула и сокровищницу, перебив несметное множество пандрских солдат. Губернатор счел необходимым вмешаться, и теперь его войска, коих в провинции оставалось немного после того, как ее уступили царю Сеулу, несут серьезные потери. Пришельцы не трогают мирных жителей, но любое сопротивление подавляют беспощадно.

Раджай внутренне усмехнулся. Он не услышал ничего неожиданного, но ординарцу знать об этом не полагалось. За беспрепятственный проход в Собутан агадейцы уплатили губернатору Самантхи громадную мзду, кое-что из этих денег перепало и Раджаю. Ведь это через его участок границы прошла сотня горногвардейцев, в его форте она пополнила запасы продовольствия и фуража. И в своем поступке Раджай не видел ничего постыдного. Какая ему разница, из-за чего Абакомо повздорил с Сеулом Выжигой? Если они не нашли лучшего места, чтобы квасить друг дружке носы, — исполать. Лишь бы деньги платили.

К Сеулу Выжиге, ободравшему, как липку, своих подданных, Раджай не питал ни малейших симпатий. И ему совсем не нравилось, что король Вендии отдал в аренду на сто лет целую провинцию вместе с лесами, полями и законопослушным населением. И ведь кому отдал? Пандрскому мироеду! Сеул понастроил там дворцов, и теперь даже грудному младенцу ясно, что через век потомки Выжиги не захотят уйти подобра-поздорову из живописной и плодородной долины. Хуже того, за столетие сеуловы родичи расплзутся по всей Вендии, что твои тараканы, заберутся на лучшие государственные посты, чтобы интриговать и хапать, — подлая кровь узурпатора обязательно проявится в любом поколении.

Непонятно только одно: за каким демоном губернатор Собутана полез на агадейский рожон? Тут одно из двух: либо его подвела неусыпная честность, либо непомерная алчность. Скорее всего, второе — Раджай мало-мальски

знал этого человека. Видимо, щедрая взятка Бен-Саифа только распалила его аппетит, и он перегнул палку.

Раджай наспех подсчитал в уме: до продажи Собутана у губернатора были отряды личной и полевой стражи, тысячи три благородных кшатриев и не меньше десяти тысяч пеших копейщиков из простонародья (в северных приграничных землях законы каст не столь суровы, как на юге, и людям низших сословий, кроме париев, не возбраняется служить в пеших войсках). По настоянию Сеула, не желавшего кормить столько солдатских ртов, пехота была распущена, но кшатрии, конечно, остались в строю — кто ж распустит военную касту? И теперь эти три тысячи всадников, с материнским молоком впитавшие военную науку, не могут одолеть жалкую сотню агадейских горногвардейцев... Слухи о непобедимости таинственных воинов Междугория все множатся, и выходит, они отнюдь не беспочвенны, если крошечному отряду гвардейцев Абакомо удалось разгромить многочисленную охрану сеуловых владений и даже надрать задницу вендийской регулярной армии.

А ведь неспроста Бен-Саиф так задирист... Ой, неспроста! Уж не разведка ли это боем, помимо всего прочего? У Раджия мороз пошел по коже, едва он представил пять-шесть тысяч непобедимых горногвардейцев перед фронтом вендийской армии, огромной и бесстрашной, но, увы, сражающейся традиционным оружием, безо всякой магии. Грозные вести прилетают из-за восточных краев Химелии. Неужели и правда близок конец света, непророченный древними оракулами? Неужели грядет царствие Нергала, свирепого и коварного божества, таящегося в подземном царстве в ожидании своего часа?

— Что еще? — Отогнав несвоевременные раздумья, Раджай взглянул на ординарца.

— Еще? Вооруженное вторжение на нашу территорию, ваша доблесть.

— Что-о?! Ах ты!.. — возмутился командир гарнизона. — Каналья! Что ж ты сразу не доложил?

— Счел это известие второстепенным, ваша доблесть. Отряд нарушителей границы невелик, от силы три сотни всадников. Они прошли через наш перевал на северо-востоке, который афгульские кочевники считают своим.

— Афгульские конокрады? На равнине? С чего это вдруг они так осмелели?

— Когирцы, ваша доблесть.

— Когирцы? О, все демоны преисподней! Этого нам только не хватало! Надеюсь, не регулярные войска?

Ординарец развел руками.

— Не могу сказать наверняка, ваша доблесть. Судя по экипировке, это войска когирского губернатора, но ведут они себя, как самые настоящие бандиты с большой дороги. За один день успели разграбить и сжечь две наши деревни, перебили много ни в чем не повинных жителей. Пытают, насилуют, казнят, — такое впечатление, ваша доблесть, что не нажиться они хотят, а как можно сильнее напакостить. Их атамана зовут Конан...

— Конан? — взревел Раджай. — Вожак афгульских банд? Опять он здесь?

— По донесениям пограничной стражи, — сказал ординарец, — в пути у Конана была стычка с шайкой вашего старого знакомого, военного вождя Хагафи. Похоже, никто из парящих соколов не ушел живым.

— И поделом мерзавцам! — Раджай искренне обрадовался. — Я бы и сам давно передал этих захребетников, если бы афгульские кланы не вставали горой друг за дружку, когда у иноземцев возникают к ним справедливые претензии. У меня маловато войск, не с руки вязываться в кровопролитную войну с горцами. Ладно, раз уж Конан разделался с Хагафи, я ему прощаю половину грехов. А за вторую половину, конечно, я его распну в лучшем виде. Сначала прикончу, а уж потом сообщу в столицу, чтобы у друзей Конана не возникло искушения выгородить негодяя.

«Да, — подумал он, — Жазмина, наверное, помилует бродягу-варвара в память о прежних заслугах. Темной ночью его выпустят из тюрьмы, посадят на коня, проведут до границы и накажут исчезнуть и никогда не возвращаться. И закоренелый преступник, нагло бросивший мне, Раджаю, вызов, уйдет от заслуженного возмездия. Может, я и не прав, — сказал он себе, — может, я переоцениваю женское милосердие. Но и в этом случае не моя рука покарает злодея. Нет. В соседних провинциях и столице никто ничего не узнает. До них будут доходить

самые дикие слухи, подчас на грани абсурда, а мои гонцы будут их опровергать. С Конаном я разберусь сам».

— Это ты поднял гарнизон по тревоге? — хмуро спросил Раджай ординарца.

— Да, ваша доблесть. — Солдат потушился, ожидая разноса за своеволие.

— Молодец, правильно сделал. Со мной пойдут полторы тысячи кшатриев. Одвуконь, запасы съестного — на неделю. Иди, прикажи им построиться у крепостных ворот в походную колонну.

Ординарец скрылся за дверью. Раджай подошел к высокому бронзовому зеркалу. Цвет лица, конечно, не ахти после всеобщих любовных упражнений с пылкой туранкой, да и выправка знавала лучшие времена, ну, да не беда. Три-четыре дня в походе, одна-две стычки с супостатами, и даже писанные красавцы из его гарнизона будут выглядеть ничуть не лучше. Он ухмыльнулся.

Под окном сустились кшатрии, многие торопились с глиняными плошками к двум полевым кухням — громадным медным котлам на стальных колесах. Кухни придется оставить в крепости, для погони за конными шайками они совершенно не годятся. Ничего, подумал Раджай, глядя на своих солдат. Как-нибудь проживут неделю без плова с изюмом и пряностями.

Он подошел к столу, где стояла наготове тушечница и лежала стопка квадратиков, нарезанных из папируса. Только один человек из приближенных его величества узнает не по слухам, а из донесения от коменданта пограничного форта, что Конан снова в Вендии. Старший брат Раджая, губернатор провинции Саханта.

* * *

Хмурый взгляд Конана скользнул вдоль деревенской улицы. Хлипкие лачуги из тростника и глины смотрели на него сумрачными проемами дверей и окон. Над крышами не вилось ни дымка, из хлебов не доносилось ни звука, — а ведь он, повидавший немало вендийских селений, не мог их вообразить без неумолчной разногласицы домашней скотины.

Такую же картину его отряд увидел в двух предыдущих деревнях, с той лишь разницей, что там на улицах, во дворах и домах лежали трупы жителей. Во множестве. В обеих деревнях Конан без труда узнал «почерк» Тарка. Шайка нападала с первыми лучами рассвета, заблаговременно выставляя оцепление вдоль околицы, чтобы никто из селян не ушел. И если мужчин, старух и детей убивали где попало, то девушек и молодых женщин сначала собирали на деревенской площади и устраивали оргию.

Среди крестьян находились смельчаки, бросались на бандитов с кетменями и вилами. С ними жестоко расправлялись, но зато на кровавом пути Тарка оставались трупы его людей. Когирцы Конана уже обнаружили восемь брошенных бандитов; ни у кого даже мысли не возникло предать их разлагающиеся тела земле.

— Они ушли, — сказал киммерец Юйсары, подразумевая крестьян.

Девушка из нехремской степи ивнула.

— И Тарк тут не появлялся.

— Не появлялся? — Она недоверчиво посмотрела на него. — Почему ты знаешь?

— Нет следов. — Он указал глазами на пыльную дорогу. — Ни одной шипастой подковы.

— Куда же они запропастились? — встревожилась дочь пастуха.

— Повернули на запад. Решили обойти эту деревню. Узнали, наверное, что отсюда все бежали.

Девушка недоверчиво смотрела ему в лицо.

— А с чего ты взял, что они повернули на запад?

Конану это казалось настолько очевидным, что он даже слегка рассердился.

— Помнишь, — он указал большим пальцем назад, — мы проезжали через широкую каменную осыпь? Там довольно пологий склон, можно привести коней на поводу до самого гребня. За осыпью на дороге следов Тарка не было. Я думал, ты заметила.

Девушка покраснела и холодно спросила:

— Значит, возвращаемся?

— Зачем?

— Как зачем? Чтобы поймать Тарка.

Конан снисходительно улыбнулся.

— Юйсары, сердце мое! У нас в отряде меньше сотни бойцов. А у Тарка все триста. Ему легче нас поймать, чем нам его. Это во-первых. А во-вторых, разве мы по его душу сюда пришли? Я, конечно, не спорю, Тарк и его свора — мерзавцы, каких поискать, и давно заслужили веревку. Но для нас сейчас гораздо важнее добраться до Собутана и...

— Конан! — воскликнула смуглая девушка. — Да ты что? Или ты не видел своими глазами, что они творят в здешних деревнях? Неужели ты с легким сердцем позволишь этому головорезу истязать ни в чем не повинных людей?

Конан нахмурился. Взбаламошная девчонка! Не понимает простейших вещей.

— Юйсары, мне жаль бедных крестьян, — сказал он твердо, — но у меня есть дело поважнее, чем игра в салочки с бандой дезертиров. Разве ты забыла, что на кону судьба Когира и твоей родины, Нехрема? Сеул поставил четкое условие. Если мы ему поможем, он поможет нам. И это перевесит чашу весов в нашу пользу. По крайней мере, есть шанс. Нам сейчас нельзя гоняться за двумя зайцами. Надо сделать то, что важнее. Между прочим, мы с тобой не в пустыне, где только змеи да тарантулы. Это, — повел он рукой вокруг, — Вендия, богатая и густонаселенная страна. Здесь водятся кшатрии, зверушки, которых лучше не задирать. Рано или поздно Тарк попадется к ним в лапы...

— Нет. — Дочь пастуха решительно помотала головой. — Не попадется. Я с ним разделаюсь раньше.

Она дернула повод вправо и вонзила пятки в конские бока. От неожиданности скакун запрокинул храп и жалобно заржал, но тотчас оправился от испуга, развернулся и понес наездницу к околице.

— Юйсары! — растерянно крикнул Конан. — Куда? А, Кром! Стой, дура!

Девушка припала к пепельно-серой гриве и пустила коня в карьер. Над ухабистой дорогой вздыбилась пыль.

Рослый всадник не бросился за ней вдогон, зато он долго сыпал проклятиями на глазах у изумленных воинов. Никто не решился приблизиться к нему и спросить, в

чем дело. Наконец он обвел мутным от бешенства взглядом своих людей и указал плетью на юг.

— Строиться!

* * *

Едва перевалив через низкий гребень, Юйсары поняла, что Тарк повернул на запад не случайно. Вдоль гряды невысоких холмов вилась глубокая тропа, усеянная козым и овечьим пометом. Тропа наверняка вела к селенью, наверное, разбойники надеялись застигнуть ее жителей врасплох.

Серый в яблоках нехремский скакун нес Юйсары неторопливой рысью, и она его не погоняла, — как знать, может, еще придется уходить от погони. Впереди появилась темно-зеленая полоска — лес. Вскоре она уже могла различить отдельные пирамидальные тополя, кипарисы и пальмы с широкими и вислыми, как слоновьи уши, листьями. В тених перелеска ютились хижины, колыхались папоротники и лопухи на берегах неширокой реки.

В деревне были бандиты. Несколько человек. Остановив коня в перелеске, Юйсары увидела вдалеке, на вершине холма, большой отряд. Он уходил на юго-запад, и девушку вдруг осенило, что бандиты так и будут забирать южнее, пока снова не окажутся на пути у Конана. А их товарищи, задержавшиеся в деревне, догонят их, когда закончат свое черное дело.

С тесных улочек и дворов долетали ужасные женские крики — там убивали. Всем заправлял рослый хохочущий негр, он носился по деревне в чем мать родила, сверкал белыми зубами и размахивал окровавленным ножом, а его приятели, десятка два отъявленных негодяев в когмирских доспехах, по двое и по трое насиловали женщин. На глазах у Юйсары кушит перескочил через поваленный тын, растолкал группу насильников и оседлал вопящую благим матом криками жертву; в следующий миг его лоснящийся зад отвратительно задержался. Очень скоро он выгнул спину, запрокинул голову и зарычал от наслаждения, а потом вскинул руку и медленно всадил вендианке нож под левую грудь. Столь эгоистичная выходка не могла не возмутить приятелей кушита, его

осыпали проклятиями, а один верзила с руками, что кузнечные молоты, даже отвесил нагледу увесистую оплеуху. Но кушит только расхохотался, вскочил и убежал на другой двор, где под остервенелыми толчками насильника билась на земле другая несчастная крестьянка.

Когирский арбалет уперся в сырой дерн, со скрипом поднялся рычаг. Поперек черного серпа, таящего грозную силу, легла короткая стальная стрела. Накинув поводья на куст акации, Юйсары бесшумно двинулась к околице крошечной деревни.

Смерть настигла Юмбу, когда он выскочил на порог убогой халупы с горшком вареного риса. Его разобрал голод. Тарк не позволил шайке задержаться в деревне, он спешил, хотел опередить Конана. Только Юмбе, скрепя сердце, он разрешил приотстать с десятком бандитов, но при условии, что к вечеру они нагонят отряд. А перед отъездом упрекнул старого товарища по оружию: «Совсем окренился, бабник сучий! На тебя уже все парни косо смотрят. Учти, будешь дурить, свои же прирежут». — «Да нешто я виноват, командир? — заголосил кушит. — Это все они, вендианки-искусницы! Их же с малолетства приучают мужиков ублажать, религия такая! А мы с тобой, как дураки, день-деньской яйца в седлах высиживаем. Не знаю, командир, как у тебя, а у меня точно скоро цыплята черные повылупятся».

Кушит занес над разинутым ртом пригоршню риса, но ни одна разваренная крупица, одобренная хлопковым маслом, красным перцем и солью, не успела свалиться ему на язык. Наконечник арбалетной стрелы раскрошил два верхних резца и вышел из верхнего края затылочной кости, пронзив по пути мозг. Юмба умер почти мгновенно.

Никто из приятелей негра не заметил, как он медленно повернулся кругом и рухнул навзничь. Он лежал в неестественной, даже непристойной позе — полусогнутые в коленях ноги растопырены, полусогнуты в коленях, правый кулак, сведенный предсмертной судорогой, на ляжке у паха.

А девушка, принеся ему возмездие из нехремских степей, бесшумно подкрадывалась к другому негодю.

Судя по обличью, этот человек родился в полупустыне Шема: окладистая вьющаяся борода, густая шевелюра

цвета воронова крыла, крупный нос и полные чувственные губы. Он умывался на крыльце прохладной водой из кадки, блаженно покряхтывал, ополаскивая дряблые волосатые подмышки. Он опустил голову, замотал ею под водой, по-детски пуская пузыри, а когда выпрямился и разлепил веки, у него отвисла челюсть от изумления и ужаса. В пяти шагах от него стояла молодая женщина и целилась из арбалета.

Раздался щелчок, и шемит опустил глаза, оторопело уставился на кончик стрелы, почти на всю длину утонувшей в его громадном животе. Не дожидаясь, пока он упадет, девушка метнулась прочь, но крики умирающего шемита понесли за ней по пятам, насторожили всех бандитов в деревне, и двое заметили ее, бросились ловить; укрывшись в каком-то закутке, она торопливо перезарядила арбалет, и тут же выскочила на широкий двор и выстрелила навскидку. Ее и на этот раз не подвела рука, бандит, раненный в икру, закричал и остановился, но другой припустил что было мочи — тертый калач, поняла Юйсары, знает, как уязвим арбалетчик в рукопашном бою.

Она отшвырнула бесполезное оружие и схватилась за кинжал, но разбойника это не обескуражило, он быстро загнал Юйсары в угол двора и приставил длинный меч к горлу. На его ликующий зов со всей деревни сбежались бандиты, добрая дюжина, отобрали у девушки кинжал, в кровь разбили губы и нос, а затем повалили ее на землю и разодрали подол платья.

Один из них ростом и телосложением напоминал утес, и никто не осмелился перечить, когда он с ревом накиннулся на девушку. Ему даже помогли: прижали к земле ее руки и ноги, а один подонок поставил ей на лицо подошву, выпачканную в навозе и крови. Она закричала от боли и омерзения, когда мужская плоть грубо вторглась в ее тело, заерзала со скотской жестокостью и ненасытностью, и насильник рычал и скрежетал зубами, входя в раж, и Юйсары дергалась под ним, вскрикивала и стонала, и вдруг что-то отвлекло человека, который держал ее правую руку, с возгласами «Братва! Чего это там?» он бросился на улицу, а Юйсары, обретя вдруг невероятное, нечеловеческое хладнокровие, зацепила пальцем узкий накладной кармашек на плече, рванула, а затем нащупала

выпавшую на землю бронзовую обоюдоострую пластинку, подарок Конана.

Никто из бандитов этого не заметил, их отвлекли тревожные крики с улицы, всех, кроме насильника, а он все сопел, и рычал, и сквернословил, пока Юйсары, глядя в упор на его могучую шею, не подняла руку и не рассекла лезвием сонную артерию. Бандит крикнул, недоуменно посмотрел на собственную кровь, вмиг забрызгавшую смуглое лицо девушки, и заорал от бешенства.

Но остальным было не до него, на них во весь опор неслись по деревенской улице сверкающие всадники, настигали, пронзали копьями, сбивали конями. Через плетень командир всадников увидел во дворе девушку в разорванном платье, за ней гонялся здоровенный бандит; в правой руке он держал меч, а левой зажимал рану на шее. Один из когирских лучников, заметивший верзилу одновременно с Конаном, вытянулся на стременах, поднял лук, и увесистая длинная стрела проткнула бандита, как гнилую тыкву. Конан спрыгнул с коня и бросился во двор.

Уронив голову на его старый обшарпанный нагрудник, Юйсары разрыдалась.

— Конан! — Слезы бежали ручьями, смывали на обнаженную грудь кровь со щек и подбородка. — Конан, почему ты сразу не пошел со мной? Ну, почему?

Глава 5

Командир гарнизона Ягафья-Гход лучезарно улыбался, предвкушая скорую победу. Чужеземный отряд обречен, бесстрашные кшатрии надежно заперли его в селе среди холмов. Вражеские лучники пока удерживают господствующие высоты, но Раджай не сомневается, что его спешенные воины сбросят их одной яростной атакой, а затем с трех сторон в село хлынет конница и покончит с уцелевшими бандитами.

На стороне вендийцев было численное превосходство. Пятнадцать против одного.

Большая часть отряда Конана стояла на деревенской площади в конном строю, готовая отразить натиск вендийцев. Во всяком случае, попытаться — когирам досталась крайне невыгодная позиция. Даже триста-четыреста

всадников могли бы запереть их здесь наглухо, что уж говорить о полутора тысячах.

Кшатрии ждали сигнала к атаке. Раджай дал знак ординарцу, тот снял с плеча рожок на кожаном ремешке, поднес к губам... и замер от окрика командира:

— Э-э, постой-ка!

По извилистой дороге, тут и там взбегавшей на пологие склоны холмов, неторопливо ехали несколько всадников в когирских доспехах. Раджая сразу заворочил их странный облик: полуопущенные головы, сгорбленные спины, руки, висящие плетями. Казалось, они спали или дремали в седлах. Перед ними ступал высокий старик, тощий, высохший, — этакая жердь в лохмотьях, огородное пугало. Каждый его шаг сопровождался мелодичным бряцанием — звенела короткая зеленая цепь, свисавшая с запястья. Массивный сверкающий обруч на ее конце то и дело задевал за ухабы. Старик еле переставлял ноги и шатался, как былинка на ветру, и все же каким-то непостижимым образом он ухитрялся обгонять наездников.

— Это что еще за диво дивное? — произнес Раджай.

— Должно быть, парламентары, ваша доблесть, — предположил ординарец. — Решили обговорить условия сдачи в плен.

— Сдачи в плен? — Раджай фыркнул. — И это — хваленые когирские рыцари? Хотят лишить меня удовольствия помериться с ними силами? Ну уж нет! Если они всерьез намерены сдаться, то вот мое условие: пусть каждый отрубит себе правую руку. Ту, что проливала кровь невинных людей.

Тощие босые ноги старика месили пыль. Моталась голова, болтались руки. Парламентары — или кто бы они ни были — приближались к ровным шеренгам отборных вендийских воинов, и Раджай явственно услышал храп.

— Да они и впрямь спят! — воскликнул он.

Старец остановился в восьми или десяти шагах от него. И в тот же миг застыли, как вкопанные, когирские всадники. Раджай переводил изумленный взгляд с одного на другого. Смеженные веки, приоткрытые рты, слюна на подбородках. И дружный храп, как ночью на привале.

— Раджа-ай! — услышал он замогильный голос. И содрогнулся, едва посмотрел на старика и не увидел у него

глаз. Только провалы глазниц, точно черные жерла потухших вулканов.

— Ты знаешь меня, старик? — спросил он, превозмогая смятение.

Старец протянул в его сторону трясущуюся руку. Бронзовый обруч под ней заходил кругами.

— Раджай, я не желаю тебе зла. Уходи. Забирай своих воинов и возвращайся в Ягафья-Гход. И тогда останешься жив.

— Вот как? — Раджай набычился. — Ты смеешь угрожать, пугало? Да кто ты такой и откуда взялся? Ты что, из местных? Заложник? Тебя Конан прислал?

— Нет, Раджай, — пришел ответ, казалось, из недр земли. — Я не здешний и не заложник. Я — Тот, Кто Не Возвращается. В незапамятные времена я посеял семена большой беды, а после захотел выполоть всходы. Но не сумел, а оттого помрачился рассудком и посадил себя на цепь. Кажется, я поступил неправильно. Беда созрела на благодатной почве, и если я не вмешаюсь, ее семена, легкие, как пух, разлетятся по всему свету. Я решил вернуться, Раджай. И выручить Конана. Ибо только он может защитить этот мир от великой напасти.

Голос старца навевал жуть, но слова показались Раджаю настолько нелепыми, что он рассмеялся.

— Суицид бред, клянусь сединой моей почтенной ма-тушки! Старик, ты и впрямь безумен. Не знаю, откуда ты взялся, ну, да какой спрос с кородивого? Ступай на все четыре стороны, а лучше возвращайся в деревню и передай Конану, что его уже ничто не спасет.

Старик отрицательно покачал головой.

— Нет, Раджай. Признаюсь, я и не надеялся тебя убедить. Просто решил поговорить с тобой для очистки совести, ибо мне давным-давно разонравилось проливать кровь. Но уж коли речь идет о судьбе мира... Умри, Раджай. Умри, как жил — достойно. И не сграбись погибели, ибо на том свете воинов, верных своему долгу, всегда судят беспристрастно. Но я хочу, чтобы ты знал уже сейчас, на пороге гибели: Конан пришел в Вендию не ради разбоя. Он не убивал мирных селян. Под его именем здесь орудует хитрый и ловкий бандит, его заклятый недруг.

— Сумасшедший ворон! — рассердился Раджай. — Я не верю ни одному лживому слову! Лучники Конана подло обстреляли из засады моих людей, я потерял четверых! Если он ни в чем не виновен, то почему убегает и прячется от вендийской армии, почему не сдастся на милость губернатора и короля? В наших селах лютует киммерийский бродяга Конан, я встречал десятки свидетелей его зверств. Почему он сам не вышел ко мне, а? Отвечай, кладбищенский жупел! Почему отправил тебя?

Старец затряс пепельными космами, обруч задержался, цепь зазвенела громче. Безумец смеялся.

— Кхи-кхи-хи... Конан тоже не поверил мне. Кхи-кхи-хи... И тоже обозвал пугалом. Чуть не умер со смеху, когда я предложил спасти его и киммерийский отряд. Кхи-кхи-хи... Но видел бы ты его лицо, когда всех его воинов вдруг сморил сон. Он разъярился и хотел раскроить мне череп, но вдруг обнаружил, что и сам спит! Все видит и слышит, но тело ему не подчиняется, а из горла рвется наружу оглушительный храп. Кхи-кхи-хи... Магия! Мой природный талант... Когда-то я был силен по части волшебства, но однажды раскаялся и зарекся колдовать. И хранил обет, пока мой древний владыка спал в своем подземном логове. Да, Раджай, да! Ему поклоняются народы, приносят жертвы в его кумирнях, враждуют с соседними племенами, пытаются навязать им свою религию, а Нергал спит и ухом не ведет! И будет спать, пока кто-нибудь из его смертных адептов не обретет могущество, достойное пробуждения грозного бога! А до тех пор делами земными будут ведать Эрешкигаль, жена подземного властелина, и ее легкомысленная сестра Инанна. Сестры живут в вечной сваре, и пока она длится, мир предоставлен самому себе. Горе ему, если помирятся богини! И воистину ужасные бедствия обрушатся на него по пробуждении Нергала.

Старец опять поднял костлявую руку и ткнул пальцем в сторону Раджая.

— Магия! Да, когда-то я был силен, но то было давно. Ты прав, Раджай, я и впрямь похож на пугало. Я еще способен усыпить ненадолго сотню усталых воинов, но для полутора тысяч свежих кшатриев моего колдовства маловато. Когда-то у меня были тысячи непобедимых

бойцов, принесших мне клятву верности, готовых спуститься за мной в бездну любого ада. Я отпустил их, и где они теперь? Горстка, жалкая горстка вернулась на мой зов с серых равнин. Бледные призраки моих доблестных богатырей. Я вселил их в тела этих воинов, — брякнув цепью, старец указал на свою конную свиту, — и они пока спят, берегут силы. Сейчас я прикажу им проснуться, но ты, Раджай, уже не увидишь, что они сделают с твоей армией. Ты умрешь от моей руки. Прости, но я не могу оставить тебя в живых. Мои магические силы на пределе, а время сейчас решает все. Если усыпить тебя на время, что от этого изменится? Ты азартен и честолюбив, и хочешь любой ценой добыть голову знаменитого Конана. Ты проснешься и сразу бросишься в погоню. Нет, Раджай. Я снова на войне, и ты для меня — вражеский полководец. Твоя смерть может решить исход сражения. Ты не младенец и знал, покидая Ягафья-Гход, на что шел. Защищайся, Раджай.

— Защищаться? — Раджай оглушительно расхохотался, глядя на ходячий скелет в грязном рубище. — Старый полоумный осел! Кем ты себя возомнил? Да я одним ударом кулака вгоню тебя в землю, прямо в берлогу твоего поганого Нергала!

Он действительно занес кулак в латной рукавице и вывернул ступни, чтобы прищипорить коня. И замер от изумления. Бронзовый обруч со свистом рассек воздух над головой старика, и еще раз, и еще. Он вращался с огромной скоростью, он ловил и отбрасывал слепящий жар солнечных лучей; казалось, над человеком в рубище висит сплошной блистающий нимб. Яркий круг стал расширяться на глазах, цепь удлинялась, а старик все тряс головой, все хихикал, и Раджай с ужасом глядел, как сверкающий нимб приближается к его лицу. Когда до края нимба оставалось не больше двух локтей, Раджай спохватился и выхватил саблю; от страшного удара бронзового обруча булатный клинок со звоном разлетелся на куски.

Раджай недоуменно огляделся по сторонам — почему никто не спешит заслонить его своим телом и расправиться со стариком, пока не случилось беды? Несколько воинов справа и слева от него не шевелились, на их лицах

застыло крайнее равнодушие. «Магия, — осенило его. — Старик их заколдовал, а остальные кшатрии надеются на них и не решаются вмешаться».

— На помощь! — выкрикнул Раджай во всю силу легких. — Убейте этого демона.

— Они не слышат тебя, Раджай, — раздался нежный женский голос позади него. — Они тебя уже потеряли.

Раджай резко повернулся на голос и не увидел своих людей. Перед ним стояла высокая женщина средних лет в длинном желто-коричневом платье. Ее прекрасные черные волосы рассыпались на покатых плечах и высокой груди, губы, алые как маков цвет, застыли в неестественной, но и незлой улыбке. Улыбались и глаза — большие, обрамленные длинными насурмленными ресницами. Раджай посмотрел вниз — где конь? Будто и не было вовсе. Он стоял на серой земле, подожвы высоких сапог приминали серебристую колючую траву — отродясь такой не видал. Серебристой травой заросла вся равнина, бескрайняя и плоская, — ни единого жалкого холмика, насколько охватывает глаз. Он оглянулся через плечо. Дряхлый чародей тоже сгинул вместе со своими сонными воинами.

Раджай вновь повернул голову к черноволосой женщине и заморгал — теплая влага заливала глаза. Дождь? Он глянул вверх — ни тучки. Безупречно однотонный купол неба. Серый, как пепел на остывших углях костра. Он протер глаза кулаками. Кровь! Все лицо в крови! Он пощупал лоб и ужаснулся: половины черепа как не бывало. «Обручем снесло, — тотчас догадался он. — Вместе со племеном».

— Где я? — тоскливо спросил Раджай. — И кто ты?

— Я Инанна, — ласково ответила женщина. — Я отведу тебя к моей сестре. Она поглядит тебе в глаза, и ты перестанешь бояться.

— Инанна? — тупо переспросил Раджай. — Но ведь ты же не моя богиня.

— Да разве это важно? — Инанна улыбнулась еще шире. — Впрочем, для тебя, наверное, важно. Люди — непостижимые существа. У них столько предрассудков, и с каждым днем появляются все новые. Мы, боги, едва успеваем к ним привыкать.

— Где я? — повторил Раджай.

— Ты же сам знаешь, — упрекнула Инанна.

Раджай кивнул и произнес бесцветным голосом:

— Серые равнины... Это рай или ад?

Инанна пожала плечами.

— Ни то, ни другое. А может быть, и то, и другое. Тому, чья душа на земле пребывала в вечных сумерках, в неизбывной тоске, здесь уютно. Для того, кто не успел выгореть дотла, кто полон сил и надежд, серые равнины ничуть не лучше ада. Мне кажется, здесь тебе не место, Раджай. Пойдем к моей сестре. Она только посмотрит в твои глаза и сразу поймет, где тебе место. Не бойся. Хуже, чем сейчас, не будет. Аунна замолвил за тебя словечко.

— Аунна?

— Старый волшебник, который отправил тебя сюда. Эрешкигаль его уважает, а я люблю. Мечтаю стать его наложницей, — смущенно потупилась Инанна, — но у него столько обетов... Две клятвы уже нарушены — не колдовать и не проливать кровь. Я не хочу, чтобы он еще из-за меня страдал. Аунна очень хороший, поверь мне, Раджай. Не обижайся на него. Он желает смертным только добра. Знал бы ты, как он расстраивается, когда смертные отвечают черной неблагодарностью! Хотя и старается не подавать вида. Между прочим, — Инанна заговорщицки подмигнула, — ты ему понравился.

— Угу, — буркнул вендиец. — И все-таки он меня прикончил. — Раджай тяжело вздохнул и спросил зачем-то: — Он бог или демон?

Вопрос поверг Инанну в замешательство.

— Ну, не знаю... Мы с сестрой как-то не думали... Что тебе ответить? Аунна — верховный судья, старый друг нашей семьи. У брата были на него виды, но брат спит... Скоро Аунна вернется, может, ты лучше у него спросишь, кем он себя считает?

— Я хочу к своим, — капризно заявил Раджай.

— На землю? — Инанна сокрушенно покачала головой. — Да что ты, Раджай! Что там хорошего, в мире живых? Жестокость, подлость, лицемерие. Сильный обижает слабого, слабый норовит вонзить сильному нож в спину. Все без исключения грязны и порочны. А здесь — покой. Одиночество. Бездна времени, чтобы обдумать все

свои поступки. Чтобы покаяться в грехах и заслужить лучшее перерождение.

Раджай потряс изуродованной головой, брызгая кровью на серебряную траву.

— Я не хочу на землю. Я хочу к своим богам.

С лица Инанны исчезла улыбка. Раджаю показалось, что богиня обиделась.

— Ах, ну, конечно. Опять предрассудки смертных. А ты уверен, что боги Вендии примут тебя лучше, чем мы? Мой тебе совет, Раджай: подумай хорошенько. Не многовато ли грехов ты совершил при жизни? Почитал ли богов, к которым теперь просишься? Часто ли молился? Не скупился ли на жертвоприношения церкви? Учти, божества твоего народа не столь снисходительны к грешникам, как мы с сестрой. За тебя хлопотал сам Ануна, а его просьба кое-что значит. Но только здесь. Там, — показала она на унылый серый горизонт, — спрос с тебя будет совсем другой.

— Я готов ответить за все, — упрямылся покойник. — Отпусти меня, пожалуйста.

Инанна опять тяжело вздохнула и, окинув Раджая сочувственным взглядом, произнесла:

— Ну, как знаешь. — И добавила с грустной улыбкой: — Бедный Ануна. Не везет ему с искуплением.

Багровый туман затянул серебристую равнину, а когда он рассеялся, Раджай оказался на поле битвы. Горячий ветер уносил пыль за холмы. В полуденной жаре глохли стоны умирающих. Раджай обессиленно опустился на землю.

Ординарец вел к командиру его коня. У кшатрия грудная клетка была разворочена ударом меча, а у коня отрубленная голова висела на полоске кожи и шейных сухожилиях. Моргая большими печальными глазами, животное сообщило хозяину:

— Эти когирцы — сущие демоны.

— Призраки во плоти, — поправил Раджай, вспомнив слова Ануны. И заметил сочувственно: — Вижу, вам тоже досталось.

— Полный разгром, ваша доблесть. Когда вы упали с коня, старик закричал своим воинам: «Пора, богатыри! Проснитесь и сражайтесь, иначе проснется Нергал!». Они схватились за мечи и уложили не меньше двухсот наших,

и тогда кшатрии, видя, что призраков не берет ни стрела, ни копьё, ни сабля, разбежались кто куда. Я хотел добраться до старика, но увы. — Он со вздохом прижал ладони к разрубленной груди и воскликнул удивленно: — О! Смотрите, ваша доблесть — заживает! И у вас.

Раджай поднял руку и нащупал края страшной раны на голове. И верно, заживает! Уже не шире кулака. Чудеса, да и только. «Не зря я просился к своим богам», — с ухмылкой подумал он.

— Не радуйся, хозяин, — уныло изрек конь, с которым не происходило никаких видимых метаморфоз. — На этом свете исцеление ран — дурной признак. Очень дурной.

— Почему? — хором спросили Раджай и ординарец.

— А как ты думаешь, — вымолвила полутрубленная конская голова, — кому после смерти дается здоровое тело?

— Кому? — Раджай в тревоге и нетерпении смотрел на коня. — Ну, говори, не томи!

— Грешнику, вот кому. Дабы выстрадать искупление. Душевные муки, бесспорно, ужасны, но если их усугубляют телесные... Признаться, хозяин, я всегда мечтал поменяться с тобой местами, однако сейчас... Слава богам, что создали меня безропотной подневольной скотиной, — задумчиво добавил скакун. — За короткий лошадиный век и захочешь, не нагресишь.

* * *

Из двенадцати воинов, которых Ну-Ги водил в бой, в деревню вернулся только один. Он едва сидел на коне, упираясь израненными руками в переднюю луку, но лицо его сияло торжеством. Рядом просыпались в седлах его невредимые товарищи, ошеломленно вертели головами, испуганно перекликались. Старец в лохмотьях сидел на травянистой обочине дороги и баюкал на коленях бронзовую цепь, забрызганную кровью и мозгом.

Сонная одурь спала и с Конана. Пока за холмами, обступавшими деревню, кипела схватка, он неподвижно сидел на коне с полуприкрытыми глазами; сознание было ясным, но тело ему не подчинялось. Кругом стоял богатырский хrap, и Конан по мере своих способностей (о которых он доселе не подозревал) участвовал в этом

дикивинном хоре. С детским прискуливанием храпел израненный Сонго, не отставала от него и нежная Юйсары. Только Тахем, некогда постигший азы волшебства и поднакопивший к старости кое-какую магическую силу, с огромным трудом перебарывал наваждение, но и он время от времени начинал дышать медленно и с присвистом.

Конан хлестнул коня плетью и выехал по дороге на деревенскую околицу. Окинул взглядом поле боя. Хмуро покачал головой и вернулся к своим людям.

— Колдун, — грозно обратился он к тощему старцу, — я не знаю, как с тобой быть. Благодарить или снести башку с плеч. Я тебя не просил о помощи. Что тебе надо от меня, зачем лезешь в мои дела?

— Благодарить? — Старик взглянул на него с притворным изумлением. — Кхи-кхи-хи... Неужели ты на это способен, киммериец?

«Безумец, — снова подумал Конан, рассматривая чудовищное существо. — Дряхлая полоумная мумия с того света. Видно, и впрямь близится закат хайборийской эры, если демоны загробного мира так нагло вмешиваются в людские судьбы».

— Из-за тебя я потерял одиннадцать человек...

— Двенадцать, — поправил истекающий кровью воин. — По меньшей мере четыре из моих ран смертельны, и сейчас я уйду... Но не расстраивайся, командир. Дело того стоило. — Со счастливой улыбкой он закрыл глаза и начал клониться вбок, друзья успели подхватить его и осторожно опустили на землю. Один из них поднял голову и растерянно сообщил:

— Он мертв.

— Зато спасен отряд, кхи-кхи-хи! И ты, Конан, остался жив, и теперь за тобой должок.

— Должок? — Киммериец зло сверкнул глазами. — О чем ты говоришь, демон? Из-за тебя я нажил опаснейших врагов! Теперь на меня будет охотиться вся веддийская армия.

— Пустяки. — Старец махнул сухонькой дланью, звякнула цепь. Кшатрии еще не скоро очухаются, а когда к ним на подмогу придут войска губернатора, ты уже будешь на перевале. Там тебя стерегут афгулы, но с этими суеверными дикарями мы уж как-нибудь справимся. —

Он зазвенел цепью и жутко завыл, крутя головой, а потом ощерил в омерзительной ухмылке черные пеньки зубов.

— С чего ты взял, — спросил Конан, у которого мурашки побежали по плечам и спине, — что я поверну назад?

— С того, кхи-хи, что ты не посмеешь отказать старому почтенному привидению. За тобой должок, или уже забыл? Добро бы разговор шел о пустяках, а то ведь о судьбе мира! Не только мира смертных, но и нашего, загробного! Думаешь, ему сладко жилось при Нергале? Там, — он сделал свободной рукой неопределенный жест, — сейчас равновесие. Инанна худо-бедно уживается с Эрешкигалью, и вместе сестры держат в узде пантеон. При всех недостатках верховных богинь, надо отдать должное их здравомыслию. Они не лезут в чужие владения. Не задирают иноземных богов. А когда проснется Нергал, все сразу изменится, и вовсе не к лучшему. Уж поверь, кхи-кхи-хи.

Конан поверил. От кого другого услышишь такие речи — сочтешь бредом буйнопомешанного. Но старик не бросает слов на ветер. Доказательства сему лежат за деревенской околицей, к ним уже слетается воронье.

— Сначала я закончу работу для Сеула Выжиги, — твердо сказал он. — А там посмотрим.

— Упрямец! — Старик ударил себя по колену темным кулаком. — Да кто такой этот Сеул Выжига, чтобы рисковать ради него головой? Разве он симпатичнее меня, кхи-кхи-хи? Не сегодня, так завтра его прирежут собственные подданные, неужели ты веришь, что он сдержит обещание, объявит войну могучей Агадее? Неужели ты веришь, что ему нужна нищая, разграбленная Пандра, озлобленный, полудохлый от голода народ?

В разговор вмешался Тахем, донельзя раздраженный измышлениями призрака:

— Что ты несешь, мерзавец?! Как ты смеешь поливать грязью моего властелина? При нем Пандра переживает истинный расцвет, в стране царят порядок и справедливость!

Черные глазницы призрака повернулись к стигийцу, сухие губы едва не растрескались от улыбки, достойной горячих кошмаров.

— Преданный цепной пес, кхи-кхи-хи. Кому другому, Тахем, твоя рабская верность пришлась бы по сердцу. Но только не мне. Прикуси язык, маг-недоучка, если не хочешь раньше срока очутиться в стигийском аду. Сегодня вот этой рукой, — он снова звякнул цепью, — я убил весьма достойного человека, а уж с тобой, смрадная душонка, разделаюсь безо всяких угрызений совести. — Он перевел взгляд на Конана. — Киммериец, я забираю тебя у Сеула Выжиги. Мне ты нужнее. Если твой отряд выбьет агадейцев из Собутана, Выжига сбежит туда вместе со своей армией, а Пандру бросит на произвол судьбы. Он не собирается держать слово. Сеул свято блюдет свою выгоду, а какой ему прок в войне с Абакомо? Нет, Конан. Ты повернешь назад. Для тебя есть другая работа.

Тахем выпрямился в седле, гневно потряс над головой нагайкой.

— Клеветник! Интриган! Не верь ему, Конан! Мой повелитель — честный человек! Он готов воевать до последнего бойца. У него прекрасно обученная армия, ему служат выдающиеся маги...

— Вроде тебя, что ли, стигийский самородок? — Призрак недобро усмехнулся. — Я бы на твоём месте не кичился жалкими силенками. И не испытывал терпение настоящего волшебника.

— А я бы, — чуть не сорвался на визг Тахем, — на твоём месте не плел гнусных интриг в мире живых. Хоть бы в зеркало на себя глянул! Что б тебе не закопаться обратно в могилу, урод? Только богов своих перед людьми позоришь.

Совет стигийца задел призрака за живое (если слова «задеть за живое» применимы к гостю из мира мертвых). Ну-Ги поднес к лицу обруч, и тот вдруг затянулся блестящей бронзовой мембраной. Несколько мгновений призрак рассматривал себя в импровизированном волшебном зеркале, затем удовлетворенно кивнул и сказал Тахему:

— Уж не знаю, чем тебе не приглянулась моя внешность. На том свете все красотки от меня без ума.

— Могу себе представить, — брезгливо вымолвил Тахем, — этих красоток.

На черепе, обтянутом сухой кожей, мелькнул насмешливый интерес.

— В самом деле? И как они, по-твоему, выглядят?

— Уродины! — выпалил Тахем, не задумываясь. — Мертвечина ходячая под стать тебе.

Улыбки на лице призрака будто и не бывало.

— Осмелюсь не согласиться, — произнес он чуть ли не по слогам.

Тахем громко фыркнул.

— Трудно судить справедливо о том, чего никогда не видел, — гораздо мягче сказал оборванец. — Тахем, пока ты не увидишь наших красавиц, спорить с тобой — только время зря терять. А время в мире живых — самый ценный товар. Его у нас остались крохи. Ступай, Тахем, взгляни на моих богинь собственными глазами. Прощайся с этими храбрыми воинами. Ты уже никогда с ними не встретишься.

Тахем открыл рот для гневной отповеди, но в этот миг его внимание привлек бронзовый обруч. Он спрыгнул с колен старика на дорогу и обернулся капканом на крупного зверя. Клацая и скрежеща зубцами, грозная снасть в хищном нетерпении заерзала на месте.

— Ап! — скомандовал призрак и хлопнул в ладоши.

Капкан прыгнул в сторону Тахема и одолел добрых два локтя. Стигиец взмок от ужаса.

— Ап!

Еще один прыжок. Перепуганного Тахема словно ветром сдуло с коня.

— Ап! Ап! Кхи-кхи-хи.

— А, Кроме! — Конан схватился за меч. Старец, хихикая, замахал на него руками, и киммериец поперхнулся храпом.

— Ату его! Ату!

Тахем сломя голову убежал по деревенской улице, а следом огромными скачками неся кровожадный капкан. Оглушительно брэнчала, удлинняясь, зеленая от патины цепь.

— Прыг-скок! Прыг-скок! — провожали беглеца дурашливые возгласы.

Раздался душераздирающий вопль. В тот же миг с Конана спало оцепенение, но ему на смену хлынула обморочная слабость. Беспомощно повисла рука с мечом.

Под глумливый полусмех-полукашель старика вернулся обруч, сжимая в зубах клок черной тахемовой мантии.

— У меня тоже есть цепной песик, — похвастался оборванец, выдергивая кровавую тряпку и нежно поглаживая обруч. — Хоро-опшая собачка.

Цепь завиляла — точь-в-точь собачий хвост.

— Ладно, вернемся к делу. — Старик небрежно спрятал за пазуху «охотничий трофей». — Тебя, мой друг, ожидает нелегкий поход.

— Клянусь ледяным взглядом Крома, — твердо произнес Конан, к которому уже почти вернулись силы, — я расколю твоей гнилой череп задолго до того, как ты науськаешь на меня эту побрякушку.

— Знаю, киммериец, — невозмутимо произнес гость с того света. — Потому-то я и выбрал тебя. Кто еще может похвастаться редкой привычкой, нажитой с юных лет, — привычкой крушить черепа злым волшебникам? Кто, как не ты, удавит зверя в его логове? Выслушай меня, Конан. За моей спиной долгий и трудный век, я ошибался и прозревал, я давал себе клятвы и нарушал их. В сумрачном Куре, царстве спящего Нергала, я увидел истину, которую здесь, на земле, не хочет видеть никто. Богам вполне хватает собственных забот, им не нужны смертные, покуда смертным не нужны боги. В потустороннем мире все взаимосвязано, все уравновешено. Порядок создается за тысячелетия, а разрушить его, увы, можно в одночасье. Иногда для этого хватает сущего пустяка, прихоти какого-нибудь смертного болвана с непомерными амбициями.

Представь, что болвану сопутствует удача и он становится царем или полководцем. Чтобы утолить жажду власти, человек призывает на помощь божество. Находятся боги, которые откликаются на зов смертных, дарят могущество, везение, — но только тем, кто, на их взгляд, этого заслуживает. С неудачниками, тюфяками они предпочитают не связываться, зато у сильного, целеустремленного и умного властителя иногда бывает шанс. Боги тоже падки на лесть, Конан. Охочи до поклонения. Чем горячее, истовее молитва, тем больше вероятности, что она будет услышана. Зов из Агадеи звучит все громче, и Нергал уже беспокойно ворочается во сне. Я не поза-

вирую человечеству, если он проснется. Надо остановить Абакомо, пока его молитвы и призывы не разбудили Нергала.

Конан поразмыслил над словами старика. И вообще над происходящим. Далеко не все казалось понятным. Последние недели его швыряло в водовороте событий, точно щелку в бушующем море. Любая ситуация переламывалась задолго до того, как он успевал к ней привыкнуть. Сумбур в его душе, похоже, не был для старика тайной за семью печатями. Чудище с того света было убеждено, что что его железные доводы разобьют упрямство Конана. Должно быть, не ведал старик, что Конан чаще доверял сердцу и интуиции, чем здравому смыслу.

Киммерийцу сразу не понравился незванный гость из мира покойников.

— Уходи, колдун, — глухо проговорил он. — Возвращайся, откуда пришел. Может, у тебя и благие намерения, но все равно, не пристало мертвецу лезть в дела живых. Насчет этого Тахем был прав. На земле как-нибудь обойдутся без тебя.

— Что за детский лепет, Конан?! — осерчал старик. — Хватит чиниться! Время не ждет, в Агадее король собирает жрецов, чтобы воззвать к Нергалу. Всех жрецов обоих храмов! Ты представляешь, какая это силища? Без тебя мне с ними не справиться.

Сказать по-правде, я свалил дурака, слишком долго носился со своими обетами — не проливать крови, не лезть в дела смертных и тому подобное. Я упустил время. Хищник вырос на моих глазах и наточил когти. Скоро он растерзает в клочья весь мир, пытаясь его осчастливить, а потом, как и я когда-то, будет скитаться в слезах по безлюдным пустошам и замаливать грехи. Я не могу просто взять и прикончить Абакомо, как эту стигийскую вшу, — он указал вдоль дороги, туда, где смерть настигла Тахема. — Нергал, когда продерет глаза, не простит вульгарной расправы над его одаренным приверженцем. Другое дело, если обнаглевшему петушку свернет шею рука смертного. В этом случае моя честь и репутация останутся незапятнанными, и Нергал не посмеет дать волю гневу, а если и посмеет, за меня вступятся другие боги. И за тебя, да-да, Конан, не криви рот, мы тебя в обиду не

дадим. Спасти землю от агадейского нашествия — дело нешуточное, самый настоящий подвиг, и на нашем свете, клянусь, тебе воздастся по заслугам.

К Конану подъехали Сонго и Юйсары. Бросив опасливый взгляд на призрака, молодой когирец сказал командиру:

— Мы принесли с поля боя наших ребят. На них живого места нет, рана на ране. Рубились, пока не побежали вендийцы, а потом кто где стоял, там и умер.

— Я отпустил моих верных слуг на серые равнины, — пояснил призрак. — В них больше нет нужды. Но если хочешь, Конан, я тебе скажу заклинание, и ты сможешь в любой момент позвать их на подмогу. Они вселятся в твоих воинов, и даже агадейцы не устоят под их натиском.

Конан наклонился и сплюнул в истоптанную копытами пыль.

— А может, ты сначала спросишь у верных слуг, по душе ли им это занятие? Ты сам говорил: из целой армии на твой зов откликнулась дюжина. Видно, остальные не пришли в восторг, когда ты предложил тряхнуть старинной. — Окинув старца, точно кусок смердящей падали, брезгливым взглядом, Конан сказал: — Ступай восвояси, мертвец. А я пойду своей дорогой. Если она приведет меня в Агадею, значит, на то воля Крома. Не вздумай встать на моем пути, иначе тебя не спасут ни верные слуги, ни цепные псы, ни красотики из твоего мира. — Он повернулся к отряду и прокричал: — В походную колонну! Идем в Собутан.

* * *

«Вот и все, — ликовал в душе Тарк, разглядывая лагерь Конана с высокой сторожевой башни, что венчала изъеденный ветрами холм. — Вот тебе и конец, землячок. Вряд ли ты доживешь до рассвета, но ежели доживешь, завтра будешь орать у пыточного столба, а я по старому киммерийскому обычаю спою тебе погребальную песню. Завтра, — крупные зубы сверкнули в злорадной ухмылке, — мы поквитаемся за все».

— Байрам, — повернулся он к коренастому сотнику, — иди вниз, командуй. Всем, кто не в карауле, — спать. Со вторыми петухами — подъем и построение. Пора кон-

чать, — он указал подбородком на неприятельский лагерь, — с этими баловнями судьбы.

Байрам скептически качнул головой и поджал нижнюю губу. Лагерь Конана стоял в четырех полетах стрелы от захваченной разбойниками деревни, и с двух сторон его обжимал лес. Совсем как две недели назад, в Когире, у замка Парро. С той лишь разницей, что в тот раз Конан сидел за стенами замка, а войско Тарка стояло лагерем в небольшом отдалении от крепостных ворот. И опасалось разве что осиных укусов из леса.

— А не слишком ли рискованно, командир? — Байрам посмотрел Тарку в глаза, но тот промолчал, решив выслушать доводы сотника. — Людей у нас не маловато ли?

— Маловато? Без малого три сотни. А у него от силы восемьдесят.

— Так ведь у него ненамного больше было, — возразил Байрам, — когда он вендийцев расколошматил.

Разъезд из сотни Нулана побывал на поле сражения, где тучи ворон пировали на останках кшатриев, а потом целый день издали следил за отрядом Конана. Вечером Конан подошел к лесной деревне, был обстрелян и отступил на безопасное, как ему мнилось, расстояние, чтобы разбить лагерь. Разведчики Нулана пробрались в деревню по звериной тропке и рассказали Тарку обо всем, что видели.

— Мы — не вендийцы, — парировал Конан. — Вендийцев и мы лупили.

Он имел в виду полсотни кшатриев, которые угодили в засаду и погибли все до одного. Тарк приказал снять с мертвецов доспехи и оружие, чтобы потом нападать на вендийские села и малочисленные отряды под видом туземных солдат. Победа над кшатриями далась ему легко, он потерял всего троих из сотни покойного Роджа.

— Ночью, — сказал Тарк, — мы выйдем из деревни, подступим к Конану на два полета стрелы, снимем часовых, а потом врежем по лагерю. Как они по нам в Когире. Ты еще не забыл замок Парро? Сколько там нас было, и сколько их? Внезапность, брат, — залог победы.

— Ну, не знаю, атаман. — Хмурый Байрам пожал плечами, разглядывая далекий лагерь. — Что-то мне не по нутру, ей-же-ей...

— Да тебе вечно все не по нутру! — вспыхнул Тарк. — Кшатриев бить не по нутру. Афгулов резать — тоже. Ты мне лучше вот что скажи, друг любезный. Долго мы еще будем шарaxаться от этого ублюдка, как вошь от гребенки? Иль не видишь, что он уже вконец обнаглел? Знает ведь, что нас втрое больше, так нет бы обойти — вон, встал раком на виду и задницу заголил. Издевается, сволочь. Как же — герой непобедимый, вендийских олухов тыщами кладет. Нет, Байрам. Хочешь, не хочешь, а нынче ночью мы его геройскую задницу копьями пощекочем. Еще похлеще вздрючим гада, чем он нас тогда в Когире. За все отплатим. За обоз с деньгами, за Роджа, за Евнуха. За все сучьи приключения. Хватит с меня, надрапался. — Он упер в Байрама жесткий взгляд и рявкнул: — Вниз, живо. Всем дрыхнуть. Ночью силы понадобятся.

* * *

Со стороны деревни лагерь охраняли двое солдат Конана, небольшое расстояние, всего полтора броска копья, позволяло им легко перекликаться. Тарк отправил к ним по четыре разбойника, владевших искусством бесшумного передвижения в лесу. Среди них был и Байрам. Опережая двоих офицеров и одного гирканца, он призраком скользил от дерева к дереву и при любом подозрительном шорохе падал, хоронился за кочкой или широким замшелым комлем. В лесу кишела живность, невозможно было красться, не распугивая птиц и зверьков; от малейшего прикосновения к ветвям взлетали насекомые, их гул и хлопанье крыльев казались оглушительными.

Четверо бандитов с саблями и мечами наголю растянулись в неширокую цепь. Байрам потерял остальных из виду, как только вступил в кромешный мрак зарослей, но знал, что опережает их. В далекой юности он браконьерствовал в родных хауранских лесах, за годы скитаний приобретенные там навыки только отточились. Он был самым опытным из четырех, хотя офицеры родились в чащах, а гирканец, даром что степняк, видел в темноте не хуже совы.

Он перебегал от дерева к кусту, от куста к пню, не ленился проползти на животе или четвереньках участок,

который выглядел опасным. И даже на миг, на кратчайший удар сердца его не покидало предчувствие неминуемой беды.

Остальные крались ближе к опушке, и каждого подстерегала во мраке смерть. Один офицер вышел напрямик на своего убийцу и рухнул под ударом боевого топора. Второй услышал невдалеке приглушенный хруст кости и упал ничком, затаился, но было поздно — когирский воин заметил врага, набросился коршуном, вдавил его лицо в сухой мох, хладнокровно и ловко задрал на потном левом боку кольчугу, всадил под ребра длинный кинжал и налегал на рукоять, пока острое не дошло до сердца. А гирканец погиб от арбалетной стрелы, пронзившей горло. В темноте арбалетчик видел гораздо хуже, чем степной разбойник, но не промахнулся по очерченному лунным сиянием силуэту разбойника, который замер, чтобы осмотреться, у самой кромки леса.

Байрам сделал самый широкий крюк от деревни и зашел вражескому караульному в тыл. Расставляя по лесу секреты, Конан поспешил на людей, но на то была важная причина. Разбойник с саблей в руке беззвучно выбрался на открытое пространство и увидел вдалеке неприятельского воина, тот праздно брел навстречу вдоль опушки, в лунном свете были различимы длинный плащ, скрадывающий телосложение, и опущенная голова. Было что-то до жути странное, неестественное в этом силуэте. Казалось, ночного стража одолевает смертная тоска, и никакая опасность не в силах вытащить его из-под спуда тягостных раздумий. Байрам медленно присел на корточки за кустом и стал ждать.

Человек замер, когда между ним и Байрамом осталось шагов шесть-семь, не больше. Поднял и повернул голову, словно хотел, чтобы ущербная, но ясная луна хорошенько осветила его профиль. И в этот миг Байрам узнал его. Сафар, командир бусарской пешей стражи, превосходный боец на мечах и топорах. Разбойник затаил дыхание, под кольчугой забегали мурашки, но почти тотчас у него отлегло от сердца. Он увидел пустые глазницы. Слепец! Кто-то безжалостно выколол глаза Сафару, искалечил его на всю жизнь. Байрам вспомнил слухи о страшной гибели Бусары; наверное, там и приключилась беда с нехремским

воином. Жаль, подумал разбойничий сотник, знатный был рубака. И кто, хотелось бы знать, распорядился, чтобы несчастный слепец охранял ночной лагерь с самой уязвимой стороны? Неужто Конан? Неужто Тарк прав — Конан настолько уверен в собственной силе и в трусости банды, что не видит в ней серьезного противника?

Сафар чуть заметно водил задранной головой, как будто принимался. Но на самом деле он вслушивался, а ноздри слегка раздувались из-за невольного напряжения лицевых мышц. Байрам знал, что у слепцов очень быстро и сильно обостряется слух. Он снова затаил дыхание, но было поздно.

Раздался громкий щелчок, и рядом с Байрамом чуть заметно вздрогнула ветка куста.

Сафар стоял неподвижно, голова его по-прежнему была повернута в сторону, а руки держали нечто продолговатое, слабо сияющее металлом. Он прислушивался.

— Ты еще жив? — тихо спросил он наконец.

Байрама пробрал озноб, кровь отхлынула от кожи в глубь тела, как под студеным ветром. Он покосился на ветку куста, дрогнувшую несколько мгновений назад. На ней поблескивала густая влага.

— Что молчишь? — спокойно попытывался Сафар. — Живой или нет?

«Он спятил! — уверенно шепнул Байраму внутренний голос. — Насмотрелся всяких ужасов в Бусаре, да еще глаза потерял. Вот и свихнулся. Ну, все, Байрам, хватит зубами лязгать под кустом. Поди, прирежь его. Чего ты испугался? Плюющей железки?»

Бывший хауранский браконьер решительно встал и вздрогнул от жгучей боли, задев мизинцем влажную ветку.

* * *

В нестройных шеренгах банды Тарка росла тихая паника. Давно прокричали в третий раз уцелевшие деревенские петухи, на востоке по-над кронами деревьев разливалось чахлое розовое свечение, а из семи лучших бойцов, ушедших вместе с Байрамом резать часовых Конана, до сих пор не вернулся ни один. И не вернется. В этом Тарк,

да и все остальные, перестали сомневаться, когда издали донеслись жуткие предсмертные вопли.

— Это засада, командир, — шепнул Нулан на ухо Тарку.

— Сам знаю. — У киммерийца дрогнул голос. — Кром! Что делать, Нулан? Этот гад опять нас вокруг пальца обвел.

— Может, отойти? — неуверенно предложил степняк.

— Куда? В деревню? Да он, сука, только этого и ждет.

«Влипли, братва! Вожак говорит, засада! Щас драпа-нем!» — пролетел шорох вдоль строя, и шеренги заколыхались, как тростник на ветру. В отчаянии Тарк скрипнул зубами. Много навоюешь с такими «храбрецами»!

— Чует мое сердце, он сейчас в лоб шарахнет, — предупредил сотник. — Отойти бы, а? Не сдюжим ведь.

Заря мало-помалу набиралась сил, в двух полетах стрелы все явственней прорисовывались дюжина когирских шатров. А за ними — Тарк был уверен — в конном строю ждет сигнала к атаке без малого сотня воинов с тяжелыми длинными коньями. У него втрое больше людей, но ведь это не войско, а трусливый сброд, не ровня когирским рыцарям. Нулан прав. Банда обратится в бегство, едва услышит зов вражеского рожка и топот шипастых железных подков.

Так и вышло. За лагерьем рассек тишину глухой рев и тотчас сменился дробным гулом. Не дожидаясь, пока вражеская конница выйдет из-под прикрытия лагеря, люди Тарка загомонили, задержали поводья, разворачивая коней, — о сопротивлении никто даже не помышлял. Скорее укрыться в деревне, за низкой глинобитной оградой, — Конан вряд ли отважится на штурм, для такого дела людей у него все-таки маловато.

Когирцы неслись по пятам; нахлестывая коня, Тарк то и дело оглядывался, но видел позади только смутную темную полосу, — невозможно было определить, сколько там всадников. И снова мелькнуло подозрение, что эта атака — ложная, что Конан не ищет сечи в открытом поле, ему надо, чтобы бандиты сидели в разграбленной деревне и боялись высунуть нос за ограду.

«Но зачем? — недоумевал Тарк, безжалостно осыпая коня ударами плетки. — Неужели помирился с вендийцами, взялся запереть банду в ловушке, и теперь целая

армия кшатриев спешит оцепить лес? — От этой мысли у Тарка душа ушла в пятки. — Если так, нам крышка! И ведь ничего не поделаешь. На новую вылазку парни больше не отважатся, у них от одного упоминания про Конана полные штаны. В отряде всего-то двое надежных ребят было: Байрам и Нулан, остальные — крысы, каждая сама за себя. А теперь и Байрама не стало».

Как он и ожидал, когирцы не пытались ворваться в село на плечах противника. Едва последний человек Тарка скрылся за глинобитной оградой, всадники Конана, едва различимые в полумраке, повернули к своему лагерю.

С превеликим трудом удалось рассредоточить людей вдоль ограды. Тарк сорвал голос, осыпая их руганью и угрозами, а Нулан был вынужден огреть нагайкой нескольких строптивых. Но напрасно лучники с крыш высматривали крадущегося врага. Разгоралась заря, в лесу пробуждались сонмища разноголосых обитателей.

— Ну и влипли же мы, клянусь причиндалом Крома! — хрипло сказал Тарк Нулану, единственному человеку, которому еще мог доверять. Они сидели в доме первого богача деревни, бывший хозяин со своей женой, двумя сыновьями и уймой батраков кормил мух в хлеву. — Как пить дать, кшатрии этот лес со всех сторон обложили, Конан — только загонщик. Если и прикончим его, что толку?

— Прикончим... Эх! — вздохнул аниец. — С этой крымской стаей? Если мы в осаде, нам конец.

— Вот и я о том же, — мрачно кивнул синеглазый северянин. — Ну, что посоветуешь, сотник?

Нулан отломил кусок черствой лепешки, задумчиво перемолол зубами, запил глотком прокисшего коровьего молока.

— Сматываться пора, атаман. Вот что я тебе посоветую. Давай сейчас же пятки смажем, а с моими людьми.

Тарк поразмыслил над его словами. Совсем недолго, ибо решение бежать возникло у него, как только отряд вернулся из неудачной вылазки.

— Иначе тебя свои же сдадут, — уверенно добавил Нулан. — Треснут сзади по банке, свяжут, а потом кого-нибудь к Конану пошлют торговаться. Ну, и меня заодно продадут. Ребята мои сказали, ходят уже такие разговоры.

— Может, ты и прав, — медленно произнес Тарк, — да только куда тут убежишь? Даже из деревни, и то без боя не вырваться. Для этих сволочей, — кивнул он вбок, — мы — последняя надежда на спасение, тут ты, конечно, в самую точку попал. Не отпустят они нас за здорово живешь.

Нулан усмехнулся.

— А мы и просить не будем. Видел пролом в восточной стене? К нему отсюда неприметный переулочек ведет, ежели верхом, да во весь опор, — запросто проскочим. У пролома все мои родичи, они уже предупреждены, увидят, как мы скачем, прикроют от лучников, а потом сразу за нами в лес. А уж там что-нибудь придумаем.

Тарк покивал, собрав губы в куриную гузку, и вымолвил:

— Похоже на дело. Ежели выгорит, я на веки вечные твой должник.

— Чего там. — Нулан улыбнулся и махнул рукой. — Одной веревочкой повязаны. Не горюй, в следующий раз, глядишь, больше повезет. Ты паренек способный, да и я вроде не промах, небось, как-нибудь выбьемся в люди. — Он покосился на окно, за которым серел рассвет. — Однако, самое время когти рвать. Ты коня расседлал?

Тарк кивнул.

— Ну, так иди, снова седлай. А я тут пока соберу чего-нибудь пожрать на первое время. Люди-то мои, небось, налегке, язвы их Иштар.

Тарк вышел на широкий двор, направился к коновязи. Сбруя его скакуна валялась на земле, сплошь устланной соломенной сечкой. Конь Нулана, полностью снаряженный, но без хурджинов со снудью позади седла, сосредоточенно хрупал ячменем. «Так он же, шельма, без меня хотел чесануть! — запоздало осенило киммерийца. — Ай да Нулан, ай да надежный товарищ! В самый последний момент, выходит, передумал». — Он покачал головой из стороны в сторону, не зная, радоваться или злиться.

Нулан ходил с хурджином по осиротевшему дому. Бросал в мешок, что под руку подвернется, и ругался под нос — бандиты, грабившие дом, не столько съели и унесли, сколько испортили.

Смуглый подросток из Бусары следил за ним через чердачный люк.левой тонкой рукой он придерживался

за стропило, в правой сжимал длинный нож. Грозное «жало Мушхуша», найденное среди развалин нехремского города, мальчик отдал слепому земляку Сафару, с которым успел подружиться еще до этого похода.

Сафар вызвался охранять лагерь, и Конан охотно согласился, он знал, что у этого калеки ловкости и силы побольше, чем у двоих зрячих. На привалах Сафар отступал от дерева на десять шагов и с разворота попадал в ствол метательным ножом. Как-то раз он предложил одному воину учебный поединок на палках, и рослый, мускулистый когирец долго потом краснел под насмешками товарищей, — он так и не сумел пробить защиту бывшего командира бусарских стражников.

Во дворе Тарк нагнулся, поймал под животом коня длинный конец подпруги. Когда выпрямлялся, из дверного проема и неширокого квадратного оконца вылетел гортанный возглас, затем раздался тяжелый удар падающего тела. Точно так же кричали и падали десятки людей, которым Тарк, молодой воин из далекой суровой Киммерии, хладнокровно перерезал глотки, выпускал внутренности, крушил черепа.

Он застыл как вкопанный, он весь обратился в слух. По дому рассыпался звонкий мальчишеский смех, а затем вся деревня взорвалась воплями и лязгом оружия. Тарк схватился за меч, подскочил к плетеному забору, увидел, как в доме напротив из окна выпрыгивает полуголый разбойник, из его рассеченного запястья струей хлещет кровь. На крыше ойкнул лучник и с грохотом закувыркался по скату, исчез за клетью. И тут будто наконец-таки уколол Тарка промеж лопаток... Не пика — ненавидящий взгляд. Он резко повернулся. На широком деревянном крыльце мальчишка лет двенадцати стоял на полусогнутых ногах, щерился и медленно поднимал над головой тяжелую саблю Нулана. Тарк был раза в два шире и в полтора выше, но подростка это нисколько не смущало. Он не боялся смерти. Он только что ловко расправился с одним врагом и теперь надеялся отправить в ад второго.

А Тарк испугался. Не мальчишку — этого сопляка он развалит надвое одним махом. Испугался переполоха в деревне, топота сорвавшихся с привязи коней, предсмерт-

ных криков, скрежета и лязга. И все-таки заставил себя криво улыбнуться, надвигаясь на маленького убийцу.

Треск за спиной заставил его отпрянуть влево. Он оглянулся через плечо и опять прыгнул, увернулся от плетня, что падал на него, сорванный со столбов страшным ударом. Плетень рухнул на землю, взметнул соломенную пыль. В проломе стоял высокий темноволосый воин с длинным мечом.

— Нехорошо обижать маленьких, Тарк, — незлобиво произнес Конан.

На лице Тарка замерзла кривая улыбка. Ни слова не говоря, он принял боевую стойку.

— Вижу, ты готов умереть, — ухмыльнулся Конан. — Что ж, тем лучше.

— Почему? — хрипло спросил разбойничий атаман.

— Потому что сейчас ты умрешь, — был немудрящий ответ.

— Да ну? — Улыбка натужно растянулась, казалось, тонкие обветренные губы вот-вот полопаются. — А что, если ты ошибаешься?

Конан отрицательно покачал головой.

— Нет, землячок. Насчет тебя я еще ни разу не ошибся. Хотя... Пожалуй, разок все-таки дал маху. Когда пощадил тебя перед лафатским боем. А ты мне чем за добро отплатил?

Произнося эти слова, Конан стоял совершенно расслабленно, небрежно опираясь на рукоять меча. А у Тарка, застывшего в напряженной позе с тяжелым клинком над головой, судорога уже сводила икры.

— Но урок мне пошел на пользу, — продолжал Конан, — и с того дня я не ошибался. Я предугадал каждый твой шаг. Как только ты вывел шайку из деревни, мои люди перелезли через ограду и попрятались в домах. Каждый выбрал себе двоих-троих олухов, и слышишь? — Он приподнял левую руку и указал большим пальцем через плечо. — Многим уже перерезали глотки. Тебя загнала в ловушку, — со смехом добавил он, — девчонка из Нехрема с десятком раненых и больных когирских солдат.

— Хитро, ничего не скажешь, — просипел Тарк и облизал пересохшие губы. — И все-таки на этот раз,

земляк, ты снова ошибся. Я еще не готов подохнуть. У меня совсем другие...

За кратчайшую долю мгновения до молниеносного прыжка он уловил презрительный блеск в глазах Конана и понял, что обречен, перед ним стоит сама смерть, ее не возьмешь на простенький трюк. Сталь встретила сталь, и Тарк отлетел назад, точно от каменной стенки.

— ...Намерения, — растерянно договорил он.

Конан усмехнулся, не трогаясь с места, и Тарк решился нагнуть за своим оружием. Когда его пальцы, онемевшие от чудовищного удара, сомкнулись на рукояти, за спиной раздался яростный крик, и дикая боль обожгла ногу. Падая на колено, он успел полуобернуться. Мальчишка уже отпрянул, его сабля была в крови, на лице — торжество, упоение мстостью. Тарк попытался встать и, всплеснув свободной рукой, повалился набок. «Вот сволочь, щенок! — выругался он про себя, с ненавистью озираясь на мальчика. — Жилы под коленом рассек, гад!»

Посмотрев на мальчика, Конан укоризненно покачал головой, а затем в три широких шага подступил к Тарку. Разбойничий атаман поднял меч и тут же его лишился — оружие улетело под крыльцо. Второй пинок пришелся в нижнюю челюсть, а затем Конан поставил ногу на грудь поверженного соплеменника.

— Все, Тарк, — равнодушно произнес он. — Сейчас я тебя убью. Но это еще не конец твоего путешествия. Сегодня же мы соберем все трупы бандитов, уложим на телеги, отвезем в ближайшее село и отдадим жителям. Надеюсь, они разберутся, кто им друг, а кто враг, и обо всем расскажут кшатриям. Вендийцы — хорошие люди, я не хочу, чтобы они пугали моим именем детей.

— Но разве ты, — прохрипел Тарк, задыхаясь под сапогом Конана, — не сторговался с... кшатриями? Разве они... не оцепили лес?

— О чем ты говоришь? — лучезарно улыбнулся Конан. — Как я мог с ними сторговаться? Они же от меня, как от проказы, удирают. Ну, все, земляк. Прости, мне недосуг с тобой болтать.

Конан взмахнул мечом, и Тарк расстался с жизнью без жалобных криков и мольбы о пощаде. Принял смерть, как подобает киммерийскому воину.

Часть третья КОЛЫБЕЛЬ ВЕСНЫ

Глава 1

Только во внутреннем дворе великолепной резиденции пандрского деспота, среди высоких стен, причудливо украшенных лепниной и плитками из ценных пород камня, агадейский сотник позволял себе снимать доспехи. И то всякий раз ненадолго. Запыхавшиеся солдаты прибегали во двор и звали его на крышу дворца, или в сумрачные коридоры сокровищницы, или в прилегающие поля и в сады, — всюду, где вдруг обнаруживалось уязвимое место в обороне или где враг испытывал горногвардейцев на бдительность.

Конан брал их измором. Его отряд нес потери, зато не давал агадейцам ни мига передышки. Павших заменяли новые бойцы. Из окрестных лесов и с гор возвращались мелкими группами и поодиночке люди из разбитого войска Сеула Выжиги, среди кшатриев губернатора Собутана нашлось немало желающих поквитаться с дерзкими чужаками. А еще в отряд киммерийца влилось много мстителей из погубленных Тарком деревень — простых добропорядочных крестьян, которые в иное время ни за что не нарушили бы закон своей касты, не взяли бы в оружие. Их-то и гибли больше всего. Их сотник, дородный вендиец из рядовых кшатриев, приглянувшийся Конану своей вдумчивостью и исполнительностью, на поверку оказался не семи пядей во лбу, и вендийским крестьянам дорого обошлась его стычка с конным патрулем неприятеля. Горногвардейцев не смутило, что враг всемерно превосходит числом, они ослепили сотника стрелой и закололи, сожгли дюжину народных мстителей «нектаром Митры» и «ноздрями Мушхуша», а потом долго с гиканьем и хохотом гонялись по садам за уцелевшими.

От полного уничтожения крестьянский отряд спасли конные арбалетчики и лучники Конана, они растянулись в цепь невдалеке от сада и стреляли в каждого агадейца, который появлялся на виду. Великолепные доспехи не спасли одного из людей Бен-Саифа, его придавила под-

стреленная лошадь, и тут же из кустов подоспел крестьянин с булавой. Разъяренные агадейцы бросились в атаку на лучников, им на подмогу от дворца помчался Бен-Саиф с тремя десятками человек, но когирцы, пандрийцы и вендийские кшатрии легко усаkali от всадников-тяжеловесов, а тем временем крестьяне выбрались из сада и укрылись среди ближайших скал.

Весь первый день осады дворца и сокровищницы Конан не выдавал агадейцам своего присутствия. Его люди тайком следили за противником, а потом поднимались на утес, служивший их командиру наблюдательным пунктом, и рассказывали обо всем, что видели. А ночью Конан с несколькими людьми подкрался к вражескому посту и собственноручно свернул шею клевавшему носом часовому. Трех воинов недосчитался на рассвете Бен-Саиф, их всех унесли враги вместе с оружием и доспехами.

А ближе к полудню за дело взялись вступили лучники Конана. Агадейцы метко отстреливались с крыши дворца, однако колчаны с ослепляющими стрелами, захваченные ночью киммерийцем, уравнивали силы. До тех пор, пока у осаждающих не кончились чужие стрелы. Знал бы Конан, что их вспышки вызывают только временную слепоту, он бы, конечно, приберег стрелы для решающего штурма. Как бы то ни было, к вечеру Бен-Саиф потерял еще одного убитым, а трое получили серьезные раны.

На ночь он удвоил посты и выставил секреты, но и Конан сменил тактику. Его люди уже не бросались из темноты на агадейцев с холодным оружием, они подкрадывались на бросок трофейной бутылки с «нектаром Мушхуша» или выстрелом «жала» и, сделав свое дело, бросались наутек. Не всем удалось уйти, но в итоге горногвардейцы потеряли убитыми и обожженными почти десяток.

На следующее утро крестьяне схватились с конным патрулем, а потом чуть ли не весь день Бен-Саиф с большей частью своего отряда носился по садам за всадниками Конана. Словно предугадав вылазку горногвардейцев, мстители не надели доспехов; сильные лошади легко уносили их от погони.

Тогда Бен-Саиф спешил своих людей и повел прочесывать скалы, где попрятались недобитые крестьяне. Конан будто только того и ждал: с полусотней отчаянных

смельчаков он атаковал горстку агадейцев, которые стерегли коней всего отряда. Пятеро караульных погибли на месте, а Конан потерял шестнадцать человек, зато увел с поля боя сорок восемь коней, сплошь увешанных чудодейственным оружием. Бен-Саиф чуть не плакал от отчаяния, провожая их с утеса взглядом.

В тот же вечер он отправил на север, в Шетру, троих гонцов. За подмогой. Ибо понимал: еще неделя такой войны, и он угробит всю сотню и не выполнит королевского приказа. Агадейская коса нашла на киммерийский камень. «Конан! — бессонной ночью проклинал он в мыслях варвара с далеких студеных гор. — Что же ты творишь, дурак? Какого демона связался с этим безыдейным сбродом? Я же звал тебя к нам! Мы б тебе дали все, о чем бы ни попросил! Хоть целое королевство!»

А наутро вернулся гонец и рассказал о страшном конце двоих спутников. Их подстерегли на горной тропе — по всей видимости, Конан предвидел и этот шаг агадейского сотника. Одного нарочного раздавили громадным валуном, другого сдернули арканом с лошади, и он лишился чувств от удара о камни, а третий сумел уйти, застрелив из «жала Мушхуша» несколько противников. Он бы справился и с остальными (у них не было трофейного оружия), если бы осколок валуна, который убил товарища, не сломал ему ногу в голени. Едва держась в седле от боли и слабости, он выбрался с перевала и потерял сознание; умный конь сам нашел дорогу к своим.

Бен-Саиф подошел к дощатому навесу, под которым в погожие дни трапезничали сначала строители дворца, потом солдаты Сеула, а теперь — захватчики. За длинным столом сидели девять усталых и мрачных агадейских воинов, макали в мед черствые лепешки, запивали молоком. Люди были измотаны до предела, с тех пор, как в этих местах объявился Конан, они спали урывками, а последние сутки, сменяясь с постов, брали в руки топоры и мастерили четыре мощные катапульты инаннитской конструкции. Бен-Саиф решил поставить две катапульты на крышу дворца и две на сокровищницу, каждая из них могла метать глиняные сосуды с горючей жидкостью на девять-десять полетов стрелы. Таких сосудов он провез через земли афгулов и вендийцев полные тринадцать

телег — двести с лишним снарядов. Их начинка называлась «слезами Инанны», от «нектара Мушхуша» она отличалась тем, что воспламенялась от соприкосновения с воздухом, а не с водой или слюной. Запасы «слез» требовали огромной осторожности, а потому хранились в недрах сокровищницы, среди груд золота, серебра и драгоценных камней.

— Давайте, поторапливайтесь, — проворчал он, окинув взглядом хмурые землистые лица. — Если до вечера не взгреем как следует Конана, к утру опять кого-нибудь недосчитаемся.

Десятник засунул в рот недоеденный кусок лепешки, встал, жестом велел остальным подниматься и, торопливо жуя на ходу, двинулся вслед за Бен-Саифом. Посреди двора пылал большой костер, а рядом стояла широченная корзина из ивовых прутьев и лежал на мостовой громадный мешок из воздухо непроницаемой ткани. Над созданием этого летательного аппарата потрудились немало мудрых голов из Храма Откровения Инанны, а испытывали ее в Пустыни Благословения, — королю было угодно, чтобы эрешитские искусники не остались в стороне от создания нового агадейского чуда. Бен-Саифу довелось однажды подняться на мешке с горячим воздухом; до этого он, без малого десять лет прослуживший в горной гвардии, не замечал у себя боязни высоты.

— Взались, ребята, — хрипло сказал десятник своим людям, которые обступили костер и мехи. — Ну? Начали. И — р-аз, и — два, и — р-аз, и — два...

Десятник командовал, две пары солдат, держась за длинные рукояти мехов, нагнетали горячий воздух, четверо расправляли своенравную оболочку, а Бен-Саиф придерживал широкую кожаную кишку, не давая ей выпасть из отверстия в мешке. Шар надувался, точно громадный гриб-дождевик, а люди у мехов сменялись все чаще, исходили потом, то один, то другой в изнеможении падал на колени, но неумолимый десятник осыпал его ругательствами и заставлял подняться. Все-таки мешок мало-помалу раздулся и наконец оторвался от земли, а затем и корзина тяжело заколыхалась на кожаных ремнях. Волосяной аркан, затянутый на торце коновязи, натянулся как стрела и накренил корзину, но не пустил ее в небо.

— Готово, командир, — буркнул десятник.

Бен-Саиф кивнул и легонько пнул в бедро одного из воинов, переводящего дух на мостовой.

— Ординарца ко мне. Бегом.

Воин беспрекословно поднялся и побежал, спотыкаясь, к отворенной двери. Бен-Саифа уколола жалость — ординарец на крыше, у катапульт, измученному гвардейцу придется одолеть шесть длинных лестничных маршей.

Ординарец не замешкался, но все-таки Бен-Саиф встретил его хмурым взглядом — над головой стыл воздух в плену оболочки.

— Все, как условлено, — напомнил помощнику Бен-Саиф. — Мне сверху до тебя не докричаться, так что не забывай держать человека точно под шаром. А другого поставь между дворцом и сокровищницей для связи. «Слез» на крыше достаточно?

— По десять штук, — доложил ординарец, — на катапульту.

— Пускай еще по десять принесут, — решил Бен-Саиф, — и засыплют песком. Да поаккуратнее, ясно? Нам сейчас только горящего дворца не хватает.

— Есть поаккуратнее.

— Действуй, — отпустил Бен-Саиф ординарца.

Шар нетерпеливо подрагивал в десяти локтях над корзиной — огромный пузатый монстр, такая темная медуза, перепутавшая воздушный океан с родным тропическим морем. Хлипкая корзина, изделие малоискусственных в воздухоплавании солдат, не внушала доверия, и Бен-Саиф огорченно посмотрел на грудку своих доспехов. Их придется оставить — лишняя тяжесть. А впрочем, разве спасут доспехи, если он сверзится с невероятной высоты? По жилам разливался муторный страх, душа так и норовила спрятаться в пятки, и Бен-Саиф подумал невольно: а не запустить ли в поднебесье кого-нибудь другого, хоть того же ординарца? Нет, нет и нет. В горной гвардии каждому рекруту первым делом вбивают в голову золотое правило: сам задумал, сам и выполни. Иначе потом локти будешь кусать, сегодя на чужую тупость.

«Эх, Лун, — тоскливо подумал сотник. — Вот кого бы я сейчас охотно посадил в корзину, так это тебя. Конан

и глазом не успел бы моргнуть, как проникся бы к нам симпатией. Или в его отряде появились бы наши люди».

Он подпрыгнул, схватился за шаткий борт корзины, перевалился через него, встал, обрел устойчивость и с замиранием сердца дал знак десятнику. Тот подскочил к коновязи, сбросил волосяной аркан, и шар, вздыхая, как живой, и грузно переваливаясь с боку на бок, поплыл ввысь.

В добром полете стрелы над дворцом прочный канат оборвал подъем летательного аппарата. Под напором легкого ветерка мешок с теплым воздухом двинулся на северо-восток. В сторону Агадеи. И окончательно завис над обширным мандариновым садом.

«Ага, вот они где, подлецы!» — сразу углядел Бен-Саиф к востоку от сада лагерь противника. Несколько десятков шатров, люди, кони. Его кони, агадейские. Доставшиеся киммерийскому пройдохе по его, Бен-Саифа, оплошности.

Он свесил голову за борт и поглядел вниз. Трое связанных на быстроногих конях держались под шаром. Ждали приказов командира.

Сотник выудил из-за пазухи стальное перо, выдернул пробку из тонкогорлой керамической чернильницы, достал стопку бумажных квадратиков (пока он воевал в Нехреме, высоколобые инанниты научились-таки делать новый писчий материал, бумагу, и в довольно больших количествах). Он уселся на дно корзины, расправил листок на колене и только сейчас спохватился, что некуда поставить чернильницу. Кляня себя за непредусмотрительность, сотник выпростал из рейтуз подол рубахи, оторвал тонкий длинный лоскут, продел между прутьями борта корзины и кое-как привязал чернильницу, чтобы горлышко смотрело вверх. И вдруг заметил, что перо успело до середины провалиться в одну из бесчисленных щелей дна. Еще миг, и оно умчится вниз! Чем тогда писать приказы?

Он успел поймать перо двумя пальцами за самый кончик, шумно перевел дух и рассмеялся.

Вскоре записка вместе с камешком в белом хлопковом мешочке полетела к связным, а затем один из них карьером поскакал во дворец. Бен-Саиф злорадно усмех-

нулся: мое дело сделано, теперь дело за ординарцем и катапультами.

Его внимание привлек небольшой отряд пандрских всадников на западе, в пяти-шести полетах стрелы. Как-вадька продвигалась по дороге к селу, выходит, люди Конана и там рискнули расположиться? Что ж, напрасно. А в саду, где горногвардейцы разгромили крестьянский отряд, наблюдается скопление пехоты. Костры, котлы, смуглые вендийки, стирающие в ручье солдатское исподнее. Кшатрии на привале. Чудненько. Второй мешочек с бумажкой и камешком — фьюить!

— Обр-ати внимание, — произнес вдруг за спиной скрипучий голос, — на юго-запад.

Бен-Саиф обернулся, как ужаленный. На краю корзины сидела тропическая птица пестрой окраски, с преобладанием оттенков зеленого. Вертела клювастой головой и хладнокровно смотрела на сотника то одной, то другой черной жемчужинкой с белым ободком.

— Силы подземные! — воскликнул ошеломленный сотник.

— В том лесочке, — продолжал попугай, — сам Конан со своими когир-рцами. И кр-расоткой Юйсар-ры. Ах, какая женщина! Что за гр-рудь! Что за икр-ры!

— Ияр? — осенило Бен-Саифа. — Ты же Ияр, да?

— Ияр, — подтвердила птица. — Р-рад тебя видеть, агадеец.

— Ха! — Бен-Саиф восторженно хлопнул в ладоши. — Каким ветром тебя занесло, старина?

— Да вот, пр-рилетел отдать должок, — охотно ответил бывший апийский сотник. — Это у меня теперь такое р-развлечение. А ведь я только что от нашего пр-риятеля.

Агадеец посмотрел на Ияра повнимательнее. Тропическая птица изрядно утратила лоск: перья грязны и растрепаны, на месте роскошного пестрого хохолка — плешь. И тем не менее, от попугая так и веяло самоудовольствием.

— Ты про Луна? — с надеждой спросил Бен-Саиф. — Так он жив?

Попугай отрицательно помотал головой.

— Жив-то жив, но, увы, в тюрьме. В подземных стенах. Я хотел его выр-учить, ведь он, так сказать, спас мне жизнь. Но меня и на пор-рог не пустили. Там все настор-роже, сучьи потр-роха, никто не р-рискует смотре-реть в глаза даже ничтожной мухе. Боюсь, Лун очень плох. Я побывал у Каи-Хана.

— Да что ты?! — удивился Бен-Саиф. — И не побоялся?

— Так тр-рясья, что половину перьев р-растерял, — честно ответил Ияр. — Зато Каи после моего ночного визита недосчитался пр-равого глаза. Он теперь не соправитель Апа, а убогий калека, посмешище. Словом, покойник, сучьи потр-роха. Пр-редставляешь, как Авал обрадовался?

— Представляю, — с широкой улыбкой кивнул Бен-Саиф. — Ну, а ко мне ты зачем прилетел?

— Так я же говор-рю, должок отдать. Р-раз я Луна не спас, так хоть тебе помогу. Хочешь этих нечестивцев выжечь? — Ияр мотнул головой вбок. — Запр-росто. Я тут целый день летал, все р-разведал. Только уговор! — Он приподнял драное крыло.

— Вернуть тебе человеческий облик? — предположил Бен-Саиф. — Прости, Ияр, не могу обещать. Вот, если Луна спасем... Тогда пересадим тебя в какого-нибудь здорового, красивого каторжника. Видишь ли, Лун — уникал. Свой необыкновенный дар он получил в награду от самого Анунны, это один из наших святых, он дал обет не совершать ни добрых, ни злых дел, но изредка делает исключение для кого-нибудь из паломников, выполняет его самое сокровенное желание...

— Да гадить я хотел на человеческий облик, — встряхнул крыльями попугай. — Мне и в этом неплохо, лечу, куда хочу, сам Митр-ра не брат. Тут за мной давеча ястр-реб увязался, сучьи потр-роха, так вер-ришь ли, я ему пол-хвоста выклевал! Нет, Бен-Саиф, ты мне лучше Юйсар-ры отдай, подр-ружку Конана. Ах, какая стать! Ах, какие бедр-ра!

— Женщину? — изумился Агадеец. — Помилуй! Да на что попугаю человеческая самка?

— А вот увидишь, — уклончиво пообещал Ияр, поправляя клювом растрепанные перья на грудке.

* * *

Со сводов подземелья срывались холодные капли, редкие светильники, расставленные по нишам слепыми надзирателями, скупались на чахлый свет, как последние крохоборы. С тех пор, как хозяин замка помрачился рассудком, тюрьма содержалась в небрежении. Зивилла посещала ее нечасто, а надзирателей осталось вчетверо меньше прежнего, остальные давным-давно разбежались, убоясь «лунной болезни».

У полудюжины зрячих, которые помогали трем слепцам стеречь пленников, наверное, на всю жизнь укоренилась привычка ходить с низко опущенной головой. Они никогда не смотрели в глаза узникам, которые упрямо называли себя Лунами. Это и спасло челядинцев графа Парро от заразы, когда один из надзирателей, помрачась рассудком (без помощи Лунов, просто от дурной наследственности вкупе со злоупотреблением пивом и вином), внял-таки уговорам графа и вошел к нему в камеру. Вскоре после этого, не поднимая глаз, его зарезал другой стражник, когда безумец приблизился к нему и попытался завести разговор по душам. А графа оглушили и бросили обратно за решетку, снова надев ему бронзовые шоры. Люди из подземелья давно научились узнавать Лунов по манере речи.

Женщина в мужском теле тоже не поднимала головы, спускаясь по скользким от грязи маршам. Перед ней бесшумной тенью скользил надзиратель, — кряжистый, толстоногий, он был неотличим от своих приятелей и от тюремщиков из других замков Когира, словно дворяне когда-то задались целью вывести особую породу стражей подземелья и добились успеха. Казалось, коренастые охранники рождены как раз для этих сумрачных анфилад; прислонится такой где-нибудь к стене, и запросто спутаешь его с пилоном или контрфорсом.

Только в одну «чумную» камеру осмеливались заходить стражи. Там в неглубокой стенной нише лежал прикованный к кровати пленник. Оковы, конечно, были не нужны — в агадейце едва теплилась жизнь.

Надзиратель услужливо поставил у кровати шаткую табуретку и, ловинуясь жесту Зивиллы, беззвучно выскользнул из камеры. Лязгнула дверь, за крошечным зарешеченным оконцем всколыхнулась серая тень.

Пленник в алькове безмолвствовал. Зивилла прислушалась к его неровному дыханию и поняла, что он в сознании и не спит.

— Зачем ты звал меня, Лун? — спросила дама Когира.

Еле слышно скрипнула кровать. Лязгнули оковы. И словно из немыслимой дали донесся прерывистый шепот:

— Я звал тебя... почти неделю назад.

Зивилла пожала плечами.

— Я была занята. Истребляла в лесах твоих друзей. Теряла своих. Отнимала оружие у Лунов, которых слугу взялся снабжать твой король. Вчера мы захватили большой обоз агадейцев, всыпали им по первое число, вот я и позволила себе передышку. Решила навестить тебя, послушать, что новенького скажешь, а заодно «порадовать» своими новостями.

Лун снова шевельнулся на кровати.

— Да, на этой войне... нам не очень везет.

— Нам тоже, — с горечью признала Зивилла и безрадостно усмехнулась. — Столько напрасных жертв. Зато мы вас отучим воевать. Раз и навсегда.

Несколько мгновений Лун лежал молча. «Все-таки ему тяжело говорить», — догадалась Зивилла.

— Дама Когира... — сипло произнес узник. — Я все думал... что за странный титул?

— Мог бы спросить у кого-нибудь из надзирателей.

— Спрашивал. Не отвечают. Никто из них со мной не разговаривает. Боятся.

— Мне кажется, на то есть причина, — язвительно вымолвила Зивилла.

Лун тяжело вздохнул.

— Уже нет.

Пришел черед когирянке сделать паузу.

— Что значит нет?

— Мне было видение, — пояснил Лун. — Даже не скажешь, что видение... совсем как наяву. Он сидел на этом же табурете...

— Кто?

— Ну-Ги, отшельник... мой духовный отец. Это он... научил меня...

— Переселяться в чужие умы? Менять местами человеческие души? — Зивилла вдруг разволновалась и тот-

час мысленно приструнила себя: «Спокойно! Хоть виду не подавай!»

— Да, — ответил Лун. — В детстве... я был воспитанником... Пустыни Благого Провидения. Это храм в горах Агадеи, там много всяких чудес. А в горах над Пустынью... пещера отшельника. Там его нетленные мощи прикованы к скале... были прикованы до недавних пор, сейчас он снова странствует... Вернулся в мир. Говорит, что мир без него сошел с прямой дорожки.

— Когда я был маленьким... — Голос Луна слабел, слова перемежались тихими стонами. — ...жрецы повели нас в пещеру Ну-Ги, чтобы постричь в монахи. Мы долго поднимались в гору, хотелось пить, а в пещере... я увидел источник... Как раз под мощами. Моих сверстников тоже мучила жажда, но они боялись прикоснуться к воде, да и пастыри не велели... А я все-таки испил... украдкой. И за это... за смелость... за то, что я такой особенный... Ну-Ги наградил меня. Он пообещал... тогда... что выполнит мою наискровеннейшую мечту. Сказал... ты, может быть, сам о ней не подозреваешь, она — в самой глубине твоей души, пришла, наверное, еще из прежней жизни. Но я тебе помогу, сказал он, ступай... мальчик... и будь царем судьбы своей. Так я стал волшебником.

— Выходит, чародеев вроде тебя в Агадее не осталось? — Зивилла ощутила, как по щекам расплзается румянец возбуждения.

— Таких, как я — ни одного. У Ну-Ги был обет... не колдовать, он нарушил его только... ради меня. Так он сказал. Я потом возился с монахами Эрешкигали, пытался их... научить, но все без толку... Зивилла... ты не ответила. Почему тебя называют... дамой Когира?

— Называли, — угрюмо поправила она.

— Называли.

— Дама Когира — это не геральдический титул, — сказала она. — Всего-навсего почетный. Женщина носит его от турнира до турнира. Рыцарь, побеждающий на турнире, завоевывает этот титул и отдает даме своего сердца. Я была Дамой Когира восемь лет подряд. В последний раз осталась ею благодаря Сонго, юноше из моей свиты.

— Вот оно что, — донесся из алькова полустон-полупшепот. — Значит, это я отобрал у тебя титул... Зивилла... Хочешь, я его верну?

Когирянка печально улыбнулась и осмелилась чуть приподнять глаза. Изгвазданное шерстяное одеяло лежало жгутом поперек кровати, исходнее на узнике было в пятнах засохшей крови. «А ведь ему ни разу не сменили повязку», — подумала Зивилла. И мысленно одернула себя: он не заслуживает жалости.

— Вместе с прежним телом? — глухо произнесла она.

— Конечно... Как же еще?

— Что так, Лун? Почему ты сразу не согласился? Ведь мы с Конаном тебя уговаривали. Унижались перед тобой.

— Тогда я... не мог, — хрипло ответил Лун. — Не имел права. Нет, не то... Как бы тебе объяснить... Мы, горногвардейцы, не властны над собой. Когда мы присягаем королю, мы произносим заклинание... Сами себя заговариваем. Это мощные чары... нарушить их невозможно. Когда вы с Конаном просили меня... я просто не мог ничего исправить. Я был солдатом и воевал. Даже в этой камере.

А неделю назад... ко мне пришел Ну-Ги. Он... он говорил такие ужасные вещи... Поверь, Зивилла, нет хуже пытки, чем слушать такое от человека, которого считаешь вторым отцом. Я употребил во вред... его священный дар. Оказывается, сокровенная мечта тут ни при чем... ее и не было вовсе. Представляешь? Он научил меня вселяться в чужие умы... чтобы я проник в разум повелителя и остановил его, не дал совершить роковую ошибку. А я все эти годы ни сном, ни духом... Когда мне стукнуло девятнадцать, один влиятельный вельможа... Ибн-Мухур... убедил меня пойти в гвардию. Настоятель не возражал, у нас это в порядке вещей. Я принял присягу... и все! С того дня я даже в мыслях не мог... причинить зло своему властелину. А Ну-Ги... старый безумец забыл про меня. И только теперь вспомнил. Пришел сюда... и шутя снял заклятие. Сказал, что мои раны гноятся, скоро я умру... и поделом. А на Серых Равнинах, сказал он, ничего хорошего тебя не ждет, если не исправишь содеянное... хоть отчасти. И вот я... попросил стражников, чтобы позвали тебя. Я готов исправить... что успею. Поверь... это не уловка.

— Я верю. — Зивилла улыбнулась.

— Неправда. — Пленник тяжело вздохнул. Ты мне не веришь. И никто не верит. Вы все боитесь «лунной болезни».

— А ты посмотри мне в глаза.

Женщина в мужском обличье нагнулась к пленнику. Мешок с прорезью для рта упал на пол. Она отстранилась. Она не знала, что мешок скрывает бронзовую маску с прорезью для глаз.

— Я позову надзирателя, — сказала Зивилла. — Он снимет маску.

— Лучше отвези меня... в Даис. Я должен встретиться с Ангдольо... пока жив. Он привезет меня обратно... и ты вернешься в свое тело.

Затянулась пауза. Когирянка сидела, тоскливо глядя в одну точку. Прислушиваясь к тяжелому дыханию Луна.

— Я позову надзирателя, — повторила она. — Потом ты расколдуешь Парро и остальных. Излечишь всех, кого мы поймает.

— Всех не успею... Мне жить осталось...

— Сколько успеешь, — хмуро перебила Зивилла.

— А как же... ты?

— Меня больше нет, — бесстрастно ответила когирянка, вставая. — Позавчера в Даисе горногвардейцы похоронили мое тело. Гангрена.

— Прости, — вздохнул Лун. — Это ужасно, но... может быть, тебя устроит тело другой женщины? Приведи ее ко мне, и я...

— Ты, — зло оборвала Зивилла, — больше никогда меня не увидишь. Прощай.

Она быстро вышла из камеры и жестом остановила надзирателя, который хотел вставить в замочную скважину ключ.

Глава 2

Прозрачный запаянный шар угодил в вершину скалы, вверх и в стороны брызнули «слезы Инанны». Еще не успев долететь до препятствий — серого гранита, кустов, древесных стволов — они превратились в ярчайшие искры. А чуть позже буйное пламя обьяло весь утес.

Напуганной змейкой Юйсары выскользнула из объятий Конана, сгребла одежду в охапку. Обнаженный ким-

мериец сидел на сочной траве, с тревогой глядел на оранжевый столб; в реве пламени тонули мирный щебет птиц и жужжание насекомых.

Он торопливо оделся и, прихватив оружие, побежал мимо лагеря когирцев к цепочке скал. Хватаясь за кусты и камни, вскарабкался на невысокий утес в двух бросках копья от охваченного пламенем. Окинул равнину цепким взглядом.

Два точно таких же пожара бушевали на севере, за дворцом и сокровищницей, и на северо-западе. И там, и там были его люди. На севере — когирцы и пандрцы, на северо-западе — кшатрии. А по левую руку, всего в полете стрелы, обосновались вооруженные крестьяне.

Едва он вспомнил о крестьянах, над самой середкой их стана взвился оранжевый жгут. А вскоре до Конана донеслись крики.

Он повернул голову в сторону дворца и заметил неприятельский снаряд. Не увидел (увидеть было невозможно, прозрачный шар, наполненный бесцветной жидкостью, сливался с небесной голубизной), а уловил движение. Загигательный снаряд летел прямо на него.

За миг до падения шара Конан показался себе голым и беспомощным, как новорожденный ребенок. Сейчас рядом с ним на скалу прыгнет огненная смерть, и...

«Слезы Инанны» брызнули на лагерь. Кто-то закричал от невыносимой боли, вспыхнули шатры, в следующее мгновение поднялась дикая суматоха. Где бегом, где съезжая на седалище, Конан спустился со скалы и примчался к когирцам.

— Коней! — закричал он, надсаживая горло. — Уводите коней!

Стреноженные кони пронзительно ржали, скакали по лагерю, сбивали людей, опрокидывали котлы и рушили пирамиды из копий. Несколько воинов таскали в щлемах воду из ручья, тщились спасти горящую грудку провианта, — шатер, прикрывавший ее, успел превратиться в пепел. Сонго висел, как пиявка, на шее своего перепуганного коня, пытался остановить. К нему подскочил Конан, оглушил скакуна ударом могучего кулака по черепу, оттащил когирца от падающего животного и закричал, развернув лицом к себе:

— В лес! Уводи людей в лес! Рассеяться!

— А лагерь? — растерянно выкрикнул когирский рыцарь. — Они же тут все сожгут!

— Людей спасай, болван! — вышел из себя Конан. — В лес! Не вздумай на равнину высунуться — конницей ударят.

Сонго кивнул и, прихрамывая, поспешил к своим товарищам. Конан огляделся, заметил Юйсары, гаркнул: «Сюда!» За спиной треснуло стекло, он развернулся в прыжке, как от неожиданного удара кнутом. Шар угодил между двумя шатрами, забрызгал оба; капли на земле и холсте быстро наливались оранжевым жаром. Конан отскочил от гибельной лужи, а шатры вспыхнули, и запылала земля, и казалось, пламя не уймется, пока не прожжет себе лаз к сердцу земли.

На этот раз никого из людей не задело, но сосуды падали с потрясающей точностью, а значит, лагерью конец, подумал Конан. Но не эта мысль привела его в ярость. Здесь, в лесочке за скалами, стояла меньшая часть когирского отряда, остальные расположились на севере, и у них были кони, отбитые у агадейцев. Сорок восемь скакунов. Сутки напролет сорок восемь когирских рыцарей и отборных воинов Сеула Выжиги осваивали необыкновенное оружие покорителей мира, чтобы завтра штурмовать сокровищницу и дворец, чтобы громить врага его же оружием. За навыки приходилось дорого платить — ожогами, рваными ранами, даже жизнями. Двоих унесла на тот свет «ноздря Мушхуша»; плохо прикрепленная, она сорвалась с бока скачущего коня и хлестнула огнем по цепочке зрителей. А теперь получается, эти жертвы напрасны. Конан заскрежетал зубами и выругался.

Его вина. Он видел, как на крыше великолепного дворца и плоской вершине колоссальной гранитной глыбы — сокровищницы пандрского властелина — агадейцы сооружают метательные машины. И лишь ухмылялся. Катапульти придуманы для обстрела крепостей или больших осаждающих армий, а вовсе не для истребления юрких отрядов всадников. Все равно что с пращей охотиться на комара. Не испугал Конана и воздухоплавательный аппарат — дегитце агадейского гения. Киммериец прикинул, что стрелой до мешка не достать, а канат, на

котором он держится, начинается в стенах дворца. «Ну и пусть болтается, — сказал он себе, глядя на беспомощную игрушку ветров. — Наверное, Бен-Саиф собирается швырять с него “нектар Мушхуша”, когда я поведу людей на приступ. Не иначе, за дурака меня держит».

Но оказалось как раз наоборот. Это Конан принимал Бен-Саифа за дурака. Успехи в ночных нападениях на караулы, в стычках с мелкими группами грозных вражеских конников притупили его осторожность и проницательность. И теперь агадейцы сурово наказали его за беспечность. Не будет завтра никакого штурма. С утра до ночи ему придется собирать по лесам и садам разбежавшихся людей и коней.

Четвертый шатер занялся огнем, и только один, на дальнем краю лагеря, остался цел. Когирцы укрылись среди деревьев — никто не искал страшной и бессмысленной смерти. Только Конан бесцельно метался по горящему лагерю, перепрыгивал через мириады огоньков, усеявших землю.

Полог уцелевшего шатра откинулся, и перед Конаном выпрямился агадейский воин.

Киммериец с ревом схватился за меч... и облегченно ругнулся, узнав Сафара. За слепым рубкакой из шатра выбрался мальчишка-поводырь, он тоже успел облачиться в серые доспехи убитого агадейского караульщика. Золотой шишак так и норовил съехать на нос, с таким же успехом мальчик мог нахлобучить на смуглую обритую голову войсковой казан, что вмещает еды на десятерых.

— Какого демона вы тут дурака валяете? — От неожиданности Конан даже повеселел.

Безглазый воин, не так давно слышавший грозой бусарского жульа, улыбнулся и показал в шатер.

— Там еще доспехи для двоих.

— А толку? — не понял киммериец. — Ты и в этих лезвях испечешься в лучшем виде.

— Под шаром, — перестал улыбаться Сафар, — все время торчат трое-четверо верховых. Вот он видел. — Могучий бусарец положил ладонь на плечо поводыря.

Конан и сам обратил внимание на всадников, гарцующих под шаром. Ему было невдомек, зачем они там понадобились, ведь с земли в надутый мешок не попадешь

ни из лука, ни из арбалета. Наверное, просто на всякий случай.

— Это связанные, — пояснил Сафар. — Человек под мешком высматривает нас и бросает связным записки для obsługi катапульта. Вот он, — новый хлопок по плечу поводыря, — видел, как конники снуют туда-сюда.

— Ну и что? — равнодушно спросил Конан, хотя у него забрезжила догадка.

— К связным, — проговорил Сафар, — можно подобраться довольно близко по саду. Перебить и занять их место. Может, и не заметят из дворца.

Теперь Конан понимал замысел Сафара. Чудовищный риск. И из корзины, подвешенной к мешку, и с крыши дворца агадейские всадники видны, как на ладони. Подобраться к ним незамеченными? Налететь во весь опор и перебить? Проникнуть во дворец под видом связных? А дальше? Во дворце и сокровищнице семь или восемь десятков вооруженных до зубов горногвардейцев, признанных мастеров военного дела. Их-то как одолеть?

— Годится! — ухмыльнулся Конан. — Вот только один пустячок меня смущает. А ну, как нас этот умник из корзины углядит?

Сафар пожал плечами.

— Тем лучше для нас. Он сбросит записку, гонец подберет и поскачет во дворец. Связные не читают записки, а только передают.

Конан рассмеялся. Затея-то в самый раз для него. Просто и остроумно.

— Молодчина, Сафар. Здорово придумал. Давай, снимай железяки, я возьму троих ребят, попытаем счастья.

Сафар решительно помотал головой, его поводырь настороженно зыркнул на Конана из-под шлема.

— Нет, командир. Раз я придумал, значит, мне и выполнять. Ты уж не обижай калеку, ладно?

Конан чуть-чуть поразмыслил и уступил. С тех пор, как Сафар появился в его отряде, он брался за самые рискованные дела и ни разу не подвел.

— Ладно, старый вояка. Вижу, смерти ищешь, ну, да Кром тебе судья. Но уж его-то, надеюсь, оставишь? — Он протянул руку и щелкнул ногтем по шлему мальчика.

— Да куда ж я его дену? — усмехнулся слепой. — Привык он ко мне, шельмец. Пропадет один.

— Будь по-твоему, — согласился киммериец. — Заберите остальные доспехи и ждите меня в лесу. Нам нужен четвертый, я найду кого-нибудь из парней и...

— Не надо никого искать, — сердито произнесла Юйсары за его спиной.

Конан обернулся, чтобы цыкнуть на девушку. И осекся. Окинул взглядом всех троих и расплылся в улыбке.

— Ай да и воинство, клянусь Кромом! Ну, держись, Агадеи!

* * *

Отдохнувшие горногвардейцы снова наполнили шар горячим воздухом, и снова он поднял Бен-Саифа в небеса. Юго-восточный ветер заметно окреп, если бы не дрожащий от натуги канат, мешок с дымом помчал бы сотника в сторону родной Агадеи. Не так уж далеко до нее, если лететь по прямой, как вон тот крупный зеленый попугай, который снова приближается к корзине с запада.

Сотник поглядел вниз. Шар завис над краем широкого фруктового сада. Он сразу заметил среди деревьев трех серых наездников. И тут же его кольнуло беспокойство: не подобрался бы к ним по саду враги. В очередной записке, решил он, прикажу, чтобы связным дали прикрытие из резерва.

Когти попугая вонзились в ивовые прутья. Ияр-Хампа затараторил, еще не успев сложить крылья:

— Кр-растота, сотник! Ну, и всыпали ж мы им! По пер-вое число! Кр-ругом тр-рупы, тр-рупы! И пожар-ры! Дер-ревня — дотла! Твои кони р-разбежались, кшатр-рии пер-репуганы насмерть, сельские олухи мечутся в панике. Ты победил! Завтр-ра им будет не до мелких пакостей.

— А где Конан? — взволнованно спросил Бен-Саиф. — Ты не видел Конана?

— Сбежал, как последний тр-рус! Ты сжег его лагерь со всеми пр-рипасами и ор-ружием. Теперь надо подпалить лес со всех концов, и Конану кр-рышка.

— А как же твоя зазноба? — ухмыльнулся сотник. — Ведь она тоже сгорит.

— Пускай! Я тут полетал, прр-размыслил над твоим пр-редложением. Пожалуй, мне нр-равится идея насчет пер-реселения в тело катор-ржника. Только уговор: я сам буду выбир-рать.

— Да ради Нергала! Больше ничего интересного не заметил?

Попугай взмахнул крыльями, развернулся и снова уселся на край корзины.

— Вон там, — сказал он, — ср-разу за р-раздвоенным тополем ложбина, в ней накапливается конница. Душ тр-ридцать уже есть. Пандрцы и кшатр-рии. Хор-рошо бы по ним изо всех четыр-рех катапульта вр-резать, а?

— Запросто. — Бен-Саиф полез за бумагой.

— Сейчас как козлы запр-рыгают! — ликовал Ияр. — А не пр-ромажут твои?

— Кто-то, может, и промажет, — рассудительно произнес агадеец, — а кто-то, глядишь, и попадет. Жалко, нельзя для пристрелки шарик-другой кинуть.

— Нельзя, — подтвердил попугай. — Др-рапанут. Они теперь ученые.

Мешочек с приказом улетел вниз, его подобрал связной и помчался к дворцу. Бен-Саиф проводил его взглядом и обмер. На крыше сокровищницы запылал огромный костер.

— Катапульта! — Он взвыл. — Ублюдки! Шар раскололи! Сволочи! Повешу!

Усталый подносчик споткнулся о горизонтальную раму метательной машины, огромный, в обхват, стеклянный сосуд с горючей жидкостью скатился с носилок на отесанный гранит. Виновник падения шара успел отскочить, а его товарищ сгорел в мгновение ока. Агадейская катапульта, венец баллистического творения Хайборийской эры, жалобно затрещала в огне.

Посланец Бен-Саифа бегом взобрался на крышу дворца, передал записку ординарцу и замер, глядя на огненную корону сокровищницы, на солдат, которые бестолково носились вокруг гибнущей катапульти. Ординарец и сам был зачарован этим жутким зрелищем, иначе он бы сразу велел связному убираться с крыши на боевой пост.

Бен-Саиф, кляня всех известных ему богов и богинь, кроме агадейских, повернулся на оклик Ияра. Птица ука-

звала крылом вниз. Сотник подскочил к противоположной стенке корзины и сразу увидел четырех всадников в серых доспехах с золотыми шишаками. Всадники двинулись в его сторону и были уже довольно близко от связанных.

— Ну и что? — Он удивленно посмотрел на Ияра. — Это ж наши.

— Какие, к Митре в задницу, наши?! — раздраженно вскричал попугай. — Ты посмотри, откуда они идут? Ты их туда посылаешь? Наши!

— Люди Конана! — сообразил Бен-Саиф. — Переоделись! Хотят прикончить связников.

— Это еще полбеды, — проворчал Ияр. — Хуже будет, если они во дворец проникнут.

— Под видом связных? — удивился агадеец. — Вчетвером? Безумие.

И тут он вспомнил, с кем имеет дело. Это же мстители Конана, а может быть, и сам киммериец среди них. О его отчаянной храбрости и необыкновенном везении ходят легенды. Он и один, с голыми руками, опасен, как бешеный демон. У Бен-Саифа зашевелились волосы на макушке.

Он перегнулся через стенку корзины, замахал руками, закричал связным:

— Эге-гей! Тревога! Враги приближаются!

Ветер уносил его слова прочь, а с юга, с гранитной сокровищницы, летел треск пожара. Всадники неотрывно смотрели на огонь. Они не слышали своего командира.

— Болваны! — выругался Бен-Саиф.

— Сбр-рость им записку, — ворчливо посоветовал Ияр.

Сотник кивнул, опустился на корточки, достал из-за пазухи листки. Трясущаяся от волнения рука сразу выпустила бумажки, они рассыпались по хлипкому дну корзины. Бен-Саиф скрикнул зубами, прижал к колену первый попавшийся листок, макнул перо в чернильницу, нацарапал: «С юго-востока к вам подбирается противник. Четверо в наших доспехах. Немедленно отступить во дворец».

Он сбросил мешочек, целясь в заворуженную огненной пляской группу солдат, тот покрутился в воздухе и приземлился у стремени одного из всадников. Агадеец на-

гнулся, подхватил мешочек с примятой травы и поскакал к дворцу. Двое остались на месте.

— А-а, дураки сучьи! — Бен-Саиф снова перегнулся через борт корзины. — Бегите! Бегите, болваны!

Наконец один из оставшихся связных услышал неразборчивый крик с неба, задрал голову и увидел машущего руками командира. Он посмотрел на юго-восток и сразу заметил всадников. Толкнул в плечо товарища, что-то сказал ему, и оба привстали на стремянах, чтобы рассмотреть незнакомцев. А те прищипорили коней — не агадейских, даже с большой высоты Бен-Саиф узнал под двумя передними наездниками пышногривых нехремских скакунов. Трое чужаков мчались вперед, четвертый остался на месте и целился в связных из арбалета. А те, видимо, сообразили, что происходит, но даже мысли о бегстве не возникло у воинов, приученных побеждать.

— Остолопы! Назад! — закричал Бен-Саиф во всю силу легких, глядя, как один солдат срывает с упряжи бутыл «нектара», а другой судорожно дергает за рычажки зажигания «ноздрей».

Арбалетная стрела вдребезги разнесла глиняный сосуд и исчезла в ветвях персикового дерева. Густая белая жидкость забрызгала грудь и живот агадейца и выбритую холку его коня. Другой оставил в покое непослушные «ноздри Мушхуша» и схватился за длинный меч с расширяющимся лезвием.

На него налетел передний вражеский всадник, голубоглазый великан, непонятно как уместившийся в доспехи горногвардейца среднего телосложения. Первый удар тяжелого варварского меча агадеец принял на щит — будто бревном по корпусу, он едва не слетел с коня. Голубоглазый пронесся мимо, а пока он разворачивал скакуна, его товарищ, тоже рослый и широкоплечий, но все же не такой исполин, резко отвел от груди левую руку со щитом, и «жало Мушхуша», прятавшееся под ним, выпустило порцию яда. В последний миг агадеец успел поднять коня на дыбы, но лишь погубил этим и верховое животное, и себя. С тонким протяжным ржанием конь завалился набок, седок, выпростав ноги из стремян, упал на землю чуть в стороне, да так и не встал, над ним навис могучий голубоглазый наездник, крутанул мечом и разрубил череп

от скулы до скулы, насколько позволил лицевой вырез шлема.

Другому агадейцу, забрызганному «нектаром Мушхуша», достался самый слабый противник — смуглый худой мальчишка лет двенадцати. Трофейные доспехи сидели на нем, как на пугале, шлем, привязанный сыromятными ремешками к наплечникам, болтался за спиной, а неистовые взмахи тонкого кинжала вызывали у горногвардейца лишь кривую усмешку. На помощь подростку мчался четвертый враг, арбалетчик, но агадейский воин уже выхватил из петли на конской упряжи тяжелый пестопер и подумал, что наверняка успеет разделаться со щенком.

И обмер от изумления и страха, когда мальчишка вдруг рассмеялся, будто его осенила гениальная идея, опустил руку с кинжалом, запрокинул голову и плюнул в агадейца что было мочи. Такому плевок позавидовал бы даже Конан — слюна преодолела расстояние в десяток локтей и угодила точно в мокрое пятно на груди противника. Когда-то маленький бусарец состязался по плевкам в длину с соседскими мальчишками, и теперь старый навык спас ему жизнь.

Громадный костер на краю фруктового сада не мог не остаться незамеченным воинами на крышах дворца и сокровищницы. Взглянули они и на корзину под летучим мешком, где отчаянно жестикулировал едва различимый Бен-Саиф. И вернулись к своим делам, когда из сада показались двое всадников в сером и успокаивающе помахали руками.

— Они меня не видят! — вскричал сотник, подразумевая службу катапульта. Он посмотрел вниз. Двое его солдат погибли, а один из убийц уже скакал в сторону дворца. Никто не заподозрит в нем чужака. Остальные трое направлялись к сокровищнице. Наверное, подумал Бен-Саиф, ординарец уже читает записку, адресованную не ему, но он не успеет, никак не успеет перенацелить катапульту на врагов в агадейских доспехах. И не сообразит, что один из них (наверное, самый опасный, возможно, даже сам Конан), скоро поднимется к нему на крышу.

— Что же делать! — простонал он, затравленно озираясь. И тут его взгляд упал на попугая. Казалось, бывшего

аппийского сотника не слишком обрадовал новый поворот событий, но и не особенно встревожил.

«И то сказать, чего ему бояться? — зло подумал Бен-Саиф. — В крайнем случае успеет улететь».

— Послушай! — воскликнул он. — Слетай-ка на крышу дворца. Предупреди моего ординарца. Чтобы этот ублюдок не застиг его врасплох.

— Я? — Попугай недоуменно посмотрел на него черной жемчужинкой. — Да ты что? Захотят они слушать какую-то птицу! Еще пр-ришибут!

— Не пришибут, — уверил Бен-Саиф. — Это же горногвардейцы, они на своем веку каких только чудес не навидались. Ты вот что сделай, — родилась у него спасительная идея, — назовись Луном. Его штучки вся гвардия знает. Скажи, что летел к ним и увидел по пути, как Конан разделался с нашими связными. Скажи, чтобы встречали гостя и предупредили охрану сокровищницы.

— Ладно, попр-робую, — неохотно уступил попугай. — Но пр-редупреждаю: ежели они за ар-рбалеты схватятся, я ср-разу др-рапану.

— Не бойся, — махнул рукой Бен-Саиф. — Ну же, Иярчик! Выручай!

* * *

— Ну же, Иярчик! — передразнил тощий старец в рубище, притаившийся среди ветвей персикового дерева на краю сада. — Выручай! Кхи-кхи-хи...

Невдалеке ярился высокий костер. У огня лежали человек в серых доспехах и его лошадь. Но старец не обращал внимания ни на трупы, ни на острый запах горелого мяса. Он следил за полетом зеленого попугая.

— Ну, молодчина, Конан! — негромко произнес Анунна и снова захихикал. — Я уже не жалею, что пустил тебя в Собутан. Положа руку на сердце, скажу, что даже я, гениальнейший стратег и тактик былых времен, проникся к тебе уважением. Ты умен и изворотлив, как змея, и до сего момента великолепно обходился без сомнительных услуг незнакомого колдуна. Но сейчас, кхи-хи, дурная птишка может нам здорово подгадить, и меня больше не удовлетворяет роль стороннего наблюдателя. Абакомо вов-

се не шутил, обещая воззвать к самому Нергалу. А нам ведь это вовсе ни к чему, правда, киммериец? Иярчик! Пичужка моя! Ути-ути-ути! Цып-цып-цып! Ку-уда, паршивец!?

Бронзовый обруч, любовно начищенный до блеска, взмыл в небо, помчался наперехват.

* * *

Циклопическое сооружение из гранитных блоков — сокровищница пандрского царя — нависала над ними, вселяла в души робость. Для того-то великий зодчий и уподобил ее фасад лику грозного тигра, чтобы навевала страх на мятежников или чужеземцев, жадных до чужого добра.

До прихода агадейцев в долину Собутан сокровищницу охраняло втрое больше солдат Сеула Выжиги, чем дворец; все командиры, от десятника до тысяцкого, были набраны из его родственников. Они встретили пришельцев градом стрел и дротиков, а потом в оскаленной тигриной пасти разошлись вверх и вниз сабельные клыки ворот, и наружу ринулась удалая конница.

Всех до единого всадников агадейцы сожгли «ноздрями Мушхуша» и взялись за лучников, пускающих стрелы из глазниц тигра, из многочисленных бойниц в его щеках и с плоской каменной крыши. С ними разделались шутя; одна-единственная стрела, залетев в сумрачную и тесную ячейку, ударялась о стену или потолок и мгновенно лишила воина зрения.

Трое всадников неслись во весь опор к черному тигриному зеву, не перекрытому частоколом зубов, — обслуживага катапульта на крыше и несколько солдат в недрах сокровищницы меньше всего ожидали от Конана любовой атаки. Слишком поздно всполошились стражники у ворот, слишком поздно один из них схватился за лук, а другой бросился к стене, к рычагам решетки.

Первая стрела пролетела мимо цели и вспыхнула на земле, другая, выпущенная навскидку, угодила в наплечник рослому всаднику, на вид самому сильному и опасному из троих. Ослепительно сверкнула рукотворная молния, но богатырь не схватился за глаза, как ожидал

стрелок, — он, казалось, вовсе не заметил вспышки. Новая стрела выскользнула из колчана и легла на лук, вот-вот она метнется навстречу другому всаднику... Но любопытство пересилило и страх, и здравый смысл. Горногвардеец чуть повернул корпус и снова выстрелил в богатыря. И снова тот даже не покачнулся в седле, хотя наконечник из обожженной глины, начиненный зеленым порошком, разбился о его нагрудник.

С двадцати шагов в агадейца выстрелил арбалетчик в таких же, как у него, серых доспехах, и лук упал на гранитные плиты, а на тетиву закапала кровь.

Жуткие сабли клыков неудержимо сходились, но между ними еще оставался зазор локтя в три, и мстители прыгнули в него прямо с седел, головами вперед. Только самый рослый из них, незрячий бусарец Сафар, замешкался, и мальчик-поводырь услышал предсмертный крик. Перекувыркнувшись на полу, он вскочил на ноги и увидел, как стальные зубы окрашиваются в алое, услышал, как хрустят кости его друга. Мальчик завизжал, как будто не Сафар, а он сам погибал в тигриных клыках.

Агадеец, опутивший решетку, отпрянул от рычага и схватился за короткий меч, но не успел выдернуть из ножен. Серой рассвирепевшей кошкой метнулся к нему двенадцатилетний воин, прыгнул на грудь, обхватил левой рукой за шею, а правой ударил в лицо. Тонкий кинжал, зажатый в детском кулаке, распорол ноздрю, щеку и вонзился в шею; рванув его на себя, поводырь перерезал врагу горло. Солдат захрипел от боли, конвульсивным толчком отшвырнул подростка, а затем выхватил-таки меч и наугад ударил во мрак, который вдруг сгустился перед его глазами. И услышал сдавленный возглас и падение легкого тела. Но не успел порадоваться меткому удару.

Широкими прыжками Юйсары мчалась по лабиринту коридоров, что пронизывали гранитного монстра, бежала сквозь вечные сумерки, сквозь затхлую, заплесневелую прохладу. Изредка встречались факелы, их ровное пламя освещало засохшую кровь на стенах — несколько дней назад по этим коридорам агадейцы гонялись за воинами Сеула.

Ни единой души не встретилось дочери пастуха в темной паутине ходов, и ее разобрал страх. Она заблудилась! Гарнизон сокровищницы уже знает, что случилось у ворот, теперь агадейцы обыщут все коридоры и обязательно найдут ее. И убьют. Потому что живой она не дастся.

Неожиданно впереди, в дюжине шагов от нее, из бокового коридора вышел долговязый агадеец. Юйсары застыла, как вкопанная, а солдат обеспокоенно произнес: «Э!? Ты кто?» Она медленно опустилась на корточки, приподняла арбалет, направила на спуск. В коридоре было темно, но ей показалось, что на агадейце нет доспехов. Она не была уверена в этом, но все-таки рискнула. Выстрелила ему в грудь.

Солдат зашатался, привалился к стене, сполз на пол. Юйсары перепрыгнула через его ноги, едва различимые в темноте, и свернула в боковой коридор; вслед неслись вопли раненого. Где-то в недрах сокровищницы закричали его встревоженные товарищи. Юйсары опять повернула за угол и увидела свет, широкий белый прямоугольник на полу, а другой, поменьше, но гораздо ярче, — сверху, в стороне, над длинным и пологим дощатым пандусом.

Путь на крышу! Юйсары торопливо перезарядила арбалет, выпрямилась и пошла по пандусу вверх, но не сделала и пяти шагов, как в белом проеме возник человеческий силуэт. Агадейский воин тоже заметил ее и окликнул, в точности как тот, долговязый, которого она ранила в темном коридоре. В ярких лучах солнца на нем поблескивали доспехи, и Юйсары не решилась выстрелить. Она повернулась кругом и неспешно двинулась вниз по пандусу.

— Э!? — снова пробасил солдат из obsługi катапульты. — А ну, погоды!

Между пандусом и стеной напротив люка была полоска горизонтального пола, она вела к другому коридору. Как только незнакомый воин скрылся в темном прямоугольнике, агадейский десятник проревел: «Трое за мной!», выхватил меч и побежал вниз.

Юйсары неслась по тесному коридору, крики и топот за спиной подгоняли ее, как уколы пики. Коридор казался бесконечным, и ни одного бокового, некуда свернуть; у

девушки закололо в боку, жгучая боль разбежалась по легким. Погоня настигала. У Юйсары подкашивались ноги, она шаталась, ударялась плечами о стены. «Проклятые доспехи! — слабея с каждым ударом сердца, подумала она. — Какая же я дура... Надо было снять...»

Коридор вдруг оборвался, девушка, спотыкаясь, вошла в ярко освещенную комнату с низким сводчатым потолком. И отпрянула вбок, к стене. И застыла под прицелом четырех «жал Мушхуша».

— Стоять! — процедил сквозь зубы полуголый и потный агадеец. И гаркнул, как на несмышленного младенца, взявшего в руки остро наточенный нож: — Брось игрушку! Ну! Кому говорю?!

В комнату ввалились четверо преследователей, Юйсары спархнула от них, забилась в угол, выставила перед собой арбалет.

— Дурак! — рывкнул полуголый. — Бросай! Повторять не буду!

— Да ладно, — пробасил десятник с крыши. — Кончайте сукина сына, а то еще подстрелит кого...

За агадейцами на полу лежали деревянные носилки, а на них тускло поблескивал большой стеклянный шар. Точно такие же шары покоились у стен на соломенной подстилке. Их были десятки, если не сотни. Родные братья тех, что сожгли когирский лагерь за скалами. И вендийских крестьян. И деревню с кшатриями и пандрцами. И добытых в бою лошадей.

Юйсары чуть опустила арбалет, а левую руку поднесла к голове и сняла горногвардейский шлем. И уронила на тесаный гранит.

— Да это ж девка! — удивился полуголый подносчик.

— Ну и что? — осведомился десятник. — Целоваться с ней прикажешь?

— А че? — полуголый ухмыльнулся. — Почему нет?

— Отставить! — Десятник посмотрел девушке в глаза. — Жить хочешь?

Юйсары кивнула.

— Тогда брось арбалет.

Она отрицательно покачала головой.

Десятник сплюнул.

— Слушай, дура, нам с тобой сюсюкать некогда. Или сдавайся, или подыхай. Понятно?

Опять кивок.

— А коли понятно, так какого... А-а, с-сука!

С шести шагов Юйсары не могла промахнуться по большому, в обхват, стеклянному шару.

* * *

Крылатый посланник завис на полпути к дворцу. Из ивовой корзины Бен-Саиф не мог видеть ни крошечного блестящего обруча на правой ножке Ияра, ни бледно-зеленой от патины цепи, которая тянулась к нему с земли, вернее, с костлявого запястья потустороннего гостя. Сотник не верил своим глазам: что удерживает в воздухе попугая, почему он, как ни машет крыльями, не может продвинуться вперед хотя бы на локоть? Теряясь в догадках, он опустил глаза и увидел внизу, около фруктового сада, маленького человечка. Незнакомец шагал в сторону дворца и странно водил руками, словно что-то наматывал.

Бен-Саиф снова поглядел на беспомощного Ияра и крикнул от растерянности и досады.

Две катапульты на крыше дворца и одна на сокровищнице по-прежнему разбрасывали по окрестностям огненную смерть. На юге, западе и севере бушевали пожары, горели дома и леса, даже скалы. Бен-Саиф не завидовал тем, кто оказался в этом крошечном аду. Но мысли о неизбежных потерях врага ничуть его не успокоили.

На крыше дворца забегали солдаты, должно быть, ординарец прочитал его записку. Но Конан (а сотник более не сомневался, что сам командир отряда партизан поскакал к дворцу Сеула) уже спешил подле парадного крыльца, у коновязи, где стояли три или четыре лошади. Из высоких дверей навстречу Конану выбежал солдат (связной, догадался Бен-Саиф, возвращается на свой пост) и замер на нижней ступеньке крыльца, и схватился за меч. Молниеносный обмен ударами, и вот один человек в серых доспехах падает ничком, а другой перешрыгивает через него и скрывается за позолоченными дверными створками.

И в этот миг на агадейского сотника нахлынул страх. Он один-одинешенек в поднебесье, в убогой корзине под брюхом неуправляемого мешка. Его связные погибли, враги проникли в стены сокровищницы и дворца и уже, наверное, одного за другим убивают солдат. А вдруг Конан пробьется во внутренний двор? Достаточно разок полоснуть мечом по канату, и ветер понесет агадейского командира на север... Конечно, далеко ему не улететь, мешок уже давно висит, в нем изрядно подостыл воздух... Что, если корзина окунется в огненное море на севере? От этой мысли Бен-Саиф покрылся холодным потом. Нет! Надо на землю. Надо выпустить воздух из шара и снизиться. В небесах больше делать нечего. Связные перебиты, крылатый разведчик в плену у колдовства. Бен-Саиф должен быть во дворце, со своими людьми! Надеть доспехи, взять меч, а лучше что-нибудь понадежнее, и встретиться с Конаном лицом к лицу!

Он ухватился за веревочную лестницу, полез к ремню, который стягивал отверстие шара. Одним рывком распустил узел. Мешок дохнул в лицо теплым воздухом.

Солдаты на крыше дворца заметили, что воздухоплавательный аппарат теряет высоту, и дали знать обслуге шара, которая дежурила во внутреннем дворе. Те дружно бросились к дощатому барабану на вертикальных брусках, налегли на рукояти, стали выбирать канат. Если бы они замешкались, шар бы упал за наружной стеной дворца.

* * *

Ординарец Бен-Саифа рухнул замертво под гулким ударом рукояти меча о шлем. Другого воина киммериец сбросил с крыши, но этим преимущество внезапного натиска исчерпалось полностью. Двенадцать горногвардейцев проворно расхватили мечи и пестоперы и дружно напали на Конана.

Не будь на нем агадейских доспехов, не спасла бы и медвежья сила, и навыки, которым завидовали все знаемые бойцы на мечах. Его обступили со всех сторон; удары сыпались градом. Но и он не оставался в долгу. Прямой выпад в голову, и падает навзничь контуженный

воин, мах по ногам, как косой, и с криком отскакивает другой агадеец, держась за ушибленное колено.

Конан ринулся в брешь, добежал до катапульти, рубанул мечом по стеклянному шару на деревянной ложке и сразу метнулся вбок, а за ним с яростным ревом — враги... Огненный демон вырос на пятьдесят локтей, выпрямил спину, расправил плечи, хищно огляделся кругом...

Внезапно за спиной Конана, перекрывая гул далеких и близких пожаров, раскатился грохот. Невидимая сила злобно толкнула в спину. Киммериец упал на колени и оглянулся. Его больше не преследовали, агадейцы тоже попадали на черепицы и повернули головы к сокровищнице.

Кривая щель разделила тигриную морду надвое, и не только из трещины, но и из глазниц, и из пасти били струи пламени вперемешку с дымом. Меньшая половина тигриной головы неспешно опрокинулась, ударилась оземь и рассыпалась на блоки, а большую растапливала огненная буря, сплавляла воедино сокровища Сеула Выжиги и гранит. «Когда-нибудь, — отстраненно подумал Конан, глядя на гигантское сооружение, тающее в огне, как восковая свечка, — сюда придут золотоискатели с кайлами. Будут вырубать из каменной толщи золотые прожилки, вылуцивать самоцветы, которых прежде никогда не находили в граните».

Он вскочил на ноги. Враги опомнились и снова бросились на него.

* * *

«Бежать!» — обреченно подумал Бен-Саиф, глядя на гибель сокровищницы и дворца. Каменная голова превращалась в раскаленную лужу, «слезы Инанны», пролитые Конаном на катапульти, прожигали дворец до фундамента. На крыше, вспомнил он, лежат еще несколько сосудов со «слезами»; если до них доберется пламя, дворцу конец. А оно доберется. Потому что никто не пытается унести их вниз, подальше от дворца. Вся обслуга катапульти гоняется по крыше за Конаном.

Ивовая корзина раскачивалась локтях в сорока над крышей, невдалеке от ярящегося огненного столба. Солдаты во дворе вращали неповоротливый барабан, выбирали канат. Если они успеют заново наполнить шар горячим воздухом, прежде чем пламя охватит весь дворец, сотник улетит. Так он решил. Он сделал все, что мог, и теперь должен лететь в Шетру за подкреплением. А уцелевшим солдатам он прикажет держаться до его возвращения.

Шар снижался. Еще несколько локтей, и корзина окунется в огненный ад.

А чуть в стороне Конан отбивался от десяти умелых и неустрашимых воинов. Его теснили к краю крыши. Скоро виновник всех злоключений агадейского сотника расшибется в лепешку о мостовую внутреннего двора.

Почему-то Бен-Саифа эта мысль почти не радовала.

Над головой раздался протяжный вздох. Сотник запрокинул лицо и обмер, потрясенный до глубины души.

«Я сошел с ума!»

Шар пульсировал. Его гладкие бока втягивались, точно щеки толстяка. В отверстие с шумом затекал раскаленный воздух.

Внезапно мешок пошел вверх. Солдаты на внутреннем дворе закричали, когда рукояти барабана вырвались и громадный дощатый цилиндр закрутился в обратную сторону. Сотник вновь задрал голову. Отверстие в подбрюшье шара затянулось само по себе, под ним теперь извивался и дергался длинный кожаный ремень, стягиваясь в узел, который своими руками распустил Бен-Саиф.

Шар рванулся вверх. Голубоглазый воин заметил это краем глаза и не рассуждал ни мгновения. Он повернулся кругом и со всех ног бросился бежать от своих противников.

Никто его не преследовал. Если дикарь из далекой суровой страны предпочел плену серые равнины, туда ему и дорога.

Что было сил он оттолкнулся ногами от края крыши и, не выпуская меча из руки, одолел в прыжке локтей восемь, а то и девять. Левая кисть сомкнулась мертвой хваткой, ноги крепко-накрепко обхватили толстый ремennyй канат.

— Отлично, дружок, — прокомментировал оборванец, который стоял на почтительном отдалении от гибнущего дворца. — Твоему прыжку позавидует любая обезьяна. А моей магии — любой, кхи-хи, император Великой Агадеи.

Шар уверенно поднимался, хотя его ноша утяжелилась почти вдвое. Конан медленно лез по канату к корзине. Очень мешал меч, его никак не удавалось спрятать в ножны.

— Конан?! — Бен-Саиф отшатнулся от стенки корзины, но изумление и страх тотчас уступили злорадству. Киммерийский бродяга, его проклятье, болтается в поднебесье на жалком канате. Теперь ему точно конец. Достаточно разок-другой полоснуть кинжалом, и...

Он снова вспотел от страха. Его кинжал остался внизу вместе со всем оружием!

Ломая ногти, он теребил бесформенный узел под брюхом шара. Тщетно — слишком толст канат, слишком туго затянули узел бесчисленные рыбки.

Перо! Стальное перо! Он вонзит его в глаз киммерийцу, едва тот поднимет голову над краем корзины! И Конан от страха и невыносимой боли разожмет пальцы и камнем улетит вниз!

Бен-Саиф вытащил перо из-за пазухи, стиснул в кулаке и опустил на корточки.

— Это еще что такое?! — возмутился на земле Анунна. — Грязные приемчики? Как не стыдно, Бен-Саиф?! Ты же сотник горной гвардии! Солдат императора Великой Агадеи! Кхи-кхи-хи...

Из-под шара на плечи Бен-Саифа упал конец ремня, что перекрывал отверстие в оболочке. Упал и оббил шею.

— Сам виноват, — сказал Ну-Ги, когда бездыханное тело сотника повалилось на дно корзины. — С такими, как Конан, надо драться честно. Правда, Иярчик?

Он поднес к лицу насмерть перепуганного попугая. Ласково подул на плешивую макушку.

— Лети, пичужка. Лети следом за шаром. А то беденький глупенький император ждет нас с тобой, не дождетя.

Он подбросил попугая, тот захлопал крыльями, и отшельник невесомо, как пушинка одуванчика, взмыл над горящим дворцом.

Словно моровое поветрие пронеслось по многолюдным кварталам величественной агадейской столицы. Личным указом Абакомо распорядился выселить в окрестные села светское население; даже весь его двор, за исключением жрецов, спешно перебрался в загородную резиденцию императора.

Шетра готовилась встретить божество.

Никакой иной город или село Междугорья, уже не говоря о монастырях с полигонами, специально предназначенными для всевозможных катастроф (а разве не чревато катастрофой приглашение в мир живых божества такого пошиба?), не годились для приема верховного бога агадейского пантеона. Столица облачилась в торжественно-праздничный наряд: море цветов, государственные флаги на каждом фасаде, зеленые и желто-коричневые процессии жрецов, парадные мундиры на тысячах солдат горной гвардии. Все священнослужители и воины Междугорья собирались на городской площади и строились в безупречные шеренги вдоль монументальных мраморных стен подиума из шлифованных мраморных блоков, на котором возвышался циклопический позолоченный трон с расширяющейся кверху спинкой и закругленными подлокотниками.

Король, надевший сообразно случаю мундир тысяцкого горной гвардии, ждал как на иголках, когда последние священники и гвардейцы займут свои места в строю. Его вельможи и адъютанты несколько ночей не смыкали глаз, готовя столицу к великому событию, к переломному моменту в истории Агадеи (да что там Агадеи — всего мира!), и теперь едва держались на ногах от усталости.

Преподобные Кеф и Магрук смахивали на оживших мертвецов, им досталась самая сложная работа: поиск безотказного средства для вызова божества. Они перевернули библиотеки всех храмов, закопались в окаменелые пласты фольклора, не побрезговали даже языческой эзотерикой, но отыскиали в конце концов способ, который вчера, на испытании в Храме Откровения Инанны, за северной околией, Шетры дал осязаемый и зримый результат. В белокаменной молельне Храма, напоенной

чадом ароматических лучинок и трав, золотая клетка над Кефом и Магрухом раскололась, и в пролом вступила бледная дева в желто-коричневом одеянии, и назвалась богиней Инанной, и возложила ледяные длани на макушки изнуренных пастырей, и рекла страшноватое пророчество: «Тот, кого вы разбудить мечтаете, встанет и придет, но горе вам, если он встанет не с той ноги». И улыбнулась обворожительно; и исчезла, а клетка, что обдуывала их души, рассеялась в пыль, в неуловимые золотые лучи, сгинула без следа. Больше она не появлялась ни над великомудрым императором Агадейским, ни над его просвещенными подданными. Богиня любви и распри сняла чары злого духа Анунны, и в сем Абакомо видел доброе предзнаменование.

— Все готово, о повелитель, — склонился перед императором дородный царедворец в зеленой расе ануннака, верховного жреца храма Эрешкигали.

Абакомо позавидовал ему. Ибн-Мухур — хлопотун, каких поискать, радеет не за страх, а за совесть, но с его щек никогда не сходит здоровый румянец. Перед уходом из дворца Абакомо глянул на себя в серебряное зеркало: под глазами коричневые полукружья, щеки ввалились, обострились скулы. Конечно, разве могли не сказаться на облике ночные бдения, бесчисленные попытки пробить золотую клетку? Чего только не вытворял Анунна, загробный интриган, как только не глумился над юным монархом! Каких только монстров не подбрасывал из небытия! Но все-таки Абакомо переиграл коварного чародея, и теперь их должен рассудить сам Нергал. Император нисколько не сомневался, что суд закончится в его пользу.

— А раз готово, — произнес Абакомо, внутренне содрогаясь от волнения, — чего же мы ждем?

Ибн-Мухур повернулся к Кефу и Магруху и картинно воздел руки — подал верховным жрецам знак начинать. Те направились к своей пастве: худощавый седой инаннит — к шеренгам священников в желто-коричневых мантиях, низенький плешивый эрешит — к строгим зеленым рядам. Абакомо взобрался по лестнице на по-

дий и встал спиной к трону, а лицом — к суровым горногвардейцам.

— Верные сыны Агадеи! — воззвал он к собравшимся на площади. — Храбрые защитники отечества и смиренные радетели веры! Возлюбленные подданные мои!

Шеренги отозвались гулким благоговейным вздохом. В благодатной долине меж трех горных кражей молодой властелин снискал всеобщее обожание. Как и его отец, и дед, и другие венценосные предки.

— Все вы знаете, зачем мы здесь собрались. Наш маленький гордый народ — в кольце врагов. За нашими горными хребтами, — император повел руками кругом, — полыхают войны. Владыки соседних государств, все как один, желают нам смерти.

Снова дружный вздох, на сей раз с оттенком возмущения.

— Скажите, дети мои, — Абакомо прижал ладони к груди, — разве мы этого заслуживаем?

— Не-ет! — шумно выдохнули шеренги.

— Разве мы желаем или желали кому-нибудь зла?

— Не-е-ет!

— Да! Вот именно! Мы желаем всем только блага! Десятки лет мы трудимся не покладая рук, мечтая лишь о том, чтобы принести мир, любовь и достаток в раздираемые харсом страны. Не покидая этой крошечной долины, — он снова показал кругом, — мы прошли огромный путь и сегодня как никогда близки к успеху. Во славу нашего грозного и справедливого божества, великого Нергала, мы готовы пересечь кряжи и пройти через все королевства победным маршем, и возвести на престол мира царя и царицу, которые устроят всех! Имена им — Порядок и Мудрость!

Священники и солдаты зачарованно внимали. Император выпрямил руки, указывая на землю.

— Но там, — он почтительно понизил голос, — в обители милосердных богов, не всем, оказывается, по нраву наши благочестивые устремления.

Он сделал паузу. Окинул шеренги испытующим взглядом. Решимость, застывшая на лицах. Преданность, окаменевшая во взорах. О таких подданных другие властелины могут только мечтать.

Он невесело улыбнулся и с горечью пояснил:

— Аунна, коего мы почитаем, как святого... Увы, годы загробных испытаний помрачили разум достойного Ну-Ги. Он нарушил обет невозвращения, надеяния... Он восстал из праха и строит козни. Он снова прибег к колдовству, от коего зарекался прилюдно и гласно. Он хочет нам помешать! Он стал нашим врагом!

Изумленное молчание. Потрясенный вздох. Возмущенный гул.

— Он говорит, — продолжал Абакомо громче, — что богов только раздражает наше глупое подвижничество. Что всемогущий Нергал сладко спит, и горе ничтожным смертным, кои дерзнут его разбудить. Смеясь мне в лицо, Аунна уверял, что с тех пор, как вечный сон сморил владыку Кура, в мире людей только прибавилось порядка и мудрости. Но скажите, возлюбленные мои: можем ли мы верить тому, кто с такой легкостью нарушает обеты?

— Не-ет, — проревела площадь.

— Несколько лет назад, наследуя отцовскую корону, я дал обет: пока на земле бушуют войны, пока в людских душах царят злоба и алчность, я буду идти дорогой, завещанной великими предками! И не познает моя душа покоя раньше, чем его познают все сопредельные царства! Раньше, чем все человечество возьмется за ум! Раньше, чем люди увидят в нас избавителей от хаоса, от косности, от вековой бессмыслицы!

— Люди, — назидательно произнес старческий голос за спиной Абакомо, — гораздо охотнее повесят тебя на твоей же кишке.

Молодой монарх развернулся на каблуках. Лицо его искажилось гневом, кулаки сжались до белизны в суставах. Ну-Ги сидел верхом на каменном подлокотнике трона, обхватив его костлявыми ногами, а в цепких пальцах держал полуоципанного зеленого попугая.

Гнев на лице императора сменился злорадством.

— Видите?! — вскричал Абакомо, поворачиваясь к подданным. — Я не обманул вас! Вот оно, выжившее из ума привидение! Вот кто сует нам палки в колеса! Да вы только поглядите на это драное пугало! — Император снова обернулся к Ну-Ги. — Что тебе тут надо, грязнуля?

Кто тебя сюда звал? По какому праву ты расселся на троне верховного божества Агадеи?

— Я пришел, — беззлобно ответил призрак, — в последний раз предупредить тебя, детка. С огнем играешь.

— Сейчас, возлюбленные чада мои, — сказал Абакомо шеренгам, — мы призовем самого Нергала. И он придет, и накажет эту обнаглевшую сущность. — Монарх ткнул большим пальцем за плечо. — А потом мы поведаем всемогущему богу, что совершили во славу его и что хотим совершить, и будем молить его о благословении и поддержке. Ибо в долгом и трудном пути нам понадобится его помощь.

— Кхи-кхи-хи! Поможет он тебе, как же!

Абакомо снова резко повернулся к призраку. Вскинул кулак.

— Слушай, исчез бы ты, а? Неужели еще не понял, что никому здесь не нужен? И никто тебя не боится.

— А и не надо, чтоб боялись, — философски произнес Аунна и выдернул у попугая щепоть зеленых перьев. — Надо, чтобы слушались.

— Уходи. Я тебя по-человечески прошу.

Отшельник выдернул еще щепотку перьев и развеял их над каменным сиденьем трона.

— Ваше императорское величество, ну, что вы привязались к пожилому покойнику? «Уходи! Исчезни!» Разве воспитанные мальчики так себя ведут? А покойник, между прочим, прилетел сюда аж из Собутана, где некий бродяга благополучно разделался и с вашим лютым сотником Бен-Саифом, и с его людьми. Я устал и проголодался. Занимайтесь своими глупостями, водите хороводы вокруг этого дурацкого трона, распевайте псалмы. А я отдохну и позавтракаю.

Попугай в его руках задергался и зашелся человеческим криком. И умолк. Аунна безжалостно свернул ему клювастую голову, молниеносно оципал тушку и поднес ко рту.

Абакомо отвернулся. За его спиной раздалось противное чавканье.

— Не обращайтесь на него внимания, — велел монарх подданным. — Пора начинать. Итак, напоминаю: гвардия

повторяет молитву за Ибн-Мухуром, священнослужители — за преподобными Кефом и Магрухом...

— Кстати! — Чавканье оборвалось. — Извини, забыл тебе сказать. Кхи-кхи-хи... Сущая мелочь — немудрено, что из головы выскочила. Сюда летит твоя смерть. Я и до десяти сосчитать не успею, как она будет здесь.

Абакомо не ответил отшельнику. Он знал, что бессилен против чар распоясавшегося привидения. Ничего. Если исполнится пророчество Инанны, если сюда явится Нергал... дракону пугалу о многом придется пожалеть.

Царственным жестом он дал Ибн-Мухуру знак начинать.

— О Нергал, владыка подземного царства! — прокричал дородный священник, и солдаты глухим хором повторили:

— О Нергал, владыка подземного царства!

— Раз! — промолвил Анунна и снова зачавкал.

— Мы, народ Агадеи, твой народ, смиренно взываем к тебе! — нараспев изрек Магрух перед строем инаннитов.

— Два.

— Мы, народ Агадеи, твой народ, смиренно взываем к тебе! — откликнулись жрецы и монахи в желто-коричневых рясах.

— Три. Ням-ням.

— Прерви свой божественный сон и вознесись из чертога вечных сумерек в наш светлый мир! — торжественно пробасил Кеф, и эрешиты в зеленых одеждах повторили слово в слово.

— Три с половиной! — дурашливо протянул Анунна. — Шучу. Четыре.

— Запакво саламан дудуриха, бархыр макачача юйюу! — тщательно выговорил Ибн-Мухур первую строку древнего заклинания.

Горногвардейцы повторили, как строку присяги.

— Шесть.

«А где же пять?» — едва не сорвалось с языка у Абакомо но монарх спохватился и сразу почувствовал, что краснеет. Волнение, будь оно неладно. Мозги от него набекрень.

— Саагрим вагрим олла якко, мага лхасаух Нергал!

— Саагрим вагрим олла якко, мага лхасаух Нергал!

— Семь.

«Ублюдок! — мысленно обругал Абакомо отшельника. И подумал растерянно, ощущая дрожь под коленями: — А ведь я боюсь! Вдруг не получится?»

— Пахалида кисса врегиста мур! — Низкорослый эрешит воздел руки над блестящей лысиной. Зеленые шеренги гулко повторили.

— Восемь. Ну, и девять заодно.

Осталась последняя фраза. Решающая. Если Нергал не явится на зов, сегодня же по всей Агадее поползут слухи о неудаче молодого императора. Сегодня — слухи, завтра — сомнения, послезавтра — крамола. За спиной глумливо хихикало безумное привидение. Только сейчас Абакомо осознал, что рискует очень многим. Возможно, даже головой.

— Саида вундалига хоа, Нергал, хоа вундалига!

— Десять. Ну, что я говорил?

— Летит! — вскричали священники и солдаты, не успевшие повторить за Ибн-Мухуром фразу заклинания. — Нергал нас услышал! Вон он! Летит!

В небесной синеве появилось черное пятнышко. Оно летело с юга и увеличивалось на глазах. Снижалось. Вскоре на подиум с глухим треском упала ивовая корзина, из нее выскочил рослый длинноволосый человек в кожаных штанах и короткой тунике, с длинным мечом в руке. Знакомое монарху изделие инаннитских умельцев — мешок из пропитанной лаком ткани, — упал на мостовую перед строем гвардейцев, расплющился, точно огромная медуза, выброшенная на берег.

Вдруг он с шорохом пополз по камням, потащил за собой корзину. Абакомо едва успел отскочить. Корзина ударилась о мостовую и развалилась. Мешок зашипел, как змея, выпустил без остатка теплый воздух.

— Нергал! — восклицали в шеренгах. — Вот он какой, наш верховный бог!

Человек с мечом стоял подле трона, голубые глаза настороженно косились на шеренги, на отшельника, на Абакомо. Гость из поднебесья помалкивал.

— Странновато, не правда ли, Абакомо? — язвительно произнес Анунна. — Его ждали из-под земли, а он с неба свалился. Позволь представить тебе Конана, бродячего

бойца из далекой северной страны. Он прошел долгий путь и насмотрелся на дела рук твоих. И явился сюда, чтобы воздать тебе по заслугам.

Голубоглазый великан не трогался с места, все озираясь, и казалось, он не слышит призрака. Разглядывая угрюмое лицо, могучие плечи, обнаженные руки, покрытые шрамами, монарх недоумевал, почему у него трясутся поджилки. Конан один-одинешенек против целой армии. Пусть у него в руках грозный меч, зато на императоре, под горногвардейским мундиром, — прочнейший кольчужный костюм. После ночного визита мага Черного Круга Абакомо не рисковал покидать дворец без надежных доспехов. Корона тоже сделана из легкого крепчайшего металла, а лицо и шею, если набросится варвар, можно прикрыть руками. Сразу же спрыгнуть с подиума и бегом — в ряды воинов. А уж верная гвардия в обиду не даст.

— Конан, — обратился Аунна к небесному гостю, — вот человек, о котором я говорил. Это он науськал апийских псов на мирный Нехрем. Это его гвардеец заразил Когир «лунной болезнью», а другой, ныне покойный Бен-Саиф, предал огню вендийскую провинцию. Ты своими глазами видел, что такое агадейский порядок.

Отшельник повернул голову к Абакомо.

— Властью, данной мне богинями Кура, — торжественно произнес он, — я, Аунна, верховный судия подземного царства, приговариваю тебя к смертной казни. И пусть она свершится безотлагательно. Конан, чего ты, собственно, ждешь?

Конан бросил хмурый взгляд на привидение. Снова посмотрел на Абакомо.

— Значит, это ты заварил кровавую кашу?

— Он самый, — подтвердил Аунна с подлокотника трона. — Нахальный честолюбивый щенок. На Серых Равнинах у него будет вволю времени, чтобы понять, какие цари нужны миру, а без каких он прекрасно...

Конан мешкал, и Абакомо вдруг успокоился. Он разгадал причину нерешительности варвара. Не так-то легко казнить безоружного человека, если, конечно, ты не палач по призванию. И если вокруг тебя тысячи вооруженных

людей, которые жестоко отомстят за смерть своего повелителя.

— Конан, — произнес он увещающе, — не слушай ты старое пугало. Неужели ты всерьез поверил, что я мечтаю утопить мир в крови? Я, да будет тебе известно, просвещенный монарх, а не людоед из Черных Королевств.

Конан оскалил зубы в ухмылке. И чуть приподнял меч.

— Мне доводилось встречаться с чернокожими людоедами, — хрипло проговорил он. — Сказать по-правде, не вижу между вами разницы.

— Когда рушится прогнивший трон, под его обломками гибнут невинные люди, — продолжал император. — Увы, такое случается нередко. Да, признаю: я задался целью снести гнилые троны, разогнать или, на худой конец, подчинить себе развратных вырожденцев, которые с незапамятных времен держат весь мир под пятой. Но смерть их несчастных подданных — не вина моя, а беда...

— Детка, поздно лить крокодиловы слезы, — перебил Аунна. — Твоя вина доказана, приговор вынесен, а последнего слова я тебе не давал. Ибо не люблю пустой болтовни. Конан! Если ты сейчас же не прикончишь его, я тебя перестану уважать. И заберу на серые равнины.

— Конан! — воскликнул Абакомо. — Если поднимешь на меня руку, мои гвардейцы...

— Молчать! — рявкнул отшельник. — Ты заблуждаешься, осужденный. Это уже не твои гвардейцы.

— Мои! Они присягали! Солдат горной гвардии не может нарушить клятву верности! Не бывало еще такого случая!

— Кхи-кхи-кхи! — Аунна запрыгал на своем наместе. — Святая простота! Кому они присягали? Кто избрал больше века назад клятву, которую невозможно нарушить? От кого ее унаследовал твой пра-прадед? Все эти годы, кхи-хи, горная гвардия присягала мне! Мне, дракону пугалу! Ну-ка, солдатики, скажите, кому вы верны до гроба?

— Тебе, Аунна! — грянула площадь.

Абакомо ошеломленно поглядел на шеренги солдат. Они не шевелились. На него смотрели тысячи равно-

душных глаз. Он скользнул перепуганным взором по ярким колышущимся рядам священнослужителей.

— Паства Инанны и Эрешкигали! — возопил он. — Защитите меня!

— Стоять! — взревел отшельник. — Гвардейцы! Убейте на месте любого, кто посмеет шагнуть вперед.

Армейский строй ошетинился оружием.

— Палач! — обратился призрак к Конану, умерив тон. — Что же ты баклуши бьешь, голубчик?

Конан смотрел монарху в глаза. В темные омуты страха. В душу, совершенно растерянную, напрочь сбившую с толку. И поднимал меч.

Позади раздался тяжелый гул — вздох вулкана перед пробуждением. Из омутов выплеснулся страх. Они заполнились изумлением. И радостью. Конан обернулся.

— Это для меня приготовили? — буднично осведомился запоздавший гость из подземного царства, похлопывая по каменному сиденью чудовищной пятерней. — Жестковато. Что ж вы, смертные? Неужто подушек пожалели?

Площадь зачарованно смолкла. Анунна замер на подлокотнике, у него со скрипом отвисла челюсть.

— Ы-ы-охх-хы-ы-ы... — снова зевнул Нергал и пожаловался, протирая глаза. — Нисколечко не выспался.

— О, величайший! — Император Великой Агадеи пал перед ним ниц. — Мы потревожили твой сон! Не гневайся на жалких червей!

— Не гневаться, говоришь? — Нергал поднял сизую лапищу и почесал когтями жуткие жвала. — Ладно, не разгневаюсь, ежели, конечно, ты меня поднял с ложа не ради пустяка. — Он повернул голову вправо и равнодушно констатировал: — Анунна. Ты тоже здесь, старый прохвост.

— Да, повелитель. — Призрак рухнул на четвереньки и подобострастно закивал. — Осчастливив недостойного раба, позволь облизать твои пятки.

Нергал потянулся, поерзал голым задом, поудобнее располагаясь на троне.

— Что скажешь, Анунна? Веска ли у них причина? Не попусту ли разбудили меня?

— Какая там причина, о бесподобнейший! — захихикал потусторонний ябеда. — Блажь одна, жажда острых ощущений.

— Жажда острых ощущений? — Нергал грозно сдвинул брови, в которых смог бы укрыться выводок диких гусей, и посмотрел на Абакомо. А затем снова повернул голову к отшельнику и возмущенно вскричал: — Анунна! Ты лжец!

— Нет, повелитель! — зашатался от страха призрак.

— Как же — нет!? Я же вижу! Мальчик пригласил меня неспроста. Надеется, что я сумею ему помочь.

— О да, величайший! — запинаясь, проговорил Абакомо. — Народу Агадеи нужна твоя помощь.

— Он хочет, чтобы я помог ему покорить мир, — спокойно продолжал Царь Мертвых. — Чтобы я укрепил его народ в вере и посодействовал по части везения. По-моему, это вполне веская причина для вызова божества. С точки зрения смертных, конечно.

— О да, величайший!

— Откуда ж ему знать, — снисходительно произнес Нергал, — что я терпеть не могу попрошаек? — Он топнул слоновьей ногой, да так, что едва не развалился подиум. — Червь, копошащийся во мраке невежества! Ничтожный слизняк, возомнивший себя достойным божественного взора! Доколе ты и тебе подобные будут тревожить мой сладкий сон? Думаешь, ты первый? Думаешь, мало самонадеянных неудачников покарала за дерзость моя рука?!

— Да, повелитель, да! — Анунна вскочил на ноги и запрыгал от восторга. — Накажи его, бесподобный! Чтобы другим неповадно было!

Нергал резко повернул к нему голову, недобро выпятил жвала.

— Знаешь, Анунна, мне только что приснился замечательный сон. Будто ты, дамский угодник и интриган, вдруг ни с того, ни с сего вспомнил своего старого господина и в знак уважения решил принести ему жертву. Признайся: с тех пор, как я лег почивать, ты ведь ни разу не вспомнил обо мне добрым словом.

— Помилуй, обожаемый! Я не забывал тебя ни на миг.

— В самом деле? — Нергал скептически хмыкнул. — Сдается мне, ты лицемеришь, Анунна. Если не забывал, почему скупился на жертвоприношения? За целый век даже плюгового барашка не зарезал на моем алтаре. — Нергал вздохнул с притворной горечью.

— Но ведь я дал обет, — выкрутился Анунна, — не проливать крови.

— Но сейчас-то ты его нарушил, — возразило чудовище.

— На то была серьезная причина.

— И у тебя серьезная причина! — Нергал недовольно покачал головой. — Каждый снисходителен к себе и беспощаден к другим. Знаешь, Анунна, мне приснилось, будто ты решил принести мне в жертву вкуснейшую птицу. Жирного зеленого попугая по кличке Ияр. Я был так польщен! Где мой вкусный попугай, Анунна? — Последнюю фразу он произнес с угрозой.

— Вот он, о бесподобнейший. — Анунна поднял дрожавшую руку. Под ней на медной цепи болтался начисто обглоданный птичий скелет.

— Это Ияр? — Божество недоверчиво уставилось на кости.

— Ияр, — пискнул отшельник.

— Анунна, — с упреком вымолвил Нергал, — ты съел мою жертву.

— Да, господин мой, — пролепетал Анунна. — Но я не знал... Я добуду тебе другую жертву! Какую прикажешь!

— Анунна, — неумолимо перебил бог, — мне не надо от тебя другой жертвы. Я хочу съесть попугая. Моего попугая. Ияра.

— Но, повелитель... — Призрака забила крупная дрожь.

— И я съем его. Вместе с тобой.

Он молниеносно скогтил отшельника и поднес к жвалам. Анунна верещал и бился, а страшные костяные челюсти ходили ходуном, перемалывали кости, кожу и рубище. По животу и ляжкам бога на шлифованный мрамор подиума стекала отвратительная бурая кашица. Конан, Абакомо и все люди на площади зачарованно глядели, как грозное божество расправляется с неугодным рабом.

— Вот и все. — Нергал засунул между жвалами коготь мизинца и выковырял зеленую бронзовую цепь с широким блестящим обручем. — Нет его больше ни среди живых, ни среди мертвых. Ушел в небытие и унес с собой преданность непобедимых агадейских солдат. Абакомо, — он опустил голову и взглянул на распростертого ниц властелина, — ты еще не понял, в чем твоя ошибка?

— Нет, величайший...

— Ты не должен был призывать меня на помощь, — добродушно объяснил Нергал. — Ты имел право разбудить лишь затем, чтобы сказать: величайший, вот мир смертных, я покорил его, и я кладу его к твоим стопам. Тогда бы я не стал сердиться. Наоборот, вознаграждал бы за рвение. Ну, скажи: разве это дело — будить такого грозного бога, как я, чтобы кланяться милостыню?

— Не дело... — потерянно проговорил император.

— Добро бы ты был первым и последним. Я бы, наверное, тебя простил. Но ведь раз в полвека обязательно находится покоритель мира, который при первом же намеке на загвоздку бежит ко мне вприпрыжку и кричит над ухом: «Выручай, Нергал! Запакво саламан дудуриха! Скорее проснись и возьми на ручки!» В последний раз это сошло с рук... Кому бы ты думал? Анунне! Это уже потом смертные сочинили красивую легенду, будто он раскаялся и все такое. Перед штурмом Дадара у него действительно была ночь мистического транса. Он взывал ко мне. Мог преспокойно захватить город без моей помощи, но решил подстраховаться. Он еще дешево отделался! Я лишил его только рассудка, а мог бы — и жизни.

Нергал уперся в подлокотники мертвенно-сизыми ладонями, захрахтел, поднимаясь на ноги.

— Ты мне неинтересен, Абакомо. У тебя нет стержня, а с одним честолюбием еще никто не завоевывал мир. Вот у Конана, — он кивнул в сторону киммерийца, так и простоявшего все это время с мечом наизготовку, — стержень есть, и с честолюбием все в порядке. Может, из тебя выйдет толк, а, бродяга? Ладно, не отвечай, будущее покажет. Ы-ы-эх-хххыа-а... Ну, все, я пойду досыпать, а ты держи. — Цепь с обручем звякнула о подиум возле головы монарха. — Так и быть, я дарю тебе жизнь, но отныне твое место на цепи. В пещере не иссякнет вода,

а паломники не дадут умереть с голоду. Со временем и о тебе насочиняют красивых мифов.

Он выпрямился, запрокинул голову и прижал ладони к ногам, но вдруг спохватился и строго предупредил Абакомо:

— Не вздумай ослушаться! Рано или поздно все равно спустишься в мое царство, и тогда, клянусь, позавидуешь смерти Анунны.

Он снова вытянулся в струнку, насколько это позволяли громадный безволосый живот и уродливый горб, и исчез. Утонул в подиуме.

Император Великой Агадеи опустил щеку на гладкий мрамор. Даже не взглянув на него, Конан убрал меч в ножны и направился к лестнице.

Смерть Мехараджуба

Город бросал широкую тень, прорезаясь в гаснущем небе силуэтами куполов и высоких башен. Когда взошла луна, в душном воздухе поплыл звон гонгов и неровный протяжный рев раковин. Их слабые отзвуки проникали в залу дворца с золотыми сводами, где, на устланном бархатом ложе метался властитель Вендии, Мехараджуб Бунда Чанд. Смуглая кожа блестела от пота, пальцы судорожно впились в расшитое золотом одеяло. На висках набухли пульсирующий синие вены, глаза застилала мутная пелена.

Мехараджуб Вендии умирает.

Коленопреклоненные невольницы, вздрагивая от каждого стога своего повелителя, застыли у основания подиума. В изголовье ложа стояла сестра Мехараджуба Деви Жазмина. С глубокой тревогой вглядывалась она в лицо брата. С нею был вазам, пожилой вельможа, давно состоявший на царской службе.

Когда звуки удары гонгов и рев раковин достигли ее слуха, Жазмина резко вскинула голову.

— Ничтожные жрецы! — воскликнула она с гневом и отчаянием. — Они столь же беспомощны, как и лекари! Повелитель умирает, и никто не может назвать причину. А я, одного жеста которой хватило бы, чтобы сжечь весь этот город и залить его улицы потоками крови, стою здесь беспомощная... О Ашура! Как спасти его?

— Готов поклясться, — откликнулся вазам, приложив руку к сердцу, — нет в Айодии человека, не желающего умереть вместо своего властелина! Если бы это было возможно, Дэви, если бы не проклятый яд...

— Я уже говорила тебе: не кинжал и не яд сразили брата! — топнула ногой Жазмина. — С младенчества его охраняют так, что самые искусные отправители Востока бессильны. Вспомни о пяти черепах, белеющих на Башне Бумажных Змеев. Они — лучшее предостережение тем, кто задумал бы погубить Мехараджуба Вендии. Ты знаешь, что мы держим при дворе десять мужчин и десять женщин, которые пробуют его вино и пищу, а эти покои и сейчас стерегут пятьдесят стражей. Нет, это не яд, вазам, это колдовство! Страшное проклятие...

Она умолкала. Сдавленный крик вырвался из груди Мехараджуба. Посиневшие губы не шелохнулись, в остекленевших глазах не появилось и проблеска мысли, а голос, словно донесшийся из бездонных, исхлестанных ветром глубин, заставил Деви и вазама содрогнуться.

— Жазмина! Жазмина! Сестра моя, где я? Я не могу тебя найти, всюду тьма... вой ветра...

— Брат! — вскричала Жазмин, опускаясь на колени и схватив безвольную ладонь умирающего. — Я здесь! Ты не узнаешь меня?

Она замолкла, видя полное безучастие на лице Мехараджуба. Слабый стон вырвался из его груди. Невольницы у подиума заскулили от страха, а Деви в отчаянии закрыла лицо руками.

В другом конце города широкоплечий человек наблюдал из-за ажурной решетки балкона за толпой, освещенной тусклым светом дымящих факелов. Темные лица, глаза, устремленные к звездному небу — из тысяч уст неслись жалобные причитания. Мужчины и женщины медленно двигались к центру города.

Человек вернулся в комнату, стены которой покрывал замысловатый орнамент.

— Мехараджуб еще не умер, но вендийцы уже голоса отходную, — насмешливо произнес вошедший. Дорогое одеяние и гордая осанка выдавали в нем знатную особу.

Второй мужчина, к которому были обращены эти слова, сидел, поджав ноги, на циновке в углу комнаты. Одетый в коричневую тогу из верблюжьей шерсти, сандалии и зеленый тюрбан, он равнодушно посмотрел на говорящего.

— Просто народ знает, что их повелитель не доживет до рассвета, — вяло проговорил он, погруженный в свои мысли.

Человек в дорогих одеяниях посмотрел на него пристальным, испытующим взглядом.

— Не пойму, — сказал он, — зачем я так долго ждал. Если твоим хозяевам удалось убить Мехараджуба теперь, почему они не могли это сделать раньше?

— То, что ты называешь колдовством — великое искусство, которым управляют вселенские законы, — поя-

нил человек в зеленом тюрбане. — Положение звезд предопределяет земные дела. Даже мои господа не в силах пренебречь этим. Пока звезды не пожелали, чары не действовали.

Длинным грязным ногтем он что-то чертил на мраморных плитах пола.

— Взгляни, вот созвездия небес. Положение Луны сулит несчастье повелителю Вендии. Змея в Доме Слона. Смятение среди звезд. В столь благодный для нас час незримые стражи оставляют душу Бунды Чанда, открывая дорогу в невидимые королевства... Лишь теперь, когда удалось найти точку соприкосновения, той дорогой посланы могучие силы.

— Точка соприкосновения? — переспросил его собеседник. — Ты говоришь о той самой пряди волос Чанда?

— Я сказал — ты понял. Все связано в этом мире, и отторгнутые части тела продолжают воздействовать на целое. Жрецы Ашура давно это поняли. Потому-то срезанные ногти, волосы и все остальное, принадлежащее членам царской семьи, сжигалось, а пепел тщательно прятался. И лишь раз Мехараджуб нарушил запрет жрецов. Он подарил прядь своих длинных черных волос безумно влюбленной в него княжне Косаль. Что ж поделаешь, сердце мужчины бессильно пред мольбами прекрасной женщины... Княжна бережно хранила символ страсти в золотом, украшенном драгоценностями ларце. Она не расставалась с ним даже ночью, прятала перед сном под подушкой. Вряд ли самый ловкий вор мог бы выкрасть бесценный дар Мехараджуба Вендии. Но моим господам подвластно многое: решая судьбу Бунды Чанда, они похитили прядь, заменив ее похожей, так что Косаль не заметила подмены. А настоящая прядь отправилась с караваном верблюдов до Пешкаури и дальше, через перевал Забар. И, наконец, попала в руки к тем, к кому и должна была попасть.

— Ничтожная прядка волос, — задумчиво произнес вельможа.

— Благодаря которой удалось завладеть душой Мехараджуба и отправить ее в бездонные пропасти мрака, — назидательно произнес сидевший на циновке.

Вельможа с интересом приглядывался к своему бедно одетому собеседнику.

— Не знаю, человек ты или демон, Хемса, — заговорил он наконец, — мало кто из нас не носит чужую личину. Меня, например, кшатрии знают как Керим Шаха, принца Иранистана, хотя я всего лишь подставное лицо. Так или иначе — все предатели, а добрая половина даже толком не знает, на кого работает. Ну, мне это, по крайней мере, не свойственно. Я по доброй воле служу повелителю Турана Ездигерду.

— А я — Черным Колдунам с Имша, — гордо выпрямился Хемса, — и твой господин — не чета моим магистрам. Со всем своим войском и могуществом он не может и толики того, что подвластно искусству моих повелителей.

Жалобные стоны и причитания айодийцев неслись к звездному небу, вторимые тягостными завываниями раковин, разрывающими парную тишину ночи.

Свет факелов зловеще играл на блестящих шлемах и золотых нагрудниках, на украшенных драгоценными камнями рукоятях мечей воинов благородной крови, которые собрались во дворце и в огромных окружавших его парках. Возле каждой двери встало по пятьдесят лучников со стрелами на тетиве, по дворцовым покоем и садовым дорожкам шествовали вооруженные патрули гвардии, но Смерть шагала по залам дворца владыки Вендии, и никто не мог сдержать ее страшную беззвучную поступь.

В опочивальне с золочеными сводами, мучимый приступами нескончаемой боли, Бунда Чанд снова вскрикнул далеким и слабым голосом. Дрожа от ужаса, вызванного чем-то иным, нежели страх перед близкой смертью брата, Деви склонилась над ним.

— Жазмина! — донесся этот странный, полный боли крик из бездны, хотя губы Мехараджуба оставались плотно сжатыми. — Помоги мне! Я так далеко от дома! Колдуны увлекают мою душу в бездну, ее уносит вихрь, готовый порвать серебряную нить, связующую с телом... О, они здесь, их тени клубятся вокруг, глаза тлеют, словно

угли во мраке, вместо рук — чудовищные когти. Их прикосновения жгут нестерпимым огнем. Спаси меня, сестра! Они сожгут мое тело и уничтожат душу! За что, почему? О-о!

Безграничный ужас в голосе брата заставил девушку затрепетать. В отчаянии от собственной беспомощности, она со стоном бросилась на грудь умирающего. Тело Мехараджуба свела судорога, на губах выступила пена, пальцы судорожно вцепились в плечо сестры. Потом глаза его прояснились, словно ветер на мгновение развеял подернувшую их мглу.

— Брат! — зарыдала Жазмина, заметив устремленный на нее взгляд. — Брат... Чем я могу помочь тебе?..

— Поспеш! — слабо выдохнул Бунда Чанд, но голос его звучал вполне осмысленно. — Я уже знаю причину моей гибели. Прodelав долгий путь во мраке, я многое узрел, многое... Это колдуны из Химелии навели на меня свои зловещие чары. Они вырвали мою душу из тела и бросили в темную бездну, где пытаются порвать серебряную нить жизни и заточить мою душу в тело жуткого чудища, вызванного ими из преисподней. Они сильны, очень сильны, но твой плач и теплота твоих рук смогли вернуть меня... Правда, совсем не надолго. Связь моей души с телом слабеет с каждым мгновением. Убей же меня, сестра, прежде чем они навсегда заточат меня в эту мерзкую тварь!

— Я не смею, брат, — рыдала Жазмина, ломая пальцы.

— Приказываю тебе! Скорее! — в слабеющем шепоте слышались прежние повелительные нотки. — Ты всегда была покорной сестрой, так исполни же последнюю волю Мехараджуба. Отправь мою незапятнанную душу в лоно Ашура! Спеш, иначе будешь виновна в моем вечном томлении внутри ужасного чудища. Приказываю, убей меня! Убей!

Ужасный крик Жазмины эхом заметался под золочеными сводами. Невольницы упали ниц, а вазам отпрянул и закрыл лицо руками, когда украшенный драгоценными камнями стилет, вырванный из-за шелкового пояса женщины, по самую рукоять вошел в грудь ее брата. Тело повелителя Вендии вздрогнуло и ослабло, печальная улыбка

ка застыла на помертвевших губах. Жазмина упала на застланные камышом каменные плиты опочивальни, молотя по ним маленькими кулачками.

За окном хрипло рокотали раковины и гремели гонги. Народ оплакивал своего повелителя, а жрецы в храмах, отдавая дань скорби, наносили себе порезы медными сверкающими ножами.

Варвар с гор

Отложив золотое перо, наместник Пешкаури, наиб Чундер Шан внимательно перечитывал письмо, которое только что закончил выводить на пергаменте, скрепленном печатью своего ведомства. Наиб привык взвешивать каждое слово, прежде чем молвить его или изложить письменно, и это помогало ему вот уже многие годы удерживать свое высокое положение. Лишь осторожные люди долго жили в этом диком крае на границе Вендии, по соседству с мрачными скалами Химелии. Час езды на север или запад — и путник оказывался в местах, где признают единственное право: право кулака и ножа. Опасность порождает осмотрительность, так считал наиб Пешкаури, так полагали и его подданные.

Сидя в полном одиночестве за искусно сделанным столиком красного дерева, Чундер Шан беззвучно шевелил губами, склонившись над письмом. Время от времени он отрывался от пергамента и поглядывал в окно, открытое для прохлады. На фоне темно-синего неба едва видимой полосой темнели зубцы крепостной стены, доходящей до окна. Сквозь бойницы и амбразуры ярко светили крупные звезды. Крепость наива стояла вне стен города, охраняя ведущие к нему дороги. Ветерок, шевелящий гобелены на стенах комнаты, доносил слабые отзвуки жизни. Чундер Шан слышал топот конских копыт за сторожевой башней, резкий голос стражника, спрашивавшего пароль. С улиц Пешкаури долетали обрывки песен и тихий звон ситары.

Занятый чтением, наиб не придавал этим звукам значения. Заслоня ладонью глаза от света лагунного светильника, он пробегал по строкам, адресованным вазаму Вендии при королевском дворе в Айодии.

После традиционно длинных приветствий и восхвалений в адрес вазамы, шло следующее:

«Да будет известно Вашей милости, что я в точности исполнил приказ Вашей милости. Тех семерых горцев запер в денно и ночью охраняемой темнице, непрестанно шлю вести в горы и теперь жду, что вождь их самолично прибудет договариваться об их освобождении. Однако тот сидит в горах и ничего не делает, кроме как грозит, как доносят, сжечь Пешкаури, если не выпустят его людей, и — да простит Ваша милость за то, что передаю речи нечестивца, — покроет свое седло моей кожей. От этого дикаря всего возможно ожидать, посему я устроил стражу на стенах. Сей вождь не гулистанского происхождения. Я не могу ручаться, что он предпримет. Но, поскольку все же это повеление самой Деви Вендии...»

Наиб вдруг отбросил письмо, сорвался с кресла и в мигом оказался у сводчатого проема двери, успев подхватить кривой меч в изукрашенных ножнах, лежавший на столе. Обнажив клинок, он воздел его в приветствии и застыл в почтительной позе.

Такая поспешность почтенного вельможи была вызвана неожиданным появлением в его комнате особы в муслиновых одеяниях, не скрывающих ни богатых украшений, ни гибкости прекрасного стана. Это была женщина, чье лицо прикрывала полупрозрачная вуаль, приколотая золотой булавкой в виде полумесяца к пышной прическе, охваченной тройной косичкой. Вуаль падала ниже груди, женщина прикрывала лицо ладонью, но наиб узнал ее по черным глазам, смотревшим сквозь трепещущую под вечерним ветром тонкую ткань.

— Деви!

Чундер Шан преклонил колено, но сделал это неловко, пребывая в полном замешательстве. Величественным жестом гостя приказала ему подняться. Бесперывно кланяясь, он почтительно подвел ее к креслу из слоновой кости. Однако его первыми словами были слова упрека:

— Какое безрассудство, ваше высочество! На границах беспокойно, повсюду шайки разбойников, беспрестанные нападения с гор... Надеюсь, ваша охрана достаточно велика и надежна?

— Свита сопровождала меня до Пешкаури, — отвечала сестра Мехараджуба Вендии. — Там я оставила своих людей и отправилась в твою крепость со своей высоко-родной прислужницей, хаджибой Джитарой.

— Сумасшествие! — возопил наиб, забыв о всякой почтительности к особе царской крови. — Здесь опасно, о Деви, очень опасно! Всего лишь в часе езды в горах полно варваров, которые грабят, режут мужчин, похищают женщин... Такое не раз случалось и на дороге между городом и крепостью. Нет, это не место для прогулок двух одиноких дам!

— И все же я здесь, цела и невредима, — нетерпеливо прервала Жазмина излияния старого вельможи. — Твоя стража пропустила меня, увидев перстень с печатью короля. Они даже позволили мне войти без доклада, полагая, что я — тайный посланник из Айодии. Но не будем терять время. Какие известия от вождя горцев?

— Увы, он шлет лишь угрозы и проклятия. Этот человек осторожен и подозрителен. Видимо, считает, что его хотят заманить в ловушку. Пожалуй, трудно его в том винить: кшатрии не всегда держали слово, данное людям с гор.

— Я хочу немедленно его видеть! — непрерываемым тоном заявила Деви, сжав кулаки так, что побелели пальцы.

— Все это слишком для моего слабого разума, — горестно покачал головой наиб. — Когда мои люди схватили семерых горцев, я, как положено, отправил донесение вазаму, полагая, что получу приказ повесить пленников. Вместо этого гонец привез ваше распоряжение не торопиться с казнью и вступить в переговоры с их вождем. Так я и поступил, но он, как уже было сказано, вовсе не торопится спуститься со своих скал. Пленники принадлежат к племени афгулов, а вот их вождь, насколько мне известно, явился с Запада. Зовут его Конан. Я передал ему, что завтра на рассвете повешу его людей, если он не придет.

— Хорошо задумано! — воскликнула Деви. — А теперь слушай внимательно и поймешь, почему я отдала такой приказ. Мой брат... — Голос ее прервался сдерживаемыми рыданиями, а наиб скорбно склонил голову, отдавая дань

уважения покойному повелителю Вендии. — ... Мехараджуб пал жертвой черного колдовства. Я поклялась, что отомщу убийцам, даже если это будет стоить мне жизни. Умирая, брат успел мне кое-что сказать, сейчас я иду по следу, который он указал. Я прочла Книгу и разговаривала с отшельниками из пещеры Йелай, старцами, которые не носят имен. Мне открылось, кто убил брата. Это сделали Черные Колдуны с горы Имш.

— О Ашура! — побледнев, прошептал Чундер Шан.

Сестра Мехараджуба окинула его презрительным взглядом.

— Боишься их?

— Кто же не опасается порождений Тьмы? — прошептал наиб, робко оглядываясь, словно опасаясь увидеть в своей комнате черного колдуна. — Многие слышали об этих демонах, живущих за пределами Забар. Однако предания утверждают, что они редко вмешиваются в дела простых смертных.

— И все же они убили моего брата, — голос Жазмины зазвенел в вечерней тишине. — Я поклялась на алтаре Ашура, что уничтожу их. Сейчас мне нужна помощь горцев. Без них армия кшатриев не пройдет на Имш.

— Истинная правда, — подтвердил Чундер Шан. — Нам пришлось бы сражаться за каждую пядь земли под градом камней, которые дикие горцы так любят швырять со своих скал. И в каждой долине нам рвали бы глотки эти волосатые парни. Когда-то туранцы пробились через Химелии, но много ли их вернулось в Курусан? Лишь горстка из тех, кто избежал кшатрийского меча, когда ваш брат разгромил их конницу у реки Юмда, вновь узрели Секундерам.

— Вот я и хочу договориться с приграничными племенами, — сказала Деви. — Их люди знают дорогу на Имш...

— Но они тоже боятся Черных Колдунов и сторонятся той проклятой горы, — поспешно вставил наиб.

— А этот Конан, их вождь, он тоже боится магов? — насмешливо спросила девушка.

— Ходят слухи, — опасливо сказал вельможа, — что это настоящий демон во плоти, который не ведает, что такое страх.

— Я тоже об этом слышала. Значит, он тот, кто мне нужен. Вождь хочет освободить семерых своих людей? Прекрасно, но платой за свободу будут головы Черных Колдунов!

Девы выпрямилась в кресле, глаза ее пылали ненавистью, тонкие пальцы сжимались в кулаки. Наиб почтительно преклонил колено. Его богатый опыт подсказывал, что женщина, которой владеет такая буря чувств, не менее опасна, чем разъяренная кобра.

— Да свершится все так, как пожелает ваше высочество, — смиренно произнес он.

Однако Чундер Шан знал, что Жазмина не только прекрасна, но и умна, и помимо слепой преданности умеет ценить дельный совет. Поэтому, заметив, что Девы несколько остыла, наиб поднялся с колен и попытался предостеречь сестру покойного Мехараджуба.

— Не могу ручаться, как поведет себя этот Конан. Горцы всегда доставляли нам много хлопот, и у меня есть все основания подозревать, что лазутчики туранцев подбивают их нападать на наши земли. Ездигерд издавна жадно поглядывает на юг. Вам известно, что он основал на севере своей страны Секундерам и другие города, хотя и не смог подчинить себе горские племена. Однако он хитер и не всегда действует грубой силой. Мне пришлось в голову, что, может быть, Конан — один из его шпионов, призванных склонить горцев на сторону туранцев...

— Кто бы он ни был, — отрезала Девы, — если ему дороги его люди, вождь появится на рассвете у городских ворот, чтобы вести переговоры. Я заночую в твоей крепости. В Пешкаури я прибыла переодетой, своих людей устроила на постоялом дворе, а не во дворце, так что кроме них и тебя никто не знает о моем присутствии.

— Я провожу ваше высочество в покои, — поклонился наиб, поняв, что разговор окончен.

Оказавшись в коридоре, он сделал знак стражнику, который, обнажив меч, двинулся вслед за ними. К ним присоединилась хаджиба, тоже в вуали, как и ее госпожа. Все четверо двинулись по широкому извилистому коридору, освещенному колеблющимся пламенем факелов. Чундер Шан мучился мыслью, что покои, которые он

может предложить, не совсем подходят столь высокородной особе. Доселе ему приходилось принимать в своей резиденции лишь высокопоставленных вельмож и военачальников. И хотя Девы ничем не выказывала свое неудовольствие, наиб почувствовал огромное облегчение, когда, оставшись в роскошной спальне, она его отпустила. Низко кланяясь, Чундер Шан вышел и отправился отдавать распоряжения слугам. Он приказал им позаботиться о гостях, хотя и не сказал, кто те такие, возле дверей опочивальни поставил отряд копьеносцев, среди которых был и воин, ранее охранявший его собственную комнату. Замороженный неожиданными событиями, наиб забыл заменить его другим солдатом.

После ухода наиба Жазмина вспомнила, что забыла кое о чем его расспросить. С некоторых пор ее интересовал человек по имени Керим Шах, вельможа из Иранистана, который, прежде чем прибыть в Айодию, некоторое время жил в Пешкаури. Сегодня она столкнулась с ним на улице города. Была ли то случайность, или Керим Шах следил за ней? Она решила немедленно продолжить разговор с Чундер Шаном и, вместо того, чтобы послать за ним, сама вышла в коридор и направилась к комнате наиба.

Тем временем Чундер Шан вернулся к себе, закрыл дверь и подошел к столу. И тут же замер, услышав тихий шорох, доносившийся с парапета за окном. Не успел вельможа перевести дыхание, как на фоне звездного неба возникла темная фигура, и в комнату ловко спрыгнул какой-то человек. В слабом свете настольной лампы злое блеснуло лезвие.

— Ша! — остерег собравшегося было схватить меч вельможу негромкий голос. — Поднимешь шум — отправлю к праотцам!

Наиб покорно опустил руку, потянувшуюся к оружию. Он отлично знал стремительность горцев и то неподражаемое мастерство, с которым каждый из них владел забарскими кинжалами.

Впрочем, пришелец не был исконным обитателем Химелийских гор. Могучий, сильный и ловкий, словно барс, он был одет в традиционную горскую одежду, но по

суровым чертам лица и пронзительным голубым глазам Чундер Шан признал, что тот не принадлежит ни к одной из восточных рас. Скорее всего незнакомец был выходцем с далекого севера. Его манеры выдавали натуру дику и необузданную, такую же, как у длинноволосых обитателей вершин Гулистана, чью одежду он сейчас носил.

— Ты пришел ночью, словно вор, — почти спокойно произнес наиб, хотя и помнил, что ни один стражник не успеет услышать его крика, позови он на помощь. И все же он не был бы наибом Пешкаури, если бы позволил себе поддаться панике даже при столь невыгодных для себя обстоятельствах.

— Я взобрался на стену крепости, — насмешливо проговорил чужак. — Твой страж вовремя подставил голову и получил заслуженный удар рукояткой кинжала.

— Ты Конан?

— Какой догадливый! Ты ведь сам пригласил меня поболтать, а встречаешь неласково. Убери-ка руки от своей железки в ножнах, иначе, клянусь Кромом, она тебе больше никогда не понадобится!

— Я только хочу сесть, — сказал наиб, осторожно опускаясь в кресло из слоновой кости, которое отодвинул от стола.

Конан, словно огромная настороженная кошка, мягко и бесшумно обошел комнату, подозрительно оглядел дверь и потыкал в гобелены своим полуметровым кинжалом. Двигался он иначе, чем афгулы, а когда заговорил, в голосе не было и тени восточной учтивости:

— Ты захватил семерых моих людей. Ты отказался принять выкуп. Чего тебе, старый павлин, надо?

— Что ж, поговорим об условиях, — осторожно ответил наиб.

— Об условиях? — В голосе варвара зазвучала угроза. — Разве я не предлагал тебе золота?

Чундер Шан рассмеялся.

— Оставь его себе! В Пешкаури столько золота, сколько тебе и не снилось. А это только капля в море богатства Вендии.

— В море, — проворчал варвар, усаживаясь на край стола и смахивая на пол письменный прибор и листы пергамента, — ты лжешь, как все восточные краснобаи...

— Не веришь? Что ж, вам, дикарям, не свойственно образное мышление...

Конан в сердцах выругался, его бронзовые мускулы напряглись, словно корабельные канаты, поднимающие тяжелую рею, а палец прошелся по отточенному лезвию.

— У меня достаточно воображения, чтобы представить, как твоя голова, словно перезрелая дыня, покатится по полу!

Наиб только пожал плечами, хотя и не отрывал глаз от сверкающего острия кинжала.

— Что ж, ты без труда можешь это сделать. Возможно, тебе даже удастся скрыться. Но семерым пленникам от этого не станет легче: на заре их повесят. А ведь они — вожди афгулов.

Конан яростно сверкнул глазами.

— Знаю! — рявкнул он. — Все племя грызет меня, точно стая голодных волков. Говорят, я мало забочусь об освобождении пленников. Скажи прямо, чего ты хочешь, иначе, клянусь задницей Нергала, я приведу всю орду к воротам Пешкаури!

Видя гневный блеск в глазах варвара, Чундер Шан несколько не сомневался в реальности подобной угрозы. Конечно, даже самая многочисленная орда не сможет взять город, но наиб вовсе не желал разорения своей провинции.

— Есть одно поручение, которое тебе надлежит исполнить, — заговорил он осторожно, словно пробуя лезвие бритвы. — Ты должен...

Рот Конана вдруг оскалился в волчьей гримасе, варвар легко соскочил со стола и одним прыжком оказался возле двери. Его острый слух уловил шорох приближающихся шагов. В тот же миг дверь распахнулась, и в комнату вошла стройная женщина в легком платье. Не успела она прикрыть дверь, как замерла, увидев горца.

— Деви! — крикнул наиб, на мгновение потеряв голову и вскакивая с кресла.

— Деви! — эхом откликнулся варвар.

Чундер Шан, сразу поняв намерения пришельца, успел схватить со стола меч, но горец двигался со стремительностью налетевшего урагана: подскочив к наibu, он уда-

ром рукояти кинжала по голове свалил вельможу на пол, потом метнулся к онемевшей Жазмине и сгреб ее могучей рукой. Очнувшийся Чундер Шан, безуспешно пытаясь подняться, успел увидеть темный силуэт на фоне окна, трепещущие одежды девушки, отчаянные жесты ее рук...

— Попробуй теперь повесить моих людей! — победно пророкотал похититель, спрыгнул на зубцы крепостной стены и растворился во мраке ночи. Раздался и смолк пронзительный женский крик.

Зажимая разбитый лоб, наиб поднялся и, шатаясь, побрел к двери. Он пытался позвать на помощь, но из груди вырывались лишь сдавленные хрипы. И только оказавшись в коридоре, Чундер Шан смог кликнуть стражу. Его крик эхом разнесся по коридорам, созывая солдат, которые удивленно таращили глаза при виде своего начальника с разбитой, окровавленной головой.

— В седло, воины! — командовал наиб. — В погоню! Похищение!

Ему хватило ума не вдаваться в подробные объяснения происшедшего. Только услышав с улицы удалявшийся стук копыт, мольбы о помощи и торжествующее гиканье варвара, погнавшего коня, Чундер Шан осознал весь ужас своего положения. Шатаясь, он устремился вниз по лестнице, за ним бежали ошеломленные стражники.

Во дворе крепости всегда располагалась сотня конников, державших лошадей оседланными и готовых по первому приказу пуститься в погоню. Наиб сам возглавил отряд, объяснив, что дворянку, носящую королевский перстень, похитил вождь афгулов и посулил каждому, кто схватит злодея, мешок золота.

Хотя варвар уже скрылся из виду, унося свою жертву, наиб отлично знал, куда тот направляется. Отряд понесся по дороге, ведущей прямо к ущелью Забар. Чундер Шан едва держался в седле, придерживаясь обеими руками за золоченую луку, но упорно гнал коня сквозь душную ночь, отлично понимая, что от исхода погони зависит его жизнь.

Ночь была безлунная, слабый свет звезд падал на стоящие вдоль дороги домики селян. Крепостные башни и башни Пешкаури остались далеко за спиной мчащихся во весь опор всадников. Впереди вздымалась черная стена гор Химелии.

Хемса прибегает к чародейству

В суматохе, воцарившейся в крепости после того, как наиб призвал стражников к оружию, никто не заметил, как хаджиба, сопровождавшая Деви, выскользнула за ворота и растворилась в темноте. Она пустилась к городу напрямик: через поле и пригорки, огибая заборы и ловко перепрыгивая через оросительные каналы, так, словно бегать ночью по незнакомым местам было для нее делом привычным. Она была уже возле стен Пешкаури, когда вдали за холмом затих стук копыт погони, возглавленной Чундер Шаном. Беглянка не дошла к главным воротам, возле которых, опершись на копья, стояли стражники, напряженно вглядываясь в темноту и прислушиваясь к звукам, доносившимся от крепости: они тщетно пытались понять причину возникшей суматохи. Девушка скользнула вдоль стены и вскоре оказалась возле вздымавшейся меж зубцов башни. Тогда она приложила ладонь к губам и издала негромкий, странный, похожий на крик ночной птицы звук.

Сейчас же в амбразуре на верху башни показалась чья-то голова и вдоль стены упала длинная веревка. Девушка вставила ногу в петлю на ее конце, покрепче ухватилась за веревку и помахала рукой. Быстро и плавно ее подняли на отвесную каменную стену. Вскоре она оказалась на плоской крыше прилегавшего к городской стене дома. Возле открытых ставень чердачного окна человек в тоге из верблюжьей шерсти спокойно сматывал веревку, словно ему было раз плюнуть втащить взрослую женщину на башню высотой не менее пятидесяти футов.

— Где Керим Шах? — отдышавшись, спросила беглянка.

— Спит внизу. Какую весть ты принесла?

— Конан выкрал Деви из крепости и умчал ее в горы! — выпалила девушка, глотая от волнения слова.

Ничего не отразилось на бесстрастном лице Хемсы. Он лишь кивнул головой в зеленом тюрбане и равнодушно произнес:

— Керим Шах будет доволен, услышав об этом.

Он шагнул к окну, но девушка придержала его за руку.

— Подожди! — Она обняла его за шею. Грудь ее часто вздымалась, и не только от недавнего бегства. Глаза, словно

черные алмазы, пылали в полумраке жаркой южной ночи. Он приблизила губы к губам Хемсы, который, приняв ее объятия, оставался все так же безучастен к происходившему.

— Ничего не говори пока туранцу, — шепнула девушка. — Мы сами воспользуемся тем, что знаем. Наиб и его люди помчались к горам, но с таким же успехом они могли бы преследовать бесплотного духа. Чундер Шан никому не сказал, что похищенная — сестра короля, об этом в Пенкаури и крепости никто, кроме нас, не знает.

— И что толку? — спросил Хемса. — Какая в том для нас польза? Мои господа приказали помогать Керим Шаху...

— Да помоги ты себе! — яростно крикнула девушка, отстраняясь от мужчины. — Пора сбросить ярмо!

— Ты хочешь... чтобы я оказал неповиновение своим господам?!

Впервые она увидела на всегда бесстрастном лице Хемсы неподдельный ужас.

— Ну и что? — Она зло тряхнула его за плечи. — Ты тоже колдун! Почему ты хочешь остаться невольником? Пора уже самому воспользоваться могуществом, а не употреблять все силы и искусство для возвеличивания других!

— Никогда! — Хемса задрожал, словно порывы ледяного ветра вдруг долетели до южных земель с холодных просторов покрытого вечными льдами севера. — Я не принадлежу к Черному Кругу. Без приказа моих хозяев я не смею пользоваться знаниями, которыми они меня наделили.

— Они задумали тебе голову, — продолжала настаивать девушка. — Послушай меня, и сделай то, о чем я прошу. Конан похитил Деви конечно же для того, чтобы держать ее как заложницу и обменять на семерых пленных вождей. Ты должен убить их, прежде чем Чундер Шан успеет использовать их для выкупа. Потом подадимся в горы и отнимем Деви у афгулов. Ножи горцев бессильны против твоего колдовства. За сестру короля мы получим огромный выкуп, сокровища Вендии станут нашими. Потом мы обманем кшатриев и продадим Деви королю Турана. О, мы станем самыми богатыми людьми на свете! Мы

сможем нанять воинов, занять Корбул, выбить туранцев с гор и отправить наши войска на юг. Мы станем властителями огромной империи!

Она дрожала от возбуждения, порожденного горячими фантазиями и мужчиной, которого она снова обняла, прижавшись к нему всем телом. Ее трепет передался Хемсе, он тяжело дышал, крупные капли пота стекали по его побледневшему лицу.

— Люблю тебя больше жизни! — страстно шептала женщина, и тонкий ее аромат кружил голову слуге чародеев, заставляя забыть обо всем на свете. — Хочу, чтобы ты стал властелином мира! Ради тебя я изменила своей госпоже, так предай же ради нашей любви своих повелителей! Чего тебя боятся Черных Колдунов? Ты уже нарушил один из их запретов, полюбив меня, и что они тебе сделали? Так нарушь же и остальные! Ты столь же могущественный маг, как и твои господа!

Даже ледяного Имира растопил бы огонь страсти и ярости, звучащий в ее словах. С тихим стоном Хемса прижал к себе девушку и осыпал ее лицо горячими поцелуями.

— Я сделаю это для тебя! — проговорил он охрипшим, пьяным голосом. — Сила, которой наделили меня магистры ордена, отныне будет служить не им, а мне! Весь мир ляжет к нашим ногам! Весь мир...

— Так идем же! — выскользнув из его объятий, она подвела Хемсу к открытому окну. — Надо успеть, пока наиб не обменяет семерых афгулов на Деви.

Мужчина последовал за ней, словно в забытьи. Они спустились по лестнице и оказались в небольшой комнате. На высоком ложе, прикрыв лицо согнутой в локте рукой, словно ему мешал неяркий свет медной лампы, спал Керим Шах. Девушка кивнула на лежащего, потомглянула на Хемсу и выразительно провела ладонью по шее. Тот шагнул было вперед, но застыл, помертвев лицом и отрицательно мотнув головой.

— Я ел его соль, — шепнул он. — Да и вряд ли он нам помешает.

Взявшись за руки, мужчина и женщина вышли через дверь на узкую крутую лестницу. Когда затихли их осторожные шаги, Керим Шах поднялся с постели, утирая со

лба холодный пот. Он не так боялся удара кинжалом, как чародейства проклятого Хемсы, который всегда напоминал ему осторожного ядовитого гада.

«Однако на этот раз ублюдок оплошал, — подумал Керим Шах, усаживаясь за стол. — Заговорщики, болтающие о своих делишках на крышах, должны помнить об открытых окнах и говорить тише. Ну что ж, Хемса восстал против своих господ, а ведь только через него я мог с ними общаться. Придется отныне действовать на свой страх и риск».

Он достал из-за пояса перо и пергамент, разложил его на столе и начертал несколько коротких строк:

«Косар Хану, наibu Секундерама. Киммериец Конан похитил Деви Жазмину и увез ее в афгульское селение. Появилась возможность схватить сестру вендийского владыки, чего так давно жаждет наш повелитель. Немедля пошли три тысячи верховых. Буду ждать их с проводником в долине Гурашах».

Внизу он поставил подпись, ничего общего не имеющую с именем Керим Шаха.

Весьма довольный собой, танцующей походкой он подошел к золотой клетке и достал из нее почтового голубя. Прикрепив к его ноге свернутый в маленькую трубочку пергамент, подошел к окну и выпустил птицу в душный ночной воздух. Взмахнув крыльями, голубь взмыл в темное небо.

Подхватив плащ, шлем и меч, Керим Шах быстро покинул комнату и резво сбежал вниз по крутой лестнице.

Пешкаурская тюрьма была окружена массивной стеной, в которой были лишь одни, обитые железом и расположенные в полукруглом портале ворота. Смоляные щепки, горевшие в медном светильнике, неярко освещали сидевшего на корточках возле входа стражника. Он позевывал, клюя носом и время от времени стучаясь лбом о край своего щита.

И вдруг воин резво вскочил на ноги, выставив вперед копьё. Он дал бы голову на отсечение, что вовсе не спал. И все же перед ним стоял человек, появления которого страж не заметил. На чужаке была тога из верблюжьей

шерсти, на ногах — потертые сандалии, голову украшал зеленый тюрбан. В тусклом свете лампы странно поблескивали пронзительные глаза незнакомца.

— Кто ты? — охрипшим голосом спросил стражник. — Что тебе надо?

Пришелец не выказал и тени беспокойства, хотя наконецник копья касался его груди. Он неотрывно глядел в лицо солдата.

— В чем состоит твоя служба? — спросил он вдруг низким голосом.

— Охранять ворота! — не задумываясь, выпалил стражник и вдруг застыл, словно изваяние. Глаза его остекленели, на окаменевшем лице застыла удивленная гримаса.

— Чушь! Как только ты глянул в мои глаза, твоя душа стала моей, а тело обязано выполнять все мои приказы. Открой дверь!

Все с тем же выражением удивления, но не противясь чужой воле, стражник вынул из-за пояса большой ключ, повернул его в огромном замке и широко распахнул ворота. Потом застыл поодаль, глядя перед собой невидящим взором.

Из тени кустов выскользнула женщина и нетерпеливо тронула за плечо чародея.

— Вели ему дать нам коней, Хемса, — шепнула она.

— Зачем? — ответил мужчина и, чуть повысив голос, приказал стражнику: — Ты исполнил мою волю. Молодец. Теперь убей себя.

Солдат безропотно упер древко копья в землю у стены, приставив острие к животу чуть ниже ребер. Неторопливо, не испытывая, по-видимому, никакого страха, он налег на наконецник всей тяжестью тела. Копье прошло сквозь тело и окровавленный наконецник показался из спины стражника. Мертвец скользнул вниз по древку и спокойно лег лицом в высокую траву. Копье торчало у него между лопаток, словно ствол какого-то страшного дерева.

Девушка глядела на эту картину с мрачным торжеством, пока Хемса не увлек ее за собой. Они оказались в узком пространстве между внешней и внутренней стенами

тюрьмы, освещенном коптящими факелами. Внутренняя стена была ниже, в ней было множество дверей, расположенных, казалось, без какого-либо продуманного плана. Охранявший проход между стенами солдат медленным шагом приближался к открывшимся воротам, чувствуя себя в полной безопасности. Он отпрянул, увидев появившихся мужчину и женщину, но было слишком поздно. Хемса не стал тратить время, чтобы подчинить жертву своей воле, но его спутнице показалось, что она снова стала свидетельницей колдовства. Воин грозно взмахнул копьем и уже открыл было рот, чтобы криком созвать стражников из караульного помещения, но его противник левой рукой легко, словно соломинку, отбил древко, а ребро правой ладони, описав короткий полукруг, словно невзначай коснулось шеи солдата. Хрустнули позвонки, и стражник рухнул на булыжную мостовую, не успев издать ни звука.

Не обращая внимания на упавшего, Хемса подошел к первой же двери и прижал раскрытую ладонь к массивному бронзовому замку. Раздался треск, и девушка увидела, как по крепчайшему тиковому дереву створок побежали глубокие трещины, замок с глухим стуком упал на камни, а засов погнулся, на глазах вылезая из кованых гнезд. Даже сорок воинов, орудующих тысячефунтовым тараном, не смогли бы так легко совладать с массивной дверью темницы. словно опьянев от свободы, Хемса играл своей чудесной силой, подобно молодому гиганту, не опасавшемуся гнева богов за свои рискованные выходки.

За выломанной дверью оказалась железная решетка, окружавшая небольшой дворик, озаренный неясным светом выглянувшей луны. Чья-то волосатая рука сжимала прутья, в полумраке поблескивали белки неведомых глаз.

Некоторое время Хемса вглядывался в эти пылающие глаза, потом сунул руку за пазуху и высыпал на каменные плиты горсть искрящейся пыли. вспыхнул зеленоватый огонь, осветив решетку и семерых стоявших за нею людей, их потрепанную афгульскую одежду и орлиные черты заросших лиц. Люди стояли недвижно, но в глазах их читался ужас, волосатые пальцы судорожно сжимали железные прутья.

Огонь погас, но остался дрожащий отблеск зеленого пара, пульсирующего и трепещущего на камнях возле ног Хемсы. Узники не могли отвести от него взгляды. Шар вытянулся, превращаясь в спираль из ярко светящегося зеленого дыма, который скручивался, точно огромная змея напрягала сверкающие кольца своего могучего тела. Потом эти нити сплелись и стали облаком, медленнодвигающимся по мостовой прямо к клетке. Узники с ужасом следили за его приближением, все так же храня молчание, но тела их вздрагивали так, что крепкая ограда шаталась: казалось, еще миг, и она рухнет. Облако достигло решетки и скрыло ее зеленым туманом от глаз девушки. Густые клубы проникли внутрь клетки, окутали горцев... Из неясной мглы долетели глухие стоны, и все смолкло.

Хемса тронул за плечо свою окаменевшую от удивления спутницу и пошел к выходу. Она последовала за мужчиной, все время оглядываясь через плечо. Туман рассеялся, открыв смутные очертания семи неподвижно лежащих тел. Возле самой решетки стояла пара обутых в сандалии ног, срезанных ниже колена — словно чудовищный серп скосил человека, как ничтожный колос.

— А сейчас оседлаем скакуна, более резвого, чем любой, возвращенный в конюшнях смертных, — сказал Хемса. — Он домчит нас в Афгулистан еще до рассвета.

Встреча на перевале

Похищение казалось Деви Жазмине страшным сном. Только во сне все происходит столь быстро: объятия могучих рук, горящие глаза могучего горца, его горячее дыхание, обжигающее шею, головокружительный прыжок через окно на зубцы стены, бешеный бег по крышам... Ее сковал страх высоты, когда похититель ловко спускался по канату, привязанному к ангулу, перекинув свою жертву через плечо. Все это всплывало в памяти, словно смутный кошмар, вызванный тяжелой болезнью. Немногим лучше помнился стремительный бег человека, несущего ее на руках, словно ребенка, тень деревьев, запах кожаного седла и дикое ржание горячего балканского жеребца. Потом

была бешеная скачка под стук копыт, высекавших искры из каменистой, ведущей через предгорья дороги.

Когда ясность мыслей вновь вернулась к Деви, первыми ее чувствами была всепоглощающая ярость и жгучий стыд. Она, Деви Вендии, где монархи почитались почти как боги, перекинута через луку варварского седла, словно обычная девка, купленная на торжище! Гнев победил страх, и она стала вырываться, осыпая горца проклятиями.

Конан легко подхватил девушку и усадил лицом к себе на перекинутый через холку лошади меховой плащ. В свете звезд сверкали его белые зубы, голубыми искрами горели глаза, а могучая рука придерживала пленницу. Впервые в жизни Жазмина подчинялась силе. Голова кружилась от стремительной скачки, и девушка с ужасом заметила, что горец отпустил поводья, доверив коню во весь опор мчаться по усеянной валунами дороге. Варвар небрежно держался в седле, словно был частью своего скакуна. Он сидел так близко к дочери короля, что его дыхание обжигало ее щеку.

— Пес! — выкрикнула Жазмина, содрогаясь от гнева, стыда и бессилия. — Ты осмелился... О боги, за это заплатишься головой! Куда меня везешь?

— В деревню афгулов, — бросил похититель и оглянулся через плечо.

За холмом, который они только что миновали, на стенах крепости мелькали огни факелов. Варвар заметил отблеск, падавший из открытых главных ворот. Конан громко рассмеялся — Жазмине показалось, что горный поток перекачивает по дну камни.

— Наиб выслал в погоню конников, — насмешливо сказал ее похититель. — Что ж, им не вредно немного прогуляться при свете звезд и поупражняться в верховой езде. Как мыслишь, Деви, стоишь ты семерых горских вождей?

— За мной пришьют армию, а тебя вздернут вместе с твоими прихвостнями, — убежденно пообещала Деви.

Варвар снова расхохотался, прижимая ее к себе и усаживая поудобнее. Но Жазмина сочла это новым оскорблением и принялась колотить кулачками в могучую грудь горского вождя, пока не убедилась, что ее атака

только смешит его. Кроме того, от всей этой возни ее легкое одеяние пришло в страшный беспорядок. Решив, что особе голубой крови более пристало хранить надменное спокойствие, Деви Вендии погрузилась в молчание, прерываемое лишь гневными восклицаниями, когда рука варвара слишком сильно сжимала ее плечо.

Гнев ее сменился изумлением возле проезда в долину Забар, зияющего, словно огромная брешь в отвесной черной скале, преградившей им дорогу. Казалось, секира гиганта прорубила этот проход в глухой стене. По обе стороны громоздились каменные кручи, скрывая ущелье густой тенью. Даже зоркие глаза Конана не видели больше дороги, но, зная, что погоня не станет медлить, он не придержал коня, доверившись его чутью. Сильное животное не выказывало признаков усталости. Они стремительно промчались дорогой, лежащей на дне ущелья. Дорога вела вверх, и вскоре они миновали перевал, по обе стороны которого предательский щебень подстерегал неосторожный шаг, готовый увлечь стремительным оползнем неосторожного путника.

В густой тени скал Конан не заметил горской засады. Они с Жазминой как раз проезжали возле боковой расщелины, когда оттуда вылетело копье и вонзилось в круп мчавшегося коня. Огромный жеребец жалобно заржал, споткнулся и на всем скаку рухнул на землю, грозя придавить всадников.

Но киммериец оказался быстрее: он успел подхватить девушку и соскочить с падающего коня, с ловкостью кошки приземлиться на ноги и толкнуть девушку за большой валун, темневший возле дороги. Жазмина не успела испугаться, а Конан уже держал в руке обнаженный кинжал, пристально вглядываясь в темноту.

Немного прийдя в себя, Деви выглянула из-за камня и увидела неясную тень, приближающуюся со стороны расщелины, услышала шарканье босых ног по гравию, шорох ветхой одежды... Затем блеснула сталь, кто-то коротко вскрикнул, тело глухо ударилось о землю. Разделавшись с противником, появился киммериец и притаился за валуном.

Кто-то завозился в темноте расщелины, потом зычный голос проревел:

— Что такое, псы? Хотите, чтобы они улизнули? Вперед, каналы! Взять их!

Конан вдруг хмыкнул и закричал в темноту:

— Да никак это ты, Яр Афзал?!

Раздался удивленный возглас и встречный вопрос:

— Ты, Конан?

— Я! — рассмеялся киммериец. — Иди сюда, старый бандюга. Не держи зла, но я прикончил одного из твоих людей.

Между скал раздался голос, кто-то чиркнул огнем, зажигая факел. Свет его приблизился, и вскоре хорошо стал виден бородатый человек, державший в одной руке горящую ветку, а в другой — кривую саблю. Человек вытягивал шею, силясь увидеть людей, скрывавшихся за валуном. Конан вышел на свет, пряча кинжал, а бородач, завидев его, радостно пробасил:

— Точно Конан! Вылезайте, трусливые шакалы, это Конан!

В круге света появились остальные: дикого вида обросшие мужчины с угрюмыми лицами и длинными ножами в руках. Жазмину они не заметили — девушка все еще укрывалась за валуном. Выглядывая из-за этого убежища, Деви ощутила страх, несравнимый с тем, который внушал ей похититель. Разбойники были похожи скорее на свирепых волков, чем на людей.

— За кем охотишься нынешней ночью, Яр Афзал? — спросил Конан предводителя, который щерил зубы, словно бородатый вампир.

— Кто знает, какая добыча попадется в темноте? Мы, вазулы, — ночные хищники. А как твои дела, Конан?

— У меня пленница, — ответил киммериец. Он шагнул к валуну и вытолкнул на свет дрожащую вендийку.

Деви потеряла всю свою надменность и величавую осанку. Она с испугом глядела на бородатые лица страшных людей, чувствуя что-то вроде благодарности к своему голубоглазому похитителю, который обнял ее жестом властелина. Вожак вазулов приблизил к ее лицу факел, его люди шумно засопели и придвинулись. Добыча киммерийца и впрямь была хороша.

— Но-но! — предостерег Конан, многозначительно глянув на убитого им вазула. — Это моя добыча. Я вез

ее в Афгулистан, а вы, недоумки, убили моего коня. Учтите, наиб Пешкаури выслал за нами погоню, и стражники не побоятся сунуться в ущелье.

— Поехали в нашу деревню, — предложил Яр Афзал. — В расщелине спрятаны лошади, а в темноте нас никто не выследит. Так, говоришь, погоня недалеко?

— Так близко, что я уже слышу топот их копыт по камням, — значительно произнес варвар.

Вазулы не стали больше медлить: встречаться с пешкаурскими стражниками им вовсе не хотелось. Факел погас, и оборванцы растворились во мраке. Конан подхватил Деви на руки, она не сопротивлялась, чувствуя себя слабой и беззащитной в зловещей тьме, окутавшей ущелье. Да и идти по острым камням девушка не смогла бы: ее изнеженные ноги были обуты лишь в мягкие туфельки.

Почувствовав, что его пленница дрожит от холода, киммериец снял с павшего коня свернутый плащ и закутал девушку. «И не вздумай позвать на помощь!» — зловеще шепнул он при этом. По правде, она не слышала стука приближающихся копыт, о котором говорил вазулам Конан, да и была слишком напугана и измучена, чтобы надеяться на спасение.

Глядя вверх, она заметила, как исчезли звезды, и поняла, что они углубились в расщелину, где недавно прятались разбойники. Услышала фыркание и приглушенное ржание коней, голоса предводителя и киммерийца, что-то обсуждавших. Конан оседлал коня убитого им вазула и усадил девушку перед собой. Бесшумно, словно приведения, вся банда выехала из расщелины на дорогу. Мертвый конь и убитый остались позади. Полчаса спустя на них нагкнулись всадники из крепости, и Чундер Шан сделал для себя соответствующие умозаключения.

Пригревшись на груди своего похитителя, обнимавшего ее сильной рукой, Жазмина не могла одолеть сон. Тропа, на которую свернул отряд, то поднималась в гору, то спускалась в низину, неторопливая езда убаюкивала, потрясения последних часов и усталость наливали веки свинцовой тяжестью. Жазмина потеряла счет времени. Всадники бесшумно двигались в темноте, иногда над

кромкой скал мелькало звездное небо, словно свод зала, опирающийся на стены горных круч. Из невидимых провалов долетали порывы холодного ветра, вендийка зябко куталась в плащ, плотнее прижимаясь к могучему всаднику, забыв, что еще недавно бессильно колотила его в грудь, пытаясь освободиться. Понемногу дрема поглотила ее: стук копыт, скрип упряжи, стук ножен о седла — все казалось нереальным отзвуком сонного бреда...

Жазмина с трудом осознала, что кто-то снимает ее с коня и несет куда-то вверх по ступеням. Потом ее опустили на что-то мягкое, под головой оказался свернутый плащ, а сверху — теплое одеяло, пахнущее зверем. Словно сквозь плотный полог она услышала смех Яр Афзала.

— Ценная добыча, Конан! Достойная вождя афгулов.

— Я взял ее не для себя, — слышался ворчливый ответ. — За эту девчонку я выкуплю из плена семерых моих вождей, Нергал их задери!

Это было последнее, что слышала Деви, погружаясь в глубокий сон.

Она спала и не знала, что в эту ночь среди гор решается судьба Вендии. В мрачных ущельях и на горных тропах звенели по камням подковы, свет звезд отражался на шлемах и кривых саблях: всадники прочесывали каменные лабиринты, овраги и долины.

Настороженные глаза следили за ними из-за обломков скал на дне глубокого оврага, ожидая, пока стук копыт затихнет вдали. Станные люди на исхудавших конях молча таились во тьме. Когда стражники удалились, их предводитель, крепкий мужчина в шлеме и плаще, расшитом золотом, тихо рассмеялся.

— Ищейки наоба потеряли след! Или сообразили, что Конан уже в афгульском селении. Много воинов нужно, чтобы выкурить зверя из его норы. На рассвете Чундер Шан приведет большое войско.

— Будет схватка, будет и добыча, — сказал кто-то за его плечом на иракзайском наречии.

— Будет добыча, — отвечал человек в шлеме. — Но сначала мы должны попасть в долину Гурапах и дожидаться конницу, которая уже вышла из Секундерама.

С этими словами он прищипорил коня и выехал из оврага. Его люди двинулись следом — словно тридцать призраков в развевающихся лохмотьях.

Черный жеребец

Когда Жазмина проснулась, солнце уже поднялось высоко над скалами. Девушка продолжала лежать, припоминая вчерашние события: похищение, долгую скачку, встречу с разбойниками. Кости ломило, тело все еще ощущало крепкие объятия сильных рук голубоглазого мужчины, который увез ее так далеко от дома.

Ложем ей служила подстилка из листьев, покрытая овечьей шкурой, под головой был свернутый плащ Конана, меховое одеяло сползло на утоптаный глиняный пол. Деви поспешно натянула его до самой шеи и огляделась. Неровные стены дома были сложены из огромных валунов, скрепленных высохшей на солнце болотной глиной. Мощные балки поддерживали крепкие доски потолка, в которых она заметила прикрытый крышкой лаз. Вместо привычных окон в толстых стенах были прорублены узкие бойницы. Дверь, ведущая из помещения, представляла собой огромную бронзовую плиту, несомненно украденную с какой-нибудь вендийской башни. Напротив виднелся каменный загон, отделенный от жилого помещения деревянной решеткой. Пофыркивая и жуя сено, там топтался великолепный черный жеребец. Дом служил обителям и крепостью, и жилищем, и конюшней.

В другом конце комнаты возле небольшого очага на корточках сидела горянка в широкой кофте и мешковатых штанах. Она обжаривала ломти мяса на железной решетке, укрепленной на камнях. Дым костра частью уходил в закопченное отверстие в потолке, частью — стелился по комнате голубоватыми прядями.

Горянка мельком взглянула на Жазмину, обратив к ней красивое лицо со смелыми чертами, потом вновь вернулась к своему занятию. Снаружи слышались мужские голоса и, отворив дверь ударом ноги, в комнату вошел Конан. Утренний свет осветил его могучую фигуру, и Жазмина заметила то, что не видела в ночной темноте. Одежда варвара был чистой и незаношенной, широкого

бакарийского пояса, за которым торчала рукоять кинжала, украшенная серебряной инкрустацией, не постыдился бы и князь, а в расстегнутом вороте рубашки поблескивала сталь туранской кольчуги.

— Твоя пленница проснулась, Конан, — сказала вазулка.

Киммериец что-то проворчал себе под нос, подошел к огню и смахнул скворчащие ломти мяса на глиняное блюдо. Сидевшая на корточках горянка улыбнулась ему и отпустила какую-то шутку, на что он ощерил зубы и, легонько поддав девушке под зад носком сапога, опрокинул ее на земляной пол. Похоже, это грубоватое обращение очень понравилось вазулке, но Конан уже не обращал на нее внимания. Достав с полки краюху хлеба и медный жбан с вином, киммериец отнес все это Жазмине, которая, сев на своем ложе, настороженно разглядывала варвара.

— Не слишком подходящий харч для Деви, детка, но лучшего нет, — буркнул он, ставя еду и питье на землю возле постели. — По крайней мере, голодной не останешься.

Деви вдруг поняла, что готова сейчас съесть хоть дюжину лягушек, которыми, как она слышала, питаются кхитайцы. Без лишних слов она подхватила блюдо, поставила на колени и принялась хватать пальцами горячее мясо, не надеясь, что здесь ей подадут столовый прибор. Немного насытившись, она вспомнила о своем высоком происхождении и стала есть помедленнее, отщипывая кусочки хлеба и вытирая ими лоснящиеся губки. Конан возвышался над ней, заложив руки за пояс и насмешливо глядя на эту трапезу особы голубой крови.

Покончив с мясом, Деви обратилась к своему похитителю:

— Может, ты скажешь, где я?

— В доме Яр Афзала, вождя Курум Вазулов, — ответил киммериец. — До Афгулистана отсюда добрые две мили. Мы отсидимся у вазулов, пока кшатрии прочесывают горы. Они ищут тебя. Горцы уже вырезали пару отрядов. Хочу, чтобы Чундер Шан...

— Что ты еще задумал?

— Наиб должен отпустить моих конокрадов. Вазулки уже выжимают черный сок из листьев шоки, и вскоре ты сможешь написать ему письмо.

После еды к Жазмине вернулись силы, а вместе с ними — и вчерашний гнев. Мысль о том, что она стала пленницей человека, которого намеревалась использовать в своих целях, была непереносима. Отшвырнув блюдо с остатками еды, Деви вскочила на ноги, яростно сжимая кулачки.

— Никакого письма не будет! Если ты не отвезешь меня назад в крепость, кшатрии повесят тех семерых, а вместе с ними еще тысячу!

Вазулка поперхнулась, пытаясь сдержать смех, Конан грозно нахмурился. Открылась дверь, и в комнату вошел Яр Афзал. Вождь вазулов был не ниже киммерийца и также широк в плечах, но рядом с жилистым северянином казался неуклюжим увальнем. Солидно огладив рыжую бороду, он взглядом отослал горянку и, когда та вышла, обратился к приятелю:

— Мои людишки ропщут, Конан. Крови им подавай... Хотят, чтобы я тебя убил, а за девку взял выкуп. Говорят, она из благородных, по одежде видно. Спрашивают, чего это афгульские собаки должны получить все, когда мы прячем ее у себя, рискуя шкурами?

— Одолжи мне коня, — сказал Конан. — Я заберу ее, и мы исчезнем.

Яр Афзал фыркнул:

— Ты что, думаешь, я не могу держать своих обормотов в узде? Когда я зол, они танцуют передо мной без порток! Они не любят тебя, как и любого чужака, это правда, но Яр Афзал помнит, что Конан когда-то спас ему жизнь! Пошли к людям, друг. Только что вернулся разведчик.

Конан потуже затянул пояс и вслед за вождем вышел на улицу. Дверь закрылась. Жазмина подошла к бойнице и выглянула наружу. Вокруг утоптанной площадки теснились строения, сложенные из огромных валунов, голые дети играли в пыли, стройные горянки в грязных кофтах и широких штанах занимались своими будничными делами.

Тут же, возле дома вождя, скрестив ноги, полукругом сидели на земле мрачные ободренные мужчины, длинноволосые и бородатые. В нескольких шагах перед ними

стояли Конан с Яр Афзалом и слушали одного из сидящих. Воин хриплым голосом говорил с вождем на вазульском наречии, которое Деви с трудом, но понимала: во дворце Айюдии она изучала иранистанский язык и родственные ему гулистанские диалекты.

— Я говорил с дагозанцем, который прошлой ночью видел большой конный отряд, — рассказывал лазутчик. — Человек сидел ночью возле того места, где Конан наткнулся на вашу засаду. Дагозанец слышал, что говорили всадники, которых привел сам Чундер Шан. Они нашли убитого коня, один солдат признал в нем коня Конана. И еще они нашли труп вазула. Наиб ругался, а потом сказал, что, видно, вазулы убили Конана и похитили девушку, а потому приказал прекратить погоню по дороге на Афгулистан. Они хотели искать девушку по горным селениям, но не знали, из какого именно был убитый воин. Поэтому двинулись к Югре, ближайшему селению, сожгли ее и убили много людей. Месть не заставила ждать: воины Каюра в темноте напали на кшатриев, нанесли им большой урон и ранили наиба. Оставшиеся в живых улизнули в свою крепость, но еще до рассвета вернулись с подкреплением. С самого утра в горах звенят мечи. Говорят, вендийцы намерены очистить горы вокруг долины Забар. Только это им вряд ли удастся. Воины всех племен острят ножи и устраивают засады на каждом перевале до самой долины Гурашах. И еще. Дагозанец видел в ущелье Керим Шаха.

Раздались сдержанные восклицания, и Жазмина почти высунулась из бойницы, услышав имя человека, давно возбуждавшего ее подозрения.

— Куда он направился? — спросил Яр Афзал.

— Дагозанец не знал. С ним тридцать иракзаев из равнинных деревень. Поехали куда-то в горы.

— Иракзаи! — сердито воскликнул вождь вазулов. — Шакалы, подбирающие куски, оставленные настоящими хищниками! Падки на деньги, которые Керим Шах пригоршнями рассыпает среди пограничных племен, покупая воинов, словно лошадей. Не лежит у меня к нему душа, хотя он иранистанец, близкий нам по крови.

— Ты ошибаешься, — возразил Конан. — Я давно знаю этого ублюдка. Он туранец, шпион Ездигерда. Пой-

маю — живьем спущу шкуру и повешу сушиться на тамариске.

— Оставь Керим Шаху его шкуру! — выкрикнул худой воин с рваной ноздрей длинного горбатого носа. — Кшатрии ищут твою девку! Мы что, должны сидеть по дворам и ждать, пока они явятся? Рано или поздно они узнают, в каком селении прячут их женщину. Забарцы нас не любят, они помогут кшатриям.

— Пусть только сунутся, — зловеще пробасил Яр Афзал. — Никакая конница не пройдет через ущелье.

Худой вскочил на ноги, грозя Конану грязным кулаком.

— Почему мы должны за него сражаться?! Шкуры наши, а добыча его!

Конан шагнул вперед, нависая над вазулом, словно скала над кривым деревом. Левой рукой он поглаживал рукоять кинжала.

— Разве я просил кого-нибудь драться за меня? — сказал он с угрозой. — Ты считаешь меня трусом? Обнажи оружие, пес, если чего-нибудь стоишь!

Фыркнув, словно рассерженный кот, вазул отпрянул и крикнул:

— Только попробуй меня тронуть, и все эти люди разорвут тебя на куски!

— Что-о?! — заревел Яр Афзал, багровея от гнева, ошетилив усы и выпятив мощный живот. — Это кто здесь вождь Карума? Ты, паршивый ублюдок, взялся командовать вместо Яр Афзала?

Длинноносый побледнел, а грозный вождь схватил его за горло и так сжал свои волосатые пальцы, что лицо несчастного посинело, а на губах выступила пена. Швырнув выскочку на землю, сопя и отплеываясь, Яр Афзал встал над ним с саблей в руке.

— Кто еще в чем-то сомневается? — зарычал он и воинственным взором окинул притихших соплеменников, уставившихся в землю.

Вождь удовлетворенно крикнул и бросил саблю в ножны жестом, полным снисходительного презрения. Потом пнул лежащего у его ног подстрекателя, отчего тот застонал и заворочался в пыли.

— Поднимайся, ленивый пес, — приказал Яр Афзал. — Проверишь посты на скалах и узнаешь, не заметили ли чего наши соколы.

Постанывая и потирая шею, худосочный вазул удалился выполнять поручение своего грозного начальника.

Яр Афзал уселся на камень, что-то недовольно бормоча себе под нос. Конан стоял рядом, широко расставив ноги, сунув пальцы за широкий бакарийский пояс и насмешливо глядя на безмолвно сидевших вазулов. Они угрюмо поглядывали на киммерийца, не смея снова вызвать гнев Яр Афзала неосторожным словом, но Конан знал, что нажил себе кровных врагов, которые умеют ненавидеть так, как умеют ненавидеть только горцы.

Под смех и злые шутки женщин, видевших его позорное поражение, длинноносый вазул обогнул строения и быстро пошел вверх по дороге, петлявшей между валунов и скал.

Едва он миновал первый поворот, как остановился, словно налетел на невидимую стену. Никто не мог проскользнуть в долину Курум незамеченным мимо притаившихся на вершинах дозорных, и все же на уступе скалы возле дороги спокойно сидел незнакомец в тоге из верблюжьей шерсти и зеленом тюрбане.

Длинноносый разинул от изумления рот. Он собрался было крикнуть, а ладонь уже легла на рукоять ножа, но тут его взгляд встретился с глазами чужака. Крик застрял в горле, рука, метнувшаяся к оружию, безвольно опустилась. Вазул застыл, словно кусок скалы, глядя перед собой невидящими, остекленевшими глазами.

Несколько мгновений человек в зеленом тюрбане сидел неподвижно, потом начертил пальцем на камне какой-то таинственный знак. Застывший вазул не видел, что положил незнакомец рядом с неведомым символом, но у ног его вдруг возник сверкающий черный шар, похожий на отшлифованный кусок каменного угля. Незнакомец поднял его и бросил длинноносому, который невольно подхватил этот странный предмет.

— Отнесешь Яр Афзалу, — повелительно сказал чужак.

Вазульский воин молча повернулся и запыхал назад к селению, держа шар в вытянутой руке. Он не видел, как

из-за уступа скалы появилась девушка и подошла к человеку в зеленом тюрбане.

— Зачем ты это сделал, Хемса? — спросила она, и в голосе ее прозвучал страх.

Тот, кого называли Хемсой, ласково погладил ее черные волосы.

— Видно, ты еще не отошла от полета на воздушном скакуне, раз сомневаешься в моей мудрости, — рассмеялся он. — Пока Яр Афзал жив, Конану ничто не грозит в селении вазулов. Я задумал кое-то получше, чем просто отнять у горцев девушку. Вазулы свирепы, и ножи их остры... Как думаешь, что они сделают с Конаном, когда мой безмозглый посланник подаст их вождю шар Езуда?

Яр Афзал все еще сидел на камне перед своим домом, беседуя с Конаном. Вдруг он умолк на полуслове, с удивлением заметив, что человек, которого он послал проверить дозоры, возвращается неуверенной походкой.

— Я же приказал тебе обойти посты! — зарычал вождь, вскакивая. — У тебя что, выросли крылья, и ты уже облетел скалы?

Длинноносый приблизился к вождю и молча застыл, протягивая ему руку с зажатым в кулаке таинственным шаром. Конан заметил черный блеск между волосатыми пальцами вазула и хотел схватить Яр Афзала за руку, но, прежде чем он успел это сделать, вождь в порыве гнева двинул воина пудовым кулаком в челюсть, и тот без звука повалился в пыль. Черный шар выпал из его ладони и подкатился под ноги вождя, который только теперь заметил этот странный предмет. Он быстро наклонился и поднял его с земли. Остальные воины недоуменно переглядывались, не разглядев шар и не поняв, зачем нагибался их вождь.

Яр Афзал выпрямился, глянул на свою находку, собираясь сунуть непонятную вещь за пояс.

— Отнесите этого болвана в его дом, — кивнул он на лежащего без чувств длинноносого. — Я давно подозревал, что он тайком жует сушеную белену. Ну я ему вторую ноздрю вырву... А-а-у-у!

Изумленные воины вдруг увидели, что глаза Яр Афзала вылезли из орбит, а кровь отхлынула от всегда красного лица. Он глядел прямо перед собой, боясь бросить взор на то, что держал в правой руке. Его пальцы больше не сжимали гладкий, блестящий шар, они словно приросли к нему. Последнее, что ощутил вождь вазулов — странное шевеление в немеющих пальцах: что-то страшное возникало там, двигалось, оживало...

Он широко разинул рот, зияющий в рыжей бороде, словно каменный провал посреди осеннего кустарника, и издал душераздирающий, полный боли и ужаса вопль. Выпростав вперед правую руку, вождь рухнул вниз лицом, как сраженное молнией кряжистое дерево. Из разжавшихся пальцев выползал жирный паук — жуткое черное существо с волосатыми конечностями и телом, поблескивающим, словно шлифованный кусок угля. Вазулы в ужасе отшатнулись. Паук проворно подбежал к трещине и скрылся в недрах скалы.

Пораженные горцы нерешительно переглядывались. И вдруг откуда-то раздался громкий повелительный голос:

— Яр Афзал мертв! Его убил Конан! Смерть чужаку!

Впоследствии оставшиеся в живых воины клялись, что никто из них не произносил этих слов. Тем не менее, призыв сылотил горцев в едином порыве мести. Сомнения и страх умерли вместе с вождем, уступив место необузданной жажде крови. Среди скал замечалось эхо, вторящее свирепым крикам. Размахивая ножами и кривыми саблями, вазулы бросились на киммерийца.

Конан стремительно метнулся к двери дома Яр Афзала, но горцы были слишком близко, и, оказавшись уже на пороге, варвар вынужден был повернуться к ним лицом, чтобы отбить удар полуметрового ножа. Проломив нападавшему голову рукоятью своего кинжала, он успел uklonиться от удара еще одного горца, который покатился со ступеней с распоротым брюхом. Левым кулаком Конан сбил подбиравшегося сбоку вазула, а правой рукой вонзил кинжал в глаз свирепо оскалившегося воина. После чего изо всех сил ударил спиной в дверь. Брошенный нож вонзился в деревянный косяк в двух пядях от его щеки, но дверь поддавалась мощному напору, и киммериец задом

ввалился в дом. Не ожидавший такого стремительного отступления противника, бородатый горец, готовившийся нанести удар ножом в грудь Конана, споткнулся о порог и растянулся на полу. Варвар стремительно схватил его за ветхий ворот рубахи и одним движением швырнул в глубь комнаты. После чего толкнул тяжелую дверь в лицо наступавшим. Раздались вопли, проклятия, хруст ломаемых челюстей, а Конан уже задвинул засовы и обернулся, чтобы успеть отразить нападение вазула, который уже вскочил с земляного пола и как бешеный бросился на него.

Жазмина забилась в угол, с ужасом глядя на сцепившихся мужчин, которые катались по комнате, опрокидывая колченогие табуреты и разбивая в мелкие черепки глиняные кувшины. Оба рычали и изрыгали проклятия, а за дверью бесновалась толпа горцев, разъяренных тем, что противник ускользнул от их ножей. В створки колотили рукоятями и камнями, потом слышались глухие мощные удары: очевидно, кто-то из вазулов сообразил притащить бревно и использовать его в качестве тарана.

Девушка зажимала уши ладошками, не в силах слышать этот шум, сводивший ее с ума. Конан и его противник вскочили на ноги и теперь кружили друг перед другом, выставив вперед тускло поблескивающие лезвия. Жеребец в загоне дико ржал и бил подковами о стены своей загородки. Киммериец сделал выпад, и его противник отпрянул к деревянной решетке. Как раз в этот момент жеребец ударил между ее прутьями задними копытами. Удар пришелся в хребет вазула, его позвонки хрустнули, ломаясь в нескольких местах, горец зашатался и рухнул на Конана, сбив его с ног.

Жазмина не слышала своего крика и не помнила, как оказалась возле лежащих на глиняном полу мужчин. Ей показалось, что оба мертвы. Но вот тело вазула откатилось в сторону, и ее голубоглазый похититель поднялся на ноги. Дрожа всем телом, девушка схватила его за руку.

— Ты жив, жив! Я думала... думала, он тебя убил!

— Надо же! — проворчал Конан, высвобождаясь из ее цепких пальцев. — Девушка Вендии печется о жизни какого-то варвара! Или боится остаться без его защиты?

На лице Жазмины сразу же мелькнула тень надменной гримасы, она отстранилась, сделав жалкую попытку казаться прежней величественной Девы.

— Уж лучше ты, чем стая вонючих волков, воющих снаружи, — гордо произнесла она, указывая на дверь, косяк которой уже дал трещины под натиском тарана.

— Долго не выдержит, — спокойно заключил киммериец и направился к загону, где все еще тревожно взбрыкивал вороной жеребец.

Стискивая пальцы, Жазмина следила, как похититель легко сломал треснувшие деревянные прутья и приблизился к буйствующему животному. Жеребец поднялся на дыбы, ощерил зубы и пронзительно заржал, раздувая ноздри. Однако Конан решительно ухватил его за пышную гриву и заставил стоять смирно. Конь возмущенно фыркал, его била нервная дрожь, но он позволил надеть на себя упряжь и украшенное золотом седло с широкими серебряными стремянами, которые киммериец снял с гвоздя на стене.

Конан взял коня под узды и позвал Жазмину. Она осторожно подошла, стараясь держаться подальше от копыт жеребца. Конан орудовал возле задней каменной стены загона, объясняя девушке:

— Здесь есть потайная дверь, о которой даже вазулы ничего не знают. Раз мы с Яр Афзалом крепко напились, и он показал мне ее. Дверь выходит прямо в ущелье за домом. Да поможет нам Ашура, Мардук и кто там еще...

Он треснул кулаком по выступу на стене, и огромный валун со скрежетом провалился вниз, открывая проход. За дверью начиналась расщелина, темнеющая в скале, отвесно вздымающейся на несколько сот футов прямо за задней стеной дома. Конан вскочил в седло, поднял девушку и усадил перед собой. Он дал коню шпоры в тот момент, когда тяжелая дверь с грохотом рухнула внутрь дома, подняв тучи древесной струхи развалившегося косяка и пропустив орду дико вопящих, размахивающих ножами вазулов.

Могучий жеребец вылетел через проем, словно ядро из баллисты. Вихрем помчался он по ущелью, вытянувшись в струну, с мордой, покрытой хлопьями пены.

Те, кто крался к дому по дну расщелины, не успели отскочить в сторону. Конан мельком увидел покотившегося по камням человека в зеленом тюрбане и женщину в шелковых шароварах и расшитой золотом кофте. Вороной мчал беглецов между отвесных скал, унося киммерийца и его пленницу навстречу новым приключениям. Вопли ярости, изумления и отчаяния вазулов, обнаруживших тайный проход в доме своего вождя, вскоре затихли далеко позади.

Гора черных колдунов

— И куда теперь? — Жазмина старалась держаться в седле прямо, пробуя как можно дальше отстраниться от широкой груди Конана. Но конь шел широким наметом, и ей пришлось смириться с объятиями варвара. Она злилась на него, но больше — на себя, с легким стыдом сознавая, что прикосновения его мускулистых рук не так уж ей неприятны.

— В Афгулистан, — ответил киммериец. — Это кружная дорога, но на таком скакуне мы без труда туда доберемся, конечно, если не повстречаем твоих друзей или моих врагов. Странно, я не слышу шума погони. С гибелью Яр Афзала вазулы не оставят нас в покое и будут преследовать, как стая голодных волков.

— Может, они задержались, чтобы помочь тому человеку, которого ты сбил?

— Станут они останавливаться ради пустяков, — хмыкнул Конан. — Тем более, что этот недотепа явно не гулистанец. Что он делал в этой расщелине, да еще с девицей?

— Я ее тоже заметила, — сказала Жазмина, — и, кажется, узнала. Она похожа на мою хаджибу Джитару. О Ашура! Неужели она пробралась в горы, чтобы помочь мне? А человек в зеленом тюрбане, видимо, ее друг. Вазулы схватят их!

— Хочешь вернуться? — спросил Конан. — Что ж, вазулы с удовольствием сдерут с нас кожу и повесят сушиться на тамариск. Твоя хаджиба поступила опрометчиво. Не могу понять, как ей вообще удалось забраться так далеко в горы, да еще в сопровождении лишь одного

спутника. И похож он не на воина, а скорее на книжника... Что-то тут не так.

Киммериец немного подумал, потом продолжал:

— Тот вазул, которого Яр Афзал придушил, а потом отправил проверять посты, вернулся какой-то странный. Вождь приписал это действию дурман-травы, но те, кто ею пользуется, впадают в радостное возбуждение, а этот несчастный двигался, словно оживший мертвец, и в глазах его не было жизни. Я видел нечто подобное в Заморе. Тамошние жрецы совершают ужасные обряды в тайных святилищах Езуда — у их жертв точно такой же взгляд. Жрецу достаточно глянуть человеку в глаза, и тот готов выполнить любую его волю.

И еще я видел, что принес длинноносый и что поднял с земли Яр Афзал. Шар, похожий на большую черную жемчужину, какие носят танцовщицы Храма Езуда, пляшущие вокруг огромного каменного паука, олицетворяющего их бога. Когда Яр Афзал упал замертво, из его пальцев выскользнул черный паук, уменьшенная копия того, которому приносят жертвы в Храме Езуда. И еще я уверен, что ни воины, толпившиеся вокруг своего вождя, ни женщины, стоявшие поодаль, не раскрывали ртов, когда раздался крик: «Смерть чужаку!» Похоже, он долетел из-за дома Яр Афзала.

Жазмина молчала. Утесы бесконечной грядой уходили вдаль, касаясь скалистыми зубцами облаков. Громады гор бросали на дно ущелья глубокие тени. Мрачный пейзаж наполнял отчаянием душу уроженки жарких равнин богатого Юга. Здесь, в этом диком краю, где в каменных расщелинах гнезился древний ужас, могло случиться все что угодно. Вендийка дрожала, плотнее прижимаясь к груди похитителя, который теперь казался ей могучим и бесстрашным защитником, способным одолеть любые опасности.

Солнце стояло в зените. Отражая его лучи, скалы дышали жаром, который сменялся внезапными порывами ледяного ветра, долетавшего из каменных провалов. Утомительный шорох гравия под копытами коня навевал сон. И вдруг сверху раздался негромкий свист, не похожий на шум ветра. Жазмина подняла голову, Конан сделал то же

самое, насторожившись и привычным жестом проверив, легко ли выходит кинжал из ножен. На фоне голубого неба мелькнула неясная тень и скрылась за вершиной скалы. Все произошло так быстро, что ни вендийка, ни киммериец не могли бы с уверенностью сказать, было ли то на самом деле или пригрезилось после долгой утомительной езды. Молча они поехали дальше.

Тропа уходила все выше, Конан доверился жеребцу и отпустил поводья. Умное животное осторожно, но твердо ступало на осыпающиеся под копытами камни. В некоторых местах киммерийцу приходилось спешиваться и идти, прижимаясь широкими плечами к скале, нависавшей над скальным выступом, по которому они двигались. Девы с замиранием сердца судорожно цеплялись за луку седла, боясь глянуть туда, где тропа обрывалась в бездонную пропасть, окутанную непроницаемой мглой.

Наконец тропа вывела в узкую ложину. Начались бесконечные повороты, подъемы и спуски. Голубоватый туман уже застилал низины, солнце клонилось к закату, когда Конан круто свернул на отходившую от главного тракта тропинку. Где-то рядом журчал ручей.

— Неподалеку селение галзаев, — сказал киммериец. — Их женщины ходят сюда по воду. Тебе нужна новая одежда.

Жазмина грустно взглянула на остатки своего легкого одеяния. Парчовые туфельки изодраны, муслиновое платье и шелковое белье превратились в лохмотья и мало что прикрывали. Варвар был прав: изысканный наряд, уместный на улицах Пешкаури или Айодии не очень-то годился для путешествия верхом среди камней и скал Химелии.

Свернув за выступ скалы, Конан спешился и помог девушке покинуть седло. Они ждали довольно долго. Наконец киммериец поднял руку, хотя Девы ничего не слышала.

— Идет женщина, — сказал Конан.

— Ты ведь не убьешь ее? — вдруг испугалась вендийка. — Я не хочу получить тряпки такой ценой!

— Обычно я женщин не убиваю, — ответил варвар, — хотя некоторых следовало бы. Среди горянок есть сущие волчицы.

И он рассмеялся своей удачной шутке.

— Да не дрожи ты так, — добавил он, заметив, что пленница не слишком ему поверила. — Клянусь Кромом, я даже заплачу ей за вещи. Как тебе нравится это?

Он достал из кошелька на поясе пригоршню золотых монет, полюбовался их блеском и спрятал обратно, оставив в руке самую увесистую.

Девы облегченно вздохнула. Она считала в порядке вещей, что мужчины убивают друг друга: их судьба, их право. Но мысль, что из-за нее может погибнуть беззащитная женщина, была непереносима для гордой вендийки.

Наконец из-за скалы показалась долгожданная путница: долговязая галзайка, несущая на голове пустой кожаный бурдюк для воды. Завидев высокого мужчину, преградившего ей дорогу, она отпрянула, намереваясь бежать, но тут же поняла, что незнакомец стоит слишком близко и успеет схватить ее, прежде чем она сделает несколько шагов. Отбросив бурдюк, женщина застыла с видом дикой кошки, готовый вцепиться противнику в глаза. Рука ее метнулась к темным волосам, стянутым лентой, за которой, как знал Конан, горянки носили длинную острую булавку, не уступавшую иному стилету.

— Спокойно, женщина! — сказал киммериец, показывая ей золотую монету. — Я не собираюсь тебя грабить. Хочу купить твою одежду. Этого достаточно?

Настороженность горянки тут же сменилась радостным изумлением. Этот странный воин предлагает ей плату, достаточную, чтобы купить самый большой дом в их селении! Женщина тут же принялась раздеваться, демонстрируя типично горское презрение к условностям. Сбросила вышитую безрукавку, сняла пышную юбку, широкие шаровары, рубашку с просторными рукавами и кожаные сандалии. Свернув все и нисколько не смущаясь своей наготы, подала узел Конану. Тот передал одежду изумленно взиравшей на все происходящее Жазмине.

— Ступай за скалу и переоденься, — велел он Деви, еще раз доказав этой неожиданной учтивостью, что жил не только среди химелийских дикарей. — Свое тряпье принесешь мне.

— Деньги! — сварливо потребовала горянка, когда девушка удалилась. — Ты обещал мне золото, мужчина.

— А не многовато будет? — спросил Конан, который не любил, когда у него что-нибудь требовали. Тем более женщины.

— Ладно, — добавил он, заметив, как исказилось лицо горянки. — Добавь-ка свою заколку, и мы квиты.

Немного подумав, газлийка вытащила из волос булавку-стиллет с перламутровой ручкой, которую легко было принять за невинное украшение, и бросила Конану.

Киммериец, подхватив стилет, швырнул ей монету. Газлийка ловко ее поймала, попробовала на зуб, удовлетворенно хмыкнула и сунула деньги за щеку. Не говоря больше ни слова, подняла бурдюк и пошла к ручью, лишенная всяческого стыда, как и одежды.

Конан присел на камень, ожидая появления Жазмины. Девы Вендии впервые облачалась сама, без помощи своих услужливых хаджиб, путаясь в непривычной одежде, готовая отдать полцарства за самое маленькое зеркальце. Но когда она появилась из-за скалы, лицо варвара лучше всех зеркал подсказало, что горский наряд ей к лицу. Она испытала странное волнение, заметив его восхищение и странный блеск голубых глаз. Доселе ни один мужчина не смел так смотреть на сестру вендийского владыки. Конан поднялся, положил тяжелую ладонь на ее плечо, поворачивая Деви и оглядывая ее со всех сторон.

— О Кром! — проговорил он. — В своих ниспадающих муслиновых одеяниях ты казалась ослепительной, но далекой и холодной, словно звезда в ночном небе. Сейчас ты женщина из плоти и крови. За скалу удалилась Деви Вендии, а вышла горянка, но в тысячу раз более прекрасная. Была богиней, стала — женщиной!

И он неожиданно шлепнул Жазмину пониже спины, завершив таким образом давшуюся с большим трудом возвышенную речь.

Странно, но Деви сразу поняла, что этот жест, за который любой мужчина Вендии поплатился бы головой, — своеобразный знак уважения, свойственный простодушному варвару. Сменив одежду, она словно изменилась сама, как будто вместе с некогда роскошным платьем сбросила груз условностей и предубеждений. Сдерживаемые до сих пор чувства и желания овладели Жазминой

и, вместо того, чтобы рассердиться, она улыбнулась Конану...

Но лицо варвара уже снова приняло озабоченное выражение. Он ни на миг не забывал о грозящей опасности. Кшатрии навряд ли рискнут удалиться так далеко от крепости, но Конан все время прислушивался, стараясь различить отдаленный топот копыт, свидетельствующий, что мстительные вазулы из Курума идут по их следу.

Ступив на ладонь киммерийца, крепостью не уступающую камню, Деви легко вскочила в седло. Конан устроился сзади и направил коня на запад. Сверток с остатками одежды вендийки он зашвырнул в бездонную пропасть.

— Почему ты не отдал мое платье горянке? — спросила Жазмина. — От него, конечно, мало что осталось, но все же это лучше, чем ничего.

— Кшатрии прочесывают горы и могут добраться даже сюда, — ответил варвар. — Горцы нападают на воинов пешкауурского наиба, а те в отместку жгут селения. Что если в одном из них они найдут женщину в твоей одежде? Чундер Шан знает толк в пытках и может заставить ее навести на наш след.

— Как же она появится среди своих в таком виде? — не унималась Деви.

— Думаю, она расцарапает себе лицо и, вернувшись, расскажет о разбойниках, укравших ее одежду. Но сначала наберет воды: разбойники разбойниками, а горцы строги со своими женами. Вернется с пустым бурдюком — получит палок. Это дает нам время. Газлаи, конечно, снарядят за нами погоню, но будет поздно: еще до заката мы пересечем границу Афгулистана. Кстати, вот тебе еще подарок...

И он подал девушке газлийский стилет с перламутровой ручкой.

— Укрась им прическу, — посоветовал Конан, — пригодится. Только не для того, чтобы убить меня. Ты ведь не настолько глупа, чтобы остаться одна в этих диких местах?

Это был второй жест доверия после шлепка по заднице, которым он наградил ее недавно.

Лучи заходящего солнца окрашивали багрянцем и золотом скалы, на камнях слезами выступила появившаяся в вечерней прохладе роса. Деви вскрикнула от восторга: поднимаясь по уступам, они проехали сквозь облачко, белым туманом расступившееся перед ними и растаявшее под копытами черного жеребца. Воздух был настолько чист и прозрачен, что, казалось, звенел мириадами маленьких серебряных колокольчиков.

— Какая пустынная местность! — заметила немного погодя Жазмина. — Ни одного селения. Даже для Химелии слишком безлюдно. Мы не видели ни одной тропы с тех пор, как свернули с дороги, возле которой встретили газлийку.

Конан молча указал рукой на северо-запад, где, окруженная мрачными остроконечными скалами, высилась огромная гора.

— Это Имш, — сказал Конан. — Горцы строят свои селения как можно дальше от этого места.

Жазмина вздрогнула.

— Имш, — прошептала она, — Гора Черных Колдунов!

— Так говорят, — ответил киммериец. — Навряд ли мы здесь кого-нибудь встретим. Торный путь из Курума в Афгулистан лежит южнее, но я специально поехал заброшенной северной тропой: вряд ли кшатрии осмелятся сунуться сюда.

Жазмина пристально вглядывалась в далекую вершину. Она сжала руку Конана, держащую поводья, так, что ее ногти впились в его кожу. — Как долго надо ехать отсюда до Имша?

— Остаток дня и всю ночь, — улыбаясь отвечал варвар. — Никак собралась в гости к колдунам? Хочешь Расскажу, что болтают о них горцы?

— Почему они не соберутся и не уничтожат нечисть, которая оскверняет эти прекрасные места? — гневно спросила девушка.

— Мечи против колдовства? Чего это ты так раздухалась? Чародеи не вмешиваются в людские дела, разве что кто-нибудь по глупости станет вставлять им палки в колеса. Я никогда не видел ни одного из них, хотя и

говорил с людьми, которые клялись, что встречали на заходе или рассвете жителей Имша — высоких молчаливых людей в черных тогах.

— Все их боятся! Ты тоже? Смог бы напасть на них?

— Я? — Вопрос девушки был столь неожиданен, что киммериец не сразу нашелся, что ответить. Праздное хвастовство было не свойственно его прямой натуре, и потому он ответил сдержанно: — Ну, если они перейдут мне дорогу, то разговор короткий: кто кого. Хотя у меня пока нет повода с ними ссориться. Я отправился в горы, чтобы собрать людей, а не воевать с колдунами.

Жазмина едва сумела скрыть разочарование. Она неотрывно смотрела на гору, чувствуя гнев и скорбь по умершему брату. Там, на вершине, гнездо тех, кто заставил ее собственной рукой оборвать жизнь близкого человека. Клятва мести, принесенная на алтаре Ашуры, должна быть исполнена. И помочь в ее осуществлении может только ее похититель.

Живя среди дворцовых интриг, Деви привыкла к тому, что за все в этом мире приходится платить. Так что же предложить варвару, который сулил золото за головы ничтожных конокрадов богатейшему наibu Пешкаури? Она вспомнила о странном блеске его голубых глаз, когда он смотрел на нее, выходящую из-за скалы в одежде горянки. Женское чутье подсказывало выход: не одно царство пало, когда тонкие девичьи пальцы уверенно брались за нити судьбы...

И тут ее размышления прервались: над далекой вершиной Имша девушка заметила матово-алое облачко, переливающееся золотыми искрами.

— Смотри! — воскликнула Деви, указывая на него Конану.

Облако двигалось, пульсировало, меняло форму, по нему пробегали желтоватые тени, миг — и оно превратилось во вращающийся конус, сверкающий в лучах заходящего солнца. Вдруг он оторвался от заснеженной вершины горы, похожий на яркое перо павлина, проплыл по небу и исчез в его голубых просторах.

— Что это? — спросила Деви. — Красиво, но мне почему-то страшно.

— Здешние зовут эту штуку Ковром Имша, но я не знаю, что это, — сказал Конан. — Когда-то я видел, как сотен пять местных, завидев красную тучу, во все лопатки удирали, прячась по расщелинам и пещерам, словно за ними гнались демоны. Дерьмо Нергала...

Он осекся, покачнувшись в седле: вороной встал как вкопанный.

Они ехали по широкому каменному выступу, обрывающемуся слева крутым растрескавшимся скатом. Справа почти отвесно вздымалась горная круча. По этому уступу проходила заброшенная дорога, плавно спускавшаяся вниз и исчезающая за недалеким хребтом. Здесь-то и встал жеребец, словно налетев на невидимую преграду. Конан прищепил коня, но тот только фыркал, мотая головой и напрягая мускулы, не в силах двинуться с места.

Ругнувшись, киммериец спешился и подхватил на руки Жазмину. Он осторожно двинулся вперед, готовый в любой момент натолкнуться на невидимую стену, однако путь был свободен. Когда же, поставив Деви на дороги, Конан попытался потянуть за собой коня, тот пронзительно заржал и рванул назад так, что киммериец едва устоял на ногах. Он услышал изумленный возглас Жазмины и резко крутанулся на пятках, готовый выхватить кинжал и отразить нападение.

Только что дорога впереди была пуста, а сейчас на ней стоял человек в тоге из верблюжьей шерсти и зеленом тюрбане. Конан озадаченно хмыкнул, признав в незнакомце, спокойно стоявшем перед ним со скрещенными на груди руками, «недотепу», которого сбил в ущелье за домом Яр Афзала.

— Кто ты, Нергал тебя задери? — рявкнул киммериец.

Незнакомец молчал, пристально глядя в глаза Конана. Зрачки его глаз были неподвижны и притягивали, готовые увлечь в бездонную пропасть забвения...

Колдовство Хемсы, как и большая часть восточной магии, зиждилось на силе внушения. Люди Востока шепотом передавали друг другу страшные истории о чародеях, способных заставить простого смертного выполнить любую свою прихоть. Этот страх передавался от отца к сыну, от матери к дочери, многие поколения впитывали

ужас перед чародеями с молодых ногтей, и человек, столкнувшийся с превосходящей волей мага, действительно оказывался беспомощным.

Но Конан не был уроженцем Востока. Побывав во многих землях и многое повидав, он ни во что не ставил никакие традиции, быстро уразумев, что единственный способ выжить в этом мире — не бояться никого и ничего. Для сына киммерийского кузнеца, рожденного на бранном поле, страшные рассказы о силе восточных магов были всего лишь забавными байками, которых он вдобавок слушался возле костров на привалах.

Варвар отлично понимал, что пытается сделать Хемса, но его воля оказалась сильнее, и чары колдуна рассеялись, словно легкий дымок над дотлевающими углями. И все же Конан пришел в ярость, ощутив это незримое нападение. Он выхватил кинжал и стремительно бросился на Хемсу.

Однако его противник владел не только силой внушения. С ужасом наблюдая за этой стремительной схваткой, Жазмина не успела заметить хитрой увертки, благодаря которой человек в зеленом тюрбане уклонился от удара кинжала, нацеленного ему в живот. Лезвие лишь слегка задело его одежду, а ребро ладони Хемсы опустилось на шею Конана. Вендийке показалось, что колдун лишь слегка коснулся мощной шеи варвара, но тот рухнул, как подкошенный.

Удар, нанесенный по всем правилам боевого искусства, зародившегося задолго до того, как Атлантида погрузилась в пучины океана, сломал бы позвонки любого человека, словно сухую ветку. Однако варвар его выдержал. Упав на руки, он извернулся, пытаясь дать Хемсе подножку. Тот поспешно отскочил, будто мальчишка, а не уверенный в своих силах чародей. Самодовольство, не покидавшее его с того момента, когда он с легкостью расправился с разъяренной ордой вазулов возле селения Курум, уступило место сомнениям. Киммериец оказался крепким орешком, а сила любой магии — в победах, а не в поражениях.

Конан уже поднимался, когда Жазмина радостно вскрикнула, увидев вышедшую из-за уступа женщину и узнав в ней свою хаджибу Джитару. Но тут же поняла,

что радоваться нечему: девушка подошла к человеку в зеленом тюрбане и встала рядом, с ненавистью глядя на свою бывшую госпожу.

Хемса двинулся вперед, поднял руку... и вдруг замер, глядя вверх широко открытыми глазами. Конан тоже невольно посмотрел в том направлении, как и две женщины: сжавшаяся возле дрожащего коня Жазмина и сообщница Хемсы.

По склону горы Имш стремительно скатывался алый искрящийся конус смерча, стремительно увеличиваясь в размерах. Лицо Хемсы стало пепельно-серым, рука безвольно упала. Джитара, отступив в сторону, испытующе смотрела на него.

Алый конус оторвался от склона горы и, описав широкую дугу, опустился на уступ скалы между Конаном и Хемсой, который отпрянул со сдавленным криком, увлекая за собой свою спутницу, в плечо которой судорожно вцепился побелевшими пальцами.

Смерч некоторое время бешено вращался, зависнув в двух пядях от земли и сверкая ослепительными искрами. Потом вдруг бесшумно исчез, словно лопнувший мыльный пузырь. На его месте стояли четверо. Не духи, не приведения, а четверо высоких крепких мужчин с выбритыми головами, в длинных черных тогах, скрывавших их руки и ноги. Они молча по-птичьи кивали головами, и хотя смотрели только на Хемсу, Конан ощутил, как стынет кровь в жилах. Он осторожно попытался, пока не уперся спиной в бок дрожащего жеребца, а рукой смог обнять перепуганную Деву. Никто не проронил ни звука.

На своем веку Конан повидал сотни битв и безошибочным чутьем опытного воина понял, что ему и Деве предстоит стать свидетелями смертельной схватки. Он испытал невольное уважение к человеку, который только что хотел лишить его жизни, когда тот шагнул навстречу Черным Колдунам и дерзко бросил им в лицо:

— Слетелись, вороны? Забыли, что вы всего лишь ничтожные слуги властелина, а я его ученик...

Он не договорил, и Конан понял, что самая удивительная из виденных им битв началась.

Четверо продолжали смотреть на Хемсу молча, на их лицах ничего не отразилось, но под их неподвижно-со-

средоточенными взглядами человек в зеленом тюрбане отступил к скале. Тело его содрогалось, пот градом катил по мертвенно-бледному лицу. Он заслонил спиной девушку, напрягая мускулы, чтобы не сделать больше ни шагу назад. Правой рукой он что-то судорожно сжимал под верблужьей тогой так, что набухли синие вены. Застыв, Конан смотрел, как учетверенная сила колдунов пытается одолеть силу одного мага.

Хемса застыл, широко расставив ноги, словно врос в скалу. Побелевшие губы раздвинулись, и гнетущую тишину нарушил странный ритм то ли древней песни, то ли заклинания.

— Ум, ум, ум! — несло в беспредельность неба.

Бой бронзового колокола и рокот водопада, вой ветра и трубный рев боевого рога слились в этом звуке. Хемса боролся за жизнь, пустив в ход все свои ужасные знания, приобретенные за долгие годы мрачного послушничества. Четверо колдунов, противостоявших ему, были не менее искушены: это была битва извращенных душ, проникнувших в самые мрачные тайны мироздания. Их противник шатался под напором четырех пар глаз, гримасы боли искажила его лицо, но он не уступал поля битвы. Хемаса оказался сильнее, чем они ожидали, чем он сам думал.

Жазмина лучше, чем Конан, понимала, почему Хемса смог выдержать натиск четверых колдунов, каждый из которых способен был легко превратить в пыль скалу у него под ногами. Возлюбленная, которую он прикрывал со всей решимостью обреченного, была тем источником, который питал его волю. Силой Хемсы была его слабость. Любовь, запретная для всякого мага, которой он поддался вопреки наставлениям магистров, утверждавших, что земные чувства уничтожают всякое могущество, на поверку оказалась прочной броней, которую не могли одолеть враги.

Возможно, Хемса и не сознавал этого, но его бывшие господа оказались умнее. Один из колдунов перевел свой пронзительный взгляд на Джитару. Никакого сопротивления он не встретил. Поникнув, словно увядший цветок, девушка покорно выскользнула из-за спины своего защитника и стала отступать к краю откоса, не сводя пустых глаз со своих страшных повелителей. Хемса бросился

было за ней и тут же угодил в расставленную для него ловушку. Думая только о спасении возлюбленной, он не успел собраться с мыслями и отбить невидимую атаку: черная воля колдунов проникла в его мозг, как воры проникают сквозь окна, не прикрытые ставнями. Уже поняв, что проиграл, он все же, шатаясь, брел вперед, стремясь удержать Джитару. Та отступала к пропасти, движения ее были неловки, словно у ожившего трупа.

Она замерла у края откоса, раскачиваясь, как хрупкое деревце под порывами ветра. Хемса, сжав зубы в бессильной ярости так, что из уголка губ сочилась кровь, полз, протягивая к ней руки, все еще надеясь удержать ее от рокового падения. Его пальцы уже почти коснулись руки Джитары, когда один из колдунов рассмеялся гулким, словно доносящимся из глубин преисподней, смехом. Девушка подалась назад, готовая сорваться в бездну и — о верх жестокости! — сознание на мгновение вернулось к ней. Смертельный страх мелькнул в широко открытых глазах, она протянула руку, успела коснуться кончиками пальцев ладони Хемсы — и с отчаянным криком упала в пропасть.

Добравшийся до края откоса Хемса безумным взглядом проводил ее тело, стремительно катившееся по почти отвесному, склону навстречу острым камням на дне ущелья. Он беззвучно шевелил губами, что-то шепча про себя. Потом с трудом поднялся и окинул своих победителей взглядом, в котором не осталось ничего человеческого. Очевидно, он прошептал какое-то заклинание, придавшее ему остаток сил: крикнув так, что по скале побежали трещины, он выхватил из-за пазухи нож и бросился на колдунов.

Это был жест отчаяния: что могла поделать ничтожная сталь против колдовских чар? Один из магов шагнул вперед и топнул ногой. Раздался глухой треск, скалы затряслись: под ногой чародея раскрылась и стала стремительно увеличиваться глубокая расщелина. С оглушительным грохотом часть уступа рухнул в пропасть. Среди летящих камней мелькнула фигурка Хамсы, отчаянно размахивающая руками, потом все поглотила лавина, стремительно несущаяся вниз по откосу.

Некоторое время черные колдуны сосредоточенно разглядывали рваный край обвала, как бы желая убедиться, что дело сделано. Потом разом обернулись.

Конан, сбитый мощным толчком, сопровождавшим обвал, поднимался с земли, помогая встать Жазмине. Он понимал, что надо вскочить в седло, подхватить девушку и во весь опор гнать коня прочь от страшного места. Или сначала гнать коня, а потом вскочить в седло? Мысли путались, а тело двигалось медленно, словно угодило в вязкий кисель...

Маги смотрели на него, подняв руки, и к своему ужасу Конан заметил, что фигуры их колеблются, расплываются, становятся клубами красноватого тумана, который вдруг закружился вихрем, превращаясь в уже виденный прежде смерч. И вдруг Конан сообразил, что этот алый вихрь окружает и его... Страшная сила вырвала девушку из его объятий, швырнув киммерийца на камни. Он тут же вскочил, разя наугад кинжалом, но лишь услышал жалобный крик Жазмины и дикое ржание перепуганного жеребца. Полуоглушенный, он стоял и смотрел, как алый смерч возносится над скалами и быстро удаляется в сторону горы Имш.

Девушка исчезла вместе с четырьмя колдунами в черных одеяниях. На дороге остались лишь Конан и испуганно бьющий копытами вороной жеребец.

Дорога на Имш

Туман в голове Конана развеялся, словно его унес алый смерч, поглотивший Жазмину. Яростно поминая всех темных богов скопом, Конан вскочил в седло и изо всех сил вонзил шпоры в бока лошади. Вороной заржал и одним махом перемахнул провал, оставшийся посреди дороги после битвы Черных Колдунов с их непокорным слугой. На какое-то мгновение далеко внизу Конан увидел место, куда сползла лавина: огромную грудку камней, треснувших валунов, выдранные с корнем деревья на дне глубокого ущелья. Никто не мог бы уцелеть под этой массой: ни человек, ни колдун.

Киммериец гнал коня в том же направлении, куда ехал до встречи с Хемсой. Вытянув шею и раздувая ноздри,

вороной стрелой летел по извилистой дороге, петляющей вдоль края скалистого уступа, словно ужасные тени все еще гнались за ним. Уступ постепенно понижался, но до дна ущелья было все еще далеко, когда Конан свернул на узкую перемычку, соединяющую уступ с противоположным склоном, словно неровный каменный мост. Киммериец видел, что тропа впереди делает широкую петлю, спускаясь на дно долины, и вдоль русла высохшей реки возвращается под скалу, по гребню которой он сейчас ехал. Варвар снова помянул задницу Нергала, проклиная необходимость делать такой большой крюк, но иного пути не было. Спускаться вниз напрямик по крутому каменному склону было бы подобно самоубийству. Разве что обретя птичьи крылья, путник мог отважиться на такое, не рискуя сломать себе шею.

Киммериец понукал измученного коня, когда услышал откуда-то снизу стук подков. Натянув поводья, он осторожно подъехал к краю пропасти и заглянул в ущелье, пробитое в скалах водами древней реки. Далеко внизу, по сухому руслу, двигался большой отряд всадников человек в пятьсот: вооруженные до зубов крепкие бородатые мужчины в тюрбанах на низкорослых полудиких лошадках. Склонившись над кромкой пропасти и приставив ладонь ко рту, Конан громко крикнул:

— Эй, орлы! Каким ветром занесло вас сюда?

Он узнал афгульских воинов. Заслышав его окрик, они придержали коней и задрали вверх бороды, разглядывая фигуру человека на кромке скалы. Не сомневаясь, что афгулы признают его, Конан не стал терять времени:

— Гоните ваших кляч за мной, быстро, как только можете! Мы идем на Имш!

Его действительно узнали. Но вместо ожидаемого приветствия из сотен глоток вырвалось лишь одно слово, усиленное эхом:

— Предатель!

От этого вопля Конан похолодел, словно его окатили ушатом холодной воды. Он видел искаженные ненавистью лица людей, еще недавно признававших его своим вождем, обнаженные сабли, которыми они яростно размахивали... И ничего не мог понять.

— Вы что, белены объелись?! — рявкнул киммериец, перекрывая рев афгулов.

Дикие вопли были ему ответом, косматые воины поднимали коней на дыбы, выкрикивая страшные проклятия и грозя киммерийцу оружием. Да заткнитесь, хвост Нергала вам в глотку! — снова проревел варвар. — Пусть кто-нибудь один объяснит, в чем дело.

Вперед выехал худощавый старшина и, придерживая расхोдившуюся лошадь, презрительно сплюнул.

— Что ты хочешь знать, предатель? Это мы тебя спрашиваем: где семеро наших вождей, плененных в Пешкаури?

— В тюрьме наиба, где же еще, — растерянно отвечал Конан.

Старик погрозил ему обнаженной саблей.

— Врешь! Они были бы живы и здоровы, если бы мы не поверили твоим лживым речам, шакалье дерьмо, что ты торгуешься с наибом и выкупишь наших товарищей. Ты не дал нам напасть на Пешкаури и отбить наших братьев!

— Я говорил тогда и говорю сейчас, глупцы, — сердито отвечал киммериец, — их повесили бы прежде, чем вы успели бы подойти к стенам...

Их не повесили! — вскричал старый афгул. — Вазул в соседней клетке видел, как они погибли. Наиб прислал чернокожника, и тот умертвил наших братьев своим страшным колдовством!

От неожиданности Конан чуть не свалился с коня. Он ожидал чего угодно, только не этого.

— Это ложь! — крикнул он, стараясь придать своему голосу как можно больше уверенности. — Наиб никогда бы не осмелился прибегнуть к помощи колдуна. Когда я говорил с ним прошлой ночью...

Он тут же понял, что зря сказал об этом. Яростные вопли и дикий вой афгулов заглушили его слова.

Старшина завертел над головой саблей, требуя тишины. Потом вновь обратился к Конану:

— Да! Ты поехал к нему один, чтобы предать нас! Наиб купил тебя! Мы послали разведчиков искать тебя, когда ты не вернулся вовремя, но они наткнулись на

вазула, который бежал из тюрьмы через дверь, которую разломал маг. Он все рассказал нашим людям, встретившим его в Забаре. Когда они вернулись в Гхор, мы оседлали коней и пристегнули сабли...

— И намереваетесь пустить их вход? — спросил Конан. — Учтите, Чундер Шан привел в горы много своих воинов.

— Они не уйдут от мщенья! За каждого нашего брата — по сотне кшатриев! Но сначала мы разберемся с тобой! Убейте предателя! — приказал он своим людям, бешено сверкая глазами.

Снова послышались воинственные крики, в скалу под ногами Конана ударились несколько стрел. Он поднялся в стременах, пытаясь перекричать шум, но только махнул рукой, поворотил коня и, злобно выругавшись, поскакал прочь. Разъяренные, изрыгающие проклятия афгулы погнались лошадью вдоль подножия скалистого гребня, не сразу сообразив, что смогут подняться на него лишь по тропе, ведущей вдоль высохшего русла и делающей большой крюк. Поняв ошибку, старшина направил отряд на тропу с тем, чтобы перехватить киммерийца. Часть своих людей он послал назад, приказав спешиться у откоса, попытаться взобраться на него и отрезать Конану путь к отступлению.

Впрочем, варвар сразу разгадал их маневр. Добравшись до противоположного края ущелья, свернул влево по узкому карнизу, усыпанному мелким щебнем, зловеще перхрустывающим под копытами коня. Любой неосторожный шаг легко мог увлечь всадника в бездну. Мало кто отважился бы ехать этим путем, но для Конана это был единственный способ избежать встречи со своими бывшими товарищами. Сейчас он двигался в обратном направлении и вскоре поравнялся с провалом, оставленным колдунами на дороге, идущей по уступу на противоположной стороне ущелья.

Конь испуганно заржал, и киммериец еле удержал его, балансируя в седле и стараясь не смотреть в зияющую слева пропасть. Впереди на карнизе что-то темнело. Осторожно приблизившись, Конан разглядел искалеченное тело человека: сквозь лохмотья виднелись страшные глу-

бокие раны, лицо превратилось в кровавую маску, и все же он узнал Хемсу.

Лишь темные боги, ведающие судьбами чернокнижников, знали, каким образом Хемса смог выбраться из-под обвала и взобраться по почти отвесным скалам на узкий карниз. Или они сами перенесли его сюда? Со смешанным чувством страха и любопытства киммериец спешился и склонился над телом.

И вдруг разбитые губы калеки приоткрылись, обнажив остатки зубов, веки дрогнули, и на Конана глянули подернутые мутью приближающей смерти глаза, в которых все еще бился огонек сознания.

— Где они? — прохрипел маг, и на губах его выступила кровавая пена.

На своем веку киммериец повидал немало раненых. Ему случалось наблюдать, как воин с отрубленной рукой или расколотым черепом продолжал сражаться, пока не падал замертво, одолев врагов. Но этот человек просто не мог быть живым. Его грудная клетка была раздавлена, сквозь лохмотья коричневой тоги торчали раздробленные кости, и все тело имело такой вид, будто его пропустили сквозь жернова чудовищной мельницы. И все же он не сдавался, желая знать о своих врагах.

— Вороны улетели в гнездо на горе Имц, — ответил киммериец, вновь испытав уважение к силе поверженного мага. — И забрали с собой Деви.

— Я дойду! — хрипел чернокнижник. — Дойду и прикончу ублюдков Черного Круга! Отомщу им за смерть Джитары... Убью самого властелина, всех, всех...

Но даже его железная воля не могла больше двигать искалеченное тело, в котором не осталось ни одного целого сухожилия, ни единого мускула, не изодранного в клочья. Речь его стала невнятной, изо рта потекла струйка темной крови.

— Ступай туда, — бормотал Хемса, — убей всех...

— Туда и направляюсь, — отвечал Конан. — Хотел прихватить своих афгулов, но они обратились против меня, так что придется действовать в одиночку. Вырву из когтей демонов девчонку, даже если придется разнести их гору по камням. Не думал, что наиб осмелится убить

моих людей после того, как я захватил саму Деви Вендии, но, видимо, ошибался. Он поплатится головой. Жазмина уже не нужна мне как заложница, и все же...

— Да падет на них проклятие Изилия! — выдохнул Хемса окровавленным ртом. — Иди, я умираю... Подожди... возьми это...

Невероятным усилием слабеющей воли он приподнял искалеченную руку и стал что-то искать под лохмотьями. Конан склонился над умирающим и помог ему снять с окровавленного тела странно поблескивающий пояс.

— В пути держись золотой жилы, — бормотал Хемса едва слышно, так что киммерийцу пришлось присесть рядом, чтобы не пропустить ни слова. — Носи мой подарок. Я получил пояс от стигийского жреца... Он должен помочь, хотя меня и подвел... Шар с четырьмя плодами...

Голос мага прервался, и киммериец потряс его за плечи. Хемса широко открыл глаза и сказал внятно:

— Разбей хрустальный шар с четырьмя плодами граната. Берегись превращений владыки. Прощай, ухожу к Джитаре... aie, ya Ske l os yar!

И с этими непонятными словами на устах он умер.

Сняв с плеча плащ, Конан накрыл им мертвеца. Потом взглянул на подарок Хемсы. Киммериец повидал немало поясов, сплетенных из конских волос, но этот был сделан явно из черных женских прядей. В плотных сплетениях поблескивали необычные драгоценные камешки, неизвестные варвару. Пряжка была сделана в форме клиновидной змеиной головы, покрытой мелкими золотыми чешуйками.

Странная то была вещь, странная и жуткая. Конан замахнулся было, намереваясь швырнуть ее подальше в пропасть, но, немного подумав, решительно застегнул на бедрах, пряча странный дар Хемсы под широким бакарийским поясом, с которым никогда не расставался. Потом вскочил в седло и осторожно поехал дальше.

Карниз, по которому ступал вороной, круто забирал вверх. Солнце уже коснулось дальних вершин, и длинные тени гор опустились на ущелье, словно крылья гигантской птицы. Небо над скалами потемнело, камни, нагретые за день, быстро остывали, от них веяло теперь холодом.

Конан уже приближался к вершине скалы, когда впереди за поворотом тропы раздался стук множества подков. При всем желании киммериец не смог бы развернуть жеребца на узком карнизе, поэтому он решительно двинул коня вперед, обогнул выступ и оказался на широкой каменистой площадке, на которую, одновременно с ним, выезжал отряд всадников. Раздались их предостерегающие крики, но мощный жеребец киммерийца уже прижал к скале испуганного коня, на котором ехал впереди своих людей человек в богатых одеждах. Он выхватил кинжал, но Конан легко перехватил его руку, пристально глядясь в лицо наездника.

— Керим Шах! — удивленно воскликнул он.

Туранец не сопротивлялся. Его конь жалобно пофыркивал, прижатый к скале мощным крупом вороного жеребца, а рука киммерийца крепко сжимала запястье вельможи. За спиной Керим Шаха Конан разглядел отряд иракзаев на тощих лошадаках, место которым было скорее на живодерне, чем на горных кручах. Иракзаи держали в руках луки, но стрелять не спешили, опасаясь задеть своего господина.

— Где Деви? — спросил Керим Шах.

— А тебе что за дело, туранский прихвостень? — мрачно отвечал Конан. — Вопросы буду задавать я. Как ты попал сюда?

— Я в твоих руках, — сказал Керим Шах примирительно. — Можешь отпустить мою руку.

Он убрал в ножны оружие, в то время как Конан держал ладонь на рукояти засунутого за пояс кинжала, готовый в любой момент пустить его в ход. Он знал, что пока предводитель иракзаев находится на расстоянии удара, его люди предпочтут вести себя спокойно.

— Я ехал с горцами на север, когда мы попали в засаду на перевале Шализах, — принялся рассказывать вельможа. — Многие мои воины были убиты, остальных преследовали, словно диких зверей. Когда мы оторвались от погони, свернули на запад, к перевалу Амир Жехун, а сегодня утром наткнулись на едва бредущего невесть куда вазула. Я дал ему глоток вина, намереваясь расспросить, но вскоре понял, что этот человек совсем спятил. Впрочем,

из его невнятного бреда удалось кое-что узнать. Он сказал, что один уцелел из всей банды, пустившейся в погоню за афгулом, убившим их вождя в селении Курум. Еще он сказал, что с афгулом была пленная вендийка. Потом понес какую-то ахиною о сбитом конем беглецов незнакомце в зеленом тюрбане, который восстал и уничтожил его соплеменников. Как именно, я не понял. Вазул бормотал что-то насчет мошкеры, сгоревшей в пламени костра. Как сам уцелел, не помнит. Да это и не важно — он прожил совсем недолго. И все же сказал достаточно, чтобы я смог понять, что Конан из Гхора был в Куруме со своей высокородной пленницей. Позже в горах мы встретили голую газлайку с бурдюком воды. Воистину, эти горянки не знают стыда! Ее разглядывали двадцать мужчин, а она спокойно рассказывала, что одежду у нее забрал здоровяк-афгул и отдал ее некой вендийке. Бесстыдница утверждала, что ты поехал на запад.

Керим Шах не считал нужным упомянуть, что когда враждебно настроенные горцы перекрыли ему дорогу, он ехал на условленную встречу с отрядом туранской конницы. Путь, ведущий в долину Гурапах через перевал Шализах, был длиннее, чем дорога через перевал Амир Жехун, но эта последняя пересекала земли афгулов, которых Керим Шах предпочитал избегать, во всяком случае до подхода туранской армии. Он знал, что перевал Шализах охраняется горцами и все же предпочел возможную стычку с ними встрече с воинственными афгулами, которые всегда передвигались многочисленными отрядами. Пробившись через засаду и уйдя от погони, Керим Шах продолжал двигаться к долине Гурапах, пока весть о том, что Конан со своей пленницей еще не достигли Афгулистана, не склонила его к мысли повернуть на юг и предпринять дерзкий поход в глубь гор в надежде найти киммерийца.

— Может быть, все же скажешь, где Деви? — завершил вопросом свой рассказ Керим Шах, многозначительно оглядываясь через плечо. — У меня все же военное преимущество...

— Пусть только хоть один из твоих псов дотронется до колчана, и я швырну тебя в пропасть, — пообещал

Конан. — А если они все же будут настолько глупы, чтобы убить меня, то проживут недолго. За мной гонятся пятьсот афгулов, и если они лишатся удовольствия поймать меня, то изрежут твоих людей на куски, а с тебя, мертвого или живого, сдерут кожу и повесят сушиться на тамариск.

Конан расхохотался над своей удачной шуткой, представив эту картину. Потом, посерьезнев, добавил:

— Деви со мной нет. Она попала в руки Черных Колдунов Имша.

— О Турум! — негромко воскликнул Керим Шах, впервые теряя свою невозмутимость. — Хемса...

— Хемса подох, — сказал Конан. — Его прежние господа прокатили его на каменной лавине прямоком в преисподнюю. Откуда он неведомо как выбрался. Похож был на отбивную котлету и умер на моих глазах. Знаешь, я с радостью прикончил бы и тебя, но сейчас нет времени. Извини, спешу добраться до вороньего гнезда на вершине Имша.

— Вороньего гнезда? — непонимающе переспросил Керим Шах. Потом решительно произнес: — Я еду с тобой.

Конан снова рассмеялся.

— Какое приятное предложение! Дорогой поболтаем о том, о сем... Ты что, всерьез набиваешься мне в друзья, туранский прохвост?

— Мы оба умные люди и отлично понимаем, что в основе всякой дружбы лежит корысть, — заметил Керим Шах. — В данном случае это Деви. Я не скрываю своих побуждений: владыка Ездигерд, которому я служу, жаждет присоединить ее страну к своей империи, а в качестве награды позволит отправить гордую Деви Вендии в мой сераль. Тебя я помню с тех времен, когда ты был вождем степных разбойников, и знаю, что Конану всего милее грабежи на большой дороге и блеск золота. Ты жаждешь опустошить казну Вендии, потребовав за Жазмину огромный выкуп. Что ж, твое право. Но, может быть, на время, не клянясь друг другу в вечной дружбе, мы объединимся и попробуем сообща вырвать Деви из лап колдунов? А если это удастся и оба останемся живы, решим в поединке, кому она достанется.

Киммериец пристально разглядывал туранца. Он не питал к нему теплых чувств, но сейчас этот человек мог оказаться полезен. Конан убрал руку с рукояти кинжала и кивнул.

— Согласен. А как насчет твоих вояк?

Керим Шах повернулся к молчащим иракзям и сказал на их языке:

— Этот человек и я намерены подняться на Имш, чтобы сразиться с чернокнижниками. Едете с нами или подождете афгулов, которые живьем сдерут с вас кожу?

— И повесят на двадцать тамарисков, — хохотнул Конан.

Иракзаи смотрели на своего предводителя с мрачной покорностью обреченных. Здесь, в горах, жители долины Забар были окружены врагами. Они уже попрощались с жизнью, когда стрелы дагозаев на перевале Шализах навсегда успокоили десять их соплеменников. Отряд был слишком мал, чтобы без помощи хитрого туранца хоть кто-то из них мог рассчитывать добраться живым до своего селения на равнине. Поэтому старшина воинов отвечал за всех голосом, в котором звучало полное равнодушие к будущему:

— Мы отправимся с тобой, чтобы умереть на Имше.

— Отлично сказано! — воскликнул киммериец, понимавший все местные наречия. — Вперед, бесстрашные оборванцы, во имя Крома! Надо спешить, а то мы потеряли слишком много времени на разговоры. Афгулы могли заметить, куда я поехал.

Керим Шах развернул коня, и все двинулись вверх по тропе так быстро, как это было возможно. Наконец они достигли гребня скалы напротив того места дороги, откуда вендийка и киммериец впервые увидели алое облако на вершине Имша. Уступ, по которому они тогда ехали, едва виднелся на противоположном склоне ущелья в вечерних сумерках. Он был гораздо шире тропы, по которой поднимался сейчас отряд, и давеча Конан предпочел направить коня путем, где поджидал их Хемса. Киммериец не рискнул отправиться с девушкой по узкому карнизу, опасному даже для горцев. Керим Шах перехитрил самого себя: считая, что Конан выберет более безлюдный путь,

он со своими людьми поехал этой стороной ущелья. Если бы они не повернули назад в том месте, где тропа расширялась, коварный карниз оказался бы непреодолимым препятствием для его отряда, состоящего из жителей равнин.

С гребня скалы тропа вела вниз, петляя между обломками камней и невысокими деревьями. Даже Конан вздохнул с облегчением, когда пропасть осталась по ту сторону перевала. В ступающих сумерках они медленно ехали по каменистой дороге, словно череда призраков,двигающихся по Серым Равнинам. Было тихо, только поскрипывала упряжь, пофыркивали лошади, да изредка бряцала о стремя иракзайская сабля.

Впереди, за лесистыми отрогами, на фоне темнеющего неба возвышалась зловещая гора Имш.

Жазмина на Дороге Воплощений

Деву судорожно цеплялась за руки Конана, когда чудовищный вихрь разжал ее онемевшие пальцы и вырвал из объятий киммерийца. Неведомая сила стремительно затягивала в алый омут, ослепив и оглушив вендийку. Она хотела закричать, но дыхание перехватило, голос пропал. Сквозь красноватый, искрящийся туман она успела увидеть стремительно удаляющуюся дорогу и стоящего на ней варвара. Казалось, прошло лишь мгновение, и вот уже навстречу стремительно понеслись склоны Имша. Жазмина вскинула руки, пытаясь защититься от казавшегося неминуемым падения, но тут сознание ее не выдержало перенесенных потрясений, и она погрузилось в спасительное беспамятство.

Когда девушка очнулась, ей показалось, что падение все еще продолжается. Она вскрикнула, но тут же осознала, что лежит на чем-то мягком: под пальцами был надушенный благовониями мех покрывала.

Оглядевшись, она поняла, что лежит на подиуме, покрытом шкурой черной пантеры. Углы ложа украшали искусно вырезанные из нефрита курительницы, изображавшие драконов с разверстыми пастьми. Они матово поблескивали в неясном свете. У стен, украшенных темными гобеленами с таинственными знаками, перевитыми изви-

вающимися змеиными телами, стояли низкие эбеновые столики, на которых размещались двенадцатирожковые канделябры. Вставленные в них темно-зеленые свечи горели странным холодным пламенем, почти не дающим света и не отбрасывающим тени. В этом мрачном помещении с темными углами не было ни дверей, ни окон, если только они не скрывались за гобеленами. Обитель тайн и неясного страха, который расползался отовсюду...

Повернув голову, Жазмина заметила фигуру человека, сидевшего со скрещенными ногами, казалось, прямо на ступившемся воздухе. Мужчина задумчиво поглядывал на нее. Длинная тога из шитого золотом черного бархата окутывала его, руки скрывали длинные рукава нижнего одеяния, на выбритой голове надета была круглая бархатная шапочка. Лицо его было довольно привлекательным и могло бы показаться даже кротким, если бы не пронзительные и вместе с тем как бы подернутые дымкой глаза. Ничто не изменилось в этом лице, когда мужчина заметил, что Деву пришла в себя.

Чувствуя, как по ее телу бегут холодные мурашки, Жазмина приподнялась на локте и, стараясь скрыть дрожь, спросила:

— Кто ты?

— Я — властелин Имша, — отвечал мужчина глубоким звучным голосом, словно в тиши полей раздались спокойные удары бронзового колокола.

— Зачем я здесь? — спросила Деву, чувствуя, как жалко и беспомощно звучат ее слова.

— Разве ты не искала встречи со мной?

— Если ты — один из Черных Колдунов, то да! — дерзко бросила она, понимая, что он и так читает ее мысли.

Властелин Имша тихо, не разжимая губ, рассмеялся, и от смеха его по телу Деву вновь побежали мурашки страха.

— Ты собиралась послать детей гор против Колдунов Имша, — слегка улыбаясь, сказал человек в черном. — Я читаю это в твоих мыслях, княжна. Твой слабый человеческий рассудок полнится забавными мечтами о кровавой мести.

— Вы убили моего брата! — растущий в душе гнев победил страх Деви. — Зачем вы это сделали? Жрецы говорят, что Коилдуны Имша выше человеческих дел, а Мехараджуб Вендии ничего вам не сделал. Так почему Бунда Чанд мертв?

— Простому смертному не дано понимать причины, побуждающие магов действовать так или иначе, — надменно отвечал властелин. — Скажу только, что мои аколиты, забравшие власть над жрецами Тарима в храмах Турана, настаивали, чтобы я оказал содействие Ездигерду. По некоторым соображениям я согласился. Ты все равно не способна понять всю глубину моих рассуждений, учитывая длинную, запутанную цепь причин и следствий, поэтому для тебя достаточно знать, что я уже сказал.

— Я понимаю только, что мой брат мертв! — вскричала Деви с болью и ненавистью. Она встала на колени, напряженная, с яростно горящими глазами, словно зверь, чья шкура покрывала ложе, вдруг ожил и воплотился в теле женщины, готовой к смертельному броску.

— Так хотел Ездигерд, — словно не замечая перемен, происшедших с Деви, ровно отвечал ее собеседник. — Мой мимолетный каприз помог ему осуществить притязания.

— Ездигерд твой вассал? — Жазмина пробовала скрыть бурю чувств и казаться спокойной, даже кокетливой. Она словно невзначай поправила прическу — пальцы наткнулись на перламутровую рукоять газлийского стилета, выглядывающую из пышных волос, словно безобидное украшение.

— Разве шелудивый пес, которому храмовые послушники из милости швыряют объедки, достоин быть слугой бога? — холодно улыбнулся владыка Имша.

Казалось, он не обращал никакого внимания на движения девушки, которая осторожно переместилась к краю ложа, опустив голову, чтобы скрыть торжествующий блеск глаз.

— Но хватит с меня Ездигерда, — сказал властелин — Кажется, я нашел развлечение получше... О-у!

Этот возглас, в котором не слышалось ничего, кроме насмешки, он издал, когда Деви, выхватив из волос гор-

ский стилет, стремительно бросилась к нему, стремясь нанести роковой удар. Властелин Имша не шевельнулся, не сделал ни единого движения, но у Деви вдруг подкосились ноги, и она упала на мягкий ковер, устилавший пол комнаты. Она глянула на свою руку, только что сжимавшую длинный и узкий, как игла, клинок, и тут же с визгом разжала пальцы. По ворсу ковра стремительно скользнула зеленоватая змейка с красными, словно бусины, глазами.

Деви проворно вскочила и быстро вернулась к своему ложу, на которое забралась с ногами. Как ни была она напугана внезапным превращением стилета, но все же сумела сообразить, что особе царской крови более подобает сидеть на возвышении, чем валяться в ногах черно-книжника.

— Это совсем просто, — услышала она спокойный, чуть насмешливый голос мужчины в черном. — Материя, точно глина, в руках того, кто обладает ключами от тайн Мироздания. По его воле неживое может стать живым, а существа, полагающие себя разумными, обратиться в бесчувственный камень. Все это одно и то же, все переходит из одного состояния в другое, иногда медленно, иногда очень быстро...

— Ты демон! — беспомощно всхлипнула Жазмина.

— Ну нет! — засмеялся он. — Я человек, рожденный на этой планете давно, очень давно. Миновали многие века моего служения Черному Искусству, прежде чем я обрел власть, которой теперь обладаю: силу, позволяющую повелевать демонами. Если бы я сказал, откуда призвал тех четверых магистров Черного Круга, которых ты видела, кровь застыла бы в твоих жилах. С помощью моего кристалла и золотых змей я властвую над многими странными существами. Мой маленький Хемса мечтал о величии — бедный глупец, он научился только крушить ворота, переноситься по воздуху да гипнотизировать ничтожных людшек. Хотя он был способным учеником, и если бы я его не убил, пару сотен лет спустя мог бы превзойти своего учителя. Не дожил...

Властелин Имша снова рассмеялся.

— А ты, глупое сознание, строила козни, замышляя подбить своего варвара отправиться покорять Имш! Даже

когда он похитил тебя, словно ничтожную девку, ты не отказалась от этих мыслей, намереваясь использовать свои женские штучки. Я читаю это, словно в открытой книге. Что ж, шутка была бы неплоха, если бы мне пришлось это в голову раньше, я сам постарался бы, чтобы ты попала к нему в руки. Все же, если не принимать во внимание твою глупость, — ты женщина, на которую приятно смотреть не только похотливому варвару. Я намерен сделать тебя своей невольницей.

Кровь многих поколений гордых вендийских монархов ударила в голову Девы. Она гордо выпрямилась и бросила в лицо колдуну:

— Не посмеешь!

Его издевательский смех стегнул, словно удар бича.

— Ты — всего лишь ничтожный червь под пятой бога! Глупышка, ты еще не осознала, что твоя голубая кровь значит для меня не больше, чем обычная вода в стакане! Если захочу — выпью ее по капле, я, целовавший саму царицу Нижнего Мира! Ты уже видела, что случается с теми, кто становится у меня на дороге.

Пытаясь унять дрожь, Дева стояла на коленях на покрывале из шкуры пантеры.

— Никогда, — прошептала она немеющими губами, — никогда не покорюсь тебе!

Свет совсем померк, лицо властелина засияло в полумраке, черты его стали ужасны, а в голосе послышалась жестокая самоуверенность.

— Покоришься! — возгласил колдун. — Страх и боль принудят тебя подчиниться моей воле. Ужасом я испытаю пределы твоей выносливости, пока ты не станешь в моих руках податливым воском, рабыней, готовой исполнить любую прихоть господина. Ты изведешь страдание, не выпадавшее на долю ни одной смертной, и тогда каждый мой каприз, сколь причудлив он не был бы, станет тебе наградой. А для начала, чтобы унижить твою гордость, я отправлю тебя назад по дороге твоих прежних воплощений. Aie, yil la khosa!

Откуда-то долетел глубокий, зловещий удар гонга. Гобелены на стенах затрепетали под порывами неощутимого ветра, стены комнаты словно раздвинулись, отступив в

темноту. Драконы-курильницы извергнули языки синего пламени, чешуйчатые тела ожили, извиваясь, и исчезли. Фигура властелина стала бесплотной, превратившись в сгусток мрака, и вскоре Жазмина уже не могла его разглядеть. Полумрак сменился густой, вязкой, почти осязаемой темнотой, только где-то далеко пульсировала неяркая точка света, словно светлячок на болоте.

Это мягкое пламя вдруг увеличилось, став шаром величиной с голову ребенка. Потом шар распался на мириады сверкающих искр, которые кружили вокруг Жазмины, не рассеивая тьмы. Лишь на полу комнаты лежал бледный отсвет, и там, где жончался ковер, Дева увидела черный росток, пробивающийся прямо из каменных плит. На глазах ошеломленной вендийки росток выпустил широкие листья, все увеличиваясь в размерах, еще миг — и на его вершине расцвел черный цветок, клонясь к сжавшейся на невидимом ложе девушке. Едва осязаемый, дурманивший аромат наполнил комнату. Черный лотос, порождение таинственных джунглей Кхитая, в мгновение ока вырос из каменной плиты.

Широкие листья колыхались со зловещим шелестом, лепестки тянулись к лицу Девы, словно разумное существа, стебель извивался, подобно гигантской змее, тускло полыхая во мраке призрачным светом. Дурманивший запах кружил голову, и Жазмине показалось, что над ней распускаются новые и новые черные цветы, словно крылья гигантских бабочек, трепещущие, готовые унести ее в страшную бездну. Она хотела сползти на пол, но лишь судорожно вцепилась в мех пантеры, прильнув к ложу: пол комнаты вздыбился под немыслимым углом, образовав склон, влекущий на дно неведомой пропасти. Жазмина пыталась удержаться на ложе, но страшная сила влекла ее вниз, оставив в сжатых пальцах лишь черный ворс покрывала. Ей показалось, что мир рассыпался до основания, а она превратилась в крохотную, летящую сквозь беспредельную тьму искру, готовую вот-вот погаснуть, словно свеча под порывами бури.

Потом эта искра слилась с мириадами других, несущихся в глубинах первобытного хаоса, рождающего новые и новые существования. Словно невидимые ладони под-

хватали ее, отделив от искрящегося вихря Единого, вновь превратив в мыслящее создание, несущееся по бесконечной спирали своего бытия.

И Дорога Воплощений открылась перед ней. Ее душа вновь и вновь сливалась с телами, в которых уже билась и трепетала в далеком прошлом. Одета в звериные шкуры, она бежала через первобытные джунгли, преследуемая кровожадными существами с драконьими мордами и мощными чешуйчатыми лапами. Они настигали ее и рвали клыками, погружая во мрак небытия, но лишь на короткий миг. Она брела по колено в воде по рисовому полю, сражалась за спасительные зерна с гигантскими голенастыми птицами. Погоняла упряжку мулов, рыхля суковатым бревном каменистую землю. Бесконечно склонялась над ткацким станком в деревенской хижине под вой осеннего ветра и плач младенца...

Она видела пылающие города и с криком спасалась от убийц. Нагую и окровавленную, ее тащили на аркане по горячему песку ловцы рабов, она узнала жгучие прикосновения грубых рук к ее телу, стыд и огонь внезапного желания. Она стонала под ударами бича, корчилась, пронзенная колом, сходя с ума от ужаса, вырывалась из рук палача, неумолимо клонившего ее голову к окровавленной плахе.

Она узнала мимолетную радость любви и горечь измены, счастье материнства и скорбь по умершему ребенку, ненависть к сопернице, муки болезни, бессилие старости, страх одиночества... Слишком мало счастья было на длинной Дороге Воплощений, мимолетными были его мгновения, сменявшиеся новыми страданиями, словно Судьба не выпускала из рук жгучую плетвь, оставляющую глубокие раны. Будучи всеми этими несчастными созданиями, чьи тела давно обратились в прах, Жазмина оставалась собой, и это было самой невыносимой мукой. Она была и нагой рабыней, вздрагивающей под ударами плети, и Девы Вендии одновременно. И страдала не только как рабыня, но и как Девы Жазмина, чья гордость была унижена и растоптана, а душа билась в тщетных попытках вернуться к своему истинному телу.

Одна жизнь перерастала в другую, лишь на миг исчеза в беспредельном хаосе, каждая следующая несла новое бремя несчастий, стыда, страданий, и, казалось, так будет длиться вечно. Но вот, словно сквозь толщу времен, донесся чей-то долгий отданный крик. Тогда Девы очнулись на своем ложе, покрытом шкурой черной пантеры, и поняла, что кричит она сама.

В зловещей полутьме комнаты она вновь увидела сидящую словно на воздухе фигуру в черном одеянии. Склоненное лицо скрывал широкий капюшон, а узкие плечи едва виднелись в царящем сумраке. Что-то изменилось в этой фигуре: капюшон вместо бархатной шапочки, острые плечи — от этого существа веяло холодом страха, и Девы, пристально вглядываясь в темный силуэт, поняла, что это не властелин Имша.

Существо вдруг поднялось и приблизилось к ее ложу, нависнув темным пятном. Наклонилось и обняло девушку длинными руками, скрытыми черными рукавами. Жазмина сопротивлялась с молчаливой яростью, пораженная худобой сжимавших ее рук и костлявостью цепких пальцев. Голова в капюшоне склонилась к самому ее лицу. Жазмина пронзительно вскрикнула, охваченная ужасом и отвращением. Под капюшоном она увидела воплощение смерти и разложения — ужасный череп, обтянутый истлевшей, словно древний пергамент, кожей.

Она забилась в костлявых руках жуткого существа и, когда лязгающие, ощеренные челюсти приблизились к ее устам, лишилась чувств.

Замок Черных Колдунов

Солнце поднялось над заснеженными вершинами Химелии. Группа всадников остановилась у подножия горы, глядя вверх, туда, где на склоне высилась каменная башня. Еще выше темнели мощные стены крепости, стоявшей у самой границы вечных снегов, покрывавших вершину Имша. Очертания стен подрагивали: словно прозрачные сполохи пробегали вдоль них, придавая картине оттенок нереальности. Склоны, усеянные красноватыми камнями, круто избегали к замку, похожему снизу на детскую

игрушку, а сверкающая белизна вершины за ним, казалось, вонзается в холодную голубизну неба.

— Оставим коней здесь, — распорядился Конан. — Подъем лучше преодолеть пешком. Тем более, что лошади валяются с ног от усталости.

Он соскочил с вороного жеребца, который стоял, тяжело вздымая бока и опустив голову. Всю ночь они гнали коней, на ходу подкрепляясь остатками запасов из седельных сумок, ненадолго останавливаясь лишь для того, чтобы дать отдых коням.

— В башне живут аколиты Черных Колдунов, — сказал киммериец Кемир Шаху, который тоже спешил. — Их еще называют цепными псами магов. Эти не будут сидеть сложа руки, заметив нас на склоне.

Керим Шах оглянулся на дорогу, которой они приехали. Она спускалась со склона лесистого отрога, петляя между камней и деревьев. Дорога была пустынная: афгулы, скорее всего, так и не нашли след своего бывшего вождя.

— Что ж, идем, — сказал туранец.

Они стреножили уставших лошадей и без лишних слов зашагали в гору. Сверху весь отряд просматривался, как на ладони. Красноватые валуны на склоне были слишком малы, чтобы за ним мог укрыться человек, хотя там могли прятаться другие существа.

Они не сделали и полсотни шагов, когда из-за ближайшего камня с рычанием выскочил огромный пес с покрытой пеной мордой и налитыми кровью глазами. Он пролетел мимо шедшего впереди Конана и кинулся на Керим Шаха. Туранец успел увернуться, и зверь обрушился на идущего следом иракзая. Тот завопил, прикрывшись рукой и заваливаясь на спину. Пес терзал его руку, вырывая куски мяса, и даже когда дюжина сабель обрушилась на него, все еще пытался добраться до горла своей жертвы. Он издох, буквально изрубленный на куски.

Керим Шах приказал перевязать воина, внимательно осмотрел рану и молча отвернулся. Догнав Конана, он зашагал рядом.

Через некоторое время Керим Шах сказал:

— Странно, что чей-то пес забежал аж сюда. До ближайшего селения не близко.

— Да и жрать здесь нечего, — согласился киммериец.

Не сговариваясь, они обернулись и взглянули на раненого, тащившегося среди своих товарищей. Его темное лицо блестело от пота, а губы, искаженные гримасой боли, раздвинулись в страшной ухмылке, обнажив неровные желтоватые зубы. Конан и Керим Шах снова посмотрели на высящуюся впереди башню.

Сонная тишина царила вокруг. Ни на башне, ни на стенах стоявшего за ней строения, похожего на пирамиду, не было заметно ни малейшего движения. И все же, поднимаясь по откосу, люди испытывали напряжение, словно то был склон готового вот-вот проснуться вулкана. Керим Шах снял с плеча мощный лук, способный поразить врага на расстоянии пятидесяти шагов. Иракзаи потянулись к своим лукам — те были поменьше и стреляли не так далеко.

Но не успели они приблизиться к башне на расстояние полета стрелы, как что-то упало на них сверху, из безоблачного неба. Киммериец почувствовал прикосновение крыльев к своей щеке и тут же услышал истошный вопль одного из воинов. Обернувшись, он увидел, что иракзай корчится на земле, истекая кровью, хлеставшей из разорванной шеи, а вверх взмывает странная птица: сокол с матово поблескивающими, словно металлическими крыльями и длинным окровавленным клювом, похожим на клинок сабли. Он стремительно набирал высоту, но стрела Керим Шаха оказалась быстрее: пронзенная птица кувыркнулась в воздухе и рухнула вниз. Никто не заметил, куда именно она упала.

Конан склонился над раненым, но тот уже испустил дух. Все молчали, пораженные невиданным доселе явлением. Никогда сокол не нападал на человека. Иракзаи старались не выказывать страха, памятуя о том, что поклялись умереть на горе Имш, и все же, сжимая волосатыми пальцами свои луки, нет-нет да бросали опасливые взгляды в сторону башни, ожидая нового нападения.

И оно не заставило себя ждать. Из-за вершины башни поднялось белое шарообразное облачко и медленно поплыло вниз по склону навстречу людям. За ним появились другие облака. Они выглядели безобидно, словно

шарики мутной пены, но Конан отпрыгнул в сторону, когда первое облако приблизилось к нему. Иракзай, идущий следом, что-то крикнул и рубанул туманный шар саблей. Раздался оглушительный грохот. Облако исчезло в ослепительной вспышке вместе с неосторожным воином, от которого осталась лишь кучка почерневших, обугленных костей. Обгоревшая кисть все еще сжимала рукоять сабли из слоновой кости, лезвие же расплавилось в страшном огне. Однако другие воины, даже шедшие в двух шагах от погибшего, остались целы и невредимы, лишь временно ослепленные и оглушенные яркой вспышкой.

— Взрывается от прикосновения металла, — заключил Конан. — Смотрите, они приближаются!

Склон над ними почти полностью был покрыт спускающимися туманными шарами. Керим Шах натянул тетиву и послал в их гущу стрелу. Как только железный наконечник коснулся первого облака, оно взорвалось, разбрызгивая фонтан огня. Остальные воины последовали примеру туранца, и вскоре на склоне забушевал огненный вихрь взрывов, сопровождаемый ужасным грохотом и вспышками молний. Когда туманные шары исчезли, в колчанах воинов осталось не так уж много стрел.

С яростными криками они ринулись вверх по обугленной и почерневшей земле, огибая те места, где раскаленные красные камни все еще дышали жаром, порожденным недавними взрывами.

Наконец они оказались в полете стрелы от башни и растянулись цепью, готовые пустить в ход луки или сабли, смотря по тому, что еще приготовили им защитники.

Но никто не спешил скрестить оружие с иракзаями, только на вершине башни появилась одинокая фигура в зеленой тоге. Человек что-то поднял к ясному небу, и стоявшие внизу смогли рассмотреть десятифутовый медный рог в его руках. Хриплый рев, вызывающий дрожь, прокатился над склоном. Сейчас же из подземных глубин ему отозвался глухой грохот и шум. Земля заходила ходуном под ногами иракзаев, и те, словно пьяные, с криками ужаса попадали на камни. Киммериец, устоявший среди этих мощных толчков, выхватил кинжал и, бешено сверкая глазами, словно вихрь ринулся к двери

в основании башни аколитов. Сверху несся все нарастающий рев рога, толчки усиливались, камни градом катились на тщетно пытавшихся подняться воинов...

И вдруг рев оборвался. Сверху раздался пронзительный крик, и человек в зеленой тоге рухнул на камни в пяти шагах от Конана, превратившись в кровавую грудку разбитых костей и разорванной плоти. Между искалеченных ребер торчала длинная туранская стрела с зазубренным наконечником.

Обернувшись, Конан заметил, что Керим Шах накладывает новую стрелу, целясь в кого-то на вершине башни. Глянув вверх, он увидел еще одного человека в зеленом, который пытался достать рог, застрявший между зубцов парашета. Зазвенела тетива, и вновь эхом отозвался ей предсмертный крик. Еще одно тело разбилось о камни. Падая, второй аколит задел локтем рог, и тот разлетелся на куски у подножия башни. Киммериец отдал должное искусству туранца: не всякий смог бы столь метко поразить врагов с такого расстояния.

Впрочем, ему некогда было предаваться размышлениям. Оказавшись возле дверей, Конан заметил два деревянных, покрытых таинственными знаками столба по обе ее стороны. Поднатужившись, он вырвал один из них и, действуя как тараном, ударил в дверь.

Он едва успел отскочить в сторону, когда сверху на него вылила кипящую смолу. В следующий момент он опять оказался возле створок, нанося удары с удвоенной силой. То, что защитники прибегли к такому обычному способу обороны, придало ему новые силы. Видимо, колдовская сила аколитов не была безграничной. Может, они уже исчерпали запасы своих чародейских фокусов?

По склону взбежал Керим Шах, за ним следом, шатаясь, поднимались иракзаи. Они пускали стрелы, которые со свистом перелетали через стену или ударялись о ее камни — стрелки из равнинных жителей были никудышные.

Крепкое тиковое дерево уступило ударам киммерийца, который осторожно заглянул внутрь, готовый к любой ловушке. Он увидел овальную комнату и ведущую наверх крутую лестницу. В противоположной стене помещения

была широко распахнутая дверь, за ней виднелась каменная площадка... и полдюжины спин одетых в зеленое людей, удирающих во все лопатки.

Поняв, что противник дал деру, Конан бросился было вперед, и только чутье опытного воина заставило его отпрянуть за миг до того, как сверху рухнула огромная каменная глыба — на то место, где нога варвара только что коснулась пола. Киммериец кинулся вдоль наружной стены, криком призывая остальных следовать за собой.

Аколиты отступили с первого оборонительного рубежа. Когда Конан обогнул башню, он увидел их зеленые спины далеко впереди. Войдя в боевой раж, варвар ринулся вслед за ними. Керим Шах со своими людьми наступали ему на пятки. Первая победа заставила иракзаев на время позабыть мрачные мысли о неминуемой смерти: они неслись вслед за своим предводителем, исторгая боевые вопли и размахивая оружием.

Башня стояла на нижнем крае узкого плато, чуть заметно повышавшегося в сторону крепости. Достигнув того места, где плато, казалось, упиралось в круто вздымавшийся склон Имша, аколиты вдруг исчезли. Через несколько минут преследователи оказались там и застыли, пораженные открывшейся картиной.

Плато оканчивалось глубокой расщелиной шириной в несколько сот футов, шедшей, очевидно, вокруг всей горы, словно огромный крепостной ров. Он был до краев наполнен странным розоватым, искрящимся и переливающимся туманом.

— Куда они делись? — спросил запыхавшийся тураец. — Не могли же они спрыгнуть...

Он замолчал, заметив к своему изумлению на глубине пятисот футов,двигающихся по сверкающему, словно серебро, дну расщелины шестерых аколитов в зеленых тогах. Их силуэты были смазаны и плохо различимы, словно беглецов отделяла от преследователей толща воды. Аколиты шли друг за другом, направляясь к противоположной стене пропасти.

Ругнувшись, Керим Шах поднял лук и пустил вниз стрелу. Как уже успел убедиться киммериец, стрелок он был отменный. Но на этот раз стрела не достигла цели:

попав в розовый туман, наполнявший расщелину, она словно замедлила полет и упала далеко в стороне от фигурок в зеленых тогах.

— Если они смогли спуститься туда, то и мы сможем! — сказал Конан стоящему рядом Керим Шаху, который с удивлением наблюдал за странным полетом своей стрелы. — Я что-то не видел у них крыльев...

Он напряженно вглядывался вниз и вдруг заметил, что аколиты держатся золотистой полоски, пересекающей дно каньона. «Держись золотой жилицы!» — зазвучал в его памяти голос Хемсы, и киммериец наконец понял, что они означали. Перегнувшись через край обрыва, он заметил на стене расщелины тонкую полосу сверкающего золота: она начиналась прямо у них под ногами и тянулась через серебряное дно расщелины до противоположного края. И еще он увидел, что золотая жила идет вниз по стене вдоль крутой лестницы, выдолбленной в камнях и незаметной, если не заглянуть за край обрыва.

Керим Шах стоял рядом, нисколько не опасаясь высоты, и тоже рассматривал лестницу.

— Ты прав, — сказал он, — летать им не за чем. Давай спускаться...

Он вдруг с кошачьей ловкостью отпрыгнул в сторону: искусанный псом иракзай, оскалив зубы, с безумным воплем бросился на него. Промашнувшись, он головой вниз полетел в пропасть. Столпившиеся на ее краю воины с удивлением наблюдали, как тело безумца, вместо того, чтобы камнем кануть на дно, медленно плывет сквозь искрящуюся мглу, словно погружаясь в воду. Руки и ноги его судорожно подергивались, он перевернулся в воздухе, и стало видно лицо, искаженное скорее болью, чем гримасой безумия. Наконец несчастный достиг дна и остался лежать недвижим.

— В этой расщелине нас подстерегает смерть, — говорил Керим Шах, отшатнувшись от искрящегося розового тумана, клубы которого почти касались его ног. — Что думаешь делать, Конан?

— Идти дальше, — мрачно ответил киммериец. — Эти аколиты — все же люди: если туман не убил их, значит не убьет и нас.

Он потуже затянул бакарийский пояс, наткнувшись рукой на спрятанный под ним подарок Хемсы. Он совсем забыл о нем и сейчас размышлял: не эта ли штука спасала его до сих пор, подставляя другие жертвы?

Аколиты уже достигли противоположной стены пропасти, и теперь ползли по ней вверх, как большие зеленые мухи. Конан опустил ноги на первое углубление лестницы и стал осторожно спускаться. Розовый туман окутал ноги, поднимаясь все выше по мере того, как киммериец, ощупывая выдолбленные в камне ступени, погружался в него, словно в воду реки. Туман достиг колен, бедер, пояса, плеч... Конан ощущал его, как моросящий дождь в осеннюю ночь. Он погрузился в эту странную взвесь по шее, минуту поколебался, потом нырнул в туман с головой. И тут же стал задыхаться, что-то сдавило ему ребра, не давая глотнуть воздуха. Отчаянным усилием он подтянулся на руках, словно выныривая из воды, и стал жадно глотать воздух широко открытым ртом.

Он услышал, как Керим Шах что-то говорит, склонившись над обрывом, но не стал отвечать, мысленно перебирая в памяти наставления умирающего Хемсы. Нашупал золотую жилу: она вилась в двух пядях слева от лестницы. Не снимая руки с золотой полоски, он снова погрузился в розовый туман. И понял, что, держась за нее, может дышать. Он глянул вверх, увидел, словно сквозь мутную воду, склонившиеся лица воинов, и кивком головы приказал следовать за собой. После чего стал проворно спускаться, цепляясь одной рукой за выдолбленные в скале углубления, а вторую не отрывая от спасительной золотой полоски.

Керим Шах решительно бросил саблю в ножны и последовал за Конаном, сообразив, что нужно делать, и отдав соответствующие распоряжения своим людям. Те поспешили за ним, более страшась потерять предводителя, чем опасаясь отвесного спуска и колдовских подвохов, ожидающих внизу. Иракзям пришлось нелегко: равнинные жители не привыкли лазать по отвесным стенам, но, держась за золотую жилу, все благополучно достигли дна пропасти, где их уже нетерпеливо поджидал киммериец.

Отряд двинулся через серебряную равнину, осторожно ступая по золотой полосе, словно канатоходцы в цирке. Шли, как по невидимому тоннелю, понимая, что шаг в сторону означает верную смерть.

Сверкающая тропа привела к лестнице на противоположной стене каньона. Они беспрепятственно поднялись наверх, но здесь, среди обломков скал, усеивавших край провала, их ждали. Шестеро одетых в зеленые тоги людей бросились на них из-за укрытия с ножами в руках.

Возможно, аколиты достигли невидимой границы, через которую не смели переступить, быть может стигийский пояс Хемсы лишил силы их чары. Конан склонен был думать, что все гораздо проще: зная, что за поражение будут наказаны смертью, цепные псы Черных Колдунов решили использовать последнюю возможность и, как подобает мужчинам, победить или умереть.

Среди скалистых обломков началась кровавая схватка, оружием в которой было не искусство чернокожников, а обычная сталь. Зазвенели клинки, сабли со свистом рассекали воздух, разя плоть, кулаки наносили удары, лилась кровь, а по телам поверженных топтались сражающиеся.

Аколиты дрались отчаянно, они были увертливы, словно змеи, и прыгали по камням, как гигантские зеленые кузнечики. Лишь четверо людей Керим Шаха вышли живыми из этой сечи, но слуги Черных Колдунов легли все до одного. Убитых и раненых аколитов сбросили в пропасть, и они медленно опустились на сверкающее внизу серебристое дно. Погибших иракзяев стащили под обломок скалы и кое-как присыпали мелкими камнями и гравием.

Покончив с этим скорбным делом, победители, отерев с лиц пот и кровь, огляделись. Они стояли среди потрепавшихся скал, образовавших зубчатый край расщелины. Выходящая отсюда по невысокому склону тропа вела к широкой лестнице из зеленого нефрита, которая поднималась на длинную галерею, а за ней высился замок Черных Колдунов, вырубленный, казалось, из цельной скалы. Его стены вздымались высоко над головами, наполняя души людей мрачным восторгом: столь искусно

было это творение сверхчеловеческого разума. Немногочисленные окна были прикрыты ставнями. Никаких признаков жизни: никто не встречал, но никто и не нападал на незваных гостей.

Молча они двинулись вверх по тропе, осторожно, словно люди, приближающиеся к змеиную логову. Иракзаи шагали угрюмо, помня, что противник, который ждет их впереди, не чета тем, с которыми до сих пор приходилось сражаться. Даже Керим Шах молчал. И только Конан, казалось, вовсе не думал о том, что своим появлением в этих запретных для всякого смертного местах нарушил одно из самых строгих табу людей Востока. Он был северянином, киммерийцем, и его народ не раз сражался с демонами и чернокнижниками так же ожесточенно и успешно, как и с прочими врагами.

Он первым взобрал по широкой лестнице на галерею из зеленого нефрита, пересек ее и приблизился к обитой золотом двери из тикового дерева. Настороженно глянув на верхние этажи вздымающейся над ним огромной пирамиды замка, киммериец протянул было руку к медной ручке двери и вдруг застыл. Ручка была сделана в виде змейки с выгнутым телом и поднятой головой. Конан заподозрил, что металлический гад может вдруг ожить от прикосновения его руки.

Криво усмехнувшись, он рубанул кинжалом по шее змеи, и его подозрения тут же подтвердились: на пол галереи, извиваясь, упала рассеченная надвое живая змея. Острием кинжала варвар отбросил обрубок подальше и вновь обратился к двери.

Вокруг царил полная тишина. Розоватая мгла окутывала далекие вершины, покрытые вечными снегами, в которых отражались искрами солнечные лучи. Высоко в небе парил ястреб, похожий снизу на маленькую лодку в океанском просторе. Кроме него единственными живыми существами были иракзаи, туранец и киммериец, стоявшие перед входом в обитель Черных Колдунов. Их фигурки казались маленькими и беспомощными рядом с

громадой замка. Холодный ветер, долетевший с ледников, трепал лохмотья четырех иракзайских воинов.

Конан снова и снова бил в дверь кинжалом, и эхо вторило его мощным ударам. Крепчайшая сталь пробила золотую пластину и в щепки разнесла тиковое дерево. Осторожно заглянув в образовавшееся отверстие, киммериец увидел комнату с голыми стенами из шлифованных камней и мозаичным полом. Единственной мебелью были низкие столики из резного эбенового дерева, напротив входа возвышался каменный подиум. В комнате не было ни единой живой души. В противоположном углу Конан заметил еще одну дверь, ведущую, по всей видимости, в глубь замка.

Киммериец просунул руку в пробитое отверстие и легко поднял бронзовый засов, запиравший дверь изнутри. Открыв тяжелые створки, он велел Керим Шаху оставить одного из воинов сторожить вход и вошел внутрь. За ним последовали туранец и три иракзая.

Когда они скрылись, страж, оставшийся снаружи, сплкнул себе под ноги и пробормотал какое-то ругательство. Ему вовсе не улыбалось остаться одному в этом жутком месте, но, помня о клятве умереть за своего господина, он подчинился его приказу. Зловещую тишину вдруг нарушил тихий издевательский смех, донесшийся откуда-то сверху. Подняв голову, иракзай увидел стоявшего на балконе второго этажа человека, одетого в черную тогу. Он по-птичьи кивал головой, презрительно глядя на воина, и тихо смеялся. Иракзай быстро натянул тетиву и пустил стрелу вверх. Расстояние было небольшим, и стрелок легко поразил цель: стрела пронзила грудь человека в черном. Однако тот даже не покачнулся. Продолжая смеяться, он легко вырвал стрелу из своего тела и швырнул ее обратно стражнику.

Иракзай машинально схватил кувыркающееся в воздухе древко и тут же в ужасе вскрикнул. Стрела в его руке ожила, обвивая руку воина холодными скользкими кольцами. Он попробовал отшвырнуть от себя это мерзкое существо, но было поздно. Клиновидная змеиная головка с красными, как уголья, глазами приблизилась к его лицу... Воин еще раз крикнул, лицо его налилось кровью,

глаза, казалось, вот-вот выскочат из орбит. Забившись в страшных судорогах, он сполз вдоль стены на землю и, дернувшись в последний раз, замер навсегда.

Услышав его крик, вошедшие в замок бросились назад. Конан первым подскочил к открытой двери и увидел иракзая, неподвижно лежащего на полу галереи, сжимая в руке стрелу. Киммериец хотел было подойти к нему, но натолкнулся на невидимую преграду, которая перекрыла выход. Он ощутил под пальцами холодную поверхность и принялся наносить по ней удары кинжалом. Его остолбеневшие товарищи увидели, как варвар яростно поражает воздух, а лезвие отскакивает со звоном, словно натываясь на твердое вещество.

Наконец Конан оставил бесплодные попытки, поняв, что даже легендарный меч Амир Курума не смог бы сокрушить невидимую стену. В нескольких словах он объяснил это Керим Шаху. Туранец пожал плечами:

— Что ж, путь к отступлению нам отрезан, придется поискать другую дорогу.

Конан кивнул и решительно направился к закрытой двери в углу комнаты, с каждым шагом ощущая возрастающую опасность. Подняв кинжал, киммериец собрался ударить в дверь, но та вдруг бесшумно распахнулась, словно обладала собственной волей. Конан перешагнул через порог и оказался в огромном зале. Купол поддерживали блестящие колонны, а в ста футах от входа начинались широкие ступени нефритовой лестницы, сужающейся кверху, точно пирамида. Чтобы достичь этой лестницы, Конану нужно было миновать черный, сверкающий алтарь в центре зала. Огромные золотые змеи вились по четырем углам монолита, поднимая чешуйчатые головки, обращенные на четыре стороны света, — словно стражи легендарных сокровищ. Но ни золота, ни серебра не было на черном возвышении. На алтаре, который стерегли золотые стражи, покоился только хрустальный шар, внутри которого клубился розоватый туман и плавали четыре золотых плода граната.

Это зрелище что-то пробудило в памяти Конана, но он не успел вспомнить, что именно, потому что увидел на нижних ступенях лестницы четырех одетых в черное

людей. Он не заметил, откуда взялись колдуны, они словно возникли из воздуха и стояли, согласно кивая птичьими головами, высокие, худые, в длинных одеяниях, скрывающих руки и ноги.

Некоторое время никто не двигался. Конан застыл, готовый отразить любую атаку. Один из колдунов поднял руку, и к своему ужасу киммериец понял, что это вовсе не человеческая рука... Он стремительно бросился вперед, но тут же остановился, наткнувшись на невидимую преграду, еще более мощную, чем та, что перекрыла выход из замка. На этот раз он ощутил воздействие воли, намного превосходящей волю Хемсы, и не мог двинуться вперед, хотя и понимал, что при желании может отступить назад. Его спутники застыли у него за спиной, еще более беспомощные, не в силах даже пошевелиться.

Чародей с вздетым рукавом кивнул одному из иракзаев, и тот, уставившись перед собой невидящими глазами, неуверенно двинулся вперед, держа бесполезную саблю в опущенной руке. Когда воин поравнялся с Конаном, тот вытянул руку, загораживая ему дорогу. Иракзай был худ, в других условиях киммериец мог бы с легкостью не только удержать его, но и отшвырнуть назад, словно сухую ветку, но сейчас воин легко оттолкнул его руку и побрел дальше, к лестнице. Достигнув ступеней, он опустился на колени и протянул свое оружие колдуну. Тот взял саблю и коротко ударил. Тускло блеснуло лезвие, голова иракзая покатилась по черному мраморному полу. Из обрубка шеи фонтаном хлынула кровь, тело дернулось и застыло с широко раскинутыми руками на плитах пола.

Нечеловеческая ладонь вновь взмыла вверх, подзывая следующую жертву. Жуткая расправа повторилась, и второе тело распростерлось рядом с первым.

Когда третий иракзай прошел мимо Конана навстречу своей гибели, киммериец, который напрасно напрягал мускулы в надежде преодолеть невидимый барьер, вдруг ощутил пробуждение новых, благотворных сил. Они возникли неожиданно, наполняя тело упругой мощью, и варвар своим звериным чутьем сразу понял их источник: левая рука киммерийца невольно дотронулась до стигийского пояса Хемсы. Он сжал его и тут же ощутил новые

потоки силы, вливающиеся в онемевшие члены. И вместе с этим приливом Конан почувствовал, как пламенная жажда битвы и мести охватывает его, словно коваль погружает клинок в кузнечный горн...

Третий иракзай уже распрощался с жизнью, когда Конан почувствовал, что сдерживающей его преграды больше нет. Из его горла вырвался грозный крик, а накопившаяся ненависть нашла выход в яростной атаке. Словно буря, ринулся он на колдунов, крепко сжимая левой рукой подарок Хемсы, а в правой держа длинное, блестящее, как луч солнца, лезвие кинжала. Маги не шевельнулись. Даже если они были удивлены, это никак не отразилось на их птичьих лицах: они смотрели на несущегося огромными прыжками варвара холодно и равнодушно. Конан не знал, что сталь не может причинить вреда Черным Колдунам, он не видел, что случилось снаружи замка, когда иракзай послал стрелу в одного из них. Варвар мчался вперед, обуреваемый одной всепоглощающей страстью: вонзить острие в тела врагов, утопить их в крови...

Он поравнялся с алтарем из черного камня, когда, словно молния, промелькнуло воспоминание — умирающий Хемса и его странные слова: «Разбей хрустальный шар!» Решение пришло мгновенно: ни один самый искусный чернокнижник не успел бы прочесть его в мозгу варвара. Кошачьим движением он прыгнул в сторону и оказался на черном монолите, ощущая волны ужаса, накатывающиеся со стороны нефритовой лестницы. Золотые змеи ожили, шипя и норовя укусить дерзкого пришельца, но Конан стремительно обрубил их шеи кинжалом и обрушил удар стали на хрустальный шар. С громовым раскатом кристалл взорвался, осыпав огненными осколками черные плиты пола. Золотые плоды граната, словно мыльные пузыри, всплыли к потолку и исчезли.

Нечеловеческий рев, полный ужаса, эхом отразился от купола. На ступенях лестницы корчились четверо колдунов в черных тогах. На их губах выступила синяя пена, когтистые пальцы беспомощно скребли по зеленому камню. Еще миг — и страшные существа застыли в нелепых позах, распростершись на ступенях. Конан понял, что они

мертвы. Четыре обезглавленные змеи по-прежнему обвивали углы алтаря, но теперь в их золотых телах не осталось и признака жизни.

Керим Шах, которого во время этой стремительной битвы отбросила неведомая сила, поднимался с колен. Он потряс головой, словно стараясь избавиться от попавшей в уши воды.

— Ты слышал этот звук, когда разбил шар? — спросил он Конана. — Точно вместе с ним по всему замку разбились тысячи зеркал. Похоже, что в этих плодах граната были заключены души чернокнижников... Но не всех!

Конан обернулся, глянув туда, куда указывал обнаженной саблей туранец.

По лестнице неторопливо спускался человек, тоже одетый в черную тогу, но бархатную, расшитую золотом. Бритую голову прикрывала круглая шапочка, лицо было невозмутимо спокойным.

— Во имя Крома, кто ты? — хрипло спросил киммериец, ощутив волну холода, исходящую от этого существа.

— Я — властелин Имша! — отвечал тот, и в голосе его звучало нескрываемое торжество. — Добро пожаловать, мои друзья!

— Где Жазмина? — Керим Шах сделал шаг к лестнице.

— Жазмина? Зачем нужна женщина мертвецу? Мой бедный глупый Керим, нося в сердце частицу силы, которой я когда-то с тобой поделился, ты возомнил, что можешь чего-то требовать от меня? Нехорошо. Тебе придется вернуть мой подарок.

С этими словами он протянул руку с открытой ладонью, словно ожидая, что в нее что-то упадет. Туранец пронзительно вскрикнул и запнулся, пытаясь устоять на ногах. Раздался треск костей и звон разрываемой кольчуги — из груди Керим Шаха хлынул поток крови, а сквозь страшную дыру с рваными краями вылетело что-то алое и опустилось прямо в подставленную ладонь властелина. Туринец рухнул навзничь и застыл, уставившись в потолок широко открытыми мертвыми глазами, а чародей со смехом бросил под ноги киммерийцу еще трепещущее человеческое сердце.

Яростно зарывчав, варвар метнулся к лестнице. Соскочив с алтаря, он словно погрузился в болотную тину: вязкая мгла наполнила зал. Глаза защипало, стало трудно дышать. Прикрывая лицо локтем руки, в которой держал кинжал, а другой сжимая стигийский пояс, наполнявший тело волнами силы и ненависти, Конан упорно брел к лестнице, на середине которой маячила фигура властелина, неясная, словно видимая сквозь толщу воды. Киммерийца шатало и бросало из стороны в сторону, словно подводным течением, но подарок Хемсы помогал преодолеть колдовские чары, и вскоре варвар достиг лестницы и стал подниматься по ней, оставляя мглу внизу, словно волны прибой.

Он увидел лицо властелина Имша вблизи, заметил страх, мелькнувший в его глазах, и прыгнул, стараясь поразить колдуна кинжалом. Тот отпрянул со сдавленным криком, лезвие лишь разорвало его черную бархатную тогу. И вдруг черно книжник исчез, словно растворился в воздухе. Только какая-то длинная извивающаяся тень скользнула вверх по ступеням и скрылась в узкой двери наверху лестницы.

Страх и отвращение вызывала эта тень, но ярость затмила все чувства, и киммериец бросился за ней. За дверью оказался широкий коридор с гладкими нефритовыми стенами. Варвар успел заметить, как тень скрылась за дверью, ведущей в какое-то помещение, и сразу же услышал отчаянный женский крик.

Этот вопль ужаса словно подстегнул Конана. В два прыжка он оказался возле двери и, откинув темный полог, влетел внутрь. Его глазам предстала страшная картина: на возвышении, покрытом шкурой черной пантеры, сжавшись и крича от страха, Жазмина пыталась прикрыться руками от нависшего над ней гигантского змея. Кольца огромного тела блестели золотой чешуей, клиновидная голова тянулась к девушке, в разинутой пасти сверкали клыки и трепетал раздвоенный язык. Не раздумывая, Конан метнул кинжал, целясь в шею чудовищного гада.

Змей молниеносно обернулся и бросился на киммерийца. Длинное лезвие застряло в его горле, пронзив его насквозь, но это, казалось, только усилило ярость чудо-

вища. Он навис над человеком, осмелившимся ему противостоять, и сделал стремительное движение, норовя вонзить в него ядовитые зубы, но варвар оказался быстрее. Увернувшись, он быстро наклонился и выхватил из сапога длинный острый стилет. Точным движением ударил снизу: тонкое лезвие прошло сквозь нижнюю челюсть змея и вонзилось в нёбо, лишая гада возможности разинуть страшную пасть. Тотчас же огромное тело обвил киммерийца кольцами, стремясь раздавить дерзкого человека.

Левая рука Конана была прижала к телу, но правая осталась свободной. Широко расставив ноги и пытаясь удержать равновесие, он схватил рукоять кинжала, торчащую из шеи змея, и извлек окровавленную сталь. Чудовище давило все крепче, варвар чувствовал, как трещат его кости... Он не стал ждать: сильно и точно полоснув лезвием по шее гада, почти отделил его голову от туловища.

Смертельные объятия ослабли, и чудовище скользнуло по ковру, истекая кровью. Конан прыгнул за ним, готовясь нанести решающий удар, но не успел. Змей ударил головой в сандаловую панель внизу стены, та откинулась внутрь, и огромное извивающееся тело исчезло в проеме. Панель тут же вернулась на место. Подскочивший киммериец несколькими ударами проделал в ней дыру и заглянул внутрь. Он увидел низкий пустой коридор и кровавый след на полу. Но этот след оставило не змеиное тело, это были отпечатки босых человеческих ног...

— Конан!

Он обернулся как раз вовремя, чтобы подхватить Деви Вендии, которая, дрожа от страха и радости, пробежала через всю комнату и бросилась ему в объятия.

Горячая кровь играла в жилах киммерийца, еще не успевшего остыть после схватки. Он прижал к себе девушку так, что в других обстоятельствах она вскрикнула бы от боли, и запечатлел на ее устах неожиданный поцелуй. Жазмина не сопротивлялась. Побывав во многих телах на Дороге Воплощений, она сейчас ощущала себя просто женщиной, а не Деви Вендии. Закрыв глаза, она погрузилась в горячую волну страсти, вызванную крепкими объятиями и горячими губами варвара...

— Я знала, что ты придешь за мной, — шептала она, — ты не мог бросить меня в этом логове демонов...

Словно холодная волна окатила Конана, услышавшего эти слова, отрезвив и заставив вспомнить об опасности. Он поднял голову и прислушался. В замке царила тишина, но она была наполнена скрытой угрозой. Зло таилось в каждом углу, за каждой плитой и портьерой.

— Надо убираться отсюда, — сказал киммериец. — От ран, которые оставил мой кинжал на теле этой змеюки, подохло бы любое существо. Только не чернокнижник. Я их знаю, они могут оправиться и после худшего, напившись черного яда из какого-нибудь волшебного источника.

Он поднял девушку на руку и понес, словно ребенка, по нефритовому коридору в сторону лестницы, настороженно осматриваясь, готовый к любой неожиданности.

— Я говорила с властелином Имша, — шепотом рассказывала Девы, вновь переживая весь недавний ужас и крепче прижимаясь к груди своего спасителя. — Он наслал на меня чары, чтобы сломить мою волю. Самое страшное — гниющий труп, который хотел мною овладеть... Я потеряла сознание и лежала, как мертвая, не знаю сколь долго. Когда пришла в себя, услышала шум, потом появился этот змей... Я сразу поняла, что это не видение, а настоящее чудовище, которое хочет убить меня!

— Да уж, он-то не был видением, — уверенно ответил Конан. — Когда он понял, что проиграл, то предпочел убить тебя, лишь бы не отдавать мне.

— О ком ты говоришь «он»? — спросила Жазмина испуганно.

Она вдруг вскрикнула, прижимаясь к Конану и забыв о своем вопросе. Они спускались по нефритовой лестнице, и девушка увидела на нижних ступенях тела колдунов. Останки демонов съежились и почернели, распахнувшиеся одеяния обнажили их ноги и руки, которые не имели ничего общего с человеческими. Зрелище было ужасным, и Жазмина спрятала побледневшее лицо на широкой груди варвара.

Конан быстро пересек зал с черным алтарем, привратную комнату и добрался до дверей, ведущих на нефритовую галерею. Заметил, что пол усыпан сверкающими осколками: невидимая преграда, закрывавшая выход, рассыпалась кусками горного хрусталя. Киммериец припомнил оглушительный звон, раздавшийся по всему замку, когда он разбил хрустальный шар, и догадался, что в тот момент рассыпались все удивительные вещи колдунов, сделанные из прозрачного, словно воздух, материала. Чутье подсказывало ему, что не только творения магических чар прекратили свое существование: вместе с исчезнувшими золотистыми плодами граната погибли и те, кто творил здесь волшебство. Связь между шаром, плодами и жизнями Черных Колдунов стала для него очевидной. Холодный пот выступил на лбу варвара, и он постарался поскорее забыть обо всем, шагнув из замка на освещенную солнцем галерею.

Снаружи гулял свежий ветер, и Конан вдохнул полной грудью чистый горный воздух. Ему еще предстояло пересечь через зловещую расщелину, но прекрасный вид заснеженных горных вершин, искрящихся в солнечных лучах, вселял надежду на то, что все пройдет благополучно.

Рядом с дверью лежал ираксай, все так же сжимающий в мертвой руке стрелу. Спускаясь вниз по крутой тропинке, Конан с удивлением глянул на солнце, которое еще не миновало зенита, хотя ему казалось, что с момента, когда он вошел в замок Черных Колдунов, прошли долгие часы.

Опасность дышала в спину, она никуда не делась даже в ярком свете солнечного дня, и Конан невольно ускорил шаг, стараясь поскорее достигнуть края расщелины. Он ничего не сказал о своих ощущениях Жазмине. Девушка, казалось, полностью успокоилась, прильнув своей головкой к его широкой груди и чувствуя себя в безопасности в могучих объятиях варвара.

Конан замер на краю пропасти и глянул вниз, хмурая брови. Туман, наполнявший каньон, уже не был розовым и искрящимся. Он был мутным, серым и призрачным,

как душа злодея. Киммериец подумал, что незримые цепи колдовства тянутся за ними из замка, словно нитки от пальцев кукольника, управляющего марионетками в ярморочном балагане.

Однако дно расщелины по-прежнему блестело, как матовое серебро, а золотая полоса сверкала неугасимым блеском. Он велел девушке устроиться у него на спине, покрепче охватив его поясницу ногами, а шею — правой рукой.левой она должна была держаться за золотую жилу. Жазмина молча подчинилась, ни о чем не спрашивая, и они начали спуск.

Достигнув дна, Конан поставил девушку на золотистую полоску и велел бежать точно по ней. «Если не хочешь задохнуться, не делай шага в сторону», — коротко бросил киммериец, и они припустили сквозь мутную пелену, видя только спасительную нить под ногами и слыша гулкое эхо своих шагов. Конан спешил, понимая, что властелин Имша не долго будет зализывать раны и, вновь обретя силу, постарается отомстить им любым способом.

Только когда он взобрался на противоположную стену с Деви на спине и девушка встала рядом с ним у края обрыва, Конан немного перевел дух.

— Дальше можешь идти без опаски, — сказал он. — Здесь уже можно свободно дышать.

Девушка украдкой бросила взгляд на темную пирамиду возле кромки вечных снегов Имша: замок Черных Колдунов вздымался, словно мрачное олицетворение вселенского зла.

— Конан из Гхора, ты, наверное, сам чародей, раз победил демонов Имша, — сказала Жазмина, когда они двинулись по тропе прочь от зловещей пропасти.

— Никогда так не говори, — буркнул киммериец. — Ненавижу магов. Пояс Хемсы помог мне. Как он у меня оказался — расскажу потом. Волшебный стигийский пояс из черных женских волос со змеиной головой вместо пряжки. Я хотел было выбросить его, да вовремя раздумал. Полезная вещичка, хотя против некоторых заклинаний ничего не стоит. А от других уберегла меня, хотя я все равно считаю, что самое лучшее заклятие — добрый кинжал или меч!

— Но если ты одолел властелина Имша с помощью этого пояса, почему он не спас Хемсу? — спросила Жазмина.

Конан пожал плечами.

— Кто знает! Хемса был учеником и слугой властелина и, по-видимому, долгое время полностью подчинялся его воле. Может, восстав, он не смог до конца избавиться от его влияния. Я-то никогда не был близок с этим ублюдком, поэтому властелин и не смог отправить меня вслед за Хемсой. Но я бы не сказал, что победил его. Хоть он и удрал, но, боюсь, мы с ним еще встретимся. Надо побыстрее уносить ноги: организованное отступление — вовсе не трусость...

Они миновали безмолвную башню аколитов и спустились по черным камням склона.

— Здесь был пожар? — спросила Деви, указывая на выгоревшую траву и расплавленные камни.

— Еще какой, — ответил киммериец, — тебе такой и не снился.

Он удовлетворенно хмыкнул, обнаружив стреноженных коней в целости и сохранности там, где их оставили. Быстро освободив животных, оседлал черного жеребца и усадил перед собой девушку. Припоровил коня, и тот, отдохнувший и нащипавшийся травы, помчался во весь опор к лесистому отрогу. Остальные лошади последовали за ним.

— Куда теперь? — В голосе девушки больше не было страха. — В Афгулистан?

— Как бы не так! — зло отвечал варвар. — Моих семерых пленных вождей убили. Не знаю кто, но думаю, что не наиб. Все же ты в моих руках. А вот глупцы-афгулы думают, что я сговорился с Чундер Шаном, и, пока не убедятся в обратном, будут преследовать меня, точно дикого зверя.

— А как насчет меня? Теперь, когда пленники мертвы, я не нужна тебе в качестве заложницы. Наверное, ты убьешь меня?

Конан только рассмеялся, услышав столь нелепое предположение.

— Едем к нашей границе, — сказала Деви, — за ней афгулы тебя не достанут.

— Ты хочешь познакомить меня с пешкаурусским папачом? Думаю, Чундер Шан обрадуется нашей встрече...

— Ты забываешь, что я Деви Вендии, а после смерти брата — властительница этой страны, — гордо молвила Жазмина. — Ты спас мне жизнь и должен быть вознагражден.

Это прозвучало совсем не так, как ей хотелось бы, и лишь рассердило Конана.

— Прибереги золотишко для придворных лизоблюдов, княжна. Если ты — госпожа равнин, то я — повелитель гор, не забывай об этом. И не пытайся заманить меня в свою Вендию.

— Ты был бы там в безопасности... — неуверенно проговорила Деви.

— А ты снова бы стала сиятельной Деви, — прервал ее варвар. — Может быть, тебе этого и хочется, но я предпочитаю обычную женщину из плоти и крови в своем седле, а не звезду в небе.

— Но ведь ты не можешь меня задерживать! — воскликнула она в отчаянии. — Не смеешь...

— Ха! Здесь я решаю, что делать.

— Но за меня заплатят огромный выкуп...

— В задницу Нергала твой выкуп, — сказал он грубо, крепче обнимая Деви за талию. — Во всей Вендии не найдется такого, чего желал бы я больше, чем тебя. Я украл тебя, рискуя жизнью, и если твоя дворня желает вернуть себе повелительницу, пусть едут в горы и отнимут Деви силой!

— Но ведь у тебя нет людей! — выкрикнула она. — Тебя преследуют. Как ты сможешь защитить себя, не говоря уже обо мне?

— Есть еще у меня друзья в горах, — ответил киммерец. — Вождь куракчаев спрячет тебя в надежном месте, пока я не договорюсь с афгулами. Если эти дураки так мне и не поверят, отправимся на север, к степным разбойникам. Прежде чем попасть на Восток, я был их вождем. Клянусь Кромом, я сделаю тебя королевой Вольной Степи!

— Не хочу, — чуть не плакала Жазмина, — не хочу быть королевой грязных оборванцев... Ты такой же дикарь, как и они!

— Если я тебе неприятен, отчего же ты так страстно отвечала на мои поцелуи? — пряча усмешку, спросил варвар.

— Даже Деви Вендии может быть всего лишь женщиной из плоти и крови, — отвечала она, покраснев. — Но я все же из рода монархов, и прежде всего должна жить интересами своей страны. Не увози меня в чужие края! Возвращайся со мной в Вендию...

— И ты сделаешь меня Мехараджубом? — насмешливо спросил Конан.

— Наши обычаи... — начала было Деви, но варвар прервал ее.

— Да, обычаи цивилизованных людей не позволяют тебе сделать то, что хотелось бы. Выйдешь замуж за какого-нибудь старикашку-короля, потому что так велит интересы государства. А я поеду себе дальше, оставив на память воспоминания о нескольких украденных поцелуях... Отличная перспектива!

— Но я могу сделать тебя вендийским вельможей, раджибом или рыцарем, как называется это на Западе, — не сдавалась Деви.

— Зачем? — зло бросил Конан. — Протирать задом золотой стул и слушать болтовню расфуфыренных выскочек? И что тебе это даст? Послушай, я родился среди гор Киммерии, жителей которой даже в странах к северу отсюда называют варварами. Был наемником, пиратом, вором, степным разбойником, совершал многое такое, от чего волосы у тебя на голове встали бы дыбом. И все же — кто из твоих толстых вельмож объездил столько стран, любил столько женщин, дрался в стольких битвах и получал такие трофеи, как я?

Не так давно я приехал в Гулистан, чтобы собрать орду свирепых воинов и опустошить южные края, в том числе и твою страну. То, что я стал вождем афгулов, — это так, для начала. Если мне удастся с ними примериться, не пройдет и года, как я объединю еще десяток племен. Если нет — возвращусь в степь, где вольный ветер, свобода и

много богатых купеческих караванов. Уж мы погуляем по приграничьям Турана и другим местам! Едем со мной. К Нергалу твое царство жирных наивов и раджибов, они прекрасно обойдутся без тебя.

Чувствуя его крепкие руки на своей талии, сидя лицом к варвару, Девы невольно залюбовалась его мужественным смуглым лицом с горящими голубыми искрами глазами. Да, этот мужчина совсем не был похож на осторожных, ленивых царедворцев, опасующихся более всего лишнего слова и не смеющих поднять на нее взгляда. Изнеженные роскошью и изысканной обильной едой, с вечной лстывой улыбкой на жирных губах... Киммериец был совсем другим. Жазмина чувствовала, как таящаяся в груди страсть разгорается с новой силой. Скакать рядом с этим богатырем по вольной степи, подчиняясь лишь своим желаниям, отбросив все условности!..

Однако кровь множества поколений восточных монархов требовала от нее совсем иного.

— Я не могу, не могу... — бессильно шептала она.

— А у тебя нет выбора, — рассмеялся варвар. — Ты все еще моя пленница. Поедешь... Что там за собачье дерьмо?!

Он натянул поводья и приложил руку к глазам. Имши остался далеко позади, они ехали по скальному гребню горного отрога, где не росли деревья. Справа хорошо была видна широкая долина, ярко освещенная солнцем. Там шла отчаянная битва. Сильный ветер дул с гор, но даже сюда, на гребень отрога доносился звон стали, топот копыт и яростные крики сражавшихся.

Солнечные блики сверкали на остриях копий и остроконечных шлемах. Не менее трех тысяч закованных в броню всадников теснили орду потрепанных воинов в разноцветных тюрбанах. Еще миг — и они обратились в бегство, преследуемые, словно стая волков, огрызаясь выстрелами из луков.

— Туранцы! — воскликнул Конан, узнав значки на копьях. — Это войско из Секундерама. Что они здесь делают, демоны преисподней на их головы?!

— А кто эти люди в тюрбанах? — спросила Девы. — И почему они не сдаются? При таком численном перевесе туранцев им ничего другого не остается.

— Ты плохо знаешь афгулов, — проворчал киммериец. — Это пятьсот моих безумцев, готовых содрать шкуру со своего бывшего вождя. Они в ловушке и, кажется, уже это поняли.

Действительно, туранцы загнали афгулов в тупик. Долина постепенно сужалась, заканчиваясь глубоким оврагом и котловиной с крутыми, непреодолимыми стенами.

Наездники в тюрбанах отступали к расщелине. Поняв, что выхода из долины нет, они развернули коней в сторону нападавших и медленно пятились, прикрываясь круглыми щитами от града стрел и стреляя в туранцев из луков. Секундерамцы теснили их решительно, но не приближаясь близко и не вступая в сечу. Они знали ярость доведенных до отчаяния горцев, а признав в противнике афгулов, стали особенно осторожными. Была и другая причина медлить: их эмир нуждался в заложниках и намеревался принудить уцелевших афгулов сдаться на его милость.

Эмир был человеком дела. Когда он со своим войском достиг долины Гурашах и не обнаружил там Керим Шаха, он двинулся дальше, доверившись своему знанию гор. Его войско выдержало многочисленные стычки с горцами, и во многих горных селениях сейчас плакали над убитыми и лечили раненых. Эмир отлично понимал, что мало кто из его копьеносцев вернется живым в Секундерам: слишком многочисленны были местные племена, слишком враждебно настроены и слишком хорошо знали каждую тропинку. Но, преданный своему господину, эмир во что бы то ни стало стремился выполнить приказ Ездигерда: отнять у афгулов Девы и доставить ее владыке Турана в качестве невольницы. А если ситуация сложится не в пользу эмира, отрубить ей голову и с честью погибнуть самому.

Конечно, ничего этого не знали ни Конан, ни Жазмина, наблюдавшие сверху за сражением.

— Похоже, охотники стали дичью, — саркастически рассмеялся киммериец. — Мои бывшие друзья охотились

за мной, обшаривая каждый закоулок, и вот сами угодили в западню. Несчастные глупцы! Они долго не продержатся. Как только туранцы загонят их в котловину, с ними будет покончено.

Секундерамцы уже оттеснили афгулов в ущелье. Тут вышла заминка: закованные в броню всадники опасались атаковать в узкой горловине, а их противники сгрудились, прикрывшись щитами и не желая отступать ни на пядь.

Конан, мрачно нахмутив брови и поигрывая рукоятью кинжала, что-то обдумывал. Наконец сказал:

— Деви, я должен идти к ним. Найди какое-нибудь укрытие, где переждешь, пока я вернусь. Ты говорила, что должна жить интересами своей страны... Ну, не буду делать вид, что эти волосатые бестии мои дети, но они все еще мои люди. Вождь не должен покидать своих воинов, даже если они покидают его первыми. Им казалось, что они были правы, обвиняя меня... К Нергалу болтовню, я не буду стоять в стороне и смотреть, как они гибнут! Я все еще вождь афгулов и докажу это! Покинь седло.

Жазмина соскочила на землю.

— Ты бросаешь меня? — беспомощно спросила она. — Похитил, увез из моей страны, а теперь хочешь оставить одну среди скал?!

Конан, тронувший было коня, намереваясь спуститься в долину, натянул поводья.

— Ты тоже права, — сказал он растерянно, — только Кром знает, что я должен делать. Знает, да не скажет...

Жазмина вытянулась в струнку и даже приподнялась на цыпочки, к чему-то прислушиваясь.

— Слушай! — воскликнула она, и радость мелькнула в ее прекрасных глазах.

Ветер донес до них слабые отзвуки боевых труб. Глянув налево, они увидели далеко впереди, там, где кончались отроги, обрамлявшие долину, колонны всадников. Они ехали, сверкая на солнце сталью копий, щлемов и золотой оковкой щитов.

— Вендийская конница! — вырвалось у Деви.

— Их тысячи, — сказал Конан. — Давненько кшатрии не забирались так далеко в горы.

— Они ищут меня! — выкрикнула Жазмина. — Дай мне своего коня, Конан! Я поеду к своим воинам, впереди спуск не так крут, я справлюсь. Иди к своим, и попробуйте продержаться еще немного. Я направлю вендийскую конницу в тыл туранцам. Ударим с двух сторон! Быстрее! Неужели ты хочешь, чтобы твои люди погибли из-за медлительности своего вождя?

Конан смотрел на Жазмину и не узнавал ее. Не робкая пленница и не изнеженная девушка стояла перед ним. Пылающими глазами на него смотрела воительница, Деви Вендии, истинная властительница этой великой страны. Соскочив на землю, он бросил ей поводья.

— Я верю тебе, — сказал варвар. — Постарайся успеть.

Не оборачиваясь, он двинулся вниз по крутому откосу и услышал за спиной удаляющийся стук копыт.

Конан пробрался по краю скалистого обрыва к тому месту, где туранские всадники наседали на афгулов. Он нашел узкую трещину в скале и, упираясь в ее края ногами и руками, ловко спустился вниз.

Туранский сотник в изукрашенном богатой вышивкой плаще натягивал тетиву лука, когда какая-то тень метнулась к нему от темной выемки в стене оврага. Он не успел ничего понять, как кинжал киммерийца пронзил его шею, и воин покатился на камни, гремя кольчугой и обливаясь кровью. В следующий миг Конан уже был в седле, подхватив золоченные поводья и разворачивая коня навстречу ошеломленным воинам эмира. Он успел выхватить из рук убитого кривую саблю и сразить еще несколько туранцев, прежде чем афгулы узнали его.

— Вперед, каналы! — взревел киммериец, оглянувшись к своим людям. — Тому, кто слушается вождя, сам снесу башку!

Видя, какое опустошение Конан произвел в рядах врагов, афгулы не стали возражать, вновь приняв его главенство. Они устремились вперед и сшиблись в отчаянной схватке с туранцами, пытаясь проложить дорогу сквозь их ряды.

Силы были неравны: все новые и новые всадники в остроконечных щлемах и позолоченных кольчугах въезжали в ущелье, узкая горловина была забита людьми и

лошадьми; сражающиеся сшибались грудью в грудь, отбиваясь короткими ножами, нанося смертельные удары саблями, когда удавалось замахнуться в полную силу. Воины, упавшие с коней, уже не могли подняться, затоптанные сотнями копыт. В такой сече все решала грубая сила, а ее Конану было не занимать. Он вертелся в седле, нанося удары направо и налево, и многие отважные туранские бойцы полегли от руки варвара в этом сражении. Видя, как их вождь разит закованных в броню противников, афгулы воспрянули духом.

Но туранцев было слишком много. Задние ряды всадников теснили передних в глубь ущелья, под разящие сабли афгулов. Даже появление Конана не смогло сдерживать натиск воинов эмира. Горцы медленно пятились к роковой котловине, оставляя за собой горы трупов. Отбивая удары и сам их нанося, Конан не переставал задавать себе один и тот же вопрос: сдержит ли слово Деви? Что мешает ей, присоединившись к своим, повернуть войско на юг, бросив киммерийца и его афгулов на верную смерть...

Но вот сквозь лязг стали, конский топот и вопли раненых откуда-то издалека донеслись звуки вендийских боевых труб. Ряды туранцев дрогнули и смешались, когда пять тысяч кшатриев ударили им в тыл.

Стремительный натиск рассеял войска Ездигерда, смял задние ряды и разметал туранцев по всей долине. Поняв, что подверглись нападению регулярного войска, воины эмира, бившиеся в ущелье, развернули коней, стремясь вырваться из теснины и помочь своим: новая опасность заставила их забыть об афгулах.

Секундерамцы еще пробовали сопротивляться, но когда их эмир, пронзенный копьем, рухнул на землю, воины в островерхих шлемах утратили боевой дух, мечтая лишь об одном: прорваться сквозь ряды вендийцев и унести ноги из этой проклятой долины. Загонщики сами превратились в попавших в ловушку зверей.

Часть туранцев погнала коней к отрогам, надеясь подняться по склонам и избежать гибели. Кшатрии преследовали их, разя стрелами и мечами. Оставшиеся в живых афгулы, вырвавшись из ущелья, присоединились к погоне,

безропотно принимая неожиданный союз с вендийцами, как раньше они приняли возвращение отвергнутого вождя.

Солнце уже клонилось за вершины Химелии, когда израненный Конан в изодранной одежде и забрызганной кровью кольчуге взобрался на вершину горного отрога, где на краю каменистого обрыва, сидя на великолепном гнедом жеребце, в окружении свиты ждала его Деви Вендии. Она не успела сменить горскую одежду, и лишь легкая золотая накидка и гордая поза говорили варвару, что он видит перед собой властительницу великой страны.

— Ты вновь далекая небесная звезда, — сказал киммериец, не обращая внимания на окружавших Жазмину разодетых вельмож, которые с интересом и некоторым презрением разглядывали его, о чем-то перешептываясь. — Признаться, я подумал... Берегись!

Огромный ястреб камнем упал с вечеряющего неба, сбив огромными крыльями двух ближайших раджибов и норовя ударить длинным, как сабля, клювом в незащищенную шею девушки. Конан прыгнул, точно тигр, выхватывая уже в полете кинжал, и сразил птицу, которая, издав жалобный человеческий крик, беспомощно взмахнула крыльями и канула за краем обрыва, на который приземлился киммериец. Он покрыл прыжком не менее пятнадцати футов, вызвав изумленные возгласы раджибов. И сам вскрикнул от удивления: падая, ястреб принял обличье человека в развевающейся черной тоге, чтобы через миг разбиться о камни.

Конан повернулся спиной к пропасти, лицом к Деви.

— Извини, — сказал он, — я не успел поблагодарить тебя за спасение моих бандитов, которые, кажется, убедились, что я не предавал их. Теперь я должен собрать племена, чтобы свершить то, что задумал.

— А я должна тебе выкуп, — сказала Деви, глядя на него блестящими глазами. — И двойной: ты спас меня от змея и от ястреба...

— Если это не одно и то же, — проворчал себе под нос Конан.

Потом гордо выпрямился и протестующе поднял руку.

— Я сам возьму выкуп, повелительница Вендии, — сказал он. — То, что пожелаю, и когда захочу. Я приеду

в твой дворец в Айодии с пятьюдесятью тысячами воинов, чтобы быть уверенным, что получу все сполна.

Она засмеялась, придерживая коня.

— Тогда я встречу тебя на берегу Юмды со ста тысячами! А сейчас — ты отпускаешь меня, властелин гор?

Вельможи недоуменно переглянулись, а Конан, не отводя от своей бывшей пленницы восхищенного взгляда, шагнул в сторону и величественным жестом махнул рукой, показывая Жазмине, что путь свободен.

Почти год минул с того дня, как в Тарангии рухнул заговор против нового аквилонского короля. Но за это время созрел новый заговор, ничуть не менее опасный...

Шум сражения затихал, победные крики заглушали звон оружия и стоны умирающих. Равнина была покрыта мертвыми телами, словно сухими листьями, сорванными осенним ветром. Лучи заходящего солнца падали на темные шлемы, кольчуги, панцири, сломанные мечи, тяжелые складки знамен, насквозь пропитанных кровью. Рядом со всадниками, облаченными в сталь, лежали лошади в пополах, и гривы, и плюмажи окрасились в багровый цвет. Там и тут — изуродованные трупы в стальных шлемах и кожаных куртках, — лучники и копейщики, раздавленные копытами.

Над равниной разносились звуки фанфар, отряды победителей со всех сторон стекались туда, где последний из их соперников продолжал безнадежную битву.

В тот день были растоптаны, разрублены на куски лучшие рыцари Конана, короля Аквилонии. С пятью тысячами всадников он пересек юго-восточную границу Аквилонии, направляясь к зеленым равнинам Офира на помощь своему старому другу, королю Амальрусу. Но тот, предав их дружбу, объединил свое войско с армией Страбонуса, владыки Кофа.

Конан слишком поздно догадался, что попал в ловушку. Против пяти тысяч его рыцарей выступили тридцать тысяч неприятельских копейщиков и конных лучников. Конан ринулся в бой во главе своей тяжелой конницы; не имея поддержки ни лучников, ни пехоты, он прорвал вражеский строй в центре и обратил в бегство знаменитую стальную кавалерию Амальруса, но фланги громадного объединенного войска сомкнулись, и рыцари Аквилонии оказались в кольце. Лучники Страбонуса сеяли смерть, их стрелы находили щели в доспехах всадников, или валили лошадей, и копья воинов короля Кофа пронзали наездников, сброшенных на землю. К копейщикам в цен-

тре примкнули всадники с фланга. Офирские рыцари, успев оправиться от замешательства, перестроили ряды, и, усиленные на флангах легкой конницей, нанесли контрудар. Враг подавлял численностью.

Аквилонцы не отступили ни на шаг, и ни одному из пяти тысяч рыцарей, отправившихся с Конаном на юг, не суждено было вернуться живым. И вот король остался один среди трупов своих подданных. Он стоял перед тесными рядами врагов, прижимаясь спиной к груде мертвых коней и воинов. Со всех сторон его атаковали офирские рыцари в золоченых доспехах, коненастые, чернобородые шемиты Страбонуса и смуглые пешие латники Кофа. Звон мечей был оглушителен. Темный силуэт облаченного в доспехи из вороненой стали короля Аквилонии, рубившего мечом направо и налево, возвышался среди вражеской орды. Повсюду бродили осиротевшие лошади, вокруг Конана грудками лежали трупы. Он защищался яростно, отчаянно и заставил врагов попятиться.

Тогда в ряды вопящих от страха и злобы воинов ворвались короли-победители: Страбонус со смуглым лицом и хитрым взглядом, стройный, худощавый франт — предатель Амальрус, а с ними тощий, страшный как кобра Тзота-Ланти, облаченный только в шелка, — кофийский жрец со сверкающими черными глазами и головой стервятника. По свету ходило великое множество слухов об этом некроманте. В северных и западных деревнях светловолосые женщины пугали его именем детей, а строптивые рабы смирялись при одной угрозе, что их продадут этому человеку. Поговаривали, что у него целая библиотека магических книг в переплетах из человеческой кожи, и что в просторных подвалах своего дворца он заключает сделки с темными силами, обменивая молодых рабынь на сатанинские тайны. Именно он был истинным властелином Кофа.

Колдун надменно усмехался, глядя, как рыцари натягивают поводья и пятятся от черного силуэта, возвышающегося среди мертвецов. Грозный блеск голубых глаз под измятым шлемом заставлял бледнеть и пятиться самых отважных. Смуглое, покрытое шрамами лицо киммерийца побагровело от ярости. Черная броня на Конане

была изрублена, длинный меч — в крови по самую рукоять. Налет цивилизованности, приобретенный Конаном в многолетних странствиях, бесследно исчез, он снова превратился в неукротимого варвара, готового сразиться с любыми врагами. Конан был выходцем из племени суровых горцев, испокон веков населявших сумрачные, туманные земли Киммерии. О том, как он взмог на трон Аквилонии, ходили легенды.

Короли не решались приблизиться к нему. Под ударами киммерийца капитаны падали, словно скошенные колосья, и Страбонус, ценивший своих рыцарей на вес золота, исходил пеной от ярости. Не выдержав, он велел лучникам-шемитам издать расстрелять врага, но Тзота отрицательно покачал головой.

— Надо взять его живым.

— Легко сказать! — проворчал Страбонус, опасаясь, как бы гигант в черной броне не прорубился к нему сквозь ошестиненный копьями строй. — Кому под силу скрутить этого тигра-людоеда? Клянусь богиней Иштар, он перебил моих лучших бойцов! Семь лет ушло на их обучение, и стоило оно кучу золота. Теперь же они годятся только грифам на корм. Стреляйте, лучники!

— А я говорю: нет! — возразил Тзота. Он спрыгнул с коня и поинтересовался с ледяной улыбкой: — Разве ты не уяснил еще, что мой ум острее меча?

Он прошел сквозь ряды воинов, — великаны в кольчугах расступались, боясь коснуться его длинной мантии. Всадники тоже спешили посторониться. Перешагивая через трупы, Тзота приблизился к королю Аквилонии. Воины затаили дыхание, над полем сражения повисла тишина. Грозно приподняв окровавленный двуручный меч, киммериец в черной броне возвышался над хрупким жрецом в шелковых одеждах.

— Конан, я дарю тебе жизнь, — произнес Тзота с ядовитой усмешкой.

— Колдун, я дарю тебе смерть! — прохрипел киммериец.

Он напряг стальные мышцы, и длинный меч метнулся к тощей шее Тзоты. Воины вскрикнули в один голос, но ответный жест колдуна не заставил себя ждать: Тзота

молниеносно коснулся того места на левом предплечье Конана, где кольчуга была разрублена и виднелась кожа. Свистящая сталь отклонилась, и гигант в черном замедленно рухнул на землю. Тзота затрясся в беззвучном смехе.

— Подойдите к нему, не бойтесь. Лев лишился клыков.

Короли прищипорили коней и подъехали ближе, с опаской разглядывая поверженного дикаря. Контан лежал без движения, но в широко раскрытых глазах таилась бессильная ярость.

— Что ты с ним сделал? — со страхом осведомился Амальрус.

Тзота показал кольцо необычной формы. Он резко сжал пальцы в кулак, и из перстня выскочило крошечное стальное острие.

— Шип смазан соком пурпурного лотоса с болот южной Стигии, где живут призраки, — пояснил маг. — Скоро Конан придет в себя, а пока закуйте его в цепи и положите в повозку. Солнце заходит, нам пора возвращаться в Хоршемиш.

Страбонус повернулся к командиру своей гвардии Арбанусу.

— Мы возьмем небольшой отряд кавалерии и повезем в Хоршемиш раненых. А ты на заре отправляйся со своими людьми в Аквилонию и осади Шамар. Офирцы снабдят вас провиантом. Мы придем с подкреплением, как только уладим свои дела.

Армия закованных в латы рыцарей, лучников, копейщиков и обозников разбила лагерь на лугах недалеко от поля битвы. Той же звездной ночью два короля вместе с колдуном, чьему могуществу они завидовали, отправились в путь к столице Страбонуса. Они ехали, окруженные пышной королевской гвардией. Позади следовал обоз с ранеными. В одной из повозок лежал Конан, король Аквилонии, в тяжелых цепях и с горечью поражения в сердце.

Яд, отнявший у него силу, не парализовал мозга. Трясаясь на дне повозки, Конан проклинал себя за доверчивость. Два дня тому назад к нему прискакал гонец Амальруса с мольбой о помощи — Страбонус, мол, опустошает его восточные земли между Аквилонией и об-

ширным южным королевством Коф. Он просил лишь тысячу всадников, но обязательно под началом самого Конана, чтобы укрепить боевой дух офирского войска. И теперь Конан вполголоса бранил себя за то, что привел впятеро больше воинов, чем просил предатель. Он вступил в Офир, не о чем не подозревая, и угодил в западню. Можно было только восхититься мужеством его рыцарей, ведь потребовались две громадные армии, шестикратное численное превосходство, чтобы одолеть пять тысяч храбрецов.

Глаза Конана заволочло красным туманом, вены чуть не лопались от напора крови, в висках стучало. Никогда в жизни не испытывал он такой ярости и бессилия. В памяти мелькали события прошлого, мимолетные сцены, где он был то варваром в звериных шкурах, то наемником в рогатом шлеме и панцире, то корсаром на борту галеры с драконьим носом, оставляющей за кормой полосу крови вдоль всего южного побережья, то закованным в латы капитаном гвардии на черном жеребце, то королем на золотом троне под знаменем с изображением льва, в окружении вельмож и благородных дам в роскошных платьях.

Но толчки повозки постоянно возвращали его в действительность, к предательству Амальруса и подлой уловке Тзогы. Вспоминая об этом, он скрипел зубами, и только стоны и крики раненых, доносящиеся из других повозок, мало-малыски утешали его.

К полуночи обоз пересек границу Офира, а в лучах восходящего солнца у горизонта засверкали купола Хоршемиша. Над стройными башнями возвышалась угрюмая алая цитадель, издали она казалась кровавым пятном на небе. То был замок Тзота-Ланти. Единственная узкая дорога, вымощенная мрамором и перегороженная в нескольких местах массивными стальными воротами, вела на вершину горы, где нависала над городом крепость. Склоны горы были слишком круты для восхождения. С высоких стен цитадели открывался вид на широкие улицы города, мощенные белым камнем, на храмы и капища, на роскошные дворцы и убогие хижины, на лавки и базары. Королевский дворец приковывал взгляд; он сиял как дра-

гоценный камень в оправе из великолепных садов, где росли плодовые деревья и прекрасные цветы, где журчали рукотворные ручьи и били фонтаны хрустально-прозрачной воды. И над всей этой красотой — угрюмая цитадель, словно кондор, высматривающий добычу.

Высокие тяжелые ворота между огромными сторожевыми башнями распахнулись, и король вступил в свою столицу, сопровождаемый двумя рядами копейщиков. Пятьдесят труб приветствовали его, но немногие люди вышли на улицы бросать цветы под копыта лошадей. Страбонус скакал впереди. Горожане, с неохотой оставившие свои дела, глазели с разинутыми ртами на короля, вернувшегося раньше времени и с такой малочисленной свитой, и не могли взять в толк, победу это означает или поражение.

Конан, немного пришедший в себя, вытянул шею и приподнялся в повозке, чтобы взглянуть на чудесный город — «жемчужину Юга». К этим золоченым воротам он собирался подъехать во главе отряда конных рыцарей, под штандартом с изображением льва. Вместо этого его привезли сюда в повозке, скованного по рукам и ногам, словно беглого раба. Конан не удержался от смеха, похожего на рычание затравленного льва.

* * *

В стенах цитадели, в зале с высоким сводчатым потолком из резного агата и дверьми, инкрустированными темными драгоценными камнями, состоялась необычная встреча. Израненный, истекающий кровью король Аквилонии стоял перед своими недругами. По обе стороны от него выстроилось шестеро чернокожих гигантов, они сжимали рукояти топоров в могучих руках. Тзота, Страбонус и Амальрус, разодетые в золото и шелка, возлежали на бархатных диванах, а обнаженные мальчишки-рабы подливали вино в их сапфировые чаши. Конан, грязный, в одной лишь набедренной повязке, скованный по рукам и ногам, резко контрастировал с окружающей роскошью. Под прядями спутанных черных волос яростно сверкали его голубые глаза.

Но держался он с таким достоинством, что даже спесивые короли испытывали неловкость. Только Тзота, довольный, ухмылялся.

— Да сбудутся наши желания, король Аквилонии, — заявил он. — И чем скорее, тем лучше. А желаем мы расширить империю Коф.

— За счет моего королевства, да, мразь? — проворчал Конан.

— А кто ты такой? Пройдоха, завладевший короной, на которую у тебя не больше прав, чем у любого бродяги, — процедил сквозь зубы Амальрус. — Не горюй, мы тебе за нее заплатим.

Конан оглушительно расхохотался.

— Цена позора и измены! Пусть я всего лишь варвар, но неужели ты думаешь, что я отдам королевство и свой народ в обмен на жизнь и ваше проклятое золото? Ха! А где вы подобрали свои короны, ты и эта свинья с черным рылом, что сидит с тобою рядом? То, что вы унаследовали от отцов, не шевельнув пальцем — разве что отравили нескольких братьев — мне досталось в сражениях. Да вы посмотрите на себя! Разлеглись на шелках и пьянствуете, а простой люд гнет на вас спины! И еще смеете говорить о праве на корону! Я прошел путь от бойца до короля, не жалея ни своей, ни чужой крови, и если кто-то из нас имеет право на корону, то, клянусь Кромом, это я!

Докажите, что вы достойней меня! Когда я пришел в Аквилонию, ею правили мерзавцы вроде вас. Бароны раздирали страну на части, народ стонал под бременем налогов. А нынче ни один аристократ Аквилонии не смеет плохо обращаться с моими подданными, и налоги с народа — самые легкие в мире. Что ты ответишь на это, Страбонус? А ты, Амальрус? Твой родной брат ненавидит тебя, он отхватил кусок королевства на юге и вовсе не желает его отдавать. А сколько замков мятежных баронов осаждают сейчас твои, Страбонус, солдаты? Уж никак не меньше десятка. В ваших королевствах народ задавлен поборами, а теперь вы и моих подданных хотите ограбить? Ха! Развяжите мне руки, и я размажу по полу ваши мозги!

Тзота холодно улыбнулся, заметив, как разозлились Амальрус и Страбонус.

— Ты уводишь разговор в сторону, варвар. Наши дела тебя нисколько не касаются. Мы хотим от тебя только одного — чтобы ты подписал этот пергамент, отречение в пользу принца Арпелло де Пеллиа. Мы вернем тебе оружие и коня, дадим пять тысяч лунов золотом, а затем проводим до восточной границы.

Ответный смех Конана был похож на лай дикой собаки.

— То есть, отправите туда, откуда я пришел наняться в армию Аквилонии, и украсите клеймом предателя? Арпелло, говорите? У меня всегда были подозрения насчет этого мясника. Вы не можете открыто грабить, вам нужен предлог, пусть самый ничтожный. Арпелло уверяет, что он — особа королевской крови, вот вы и пользуетесь им, чтобы оправдать воровство! Хотите поставить у власти сатрапа? На мое согласие не рассчитывайте.

— Дурак! — рявкнул Амальрус. — Ты в наших руках! Мы тебя не то что короны — головы можем лишить, когда захотим.

Ответ Конана не был по-королевски благородным, зато ярко характеризовал его как личность. Варварская природа зачастую брала в нем верх над хорошими манерами. Конан плюнул прямо в глаза Амальрусу. Король Офира с ревом вскочил, выхватил меч из ножен и бросился на Конана, но тут вмешался Тзота.

— Погодите, ваше величество! Этот человек — мой пленник!

— Прочь, колдун! — прорычал Амальрус, разъяренный насмешливым блеском голубых глаз Конана.

— Назад, я сказал! — рявкнул Тзота. Его тощая рука вынырнула из обшлага и бросила горсть бесцветного порошка в искаженное злобой лицо короля Офира. Амальрус взвыл от боли, выронил меч и упал на диван под равнодушными взглядами кушитских стражников. Страбонус поспешил припасть к чаше с вином. Руки его заметно дрожали. Вскоре серые глаза Амальруса прояснились.

— Я чуть не ослеп, — проворчал он. — Что ты со мной сделал, колдун?

— Всего лишь дал понять, кто здесь хозяин, — сухо ответил Тзота, сбрасывая маску услужливости и обнажая свою демоническую сущность. — Страбонус уже получил однажды этот урок, а теперь — ты. Я бросил тебе в глаза немного пыли из стигийской гробницы. Если сделаю это еще раз, ты до конца дней своих не увидишь света.

Амальрус пожал плечами, улыбнулся и взял чашу, чтобы утопить в ней страх и гнев. Опытный дипломат, он быстро обрел уверенность в себе, по крайней мере, внешнюю.

Тзота повернулся к Конану, который бестрастно следил за происходящим. По знаку колдуна негры схватили киммерийца и потащили по длинному извилистому коридору, вымощенному разноцветными плитками. Стены коридора были обиты золотистой и серебристой тканями, со сводчатого потолка свисали золотые курительницы, наполняли галерею душистым дымом. Затем люди свернули в коридор со стенами из нефрита и агата, — узкий, темный и жуткий. Он упирался в бронзовую дверь, над которой угрожающе скалился череп. У двери стояло отвратительное жирное существо со связкой ключей в руках — Шукели, главный евнух Тзоты, о котором говорили, что любовь к чужим страданиям заменяет ему все нормальные человеческие чувства.

За бронзовой дверью находилась узкая лестница, уводившая в самое сердце горы, на которой стояла цитадель. Маленькая процессия спустилась по ступенькам и остановилась возле железой двери, способной выдержать удар тарана. Шукели провернул ключ в замочной скважине, отворил дверь и шагнул в сторону, уступая путь. При этом Конан заметил на лицах чернокожих стражников беспокойство, да и сам евнух с опаской заглядывал в темноту. За дверью оказалась решетка из толстых стальных брусьев, запертая на хитроумный замок, отпирившийся только снаружи. Шукели повозился с замком, и решетка ушла в стену. Переступив порог, все оказались в широком коридоре, прорубленном в скале.

Цепь Конана продели в кольцо, вмурованное в гранитную стену. В нише над головой укрепили факел, так, чтобы пленник находился в полукруге рассеянного света.

Сделав это, негры поспешили уйти, что-то бормоча себе под нос и боязливо вглядываясь в темноту. Тзота повернулся к Конану, и король не без тревоги заметил, что глаза колдуна светятся, а зубы скалятся по-волчьи.

— Прощай, варвар, — с издевательской улыбкой произнес Тзота. — Я тороплюсь в Шамар, хочу принять участие в осаде. Через десять дней я буду пировать в твоём дворце, в Тарантии. Что передать твоим женщинам, прежде чем с них сдерут красивую кожу, в которую я переплету хронику побед Тзота-Ланти?

Конан ответил страшным киммерийским ругательством, от его рева могли лопнуть барабанные перепонки у обычного человека, но Тзота лишь усмелся и вышел. Конан видел его силуэт за толстыми брусьями, когда евнух задвигал решетку. Затем лязгнула тяжелая железная дверь, и в подземелье воцарилась тишина.

* * *

Конан ощупал кольцо в стене и натянул цепь. Руки были свободны, но он сознавал, что даже его исключительной силы недостаточно, чтобы разорвать хотя бы одно звено, сработанное из стального прута толщиной в палец. Цепь крепилась к железному обручу вокруг пояса. Замок, стягивающий обруч, был таким массивным, что не разобьёшь и молотом, а кольцо не уступало ему в прочности.

Киммериец выругался и всмотрелся во мрак. Черная глубь коридора таила в себе что-то зловещее. Все суеверные страхи, дремавшие в душе варвара, проснулись. Воображение населяло мглистые галереи чудовищами. Разум подсказывал Конану, что враги обрекли его на медленную смерть в каменном мешке. О том, что он отказался от предложения победителей, Конан не сожалел. Он не продал бы своих подданных мяснику ни за какие сокровища, хотя в борьбе за аквилонский трон думал лишь о собственной выгоде. Случается, и нередко, что даже у отъявленного грабителя просыпается чувство долга.

Конан вспомнил отвратительную угрозу Тзоты и застонал от бессильной ярости, понимая, что колдун не из тех, кто бросает слова на ветер. Нежные руки, ласкавшие Конана, алые губы, прикипавшие к его губам, юные груди,

дрожащие под страстными поцелуями... И со всех этих бедняжек сдерут кожу, белую, как слоновая кость, нежную, как цветочные лепестки?!

Из горла Конана вырвался звериный рык. Дрожащее эхо прокатилось по галерее и напомнило пленнику о его собственном положении. Конан опасливо вглядываясь во мрак, вспоминая ужасные рассказы о жестокости некроманта Тзоты. С дрожью подумал он, что попал в знаменитые Залы Ужаса, о которых говорили только шепотом. Именно здесь Тзота ставил гнусные опыты над людьми, животными и, по слухам, даже над демонами. Говорили, что Ринальдо, сумасшедший поэт, побывал в этих каменных мешках по приглашению Тзоты, и тот демонстрировал ему ужасы, описанные впоследствии в «Песни подземелья». Это отнюдь не было вымыслом большого мозга, разлетевшегося, кстати, под ударом топора в тот день, когда Конан защищался от убийц, проведенных во дворец безумным стихотворцем. Вспоминая строфы зловещей поэмы, Конан обливался холодным потом.

Внезапно киммериец уловил слабый шелест и настояжился, весь обратился в слух. Он не мог ошибиться: по камням скользила чешуйчатая кожа. На лбу Конана выступил холодный пот, когда в сумраке за полукругом света блеснули желтые глаза, а затем он увидел страшную треугольную голову, которая покачивалась на вытянутой шее, а на полу — скользкое извивающееся туловище огромного гада.

Такую змею Конан видел впервые в жизни, подобное чудовище даже в дурном сне не привидится. В длину рептилия достигала восьмидесяти футов, голова ее размерами не уступала лошадиной. В сиянии факела поблескивала белоснежная чешуя. Змея, несомненно, родилась и выросла в подземелье, однако ее злобные глаза видели на свету не хуже, чем в темноте. Она свилась в несколько огромных колец и приблизила голову к лицу Конана. Раздвоенный язык, выныривая из пасти, почти касался его губ. От гнусного запаха рептилии варвара затошнило. Огромные желтые глаза жгли Конана, он замороженно смотрел в них, борясь с искушением сомкнуть на шее твари железные пальцы. Однажды, в бытность свою кор-

саром, Конану ценой невероятных, нечеловеческих усилий удалось раздавить череп питона. Но эта змея, в отличие от питона, была ядовитой: с громадных, длиной в фут клыков, кривых, как сабли, капала бесцветная жидкость. Возможно, Конан и сумел бы сокрушить треугольный череп (страх удвоил бы его силы), но риск, что чудовище успеет вонзить в него зубы, был слишком велик. Рассудок подсказывал, что он лишь отдалает неминуемую гибель, но инстинкт самосохранения оказался сильнее, он превратил мускулы киммерийца в камень.

Змея подняла над Конаном чудовищную голову и замерла, рассматривая факел. Капля яда упала на голое бедро пленника — словно к нему приложили раскаленное железо. Нестерпимая боль пронзила тело, однако он не выдал себя ни дрожью мускулов, ни трепетом ресниц. Он только подумал, что рубец от этой раны останется навсегда.

Змея покачивалась, будто пыталась понять, жив Конан или нет. И вдруг во тьме глухо лязгнула железная дверь. Змея с невероятной быстротой исчезла во тьме.

Дверь распахнулась, решетка въехала в стену. На пороге, в сиянии факелов, что горели в коридоре, появился человеческий силуэт. Пришелец скользнул в камеру и осторожно задвинул решетку, но так, чтобы не сработал запор. Бесшумно ступая по каменному полу, к Конану приблизился огромный, почти голый негр с длинным мечом в одной руке и связкой ключей — в другой. Негр обратился к нему на языке жителей побережья, которому Конан научился, когда пиратствовал у берегов Куша.

— Много лет я мечтал встретиться с тобой, Амра, — произнес негр, называя Конана именем, под которым его знали кушиты: Амра-Лев. Кривая улыбка осветила черное лицо, глаза недобро вспыхнули в полумраке. — Я рискнул головой, чтобы увидеть тебя. Посмотри, вот ключи от твоих оков! Я украл их у Шукели. Сколько ты за них заплатишь? — Он побренчал ключами под носом у Конана.

— Десять тысяч лунов золотом! — выпалил Конан.

— Мало! — вскричал негр. — Слишком мало. Здесь бродят чудовища, а Шукели, если обнаружит пропажу

ключей, прикажет меня повесить. Ну, так сколько ты дашь?

— Пятнадцать тысяч лунов и дворец в Пуантене, — сказал Конан.

Негр зарычал и затопал ногами.

— Мало! — закричал он ликующе. — Я хочу больше! Не жадничай, Амра!

— Ах ты, черная собака! — взвыл Конан, рассвирепев. — Кабы не оковы, я бы тебе шею сломал. Уж не послан ли ты евнухом, чтобы поглумиться надо мной?

— Шукели ни о чем не подозревает, белый человек, — ответил негр, вытягивая шею, чтобы заглянуть Конану в глаза. — Я давно тебя знаю, я был вождем свободного племени, а потом стигийцы увезли меня на север и продали в рабство. Ты позабыл, как вместе с морскими волками разграбил и сжег Абомби? Забыл, как перед дворцом короля Аджаги убил одного вождя, а другой убежал? Ты убил моего брата, а убежал я. Ну, назови же цену его крови, Амра!

— Освободи меня, и получишь столько золота, сколько весишь, — проворчал Конан.

Налитые кровью глаза негра злобно сверкнули, соперничая с волчьим оскалом.

— Ты такой же, как все белые собаки, но для черного человека золото никогда не станет ценой крови. Плата, которую я возьму... это твоя голова!

Последнее слово он проревел во всю силу легких, и оно, пронесаясь по бесконечным коридорам, вернулось мрачным эхом. Конан застыл, натянув цепь, ожидая неминуемой смерти. И вдруг обмер от страха — в темноте за спиной негра появился ритмично покачивающийся смутный силуэт.

— Тзота никогда ни о чем не узнает! — захохотал чернокожий. Опыренный злобной радостью, он не подозревал о нависшей над ним смерти. — Он не скоро спустится в подземелье, а к тому времени демоны растащат твои кости, Амра. А я унесу твою голову!

Стоя на широко расставленных ногах, он обеими руками поднял меч. Под черной кожей, тускло блестящей в свете факела, вспухли огромные мускулы. В ту же

секунду гигантская тень выпрямилась и бросилась на него...

Звук удара клинообразной головы о человеческое тело раскатился по подземелью. Толстогубый рот негра округлился от невыносимой боли, но не выронил ни звука. Конан неотрывно смотрел в огромные глаза кушита — в них, как задутые пламя свечи, гасла жизнь. Следующий удар отбросил черного великана на стену. Извивающееся чудовище скользнуло следом, обвило его несколько раз, и Конан услышал страшный хруст костей. Меч и ключи выпали из рук негра и, звякнув об пол, отскочили почти к самым ногам киммерийца.

Он попытался наклониться, но цепь не пустила. Сердце бешено стучало в груди, запирало дыхание. Конана сбросил с ноги сандалию и подцепил ключи пальцами. Он едва не закричал от радости, когда ключи оказались в руке.

Еще немного возни с замком, и оковы упали на пол. Конан подобрал меч, взглянул на змею, тащившую прочь бесформенное тело, ничем уже не напоминающее человеческое. Конан повернулся к открытой двери. До порога несколько шагов... Внезапно под сводами раскатился ехидный смех. Решетка гулко ударилась в стену, лязгнув замок. Между брусьями появилась страшная ухмыляющаяся морда... Евнух Шукели хватился своих ключей. Обрадованный тем, что успел преградить Конану путь к свободе, он не заметил меча в его руке. Пленник с громким криком прыгнул к нему, широкое лезвие коброй метнулось между брусьями, и смех Шукели превратился в хрип. Евнух сложился пополам и упал, держась жирными ладонями за распоротый живот.

Конан удовлетворенно крикнул: поделом мерзавцу. Однако сам он все еще оставался пленником. Ключи были бесполезны — замок отпирался только снаружи. Он опупал толстые брусья. Может, попробовать мечом? Он не рискнул лишиться единственного оружия. Изучая решетку, он нащупал вмятины, похожие на следы невероятных клыков, и с дрожью подумал о том, какие же неведомые чудовища так упорно атаквали эту преграду.

Оставалось искать другой выход. Взяв из ниши факел и сжимая в другой руке меч, Конан углубился в галерею. Змея и ее жертва исчезли, только на полу тянулся кровавый след.

Безмолвная тьма, пронзенная мигающим светом факела, сомкнулась вокруг него. В стенах тоннеля виднелись проемы боковых ходов. Боясь угодить в ловушку, Конан смотрел под ноги и никуда не сворачивал, пока не уловил жалобное всхлипывание, похожее на плач женщины. Чего-чего, а подобных звуков он никак не ожидал здесь услышать. «Наверное, одна из многочисленных жертв Тзоты», — подумал он и, еще раз прокляв колдуна, пошел на рыдания по коридору с низким потолком и сырыми стенами.

Чем дальше уходил он от галерей, тем громче звучал плач. Наконец, подняв факел, он замер от ужаса, а затем отпрянул, разглядев у себя под ногами омерзительное чудовище. Короткие бесформенные щупальца непрерывно извивались, а туловище напоминало студень. Конана чуть наизнанку не вывернуло от этого зрелища. Голова твари походила на лягушачью, из разинутой пасти с багровыми губами исторгались рыдания. Когда выпуклые глаза завидели Конана, рыдания превратились в гадкий смех, и чудовище поползло к нему.

Конан повернулся и пустился бежать. Сразиться с тварью он не рискнул — подобную нечисть, решил он, вряд ли убьет оружие людей. Некоторое время за спиной слышались шлепки склизкого тела по полу и дикий смех. Так смеялись похотливые женщины в Шадизаре, Городе Роскоши, когда у них на глазах раздевали молодых рабынь. Каким демоническим искусством воспользовался Тзота, чтобы дать жизнь этой гадине? Тут явно попирались извечные законы природы.

Направляясь к главной галерее, Конан очутился в небольшом квадратном зале, откуда вправо и влево вели два тоннеля. Вдруг он споткнулся обо что-то мягкое, вскрикнул и растянулся на полу. Факел выпал из его руки и погас. Ошеломленный падением, Конан неуверенно поднялся на ноги и побрел ошупью. Факел он не стал искать, ведь его все равно нечем было зажечь. Неизвестно, сколь-

ко времени пробирался он в полной темноте, но внезапно инстинкт варвара предупредил его об опасности.

Он застыл на месте. Однажды он испытал такое же ощущение, оказавшись ночью на краю пропасти. Конан опустился на колени и стал ощупывать пол. Очень скоро он обнаружил край колодца. Протянув над ним руку с мечом, дотронулся до противоположного края. Конечно, он мог бы перепрыгнуть через колодец, но решил не рисковать. Только он собрался пойти назад, как ощутил слабое колебание воздуха; ветерок из колодца шевелил его черные спутанные волосы. Конан содрогнулся и попытался было убедить себя, что колодец ведет во внешний мир, но инстинкт подсказывал, что этого не может быть. Он находился не только в чреве горы, но и глубоко под землей. Откуда же взяться сквозняку? Из колодца доносился еле слышный гул, будто где-то вдали грохотали барабаны. Конана бросило в пот.

Он вскочил на ноги и пятился до тех пор, пока из колодца не вылетело н е ч т о. Конан не мог сказать, что это было; он абсолютно ничего не видел, но ясно чувствовал присутствие разума, чудовищно отличающегося от его собственного. Конан повернулся и со всех ног бросился прочь.

Далеко в глубине тоннеля он заметил крошечную красную искру. Он побежал к ней, налетел на каменную стену и увидел тлеющий факел у своих ног. Конан поднял его и раздул огонь. Поглядев на взметнувшееся пламя, с облегчением вздохнул — он снова в зале, где расходятся тоннели. Тут пламя заколебалось, будто на него подул невидимка. Конан снова ощутил чье-то присутствие и, подняв факел, огляделся.

Он ничего не увидел, но смутно почувствовал, что в воздухе парит кто-то неосоздаемый и невидимый, изрыгая непристойности и проклятия, которые Конан не слышал, но улавливал интуитивно. Он взмахнул над головой мечом — сталь на миг увязла, словно наткнулась на прочную паутину.

Он бросился в тоннель, чувствуя на затылке горячее, зловонное дыхание.

Лишь выскочив в широкий главный коридор, он понял, что оторвался от погони, и снова пустился в путь, ежесекундно ожидая нападения из темноты. В подземелье слышались то демонический хохот, то протяжные вопли, то вой гиены, неожиданно сменившийся отвратительной руганью на человеческом языке. Конан слышал крадущиеся шаги и в проемах тоннелей различал силуэты безобразных тварей.

Киммериец находился в самом центре ада, сотворенного колдуном Тзота-Ланти; казалось, он обречен тут скитаться до скончания века. Но в главной галерее чудовищ не попадалось, хотя он отчетливо слышал голодное урчание и ловил на себе плотоядные взгляды из боковых ходов.

За спиной послышался шорох. Он отскочил в ближайший коридор, торопливо затушил факел. По галерее ползла гигантская змея, отяжелевшая от последней своей трапезы. Рядом с Конаном какая-то тварь взвизгнула от страха и метнулась прочь. Вот почему так нерешительны прочие твари, сообразил Конан. Главный коридор — охотничьи угодья змеи, и остальные чудовища его сторонятся.

Для Конана же змея была меньшим из всех зол. Он даже почувствовал к ней некоторую симпатию, вспомнив рыдающую и хохочущую тварь и злое щего невидимку из колодца. Змея, по крайней мере, земное существо: это ползучая смерть, но она угрожает только телу, тогда как некто из колодца покушался также на душу и разум.

Когда змея проползла мимо, Конан снова раздул факел и последовал за ней на почтительном расстоянии. Но не сделал и нескольких шагов, как из ближайшего тоннеля донеслись жуткие стенания.

Осторожность советовала Конану продолжать путь, но любопытство взяло верх. Он поднял выше факел, от которого почти ничего не осталось, углубился в коридор и вдруг замер в изумлении. Хотя, казалось, был готов ко всему.

В просторном зале, отгороженном от подземного хода решеткой, вмурованной в пол и потолок, виднелся силуэт, похожий на человеческий. Конан пригляделся. Человек был оплетен растением наподобие виноградной лозы, эта-

ким вьюном с крошечными листьями и кроваво-красными цветами, росшим как будто прямо из каменного пола. Тонкий и гибкий стебель оплел нагое тело жертвы, цветы, казалось, прижимались к нему в страстном поцелуе. Большой цветок распустился у самого рта. Громкие мученические стоны срывались с губ несчастного, голова дергалась в приступе невыносимой боли, в тусклом стеклянном взгляде сине-зеленых глаз, устремленном на Конана, не было и проблеска мысли.

Внезапно огромный темно-красный цветок ожил и прижался лепестками к губам. Человек извивался в муках, ветки и листья растения дрожали, словно в экстазе. Окраска вьюна менялась на глазах, становясь все более яркой, ядовитой.

Конан не понимал, что происходило в клетке, но страдания пленника — будь он человеком или демоном — тронули сердце привычного ко всему киммерийца. Он поискал вход и обнаружил решетчатую дверь с тяжелым замком; к нему подошел ключ из связки. Тотчас ядовитый вьюн подобрался, уподобился потревоженной кобре, и качнулся навстречу, угрожающе вытянув усики. Растение явно было наделено разумом и чувствами и следило за ним, излучая волны ненависти.

Конан осторожно подошел поближе и увидел место, где из сплошной скалы появлялась лоза — крепкий стебель толщиной с человеческое бедро, покрытый гладкой корой. Когда длинные ветви, грозно шурша листьями, потянулись к нему, киммериец взмахнул мечом и перерубил стебель одним ударом.

Несчастный пленник в тот же миг отлетел в сторону, но громадная лоза, как обезглавленная змея, корчилась на полу. Ветви щелкали об пол, словно хлысты, листья тряслись и трескали, как кастаньеты, цветы съеживались в агонии. Наконец вьюн вытянулся на полу и застыл, цветы поблекли, тошнотворная белая жидкость из перерубленного ствола образовала на полу лужу.

Конан как замороженный смотрел на мертвую тварь, пока шорох за спиной не заставил его резко обернуться и вскинуть меч над головой. Но удара не последовало — Конан застыл как вкопанный, раскрыв от изумления рот.

Спасенный успел подняться на ноги, его глаза уже не выглядели остекленевшими. Темные, задумчивые, они светились умом; узкая, гордо посаженная голова с высоким лбом, стройная фигура, маленькие кисти рук с длинными пальцами и узкие стопы — все говорило об аристократическом происхождении этого человека. Первые же его слова на кофийском наречии поразили Конана.

— Какой нынче год? — спросил недавний беспомощный узник растения.

— Сегодня десятый день месяца Юлука, года Газели, — ответил Конан.

— Великая Иштар! — пробормотал незнакомец. — Десять лет!

Он провел ладонью по лбу и встряхнулся, сбрасывая оцепенение.

— Сплошной туман в голове. Что ж, через десять лет полнейшего безмыслия вряд ли можно ожидать от мозга, чтобы он соображал, как встарь. Кто ты?

— Конан, выходец из Киммерии, а ныне — король Аквилонии.

Незнакомец удивился.

— Вот как? А Нумедидес?

— Я задушил его на троне в ту ночь, когда захватил столицу.

Ответ короля вызвал улыбку на губах узника.

— Простите, ваше величество. Я должен был сначала поблагодарить вас за услугу, ведь вы избавили меня от сна, более глубокого, чем смерть, и наполненного адскими кошмарами. Скажите, почему вы перерубили ствол растения, вместо того, чтобы вырвать его с корнем?

— Я с давних пор усвоил, что не следует касаться руками того, что видишь впервые, — ответил Конан.

— Bravo. Если бы вы схватили Ятгу, вас не спас бы и меч. Его корни тянутся до самого ада. Представляете, каких тварей вы могли выдернуть вместе с ними?

— А кто ты такой? — поинтересовался наконец Конан.

— Меня зовут Пелиас.

— Как?! — вскричал Конан. — Маг Пелиас, соперник Тзоты, исчезнувший с лица земли десять лет назад?

— Только с лица земли, — горько усмехнулся Пелиас. — Тзота не убил меня, он подыскал мне оковы куда страшнее, чем ржавое железо. Он запер меня вместе с чудовищным выюном, семена которого прилетели из космоса и только в аду, кишасшем мерзкими тварями, нашли для себя пригодную почву. Я не мог вспомнить ни одного заклинания из-за этой мерзости, изводившей меня погаными ласками. Она пила мои мысли, и голова моя была пуста, как разбитая амфора. Десять лет! Да поможет мне Иштар!

Конан молчал, сжимая догоревший факел. Он пытался убедить себя в том, что этот человек безумен, но не находил тому подтверждения в спокойном взгляде черных глаз.

— Скажите, колдун в Хоршемише? — спросил Пелиас. — Впрочем, нет нужды спрашивать. Силы возвращаются ко мне, и я вижу в вашем мозгу великое сражение и пленение обманутого короля. И вижу Тзота-Ланти, скачущего к Шамару со Страбонусом и королем Офира. Тем лучше. Я еще не окреп после долгого сна и пока не хотел бы с встречаться с Тзотой. Мне потребуется некоторое время, чтобы окончательно прийти в себя. Пойдемте, незачем здесь оставаться.

Конан потряс связкой ключей.

— Наружная решетка заперта на засов, его не отодвинуть изнутри. Нет ли другого выхода из этого проклятого подземелья?

— Есть один, но мы им не воспользуемся, поскольку он ведет вниз, а не вверх, — с улыбкой ответил Пелиас. — Ну, да не беда. Пойдемте, посмотрим на ту решетку.

Он направился в тоннель. Его ноги, одревеневшие от долгой бездеятельности, подкашивались, но мало-помалу походка становилась все уверенней. Идя за ним, Конан заметил:

— По этому коридору ползает огромная змея. Как бы ее не потревожить.

— Я ее помню, — проворчал Пелиас. — На моих глазах эта гадина сожрала десятерых моих верных слуг. Это Сатха, любимица Тзоты.

— Значит, Тзота велел прорубить ходы в скале, чтобы населить их своими чудовищами?

— Нет, твари появились задолго до Тзоты. Три тысячи лет назад король Коссус Пятый, основавший Хоршемиш на месте древних развалин, воздвиг свой дворец на вершине горы и приказал прорыть подземный ход. Землекопы, расчищая место для кладовых, наткнулись на запертую дверь, взломали ее и обнаружили эти ходы. Но когда великого визиря Коссуса, рискнувшего спуститься в подземелье, постигла ужасная гибель, перепуганный король велел наглухо запереть дверь. Всем было объявлено, что великий визирь упал в колодец, — но погребки были засыпаны, а сам король вскоре переселился в долину, в другой дворец. Но и оттуда он однажды сбежал в страхе, обнаружив на мраморном полу своей спальни черную плесень. Он перебрался со всем двором на восток королевства и основал там новый город. Покинутый дворец на горе мало-помалу разрушился. Когда Аккуто Первый решил вернуть Хоршемишу былую славу, он отстроил на месте дворца крепость. Она стояла, пока тут не появился Тзота-Ланти и не перестроил ее в Алуя Цитадель. Он снова открыл дверь в подземелье. Какова бы ни была причина смерти великого визиря короля Коссуса, Тзота сумел избежать его участи. Он спустился в колодец и вернулся оттуда со странным выражением лица, которое с тех пор не покидает его.

Я тоже видел это отверстие, но у меня не возникло желания лезть туда в поисках мудрости. Я маг и обладаю большей силой, чем думают люди, но я все же человек. А что касается Тзоты... Говорят, недалеко от развалин на холме Дагота однажды уснула шадирская танцовщица, а проснулась она в объятьях черного демона, и от этого адского союза появился на свет проклятый выродок, зовущийся ныне Тзота-Ланти...

Конан пронзительно закричал и отскочил в сторону, увлекая за собой спутника. Перед ними выросла белая фигура Сатхи, глаза ее сверкали тысячелетиями копившейся ненавистью ко всему живому. Конан изготовился к отчаянной броске, выставил перед собой факел и меч, но змея даже не смотрела на него, она злобно уставилась

на Пелиаса, а тот спокойно улыбался, скрестив руки на груди. И в огромных желтых глазах гада ненависть постепенно превратилась в страх, в ужас... В следующее мгновение змея исчезла, словно унесенная порывом ветра.

— Что ее так напугало? — спросил Конан, с опаской поглядывая на Пелиаса.

— Гады земные видят то, что ускользает от взора человеческого, — загадочно ответил волшебник. — Ты видишь мою телесную оболочку, а она — обнаженную душу.

Ледяной пот потек по спине Конана при мысли о том, кто же Пелиас на самом деле — человек или демон в человеческом обличье. Он уже всерьез подумывал, не вонзить ли меч в спину волшебника, пока не поздно, но тут они подошли к решетке, прутья которой казались черными в мерцании факелов.

За решеткой, привалясь к брусьям, сидел Шукели в луже крови. Пелиас оглушительно захохотал.

— Клянусь белоснежными бедрами Иштар, это наш привратник, благородный Шукели собственной персоной! Не ты ли подвесил моих людей за ноги и сдирал с них кожу, вопя от удовольствия? Ты спишь, Шукели? Скажи, отчего твоё жирное брюхо стало плоским, как у жареного поросенка?

— Он мертв, — растерянно пробормотал Конан.

— Живой или мертвый, — смеясь, сказал Пелиас, — но он сейчас нас выпустит. — Волшебник громко хлопнул в ладоши. — Встань, Шукели! Вернись из ада, поднимись с залитых кровью плит и отвори своим хозяевам! Вставай, говорю!

Под сводами прозвучал стон, и тело Шукели зашевелилось. У Конана встали дыбом волосы, а по спине заструились ручейки ледяного пота. Под смех Пелиаса, безжалостный, как удары топора, евнух медленно поднимался, цепляясь толстыми пальцами за брусья решетки, и открыл безжизненные остеклевшие глаза. Из широкой раны на животе выпали длинные кишки. Топча их ногами, евнух, как автомат, отодвигал засов. Наблюдая за ним, Конан подумал было, что Шукели каким-то чудом остался жив, но нет... Он давно уже был мертв.

Пелиас спокойно перешагнул через порог, и Конан поспешил за ним, обливаясь потом и стараясь не задеть страшное существо, которое цеплялось за полуотодвиннутую решетку. Пелиас даже не взглянул на Шукели, а Конану происходящее казалось кошмарным сном. Сделав несколько шагов, он услышал позади глухой стук и оглянулся. Труп Шукели лежал на пороге.

— Сделав свое дело, он вернулся в ад, — любезно объяснил Пелиас, делая вид, что не замечает, как дрожат колени могучего варвара.

Они поднялись по длинной лестнице и миновали бронзовую дверь. Конан держал меч наизготовку, ожидая нападения, но в цитадели царяла тишина. Пройдя темным коридором, они вступили в зал, где покачивались курительницы, наполняя воздух дивными ароматами. Никто не встретился им по пути.

— Рабы и солдаты живут в другом крыле цитадели, — объяснил Пелиас. — Сегодня их господина нет, и они, наверное, пьют вино и сок лотоса.

Конан выглянул из высокого стрельчатого окна с золотыми подоконниками, выходящего на широкую террасу, и крикнул от неожиданности, увидев синее небо, усеянное звездами. Его заточили в каменный мешок с первыми лучами солнца, а сейчас было за полночь. Он и не подозревал, что пробыл под землей так долго. Внезапно он обнаружил, что ужасно проголодался.

Пелиас провел Конана в зал с позолоченными сводами, серебряным полом и стенами, облицованными лазуритом, и там устало опустился на диван.

— Наконец-то я вижу золото и шелка, — сказал он. — Тзота уверял, что он выше телесных наслаждений. Но он — полудемон, а я — человек, хотя и волшебник. Я люблю удобства и вкусную еду. Между прочим, Тзота скрутил меня, когда я выпил лишнего и уснул. Вино — предатель, клянусь белоснежными грудями Иштар! И хитрый предатель: стоило о нем вспомнить, а оно уже на столе. Надо воздать ему по заслугам. Налей-ка мне чашу, друг мой... Ах нет, я забыл, что вы король. Я вас сам обслуживаю.

— К демонам церемонии, — проворчал Конан, наполняя хрустальную чашу и подавая Пелиасу. После чего опрокинул над собственным ртом кувшин. — Этот пес знает толк в вине, — заметил он, вытирая губы. — Но, клянусь Кромом, нет смысла ждать, пока проснутся солдаты и перережут нам глотки.

— Не беспокойтесь, друг мой. Не желаете ли посмотреть, что поделявает Страбонус?

Глаза Конана заблестели. Он до белизны в суставах стиснул рукоять меча.

— Страбонус! — воскликнул он. — Как я мечтаю выпустить ему потроха!

Пелиас взял со столика из черного дерева большой блестящий шар.

— Хрустальный шар Тзоты. Детская игрушка, но при нехватке времени на более серьезные чары вполне годится. Смотрите, ваше величество!

Он поставил шар перед Конаном, и тот вгляделся в его сумрачную глубину. Перед ним вереницей проплывали образы. Вот знакомый пейзаж: пологие берега извилистой реки, равнина, которую обступили низкие холмы. На северном берегу высится крепостная стена города, вдоль нее тянется ров.

— Клянусь Кромом! — вскричал Конан. — Это Шамар! Его осадили проклятые псы!

Захватчики уже переправились через реку и разбили лагерь в узкой долине между городом и холмами. Солдаты лезли на стены, их доспехи поблескивали в лунном свете. Со стен и башен на них сыпались стрелы и камни, штурмующие пятились и снова шли на приступ.

Конан выругался, а между тем эта сцена сменилась другой: высокие башни и сверкающие купола пронзают туманное небо. Конан узнал свою столицу Тарантию, охваченную смятением. Он видел пуантенских рыцарей в стальной броне, самых верных своих воинов, выезжающих из ворот. Народ, столпившийся на улицах, бранил и освистывал их. Он видел, как рыцари с гербом Пеллиа на щитах врывались в башни и дома и творили бесчинства на улицах и площадях. И над всем этим нависало

призрачное, искаженное гримасой торжества лицо принца Арпелло де Пеллиа.

Изображение всколыхнулось и сгнуло.

— Вот оно что! — сжал кулачищи Конан. — И народ предал меня... Стоило мне уехать...

— Не совсем так, — перебил его Пелиас. — Людям сказали, что вы умерли, и теперь некому защитить их от захватчиков и предотвратить междоусобицу. Естественно, они приняли сторону сильнейшего из дворян, чтобы избежать ужасов анархии. Люди помнят недавние войны и не доверяют вашим пуантенским рыцарям... А Арпелло — самый влиятельный принц метрополии.

— Как только я вернусь в Аквилонию, он лишится головы и будет гнить в яме у Башни Изменников! — Конан закричал зубами от злости.

— Как бы вы ни спешили, — напомнил Пелиас, — Страбонус явится в столицу раньше вас. А его рыцари разграбят по пути все ваше королевство.

— Твоя правда! — Конан метался по залу, как лев в клетке. — Самый быстрый конь не домчит меня до Шамара раньше полудня. А если бы и домчал — это не спасло бы королевство, ведь крепость скоро падет. От Шамара до Тарантии скакать не меньше пяти дней, даже если насмерть загнать лошадей. Прежде чем я попаду в столицу и соберу армию, Страбонус окажется у наших ворот. А собрать войско нелегко — проклятые дворяне разбежались по своим уделам, услышав о моей смерти. Народ изгнал Тросеро де Пуантена, и никто не помешает алчному Арпелло завладеть короной... и сокровищами. Он отдаст страну в руки Страбонуса в обмен на соломенный трон, а едва уедет Страбонус, поднимет народ на восстание. Но дворяне не поддержат его, и Страбонус воспользуется мятежом как предлогом, чтобы открыто захватить королевство. О, Кром и Сет! Дайте мне крылья, чтобы домчаться до Тарантии с быстротой молнии!

Пелиас, задумчиво барабанивший пальцами по нефритовому столику, при последних словах Конана резко встал и поманил его за собой. Король, охваченный печальными мыслями, поднялся вслед за ним по мраморной, с золотыми перилами, лестнице на самую высокую башню.

Ветер, свистевший в звездной ночи, вмиг растрепал черные волосы Конана. Внизу сияли огни Хоршемиша, казалось, они более далеки, чем звезды над головой. Сдержанный, задумчивый Пелиас выглядел величественным, как сам космос. Глядя ввысь, он произнес:

— И на земле, и в морской пучине, и в просторах небесных обитают существа, неизвестные людям. Однако, с помощью волшебства и Абсолютного Знания мы можем повелевать ими. Смотрите и не бойтесь, они не злы.

Он простер руки к небу и издал протяжный клич, наполнивший собою все вокруг. Дрожа и затихая, крик унесся к самым звездам. Затем наступила тишина, и Конан, заметив в вышине черные крылья, попятился в испуге. Еще миг, и перед ним опустилось гигантское существо, похожее на летучую мышь, и устремило на короля спокойный взгляд огромных глаз.

— Садитесь и летите, — велел Пелиас. — К рассвету это создание примчит вас в Тарантию.

— Клянусь Кромом! — вскричал Конан. — Не сон ли это? Может, я сплю сейчас у себя во дворце и вижу кошмарный сон? Я не могу оставить тебя одного среди врагов.

— Обо мне не беспокойтесь, — заверил его Пелиас. — На заре народ Хоршемиша узнает о том, что у него уже новый владыка и что вас унесли боги. Мы встретимся снова на равнине у Шамара. Счастливого пути.

Конан с опаской взобрался на спину летучей твари и обхватил руками изогнутую шею, весьма сомневаясь, что ему не снится фантастический кошмар. Распластав крылья, черное существо с шумом взвилось в небеса, и у Конана закружилась голова, когда он увидел далеко под собой башню и городские огни.

* * *

На улицах Тарантии толпились люди, размахивая секирами и ржавыми пиками, а кто и просто голыми кулаками. Занималась заря второго дня осады Шамара.

События развивались с невероятной быстротой. Благодаря стараниям Тзота-Ланти весть о поражении и гибели короля достигла Тарантии менее чем за полдня после

начала штурма. И тотчас возникла суматоха. Бароны умчались из столицы, нахлестывая лошадей, чтобы защитить свои замки от жадных до чужого добра соседей. Королевство Конана, казалось, было на грани распада, и народ дрожал от страха. Люди молились, чтобы вернулся король и защитил их от своих дворян и иноземных врагов. Граф Троссеро, которого король назначил командиром городской стражи, старался успокоить людей, но те, напуганные и сбитые с толку, вспомнили о гражданской войне и о том, что тот же граф Троссеро несколько лет назад брал штурмом Тарантию. На улицах кричали, что Троссеро предал короля. В некоторых кварталах наемные солдаты грабили лавки и гонялись за женщинами.

Троссеро обрушился на погромщиков, загнал их в казарму и арестовал зачинщиков. Несмотря на это, народ по-прежнему негодовал, считая, что граф намеренно учинил смуту, решив напугать этим горожан.

Принц Арпелло предстал перед обескураженным Королевским Советом и заявил, что готов взять бразды правления в свои руки и удерживать их до тех пор, пока не появится новый король. У Конана не было сына, и пока обсуждался вопрос о наследнике, слуги принца терлись в толпе и подбивали народ встать на сторону Арпелло. В зале совета были слышны крики горожан, собравшихся под окнами дворца: «Арпелло — наш спаситель!» И совет уступил.

Троссеро сначала отказался подчиниться его решению, но горожане накинулись на него с воплями и руганью, стали бросать камни в его рыцарей. Поняв, что сражения с воинами Арпелло на узких городских улицах ему не выиграть, Троссеро швырнул в голову соперника свой жезл командира стражи и, приказав напоследок повесить на рыночной площади командиров наемников, выехал через южные ворота с пятнадцатью сотнями тяжелой кавалерии. Как только за пуантенцами с грохотом опустились решетки, маска добродушия свалилась с лица Арпелло, обнажив клыки голодного волка.

Он предстал перед взбудораженным народом на коне-великане и под одобрительный гвалт обманутой толпы провозгласил себя королем Аквилонии. Канцлера Публи-

уса, возмущенного дерзостью самозванца, бросили в темницу. Купцы, с облегчением принявшие нового короля, были ошеломлены первым же его указом, по которому весь торговый люд Тарантии облагался непомерными налогами. Шестеро богатых и уважаемых купцов, избранных в делегаты, выступили с протестом, но их арестовали и казнили безо всяких церемоний.

Простой народ не волновала судьба купцов, но и он начал роптать в ответ на повсеместные грабежи, которые можно было сравнить разве что с налетом туранских бандитов. К Арпелло потекли жалобы на вымогателей, насильников и убийц. Принц временно расположился во дворце Публиуса, так как отчаявшиеся советники, осужденные по его приказу, заняли оборону в королевском дворце при поддержке части гарнизона. Вскоре, однако, Арпелло захватил нижний этаж дворца, и наложницы Конана, жившие там, были опозорены. Люди ворчали, видя, как королевские красотки бьются в грубых объятиях солдат. Темноглазые толстушки из Пуантена, стройные брюнетки из Замора, Зингара и Гиркании, златоволосые красавицы из Бритунии плакали от страха и стыда — они не привыкли к насилию.

На встревоженный город опустилась тьма, а после полуночи пронесся слух, что кофийцы не удовлетворились разгромом армии Конана и атакуют Шамар. Об этом поведал шпион Тзоты, и люди затрепетали от страха, даже не удивляясь тому, сколь быстро дошла до них новость. Они стали барабанить в ворота королевского дворца и требовать от Арпелло, чтобы тот выступил с войсками на юг и изгнал врага. Арпелло мог бы объяснить, что у него мало войск и что набрать большую армию нельзя, поскольку бароны не признали его королем, но, опытный властью, он просто расхохотался в лицо горожанам.

Тогда один молодой студент по имени Афемидес взобрался на колонну на рыночной площади и обвинил Арпелло в пособничестве Страбонусу, а затем нарисовал согражданам страшную картину будущей жизни под властью кофийцев и сатрапа Арпелло. Он не завершил своей речи, а толпа уже ревела от страха и ярости. Арпелло приказал солдатам схватить юношу, но люди заслонили

его телами и принялись швырять в солдат камни и все, что попадалось под руку. На толпу обрушился ливень стрел, однако Афемидесу удалось ускользнуть из города. Он пустился вдогонку за Троссеро, надеясь уговорить его освободить Тарантию, а затем выступить на помощь Шамару.

Афемидес нашел Троссеро и его рыцарей в лагере неподалеку от города. Граф как раз приказал снимать палатки и двигаться в Пуантен, город на юго-западе королевства. На мольбы молодого человека он ответил, что у него слишком мало сил для штурма Тарантии, да и сражения со Страбонусом ему не выиграть даже при поддержке горожан. Кроме того, жадные дворяне разграбят Пуантен, пока он будет биться с кофийцами. Король умер, теперь каждый сам за себя.

В то время как Афемидес уговаривал Троссеро, толпа бесновалась на улицах и площадях у королевского дворца, выкрикивая проклятья в адрес Арпелло. А тот стоял на краю башни возле дворца и хохотал. Его гвардейцы, выстроившись вдоль зубчатой стены, держали наготове луки и арбалеты.

Принц Арпелло де Пеллиа, коренастый, среднего роста, с сумрачным лицом, был по природе своей интриганом. Под его длинной туникой, расшитой золотом, поблескивала вороненая сталь доспехов. Длинные черные волосы, завитые и надушенные, перетягивала серебристая лента, а на бедре висел широкий меч с драгоценными камнями на эфесе, помнивший множество сражений.

— Дураки! Безумцы! Орите, что хотите. Конан умер, и теперь Арпелло — король Аквилонии!

Что ему за дело, что вся страна готова восстать против него? У Арпелло достаточно солдат, чтобы удержаться в надежных стенах города до подхода Страбонуса. Аквилония раздроблена, бароны готовы друг другу глотку перегрызть из-за клочка земли, и Страбонус без труда справится с ними. Надо только до его прихода удержать столицу.

— Безумцы! Дураки! Арпелло — король!

За восточными башнями вставало солнце. На охваченном багряной зарей небе появилась черная точка, она

быстро росла в размерах, и вот уже она с летучую мышь, а теперь — с орла... Когда же над стенами Тарантии пронеслось существо из полузабытых легенд, все в ужасе закричали. Крылатая тварь с рычанием опустилась посреди широкого двора, и с ее спины на землю соскочил человек. Тварь оглушительно хлопнула крыльями и исчезла в облаках. Через некоторое время на башне рядом с Арпелло появился полуголый окровавленный варвар, размахивающий мечом. Многоголосый вопль потряс стены.

— Король! Это король!

Арпелло оторопел, но, тут же придя в себя, взвизгнул и бросился на Конана. С львиным ревом киммериец парировал удар, затем, отбросив меч, схватил принца за горло и за ноги и поднял над головой.

— Ступай в преисподнюю со своими заговорами! — крикнул он и, как мешок с песком, швырнул предателя вниз. Оглашая площадь безумным криком, Арпелло закувыркался в воздухе.

Толпа шарахнулась от стены. Принц, упав с высоты ста пятидесяти футов, разбился в лепешку о мраморные плиты. Мертвый Арпелло в черных латах был похож на раздавленного майского жука.

Лучники на башне, охваченные паникой, отпрянули от зубцов и бросились по лестнице вниз, а там их встретили советники, которые выбежали с саблями из дворца. Напрасно рыцари и солдаты Пеллиа искали спасения на улицах — от мстительной толпы нигде было укрыться. По городу разносились торжествующие крики и предсмертные вопли, тут и там еще можно было заметить меч, яростно крутящийся среди густого леса копий и секир, а сверху на побоище взираал полуголый король. Сложив руки на груди, он громко смеялся над всеми: над толпой, над изменниками... и над собой тоже.

* * *

Послеполуденное солнце сияло над спокойными водами Тибора, омывающего юные бастионы Шамара. Растерянные и усталые до предела защитники города знали, что лишь немногие из них увидят завтрашний рассвет.

Равнина пестрела шатрами осаждающих. Народ Шамара не мог помешать многочисленному войску врага переправиться через реку — связанные в месте баржи послужили мостом, по которому прошла орда завоевателей. Страбонус не решился напасть на Аквилонию, оставив в тылу непокоренный Шамар. Он послал отряды воинов в глубь страны для грабежа, а сам установил осадные машины на равнине. На стрелы реки бросила якоря флотилия. Некоторые суда были потоплены городскими баллистами, но остальные держались, и за бортами, прикрытыми стальными щитами, укрывались лучники, сеявшие смерть среди защитников Шамара. Это были шемиты, о которых говорили, что они родились с луками в руках. Ни один лучник Шамара не мог с ними сравниться.

С берега катапульты забрасывали город валунами и бревнами, которые проламывали крыши и давили людей, как насекомых. В стены непрерывно били тараны, а землекопы вгрызались в землю, точно кроты, рыли глубокие подкопы под башнями. Рвы осушили и завалили землей, камнями и трупами людей и коней. У подножия крепостных стен копошились воины, закованные в броню — одни пытались выломать ворота, другие подкатывали осадные башни к стенам.

Надежда оставила город. Полторы тысячи жителей с трудом сдерживали натиск сорокатысячного войска. Из глубины королевства до Шамара, аванпоста Аквилонии, не доходило никаких известий. Конан умер — во всяком случае, об этом радостно кричали враги. Только благодаря мощным стенам и отчаянной храбрости осажденных город еще держался.

Но дело шло к развязке. Западная стена уже превратилась в груды обломков, на которых завязалась яростная рукопашная схватка; другие стены покрылись широкими трещинами и угрожали вот-вот рухнуть. Башни качались на пустотах, как пьяные.

Неприятель готовился к решающему приступу. Звучали трубы, на равнине строилась стальная армия, с грохотом катились осадные башни. Защитники Шамара видели трепещущие на ветру знамена Кофа и Офира, различали среди сверкающих рыцарей коренастого

Страбонуса в черной броне и Амальруса, облаченного в расшитый золотом камзол. Между ними скакал человек, от одного вида которого бледнели самые отважные: тощий, похожий на хищную птицу колдун в длинной развешивающейся мантии.

Алебардчики выступили первыми. Затем пришпорили коней всадники, и выстроились копейщики. Защитники города глубоко вздохнули, препоручив души Митре, и крепче сжали в руках оружие.

Внезапно раздался сигнал трубы, и на равнину обрушился громopodobный топот копыт, заглушающий все остальные звуки. На севере вздымалась гряда холмов, словно огромная лестница в небо. С ее склонов подобно лавине неслась легкая кавалерия Страбонуса, посланная в глубь Аквилонии. Всадники нещадно хлестали и пришпоривали коней, преследуемые рыцарями в железных латах, над которыми развевалось большое знамя Аквилонии с изображением льва.

Дружный крик осажденных потряс небеса. Опьянев от радости, воины стучали окровавленными мечами по изрубленным щитам, а горожане — богатые и нищие, плюхи в красных юбках и знатные дамы в шелках — упали на колени и запели благодарственный гимн Митре, и слезы счастья катились по их щекам.

Страбонус подъехал к Амальрусу, который спешно разворачивал армию навстречу неожиданной угрозе, и проворчал:

— Мы без труда с ними справимся, если у них нет резерва за холмами. Это всего лишь пуантенцы. Мы ведь так и предполагали, что Троссеро полезет в пекло.

Амальрус растерянно проговорил:

— Я вижу Троссеро и капитана Просперо... Но кто скачет между ними?

— О, Иштар, помоги нам! — бледнея, полепетал Страбонус. — Это король Конан!

— Вы с ума сошли! — вскричал Тзота. — Конан уже давно в брюхе Сатхи!

Натянув поводья, он повернулся к коннице, мчавшейся по равнине. Ошибки быть не могло: он узнал могучего воина в латах из вороненой стали, инкрустированных

золотом. Король скакал на черном боевом коне под трепещущим полотнищем огромного штандарта. Тзота в ярости зарычал, брызжа слюной. Впервые в жизни Страбонус видел мага в таком замешательстве и гневе, и это напугало его.

— Колдовство! — вскрикнул Тзота, брызгая слюной на бороду. — Как он мог убежать, добраться до своего королевства в такой короткий срок да еще собрать войско? Ему помог Пелиас, будь он проклят! И будь проклят я, что не убил его раньше!

Услышав имя волшебника, которого уже десять лет считали мертвым, короли задрожали; их страх передался армии. Тзота заметил суеверный ужас в глазах воинов, и злоба превратила его лицо в демоническую маску.

— Вперед! — закричал он. — Мы сильнее! Раздавите этих псов! Сегодня вечером мы устроим пир на развалинах Шамара! О, Сет! — Он вскинул тощие руки, призывая бога-змея, и напугал этим даже Страбонуса. — Даруй нам победу, и клянусь, я принесу тебе в жертву пятьсот девственниц Шамара, истекающих кровью!

Тем временем армия противника наводнила равнину. Всадники, скакавшие вслед за рыцарями на маленьких быстрых конях, спешили и построились в боевые рядки. Это были стойкие боссонские лучники и гандерландские копейщики с рыжими кудрями, выбивавшимися из-под стальных шлемов.

Конан собрал свою разношерстную армию в считанные часы после возвращения в столицу. Он спас от кровожадной толпы пеллийских лучников и копейщиков и зачислил их, обязанных ему жизнью, в свою пехоту. Он призвал к оружию чернь Тарантии, он послал гонца к Троссеро с приказом вернуться. С большим отрядом — ядром будущей армии — Конан выступил на юг. Дворяне Тарантии вместе со своими дружинами и окрестные крестьяне пополнили его войско. Он набирал рекрутов во всех городах, встречавшихся на пути. Тем не менее, его армия все еще значительно уступала орде захватчиков.

Конан привел к Шамару девятнадцать сотен рыцарей, в том числе много пуантенских. Были с ними и наемники.

Армия двигалась в полном боевом порядке: сначала лучники, потом копейщики, в арьергарде — рыцари.

Арбанус бросил на противника объединенные войска Офира и Кофа, и равнина превратилась в океан сверкающей стали. Дозорные на крепостных стенах ужасались, глядя на огромную рать, значительно превосходящую числом армию Конана. Впереди шли лучники-шемиты, потом — кофийские копейщики, за ними скакали одетые в кольчуги рыцари Страбонуса и Амальруса. Было ясно: Арбанус решил смести пехоту Конана и очистить путь для ураганного натиска тяжелой кавалерии.

Стрелы шемитов сыпались градом. Лучники из западных провинций Аквилонии, закаленные безжалостными войнами с дикарями-пиктами, уверенно шли вперед, перешагивая через упавших товарищей. Их было очень немного, и лучники-шемиты нанесли им большой урон, но боссонцы превосходили врага меткостью, а кроме того, они сражались за правое дело. Подойдя ближе, они выпустили стрелы, и целые ряды шемитов рухнули как подкошенные. Синевородые воины в легких кольчугах не устояли и бросились бежать, побросав луки, а их отступление нарушило строй копейщиков-кофийцев, шагавших позади.

Без поддержки лучников солдаты сотнями падали под стрелами боссонцев, а если яростно бросались в бой, то натывались на коня. Никакая пехота в мире не могла сравниться с гандерландской. Родиной этих бойцов была самая северная провинция Аквилонии, расположенная недалеко от границ Киммерии. Они были рождены и выращены для войны. Кофийские копейщики, понеся невероятные потери, в беспорядке отступили.

Страбонус побагровел от гнева и велел трубить сигнал «в атаку». Арбанус колебался, видя, как выстроились боссонцы перед аквилонскими всадниками, замершими в ожидании. Он советовал немного отступить, чтобы выманить рыцарей из-под прикрытия лучников, но Страбонус был вне себя от злости. С ненавистью глядя на горстку людей в кольчугах, бросивших ему вызов, он повторил Арбанусу приказ о наступлении.

Полководец помолился Иштар и велел трубить в золотой рог. Огромная армия ощерилась целым лесом копий и понеслась по равнине. Земля дрожала от топота копыт, и блеск золота и стали слепил глаза дозорным на башнях Шамара.

Конница врезалась в ряды копейщиков, опрокидывая их, но угодила под ливень стрел боссонцев. Над полем битвы стоял невообразимый грохот; атакующие падали как трава под косой. Еще сто шагов, и они обрушатся на боссонцев и сметут их... Но плоть не могла выдержать смертельного ливня стрел.

Лучники стояли плечом к плечу, для устойчивости широко расставив ноги, и с дикими криками одну за другой выпускали стрелы. Первые ряды всадников рухнули, скакавшие позади спотыкались о тела людей и коней и увеличивали собой вал из трупов. Арбанус рухнул со стрелой в горле, его череп был раздроблен копытом агонизирующего коня. Началась паника.

Страбонус выкрикивал один приказ, Амальрус — другой, и никто не мог избавиться от суеверного страха при виде ожившего Конана.

В то время как сверкающие ряды ломались и пятились, трубы Конана прозвучали снова. По этому сигналу лучники расступились и дали дорогу страшной аквилонской коннице.

Армии столкнулись с грохотом, потрясшим древние стены Шамара. Конница растерянного врага оказалась перед стальным клином, оцетиненным копьями и пиками. Острием клинка были рыцари Пуантена с грозными обоюдоострыми мечами.

Зазвенела сталь, словно миллионы молотов забили о наковальни.

Дозорные на башнях, оглушенные шумом сражения, глядели, как скреждируются внизу клинки, как слетают султаны под ударами мечей, как поднимаются и вновь исчезают плюмажи и штандарты.

Амальрус упал, разрубленный пополам двуручным мечом Просперо, и скрылся под копытами обезумевших коней. Девятнадцать сотен всадников Конана плотным стальным косяком все глубже врубались в смешанные

ряды неприятеля. Тщетно рыцари Кофа и Офира пытались устоять перед их натиском.

Лучники и копейщики, разгромив кофийскую пехоту и обратив ее в бегство, теперь появились на подступах к крепости. Они стреляли из луков в упор, копьями выбивали всадников из седел, подрезали подпруги лошадей или вспарывали им животы. Конан находился в самой гуще сражения, время от времени издавал свой языческий боевой клич. Его громадный меч то и дело описывал сверкающую дугу, сбивая племени вместе с головами. Пустив коня бешеным галопом, он прорвался сквозь ряды закованных в железо всадников, и рыцари Кофа сомкнулись за ним, отрезав обратный путь. Меч его разил, как молния; в яростной схватке Конан крушил кофийцев до тех пор, пока не оказался перед Страбонусом, мертвенно-бледным, окруженным гвардией. В этот миг решался исход битвы, ибо численное превосходство оставалось на стороне кофийского короля, и возможность изменить ход сражения, переломить его в пользу союзных армий, была еще вполне реальной.

Страбонус взвыл, увидев перед собой заклятого врага, и, взмахнув боевым топором, с грохотом обрушил его на шлем Конана. Посыпались искры, Конан покачнулся, но быстро оправился и нанес ответный удар. Клинок в пять локтей длиной рассек череп Страбонуса. Боевой конь взвился на дыбы и поскакал прочь, увлекая за собой бездыханное тело короля.

В армии началась суматоха, ряды смешались и попятись. Отряд Троссеро, рубя направо и налево, ринулся вперед и пробился к Конану. В этот миг позади растерявшихся врагов раздались крики и взметнулось пламя костров. То защитники Шамара предприняли отчаянную вылазку. Они изрубили в куски солдат у ворот и захватили лагерь осаждавших, поджигая палатки и разбивая военные машины. Это было последней каплей — армия завоевателей рассыпалась и бежала, за ней по пятам гнались победители.

Отступавшие бросились к реке, но гребцы флотилии, спасаясь от камней и стрел осмелевших горожан, подняли якоря и отплыли к другому берегу. Часть беглецов успела

переправиться про мосту из барж, но вскоре воины Конана перерубили канаты. Сражение превратилось в бойню. Захватчики бросились в воду, но либо погибали, раздавленные баржами, либо тонули в своих тяжелых доспехах. Люди гибли тысячами, моля о пощаде.

Равнина была завалена трупами, а вода в реке покраснела от крови. Из девятнадцати сотен рыцарей Конана осталось в живых всего пятьсот, лучники и копейщики тоже понесли огромный урон, но зато великолепная армия Страбонуса и Амальруса растаяла как снег по весне, а уцелевшие стоили теперь не дороже мертвых.

Пока шла резня, на другом берегу реки разыгрался последний акт этой драмы. Тзота успел перескочить по мосту из барж, прежде чем его разрушили. Он вихрем несли на своем боевом коне, с которым не могла сравниться ни одна лошадь. Давя и раскидывая своих и чужих, он выскочил на южный берег и оглянулся.

Его настигал черный всадник на огромном вороном жеребце. Канаты уже были перерублены, и баржи плыли по течению, но конь Конана перепрыгивал с палубы на палубу. Тзота громко выругался. Вороной сделал последний прыжок и вынес вадника на берег. Маг поскакал в луга. Конан погнался за ним, размахивая длинным мечом, с которого капала кровь.

Они неслись во весь опор, дичь и охотник, — но второму не под силу было выиграть бешеную скачку. Колдун и варвар скакали в последних лучах заходящего солнца, пока шум резни не смолк вдалеке. И тогда в небе появилась черная точка. Она росла с каждой секундой, и наконец превратилась в громадного орла, который обрушился с высоты на голову коня Тзоты. Конь заржал и вздыбился, выкинув всадника из седла.

Тзота вскочил на ноги и повернулся к своему преследователю. Глаза его по-змеиному светились, лицо перекосилось от нечеловеческой злобы. В каждой руке он держал по сверкающему шару, и Конан узнал в них смертоносное оружие.

Король спрыгнул на землю и пошел на врага, подняв меч.

— Вот мы и встретились, колдун! — произнес он и захохотал.

— Назад! — по-шакальи пролаял Тзота. — Я сдеру мясо с твоих костей! Я непобедим! Даже если ты разрубишь меня на куски, мое тело срастется вновь и будет преследовать тебя до самой смерти! Я знаю, что здесь не обошлось без Пелиаса, но бросаю вызов вам обоим! Я — Тзота, сын...

Конан бросился вперед, меч его сверкнул в лучах солнца. Тзота размахнулся, и варвар пригнул голову. Что-то блестящее пролетело над ним и взорвалось за спиной, опалив землю клубком адского огня. Прежде чем Тзота успел бросить второй шар, который держал в левой руке, меч Конана обрушился на его шею. Голова колдуна слетела с плеч, и туловище, брызгая кровью, повалилось на землю. Но черные глаза по-прежнему злобно сверкали, глядя на киммерийца, зубы скрипели, а руки шарили вокруг, будто в поисках огрубленной головы. В этот момент что-то упало с небес...

Орел схватил могучими когтями окровавленную голову и взмыл с нею в небо. Конан застыл от ужаса, когда птица расхохоталась голосом Пелиаса.

И тут случилось самое ужасное: безголовое тело вскочило и побежало на непослушных ногах, простирая руки к удаляющейся черной точке.

Конан стоял словно изваяние, глядя вслед странной фигуре, растворяющейся в лиловых тенях вечера.

— Клянусь Кромом! — воскликнул он, сбросив с себя оцепенение. — Чума пади на этих колдунов! Пелиас был добр ко мне, но дьявол меня побори, если я согласен встретиться с ним еще раз! Дайте мне добрый меч и достойного врага, которого можно сразить раз и навсегда — вот это по мне! Проклятье! Проклятье! Чего бы я сейчас ни отдал за кувшин вина!

СОДЕРЖАНИЕ

Гидеон Эйлат

БИЧ НЕРГАЛА

Пролог	7
------------------	---

Часть первая РОК СКИТАЛЬЦА

Глава 1	16
Глава 2	29
Глава 3	52
Глава 4	69
Глава 5	89
Глава 6	105
Глава 7	125
Глава 8	139
Глава 9	155
Глава 10	169
Глава 11	182
Глава 12	192

Часть вторая ТАВРО ДРАКОНА

Глава 1	207
Глава 2	223
Глава 3	238
Глава 4	255
Глава 5	265

Часть третья КОЛЫБЕЛЬ ВЕСНЫ

Глава 1	291
Глава 2	303
Глава 3	323

Роберт Говард

ЧЕРНЫЕ КОЛДУНЫ

Смерть Мехараджуба	339
Варвар с гор	344
Хемса прибегает к чародейству	353
Встреча на перевале	359
Черный жеребец	365
Гора черных колдунов	375
Дорога на Имл	388
Жазмина на Дороге Воплощений	398
Замок Черных Колдунов	405
Конан и Жазмина	423

Роберт Говард **АЛАЯ ЦИТАДЕЛЬ 437**

Гидеон Эйлат, Роберт Говард

КОНАН и БИЧ НЕРГАЛА

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*
Редактор *Михаил Нахмансон*
Художник *Андрей Арискин*
Технический редактор *Сергей Арефьев*
Корректор *Нина Натарева*

Издательство «Троль».
410027, г. Саратов, Одесская ул., 9.

Для писем:
192281, г. Санкт-Петербург, а/я 84.

Лицензия № 010945 от 05.05.1993 г.
Сдано в набор 30.05.96. Подписано в печать 12.06.96.
Формат 84×108/32. Гарнитура «Таймс». Тираж 36 000 экз.
Заказ № 1852.

Отпечатано с оригинал-макета
в ГПП «Печатный Двор» Комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

ДУНКАН МАК-ГРЕГОР

КОНАН И ГОРОД ПЛЕННЫХ ДУШ

Злобный чародей Майорк возжелал овладеть властью над молниями - тайным искусством, дарованным Митрой лишь его слугам и бойцам, защитникам справедливости. Похитив дочь Грома, одного из воителей Митры, маг требует, чтобы тот обучил его прие мам, позволяющим вызывать божественный огонь. Девушку Майорк спрятал в блуждающем городе, где собрано множество покорных его воле людей; со временем их энергия перейдет к колдуну, превратившись в пламенные стрелы и копья, сокрушающие горы.

Миновав ворота зачарованного города, люди меняют облик; они становятся в точности такими, каковы их души. Человек изнеженный и робкий может обратиться женщиной; храбрая девушка с твердым нравом - стать воином-мужчиной. Но, кем бы не сделались пришедшие в город странники, обратный путь им заказан: обитающие на холмах чудовищные твари, создания Майорка, никого не выпускают за городскую черту. На пленницу, дочь Грома, наложено дополнительное заклятье - она знает, что, попытавшись вернуть свободу, превратится в нечто жуткое, в ночного вампира, которому нет места среди людей.

Но вот в город пленных душ случайно забредает Конан, сбившийся с дороги, что ведет в туранский город Замбулу...

На русском языке публикуется впервые.

САГА О КОНАНЕ

В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

1. КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТИХИИ
2. КОНАН И БОГИ ТЬМЫ
3. КОНАН И МЕЧ КОЛДУНА
4. КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ
5. КОНАН И ПОВЕЛИТЕЛИ ПЕЩЕР
6. КОНАН И ПЕСНЯ СНЕГОВ
7. КОНАН И НЕБЕСНАЯ СЕКИРА
8. КОНАН НА ДОРОГЕ КОРОЛЕЙ
9. КОНАН ПРИНИМАЕТ БОЙ
10. КОНАН И КАРУСЕЛЬ БОГОВ
11. КОНАН И ДАР МИТРЫ
12. КОНАН И НОЧНЫЕ КЛИНКИ
13. КОНАН И ГРОТ ДАЙОМЫ
14. КОНАН И ЗЕРКАЛО ГРЯДУЩЕГО*
15. КОНАН И ВРЕМЯ ЖАЛЯЩИХ СТРЕЛ
16. КОНАН И ПСЫ ВОЙНЫ
17. КОНАН И ТАЛИСМАН ЗЛА
18. КОНАН И БИЧ НЕРГАЛА
19. КОНАН И ГОРОД ПЛЕННЫХ ДУШ
20. КОНАН И ИСТОЧНИК СУДЕБ

*Данная нумерация томов отличается от опубликованной ранее (см. «Конан и Ночные Клинки»), поскольку объем романов, входящих в тетралогия «Скрижаль Изгоев» не позволил объединить их в два тома, как планировалось прежде.

“ТРОЛЛЬ” И “СЕВЕРО-ЗАПАД”

В СЕРИИ

“МЕЧ И ЛОСОХ”

ПРЕДСТАВЛЯЮТ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

КЭРОЛАЙН ЧЭРРИ

УГАСАЮЩЕЕ СОЛНЦЕ

... Это сага о трех: *Стэне Дункане*, солдате галактической армии землян, *Ниуне* последнем воине звездных самураев *мри*, исконных врагов человечества и *Мелейн* — королеве-жрице их последней цитадели...

... Это сага о двух могущественных расах, сражающихся за господство во Вселенной, о беспощадной битве людей с загадочными созданиями, чья цивилизация напоминает пчелиный улей...

... Это сага о воинском искусстве и дипломатических победах, о заговорах и предательстве. И о мужестве троих, посмевших бросить вызов враждебным мирам Угасающего Солнца...

Блистательный фантастический триллер Кэролайн Чэрри рисует нам странный мир, похожий одновременно на арабский Восток и средневековую Японию. Он будоражит воображение и вызывает в памяти лучшие страницы прославленной «Дюны» **Фрэнка Херберта.**

